

НЕВА

5
2020

ВЫХОДИТ С АПРЕЛЯ 1955 ГОДА

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

- Владимир ШЕМШУЧЕНКО**
Стихи • 3
- Андрей НОВИКОВ**
Пряничный губернатор. *Роман* • 6
- Михаил СИНЕЛЬНИКОВ**
Стихи • 98
- Дмитрий ВОРОНИН**
На Берлин! *Рассказ* • 101
- Евгений ВИТЧЕНКО**
Стихи • 109
- Алексей ПАНОГРАФ**
Три бутылки. *Рассказ* • 113
- Изяслав КОТЛЯРОВ**
Стихи • 119
- Теодор ГАЛЬПЕРИН**
Траектория судьбы. *Рассказ* • 122
- Дмитрий ЛЕНСКИЙ**
Стихи • 132
- Салават КАДЫРОВ**
Стихи • 134

ВСЕЛЕННАЯ ДЕТСТВА

- Дмитрий БИРМАН**
Рассказы из детства • 136

ПАМЯТЬ ПОБЕДЫ

- Ирина СИЛЕЦКАЯ**
Помни имена детей своих. *Рассказ* • 152
- Людмила ТАБАКОВА**
Уходя, оставьте свет... *Рассказ* • 158

ПУБЛИЦИСТИКА

- Владимир ВАСИЛИК**
Осторожно! Власовщина • 162
- Сергей ДОМОРОЩЕНОВ**
В Архангельске на главных ролях — ленинградцы • 176

КРИТИКА И ЭССЕИСТИКА

- Татьяна АКУЛОВА-КОНЕЦКАЯ**
Имя победителя — Валентина Чудакова • 183

Ольга ГЛАЗУНОВА

Разведчики и предатели: *Об эссе «Коллекционный экземпляр» Иосифа Бродского* • 189

КРУГЛЫЙ СТОЛ

Распадется ли связь времен? *Участники:* М. Амузин, Д. Драгунский, С. Друговойко-Должанская, В. Елистратов, В. Калмыкова, В. Кантор, Б. Колоницкий, Е. Краснухина, Е. Крюкова, М. Кураев, В. Пугач, В. Рыбаков, О. Славникова, Е. Степанов, К. Фрумкин, М. Черняк, В. Шохина, И. Шумейко, Ю. Щербинина. *Материалы Круглого стола подготовили А. Мелихов и Н. Гранцева* • 205

ПЕТЕРБУРГСКИЙ КНИГОВИК

Искусство чтения. *Марианна Дударева.* Апофатический путь Валерия Дударева (о стихах последних лет). **Территория памяти.** *Константин Фролов.* «Онтология детства» В. Пелевина, прочитанная через Платона. **Рецензии.** *Станислав Айдинян.* Андрей Битов в раме «Портрета поздней империи». *Вера Харченко.* Будни продавца книг. *Дмитрий Артис.* Апокалипсис близок • 225

ПИЛИГРИМ

Архимандрит Августин (НИКИТИН)

Россия и Запад. *Об отношении Православной церкви к инославным вероисповеданиям. Часть 2* • 244

Издание журнала осуществляется при финансовой поддержке Министерства культуры и Федерального агентства по печати и массовой коммуникации.

Перепечатка материалов без разрешения редакции «Невы» запрещена. Электронную распечатку рукописей присылать на почтовый адрес журнала (191186, Санкт-Петербург, а/я 9).

Рукописи не возвращаются и не рецензируются.

Главный редактор
Наталья ГРАНЦЕВА

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Александр Мелихов (зам. главного редактора). **Игорь Сухих** (шеф-редактор гуманитарных проектов). **Ольга Малышкина** (шеф-редактор молодежных проектов). **Елена Зиновьева** (редактор-библиограф). **Наталья Ламонт** (редактор-координатор).

Дизайн обложки **А. Панкевича**
Макет **С. Булачевой**
Корректор **Е. Рогозина**
Верстка **Д. Зенченко**

Владимир ШЕМШУЧЕНКО

ВETERАН

1

Он был болен и знал, что умрет.
Положив мою книгу на полку,
Вдруг сказал: «Так нельзя про народ,
В писанине такой мало толку».

Я ему возражал, говорил,
Что традиции ставят препоны,
Что Мефодий забыт и Кирилл,
Что нет места в стихах для иконы.

«Замолчи! — оборвал он. — Шпана!
Что ты смыслишь! Поэзия — это...»
И закашлялся.

И тишина.

И оставил меня без ответа.

2

С ним можно было запросто молчать.
Он никогда не задавал вопросы,
Когда я рвал рубаху сгоряча,
Роняя на пол пепел папиросы.

Он не писал ни песен, ни стихов.
С ним жили шавки: Руфь и Недотрога.
За ним совсем не числилось грехов.
Он говорил, что почитает Бога.

Он вытащил меня из пьяной драки
И в спину подтолкнул: «Беги, убьют...»
Он умер тихо, но его собаки
Заснуть всему кварталу не дают.

Владимир Шемшученко родился в 1956 году в Караганде. Получил образование в Киевском политехническом, Норильском индустриальном и Московском литературном институтах. Работал в Заполярье, на Украине и в Казахстане. Прошел трудовой путь от ученика слесаря до руководителя предприятия. Член Союза писателей России, член Союза писателей Казахстана. Лауреат ряда литературных премий. Участник двенадцати антологий поэзии. Автор пятнадцати книг стихов. Живет в г. Всеволожске (Ленинградская область).

* * *

Наливаются яблоки, ветви пригнув до земли.
После долгих дождей в полный рост поднимаются травы.
Дядька в Киеве верит, что воду в Днестре москали
Отравили не корысти ради, а ради забавы.

Украинская полночь для дядьки — тиха и темна —
Лучше времени нет перепрыгивать польское сало...
А ко мне в полнолуние приходит Олесь Бузина,
И вселенской тоской от Обводного тянет канала.

Он садится за стол, и усмешкой коверкает рот,
И с пустого листа откровенья наотмашь читает...
Дядька в Киеве верит, тоску буряковую пьет
И из сердца (меня!) пятерней на паркет выжимает.

* * *

Не начавшись, закончилось лето —
Льют дожди день и ночь напролет.
Дистрофичной полоской рассвета
Перечеркнут вдали небосвод.
Не июль, а какая-то мука!
Я готов согласиться на снег!
Приплывала знакомая с... —
Голубейших кровей человек:
Ротик пухленький, злые ресницы,
Из глазенок вода в три ручья...
Предлагала валить за границу —
У нее там живут сыновья,
У нее там на съемной квартире
Днем с огнем не сыскать комара,
У нее дважды два — не четыре —
И за сорок — совсем не жара.
Укатила, назвав (меня!) — диким!
Не поспоришь — свое есть свое...
Я собрал ей в дорогу клубники,
Ведь улитки так любят ее!

* * *

На озерах ноябрь вяжет цепкие белые сети
На пугливых подранков и поздно окрепших птенцов.
Донага раздевает ольху разгулявшийся ветер,
А она лишь дрожит, закрывая руками лицо.

Надеваю пальто, не надеясь нисколько согреться, —
Темно-синяя грусть затопила с утра целый свет —
Перелетные птицы смогли на нее опереться...
Я за ними хотел... Оглянулся, а крыльев-то нет.

Эко я воспарил, что совсем не заметил пропажи,
Возомнил о себе, а цена-то гордыне — пятак,
Навязал узелков, да таких, что никто не развяжет.
А ведь мне говорили... Но я не поверил, дурак!

ПРЕДЗИМЬЕ

Опускается белое, белое
На дороги, деревья, дома...
Это облако переспелое
Надевает на город зима.

Верховодит со знанием дела —
В подворотни метет, во дворы...
А за городом осень несмело
Из собачьей глядит конуры.

Подзову и по шерсти поглажу —
С пегой осенью мне по пути,
А жена ей местечко покажет
От камина шагах в десяти.

Пью чаек из прадедовой кружки,
По наследству доставшейся мне...
Осень спит в уголке, на дерюжке,
И сопит, улыбаясь во сне.

* * *

Ночь у камина. Весна.
Что-то сегодня не спится.
Звездная колесница
Мчится в проеме окна.

На пол упал уголек
И потемнел, остывая.
Псина сторожевая
Вдруг заворчала у ног.

Тонкий ломается лед —
Кто-то под окнами ходит.
Что-нибудь произойдет
Или уже происходит...

Андрей НОВИКОВ

ПРЯНИЧНЫЙ ГУБЕРНАТОР

Роман

Любой уважающий себя летописец выбирает для создания исторического персонажа подходящий материал. Мне показался самым удобным обыкновенный хлебный мякиш. Даже незабвенный Ленин, сидя в «Крестах», хитро лепил чернильницы из хлебного мякиша, наливал в них молоко и писал тайные революционные письма соратникам. Да так увлекся, что и жену свою, Надежду Константиновну, из хлебного мякиша искусно вылепил. А почему бы и нет? Надувных барышень при царском режиме не делали. Надзиратель это безобразие заметил, но сделать ничего не успел. Ильич ловко чернильницу проглотил, а следом стал и Надежду Константиновну уплетать. Надзиратель говорит:

— Что вы делаете? Вы жену кушаете!

Ленин важно отвечает:

— Вы, кажется, ослепли. Это не Надежда Константиновна, а хлеб. И вот я его кушаю. Надзиратель посмотрел — действительно хлеб!

Долго другие заключенные над этим пищевым фактом хохотали и, взяв его на вооружение, до сих пор поделками из мякиша балуются. Конечно, с точки зрения искусствоведов — творчество спорное. Но яркое, доступное, наивное и жизнеутверждающее. Для моей задумки — прославить жизнь и политику губернатора, которого ласково и задушевно прозвали в народе «Петровичем», — материал вовсе идеальный, даже сакральный. Ибо хлеб, прошедший полный круг алхимических превращений, сотканный из всех стихий, является совершенным продуктом, отторгающим все нечистое. Он не подвержен воздействию злых областных сил; кремлевских интриг; на него нельзя навести порчу; из хлебного мякиша местные политические оппоненты не смогут создать магическую куклу, как делают из глины или воска черные маги. Да и сам процесс лепки — занятие кропотливое, сродни работе со словом, а хлебный мякиш — материал душевно теплый, именно такой, каким я вижу своего героя-губернатора. Мякиш дает простор фантазии, да и любой известный ваятель, даже со званием «народный», прежде чем

Андрей Вячеславович Новиков родился в 1961 году в с. Алабузино Бежецкого района Калининской области. Окончил Литературный институт им. А. М. Горького (семинар В. Кострова). Работал корреспондентом, ответственным секретарем в газетах «Липецкие известия», «Липецкая газета», «Провинциальный репортер», специальным корреспондентом РИА «Новости» по Липецкой области, главным редактором газеты «Город лип». Публиковался в журналах «Подъем», «Студенческий меридиан», «Литературная учеба», «Дружба», «Молодая гвардия», «Литературная Киргизия», «Сибирь», «Южное сияние», «Берега», «Сибирские огни», «Сура», «Север», «Симбирскъ», «Столица», «Белая скала», «Таврия литературная», «Балтика», «Байкал», «Крым», «Приокские зори», «Зинзивер», «Метаморфозы». Автор пяти книг. Живет в Липецке.

дать своему герою забронзоветь, лепит его из простого, доступного материала. А можно и вовсе превратить мякишевого героя в пряничного. А краски использовать съедобные, пищевые. Наша власть тоже в каком-то смысле пряничная, наполненная многими сказочными героями и смыслами. Пряник от слова пряность: в состав пряников входят корица, мускатный орех, кардамон, гвоздика, имбирь, ваниль и, конечно, мед. Поэтому пряники получаются такими ароматными и аппетитными. Понятно, что пряничный губернатор всегда желаннее народу, чем настоящий. Можно не только им любоваться, но и всегда с аппетитом съесть. И вкусней будет, чем ленинская чернильница из мякиша.

Итак, размял я нарезной батон до состояния мякиша, смешал его с медом, и только туловище потолще вылепил, ручки с ножками, голову побашковитей, как прознали невесть откуда доброжелатели о моей благой затее. Подойдут тихо, в затылок дышат, высматривают и молчат как партизаны. А как только я наполеоновскую шляпу и кушак герою своему присобачил, так пряничного губернатора у меня и свистнули. А кто и что ему потом долепливал, я не знаю и за это не отвечаю.

Живет такой парень!

Был на примете у коммунистов хороший парень. Все его по простоте Петровичем звали. Служил при тогдашнем губернаторе ХавроLINE... Ихтиандром. Привезет, бывало, Хавролин своего верного Петровича ночью в село Преображенковка, на стоячую речку Смородинку и сурово велит прыгнуть в реку, чтобы рыбу руками ловить.

Тяжела же была доля Петровича! Ибо вода в Смородинке от красной глиняной взвеси мутная, аки кисель. Потому реку Смородинкой и прозвали. В ней не то что рыбу, собственного носа не видно.

Возвращались они как-то с рыбалки, понятно, на служебном «мерседесе», но напрямки через лес. Так Хавролин бензин до города экономил. На полпути сделал вдруг Хавролин Петровичу в глаза «два пусто», и малый наш от неожиданности из машины на ходу-то вывалился. Чудом успел за трубу глушителя ухватиться. Прочная труба, настоящая пацанская, из нержавейки! Мчится Хавролин по лесным делянкам, буйной головой Петрович о березовые пеньки бьется, но за трубу крепко держится. Свернул тогда Хавролин на большую дорогу да погнал по асфальту, аж спидометр зашкалило. Но держится Петрович молодцом! И не потому, что пузо у него скользкое, а потому, что к пупку маленькое колесико пришито. Колесико ему еще в роддоме акушер пришил, когда пуповину завязывал. Сразу понял, что малец далеко по жизни поедет. Испугался акушер, но зубы стиснул, только колесико от железной кровати отвинтил и по голосу свыше куда нужно пришил. Этому акушеру потом у роддома памятник поставили гипсовый, с бронзовым колесиком в руках.

Губернатор и попугай

Как известно, кадры решают все. Не везло Петровичу с замами, то бишь вице-губернаторами. То льстец попадетса бестолковый, то казнокрад, а то просто — дурак. Попробуй подбери хоть одного, а их по штату семь штук положено. Думал, думал и решил назначить на ответственную должность... попугая. Попугай всегда правду говорит и взятку не берет. Разве что просом да грецкими орехами.

Но как без лишнего внимания попугая на работу в обладминистрацию оформишь? Даже карточки пенсионного страхования у него нет, не говоря уже о паспорте. Да и гражданства тоже нет, даже вида на жительство. А за это попугайского работодателя миграционная служба вправе на крупный штраф насадить. Но выход Петрович нашел. Нарядил попугая своим первым замом — Тихонычем и прямо на письменный

стол в клетке посадил, аккуратно между чернильницей и пресс-папье. Петрович любил на работе гусиным пером документы подписывать из торжественности момента и основательности почерка.

А какой умный оказался попугай, страсть! Устав области и Административный кодекс знал, как «Отче наш»! И что слов ведал только триста, не большая беда. Большому чину и необязательно много говорить, лишь бы по существу. По существу как раз попугай хорошо говорил, то есть всех далеко посылал. Проскакивали, конечно, нехорошие словечки. Но согласитесь, у какого начальника они с языка не срываются. Вообще, попугай все надежды Петровича оправдал, и областной казне такой помощник обошелся почти задаром. Нашлись, конечно, и в рядах администрации вредные чиновники, вечно сующие свой нос куда не надо. Посмотрят, бывало, на попугая и спрашивают ехидно Петровича:

— А что это Тихоныч таким мелким стал и пух с пером из него во все стороны, как из подушки, летит?

— Так он ведь старенький уже, по возрасту давно пенсионер, усох Тихоныч за свою многотрудную жизнь, вконец утоптался, одна башковитость в нем и осталась, — резонно отвечает любопытным губернатор.

И сам Тихоныч такой переменной в жизни доволен остался. По курортам да санаториям отдыхает себе, а зарплата идет. Тимуровцы Тихоныча не забывают, пока он в разъездах, воды принесут, дров заготовят. Рай, да и только.

Губернатор и шерстяной нос

Вот и стал с тех пор Петрович нашей областью править, умножая с каждым годом народное благосостояние. Но одновременно с бурным ростом губернаторской благодати стали с Петровичем происходить странные физиологические изменения. Теперь он много и часто говорил, не понимая смысла того, что говорит, а голова его по форме стала напоминать мандолину. К тому же на носу Петровича стали бурно и прямо расти толстые черные волосы. Не памятный ли зюгановский поцелуй был в том виноват?

Вначале супруга Петровича этому явлению сильно обрадовалась. Даже с носа мужа шерсти настригла. Сперва всей семье на носки и варежки, потом на шапочки и свитера. Одно время она даже малое предприятие открыла — «Липецкнос». Петрович обеспечил благоверной кредит из областной казны на развитие малого бизнеса и солидные налоговые льготы. Все поначалу шло отлично. Шерстяной нос Петровича давал хорошую прибавку к скромной губернаторской зарплате.

Дальше чудеса пошли с нарастающей силой. У одного вице-губернатора рога выросли, а у другого — копыта. Этим уникамам Петрович любил поручать административные советы. Хорошо они чиновников созывали. Кликнет губернатор, и минуты не пройдет, как один в коридоре по дубовому паркету копытами бьет, другой двери кабинетов рогами мозжит. Глядишь, административный совет с испугу заседать начинает.

Все шло чинно и гладко, да вдруг взбеленился полпред президента и дал Петровичу зоркий офтальмологический намек:

— Мы за тобой, Петрович, в четыре глаза следим!

Глянул Петрович на полпреда и просто обомлел. И точно — на мраморном лбу крупного чиновника сияли, как прожектора, еще два глаза. А всего их и вправду было четыре, но все разные. Стало быть, не обманул. Потрясло это Петровича, сильно потрясло и до сих пор потряхивает внезапно и мелко. Петрович замам рога и копыта поотшибал, а нос теперь каждый день бреет. Да так его скоблит по утрам, что и под лупой драгоценную прежде шерсть не разглядишь.

Петрович и братки

Как только Петровича в губернаторы выбрали, к нему сразу местные братки ввалились, ботву разводить. А губернатор серьезный разговор с шутки начал, можно сказать лирично, но по существу:

— Не ходи, браток, во власть, власть сама умеет красть.

Братки сразу все поняли, нервничать перестали, и остались у них только просьбы и чаяния.

Неведомо о чем они договорились, да только город теперь даже глубокой ночью стал опрятным и безопасным. А центр города — вовсе стерилен, то бишь свободен от разного рода упырей и отморозков.

— Кто навел такой образцовый порядок? — любит пенять своим чиновникам Петрович, — Уж точно, что не милиция. Помните, как в кошмарные, девяностые на всех перекрестках менты в бронжилетах с «калашами» стояли, словно на блокпостах оккупанты какие? А теперь их вовсе не видно, как в странах гнилого капитализма, а на улицах тишина и полный порядок.

— А откуда этот порядок возник? — властно продолжает поучать губернатор начальника УВД, — Да потому что только моими стараниями город и область на административной сходке наконец по уму разделили авторитеты — смотрящие. И мы, волки, теперь сыты, и братки целы. Бюджет области отныне не пустует, и воровской общак дебит с кредитом сводит.

И прав губернатор! Это тупые европейцы да противные америкосы измышления о русской преступности раздувают. Разве наши авторитеты о тишине-порядке не заботятся? Разве они теперь вне закона? Да они давно «в законе». Недаром у нас говорят, о каком-либо братке, дескать, это он раньше бандитом был, а теперь от нехороших дел отошел, стал легальным бизнесменом, добропорядочным членом общества! Даже налоги платит и деток за границей обучает хорошим манерам. Очень любят нынче бывшие братки милосердием заниматься. Слезы от умиления сами по себе текут, когда безусому дьячку из Богом забытого храма добрые братки-прихожане новый «лексус» дарят, теремок трехэтажный строят во спасение своей души. Словом, запросто любые вопросы у нас легальные авторитеты решить могут. И граждане это поняли, чуть непонятки какие или бизнес не поделили, долги возвращать надо — сразу бегут к браткам за советом и помощью.

Стало быть, именно при Петровиче произошло новое разделение властей, а милицейские да прокурорские тяготы надзора и наказания перешли отныне к мудрым и отзывчивым браткам.

И заметьте, за большими кусками они не гоняются. Им это и не нужно для правильного пищеварения. Куски они мелкие глотают, но очень часто. Большими кусками у нас нынче только областная власть питается.

Виноватое лицо

Требовал Петрович, чтобы его подчиненные исключительно с виноватыми лицами службу отправляли и перед прочими людьми ходили. И дело не в том, что дела и наказания губернаторские исполнять у них не получалось или к административной работе они были не годны. Петрович точно знал, что, живя среди чиновников, любой из них всегда сталкивается с материальными интересами других, которые подчас противоречат его собственным. Казалось бы, самый простой способ решения проблемы — делиться и договариваться. Но иногда договориться невозможно, например, не хочет одна из сторон. Кто-то чувствует себя правым, кто-то не в силах совладать с областными эмо-

циями, кто-то считает свою рубашку ближе к телу. Да к тому же умение договариваться — целое искусство, им не так просто овладеть. Оно дано лишь Петровичу. И потому губернатор изобрел способ работы со своими чиновниками — нещадно манипулировать.

Петрович понял, что самый распространенный тип манипуляции связан с чувствами долга и вины. Этот способ губернатор считал «родительским», поскольку он чаще всего используется родителями по отношению к детям. А ведь верно, чиновники у губернатора что дети шкодливые и малые. А губернатор что отец строгий и родной. Только он волен наказывать, прощать, оценивать наши поступки. И если мы делаем что-то не так, как он считает правильным, родитель заставляет нас чувствовать себя виноватыми. Стало быть, мы должны исправить свои ошибки. Смекнул Петрович, что такое восприятие родителей преследует областного чиновника всю взрослую жизнь, до пенсии. Если кто удивится, почему у наших чиновников вечно виноватые физиономии, то воздайте должное мудрости нашего губернатора, его прозорливости. И чиновники не внакладе, крадут все подряд, а как иначе, коли губернатор их заранее в виноватые определил!

Губернатор и народные приметы

Чтобы как-то систематизировать хаос происходящих в области политических и экономических событий, придумать, как сделать окружающий граждан мир понятным, решил Петрович создать свою систему объяснений и предсказаний.

Но одно дело — доходчиво народу объяснить происходящее, другое — мудро предвидеть то, что может случиться в будущем. Следовательно, существующей власти надобно к грядущему успеть подготовиться и обывателя подготовить. Вот и задумал Петрович обратиться к своего рода гражданским наблюдениям, так сказать, народным приметам. А они бытуют вне времени, переходят от одного нетрезвого общественно-го сказителя к другому, фривольно гуляют по городам и весям. Губернатор, изучая народные приметы, часто ходил неузнанным по улицам, переулкам и тупикам. Остановит, бывало, властно с окриком «Ша!» бабу или мужика какого, сигаретку стрельнуть или на пиво два рубля добавить, парой слов перекинется, а сам после в блокнот записывает самое пронзительное и ценное из народного опыта. Например: «Если чешется левая рука — к взятке, если нос — к госзаказу, если и то и другое — к госзаказу на хляву». Или: «Хочешь почувствовать себя губернатором — сядь на Конституцию», «Пришел с просьбой в администрацию — спасибо, ушел — большое спасибо...», «Жизнь чиновнику дается один раз, и в основном случайно», «По факту исчезновения губернатора возбуждено... два олигарха», «Бизнесмен, забитый молотком в налоги, держится крепче, чем фермер, закрученный отверткой», «Существует всего три причины неявки на выборы: забыл, запил или забил», «И чиновники сыты, и бизнесмены целы, и народу вечная память», «Не так страшна административная машина, как ее экипаж», «Губернатор всегда бесконечно уважает чудовищный выбор жителей его области», «В области все идет хорошо, только мимо...», «Олигарх не воробей: залетит — не прокормишь», «У народа главные полушария защищены черепом, у губернатора — штанами», «Если голова у губернатора болит, значит, она есть...», «Ходить на работу в администрацию — к деньгам», «Если губернатор вас обманывает, значит, вы ему не безразличны».

Очень здорово эта система народных примет помогла Петровичу со многими делами разобраться, а для населения стала бесстрашной Книгой судьбы.

Губернатор и парадный подъезд

Нераздельность губернаторской силы в нашей области выражается в величественном, но типовом здании администрации. Никакие соображения и расчеты не могут оста-

новить стремление чиновников жертвовать всеми материальными ресурсами для украшения того, что так дорого и свято власти. А все потому, что только кабинет высококого чиновника является памятником сугубо общественным и каждый имеет побуждение оставить по себе такой памятник, не стесняясь в квадратных метрах, персидских коврах, ореховой мебели и дорогом евроремонте.

Встречает этот административный памятник величественным парадным крыльцом в стиле ампир. Здесь всегда тихо. Это потому, что губернатор, чуткий и внимательный к народным проблемам и чаяниям, предпочитает держать народ на почтительном расстоянии от власти. Народу же на пользу, ведь привычка к рабскому низкопоклонству граждан его всегда ужасает. Он презирает «холопов души», а потому вынужден принимать их унижение и низкопоклонство как должное и неизбежное, можно сказать — фатальное. Ему понятно, что поклоняются они его чину, богатству, а не достоинству и уму.

Соорудили в парадном подъезде лестницу из полированных гранитных плит, и народ сразу потешно кувыркаться со ступенек стал, ломая руки, ноги и шеи. Летом на ступенях скользко от дождя, зимой от наледи. Смотрит Петрович на кувырканья просителей из окна кабинета и видит в том символический смысл, вселенское зло, библейские ассоциации, мотивы высшего суда над суетливыми жалобщиками. А тут еще премьер-министр в наш город засобирался. Призадумался губернатор: вдруг сердешный премьер тоже с красного крыльца, поскользнувшись, полетит да оливковой, царственной лысиной о мостовую насмерть ударится? Скандал будет на всю Россию, да еще и в терроризме обвинят! Стало быть, надо срочно дать распоряжение, чтобы дорогие ступени выщербить. Всю ночь чиновники гранитные плиты стамесками ковыряют, молотками стучат, подошвами шаркают, проверяя, не скользко ли теперь? И одолевает Петровича хандра.

Петрович и ходоки

Просителей губернатор принимал только по старой ленинской традиции — быть простым и доступным народу. Беседу с ходоками, если она ни к чему не обязывает, считал самым лучшим упражнением для ума. А ум Петрович тщательно берег, иначе бы давно опошлится от общения с существами низкими и ущербными, коими являются не только просители, но и чиновники. Не успеет ходок-проситель шаг в приемную сделать, как Петрович сам ему жаловаться начинает на трудности жизни и коварство федерального центра, жадность его циничную и вечную дотационную мелочность. А секретарша от бумаг голову оторвет и укоризненно на просителя поглядывает, дескать, пришли утомленного государственными делами человека беспокоить по пустякам, время драгоценное отнимать.

Ходоков Петрович прекрасно понимал, ибо жизнь в области плоха, а иногда и хуже некуда. Но только он догадывался, что в этом и есть основной вопрос областной диалектики, можно сказать, ее подлый и натуральный генезис. Поскольку жизнь самого губернатора и его щедро окормляемых являла постоянный административный обман. Сама областная жизнь — базис. Административный обман — надстройка. И все из-за того, что на самом деле нет в нашей области хороших просителей, а есть только надежные и благодарные получатели.

Но что ни говори, а хорошо, когда для тебя люди-просители. Слушает Петрович, а сам на себя в зеркало посмотрит и скажет:

— А не хотите ли чайку с лимоном с дальней дороги попить?

Тут уж и вовсе от губернаторской душевности проситель теряется. Дрожит в его руке стакан в подстаканнике мелкой стеклянной дрожью, а другая рука сама жалобу мнет

и стыдливо в карман прячет. И уж будто не чай он пьет, а кирпич глотает. Прямо в душу просителю губернатор смотрит и сразу на чистую воду выводит.

Губернатор и серый кардинал

Всегда есть в администрации некто, чьи губы ближе всего к губернаторскому уху, а рука с нужным документом ближе других. Такое ощущение, что этот загадочный человек всегда у него сидит под столом или в сейфе ночует. Без его флюидов, симпатии и одобрения редкий проситель дойдет до кабинета губернатора и дверь тихо приоткроет, трясаясь на полусогнутых. Просто фантом какой-то. Имя призрака — серый кардинал. Каждое появление серого кардинала на публике вызывает уйму вопросов, домыслов и слухов. Многие считали таким серым кардиналом бывшую комсомольскую подругу Петровича — Дуракову. Однако все это — враки. Женский пол губернатор никогда не слушал, а белокурую, большебюстную Дуракову пристроил в администрацию ради административного равенства полов и плотских взоров чиновничьей братии.

У серого кардинала всегда есть мелкие недруги и завистники, каждый подло хочет занять его теплое место. Однако истребить можно конкретного человека, но не вечную административную функцию. На место павшего героя тайных дел и советов неизбежно встает новый наушник, как мифическая птица Феникс из пепла.

Долго ломал голову губернатор над этой политической загадкой, и решил Петрович, что будет лучше взять процесс на контроль да серых кардиналов потихоньку начать клонировать.

Ах, как бы было хорошо, если бы клонированный серый кардинал был покладистым и тупым, как начальник финансового управления, слепым и аморфным, как начальник налоговой инспекции, глухим и писклявым, как прокурор области, глупым и безыскусным, как начальник управления культуры, жадным и жестоким, как начальник соцобеспечения, свирепым и злым, как начальник по экономике, и таким же привлекательным, безотказным, как круглозаядая Дуракова. А если что не так — укол в голову. Авось на следующий биоматериал сгодятся.

Закипели пробирки в кабинете губернатора, засновали странные люди в масках и белых халатах. От пола до потолка все клетками да инкубаторами уставили. Не все сразу получалось. Вначале по коридорам франкенштейны какие-то ходили и на части разваливались. То нога на ковре лежит, то рука, а то и голова обезображенная. Или того хуже, идет вроде навстречу человек, а вроде пол-овцы.

Каков был на самом деле конечный результат, до сих пор неясно. Губернатору невыгодно в этом признаваться, аполитично и чреватое с медицинской точки зрения. Но из Госдумы коммунисты приезжали вкрадчиво справки наводить, дескать, если у вас все удачно прошло, помогите Ленина клонировать, великую идею снова в мясо и кости превратить, оживить, закартавить и весь мир насилия до основания снова разрушить. Но Петрович даже на такую уловку не попался. Так и заявил обескураженным ленинцам:

— Нет у меня, удачно клонированного серого кардинала и не было никогда. А что лаборатория работает, дым идет и ученые как угорелые взад и вперед снуют, так то философский камень ищем, золотовалютный резерв страны задарма восполнять, без всякой торговли невозполнимыми углеводородами и прочими природными ресурсами.

Губернатор и римское право

Очень уважал губернатор исторический опыт. Считал, что все мы сидим на плечах великих предков, потому и дальше видим, даже в солнечных очках. Петрович точно знал, что сам он на закорках у Цезаря неплохо устроился, что правильно право и власть понимает. Отсюда и здравые выводы делал: все, что принадлежало каждому жителю об-

ласти, принадлежало Петровичу. Да и каждый местный индивидуум с потрохами принадлежал губернатору.

Конечно, Петрович понимал, что его подданные тоже в некотором смысле люди. Это чтобы каждый знал и помнил: хочешь жить хорошо — будь преданным губернатору. И постоянно совершенствовал право собственности путем рейдерских захватов.

Конечно, римское право отрицательно влияло на психологию Петровича, провоцируя жестокость, презрение к труду, алчность, отложенную месть и судороги в падучей. Часто каждого десятого нерадивого представителя малого бизнеса он публично подвергал децимации. Радивых же бизнесменов лично кормил капустой, считая, что только этот овощ воспитывает экономическую отвагу и кредитную безрассудность.

На выборы практиковалась раздача народу печатных пряников и нефильТРованного пива. Когда он прилюдно клялся, что полностью газифицирует всю область, то, как знаменитый Сцевола, смело возложил правую руку на газовую горелку и терпеливо сносил боль, пока аппетитно не запахло жареным мясом, а народ в ужасе не разбежался.

Однажды он явился на Госсовет в пурпурной тоге, но другие губернаторы почему-то не поняли Петровича и выставили за дверь, дескать, сауна у нас в подвале находится.

На торжественных обедах Петрович не сидел, а возлежал в центре стола, часто вытирая жирные руки о лысину услужливого пресс-секретаря. Это был особый знак губернаторского доверия, немногие удаивались такой чести. Пищу, как и древние римляне, Петрович опрыскивал туалетной водой «Олд спайс», считая простой вкус блюда вульгарным и обыденным. Чтобы освободить переполненный желудок для дальнейшего чревоугодия, чиновники щекотали друг другу глотки павлиньими перьями, а когда все павлины в нашем зоопарке остались без хвостов, то в дело пошли пучки сухого чертополоха.

Однако на административных пирах строго соблюдалась умеренность в возлияниях, и было принято разбавлять крепкий первач лебедянскими соками. Из римского права пришла и традиция проводить политические и экономические дискуссии в большом общественном туалете администрации. Решать, так сказать, сложные вопросы в неприужденной обстановке, на унитазах из каррарского мрамора.

Особенно любил губернатор триумфальный въезд в город после очередной сельскохозяйственной победы. На запятках, как обычно, стоял министр сельского хозяйства и холуйски держал над головой триумфатора венок из свежей картофельной ботвы. К колеснице были золотой цепью прикованы проштрафившиеся в битве за урожай главы районных администраций, проворовавшие директора совхозов, гастарбайтеры-молдаване, а поодаль, в полном соответствии со славными традициями римского права, за колесницей трусцой бежал назначенный законодательным собранием оппонент — исполняя о Петровиче сатирические куплеты и всячески понося триумфатора. Более удачный плюрализм трудно себе представить.

Петрович и вопросы морали

Признаемся честно, что развитие нашей области, а уж управление ею и подавно всегда сопровождалось критикой отдельными сволочными оппонентами губернатора. И хоть поставь каждому из них по монументу, все равно критиковать будут, во всем никому не нужную мораль искать. Однако Петрович справедливо считал людьми экзотическими и вредными не тех, кто излишне морализирует или мораль вовсе отрицает, а тех, кто ее признает абсолютной. Да и как иначе: коли существуют противоречия между областным правом и областной же моралью, неизбежна и суровая реальность — переходящая по наследству от губернатора к губернатору власть, а значит, обеспечен прогресс всего позитивного и прогрессивного.

Чтобы уместить областную мораль в шаткое прокрустово ложе областного права, Петровичу пришлось сильно ее укоротить, умять, утрясти и усушить. А разумное укорочение морали во благо всей области сродни действию добродетельному и поступательному. А ежели ее можно укорачивать, значит, мораль подвижна и меняется вместе с обществом. Тут целесообразность — фундаментальная вещь. Кто запретит прокурору отдавать преступников в наш зоопарк, на растерзание диким зверям? И преступников нет, и звери хорошо питаются. Кто запретит Дураковой поджечь главный город области? Сколько места для новостроек освободится. Земелька в городе под строительство дорогая, стало быть, казне будет большой доход, да и чиновники на этом полакомятся. Так размышлял Петрович, стоя вечером у окна своего кабинета. Он видел, как постепенно загораются городские окраины и пляшет по реке большой огонь. К счастью, пока это были лишь обычные городские огни.

Феномен власти Петровича

Чуял Петрович, что он перестанет быть губернатором только после того, как получит известие о собственной скоропостижной смерти, может быть, даже в страшных судорогах. Как так? Да так, и такому странному явлению есть поучительный пример: послал губернатор одного налогового в заграничную командировку на годичное обучение — опыт цивилизованный мытарский перенимать. Уехал чиновник совершенно счастливый, а жена его, во время мужниного отсутствия, ребенка здорового родила, правда очень черного. Стало быть, возникает законный вопрос: как она могла родить ребенка, ежели благоверный отсутствовал и участия в детородном предприятии не принимал? Более того, живым из заграницы так и не вернулся. Напился после защиты иностранного диплома, можно сказать, с горя — домой, вишь ли, страшно не хотелось ему возвращаться, оттого и помер от огорчения прямо за столом в ресторане, объевшись каракатиц да виски халявного опившись. Несчастливая жена получила скорбную телеграмму и стала вдовой с лялькой на руках. А если бы она не получила этой телеграммы? Она бы так и не узнала, что стала вдовой, и продолжала оставаться женой налогового, в то время как мужа давно нет в живых! Выходит, действительно вдовой она может стать только в момент получения известия о смерти мужа. И не иначе.

Так как же может губернатор перестать быть губернатором, если он жив и телеграммы о своей отставке или смерти не получал? Кто скажет здравствующему Петровичу, что он уже усоп или должность потерял? Конечно, губернатор более сложный областной феномен, чем объевшийся каракатиц и опившийся виски несчастный налоговый и его продувная, веселая вдова. Их бытие социально, а бытие Петровича определяет момент власти — управление и право на это управление. С первым понятно, управляет Петрович всем и вся будь здоров!

А вот с правом большая накладка вышла. Злые языки в нашей области, безрассудно называющие себя оппозиционерами, часто толкуют право ею управлять как общественный договор. Дескать, Петровича на второй срок губернаторствовать президент назначил, а жители области так не договаривались ни с президентом, ни с Петровичем.

Однако сие еще больше свидетельствует, что живой губернатор не может получить известие о собственной смерти и отставке. Ведь не было никакого уговора! Вот и сидит у власти Петрович много лет, в ус не дует, на собственные политические и прочие похороны деньги не откладывает, смертное в сундуке под кроватью не держит, домовину сандаловую гробовщику впрок не заказывает.

Есть, правда, третий момент власти — обязанности. Но коли второй, то бишь общественный договор на отправление власти отсутствует, то какие обязанности могут

быть? С него и взятки гладки. Даже президент обязанности выполнять не заставит, пока сам Петрович этого не захочет. Придут, бывало, к Петровичу ходоки от мелких политических партий, странный вопрос задают:

— Ты что тут, Петрович, в кресле сидишь да нами управляешь, мы так не договаривались!

А губернатор усмехается:

— Хватит не по делу бухтеть, будто не знаете, что культура наша политическая еще не до конца развита — тяжелое наследие социализма, стало быть, архаичная. А потому велика и всеобъемлюща у нас роль вождя племени. И республика у нас оттого президентская, а не парламентская. Сказал же вам ясно президент: парламентская республика для нашей страны — сущая смерть! Стало быть, власть моя важная, символическая и сакральная. Местами — божественная. Я в глазах жителей области должен почти магическими способностями обладать: лечить на расстоянии, тучи разгонять, засуху и наводнения предотвращать, помечать своим мускусом новые экономические территории да по возможности покрывать как можно больше здоровых самок, честно выполняя нацпроект по демографическому росту населения.

— А как же символическое съедение вождя? — с надеждой в голосе обронили потерявшиеся политические оппоненты-ходоки. — По древнему скифскому обычаю ритуально съедают тело старого вождя, чтобы вместе с ним навсегда оставить в прошлом недород, пожары, необоснованные репрессии, падение цен на пеньку на мировых рынках и прочие неприятности. Мы дрова уже давно припасли и приправы душистые импортные, место для кострища удачно выбрали.

— Дудки, — ласково сказал им губернатор, — меня теперь только Верховный вождь может съесть, и то по протоколу, а он у нас вегетарианец по фамилии, если, конечно, не шатун.

Однако знал Петрович, что нельзя требовать от народа абсолютной лояльности и приятия его губернаторской власти. Только глупцы оппозиционеры негодуют и сердятся оттого, что надеются на неизбежные, в их понимании, перемены после отставки губернатора. Петрович на самом деле догадывался, что нельзя полагаться на свое губернаторское могущество: сильные гибнут прежде всего. Нельзя полагаться на нажитые во власти деньги: проходит время, и они растратятся в детях, внуках, племянниках и кумовьях. Нельзя полагаться на повиновение клеветов и слуг: их перекупят, они рано или поздно послушаются, неизбежно обворуют, сбегут, а то и подло ударят в спину. Нельзя добиваться однозначного расположения столичных чиновников: оно очень изменчиво и призрачно. Нельзя добиваться благосклонности президента: между милостью и казнью порой не бывает паузы. И уж тем более нельзя полагаться на собственные обещания: в них нет правды. Губернатор — душа власти в области. А власть не имеет пределов. Так почему же должны быть отличны от нее свойства человека? Когда ты великодушен, стоишь выше радости, выше печали, то и люди тебе не причиняют вреда, а живут только для губернаторской пользы.

Губернатор и коррупция

К взяткам в нашей области подходят тактично и прагматично, как в любом примитивном, в хорошем, народном смысле, обществе. Да и почему в нашем административном слое не может быть места такому традиционному обряду, как солидная взятка? Не так давно это блестяще подтвердил громкий судебный процесс. Глава одного из наших славных районов попался с поличным. Губернатор похлопотал за друга, и взяточнику дали условный срок. А все почему? Да по причине сохранения культурного слоя, из ува-

жения к его насущным традициям. На суде чиновник клялся и божился, что деньги взял с коммерсанта за разрешение на строительство торгового центра, не себе в карман, а на дело благое — строительство церкви. И местный батюшка, отец его духовный, на сей процесс пришел прямо в рясе бородой трясти, мужей судейских стыдить и увещевать ради спасения своего доброго чиновника-прихожанина.

Но суть даже не в том. У нас четыре официальных конфессии мирно сосуществуют и официально утверждены в правах своих. Стало быть, этот чиновник может еще не раз лапу для взятки раскрыть, скажем, на строительство мечети, синагоги или буддийской ступы. Однако этот случай, как считает наш губернатор, вовсе не характерен для всей области, поскольку не выходит за пределы традиционной этнографии с ее обрядами и ритуалами. Больше всего Петровичу нравится определение взятки как некоего «самопроизвольного вознаграждения». Разве коррупцию с таким определением победишь?

Кроме того, между чиновниками нашей области бытуют весьма отстраненные отношения, недоверие на почве интересов карьеры, зависть у кассы, где они получают зарплату, разная степень блага и привилегий. Так постепенно складывается замкнутый круг отчуждения и отчаяния. Рутинна на службе, рутинна в досуге, тяжкое бремя нужды или очень скромного достатка. Стало быть, как резонно размышляет губернатор, борьба с взятками может привести к массовым самоубийствам как чиновников, так, из солидарности, и ходатаев. Но мы ведь не в средневековой Японии живем, где самоубийство считалось подвигом! И в столице сие хорошо понимают, недаром такой уведомительный закон о коррупции приняли. Чиновник якобы сам себя от взятки одернуть должен, не ведая, что творит рука берущая и рука одергивающая, а не в тюрьму садиться. И правильно, вдруг взятку взять не успел, а уже судят, непонятно за что.

О подарках начальству теперь надобно честно докладывать, а покрупней дары — самому у себя выкупать, в виде публичной оферты. Стало быть, брать взятку сразу в тройном размере, на подарок, аукцион и на выкуп подарка. А прежде всего на себя губернатору честно донести, о меркантильных намерениях, да на бедных своих родственников донос написать, путем подачи декларации о доходах и недвижимости всех домочадцев. И кто скажет после этого, что чиновники у нас бессовестные и не законопослушные? К Петровичу, как закон справедливый вышел, сразу подчиненные в очередь на прием выстроились с доносами на самих себя, коллег и домочадцев. Целые романы со страху настрочили, многие иллюстрации пикантные вклеили, прямо с камер скрытого видеонаблюдения. Скалькулировал Петрович их незаконные доходы и сказал радостно:

— Ваши незаконные доходы больше бюджета области будут, и если мы их задекларируем, в один миг ВВП удвоим и утроим раньше срока, намеченного правительством. Ведь кризис взяткам не помеха, они только растут в период кризиса.

Вот какую стратегическую и экономическую пользу в нашей области коррупция обрела. Лелеять, возвращать и уважать ее народу без конца требуется, впредь на подарочные подношения чиновникам не скупиться.

Губернатор и цензура

Смешно в нашей области жить без цензуры. Ибо она понятие скорее геометрическое, нежели политическое, некий вопрос строгих и обязательных духовных пропорций. Запретить цензуру — значит запретить хороший литературный вкус Петровича. Да и многие редакторы областных СМИ гораздо репильнее, подозрительнее и твердолобее нашего справедливого губернатора. Никто им указаний сверху давно не дает, никто в корзину с рукописями не лезет. Но степень природной пугливости у них с каж-

дым днем растет, зрение чрезвычайно вострит на разного рода подозрения в нелояльности к власти. Порой до смешного доходит: принес штатный фотограф в газету снимки, где губернатор на сельскохозяйственной выставке с животинкой в вольере мило отображен. А главное — подпись к фотоснимку сочинил точную: «Наглядно было, где корыто и рыло». Хорошая подпись получилась, свежая по форме, да еще и в рифму. Но боязливый редактор так засомневался, что подпись зарубил и даже фотографию позитивную от страха с газетной полосы снял. Между прочим, сей акт трусости и произвола редакторского на самой газете отразился. Фотографию пришлось другую подбирать. А попробуй свинью без губернатора найти! Подобрали первую попавшуюся, из архива редакции, в типографию срочно послали, но при монтаже газетной пленки, уже глубокой ночью, выпускающий с неожиданной проблемой столкнулся: новая фотография была на два сантиметра короче, чем отведенное под нее окно на газетной полосе. Пришлось перьевой ручкой с черными чернилами, прямо на пленке, свинье ноги дорисовывать. Нарисовал, как смог, оттого свинья в газете стройная получилась, как хорошая борзая.

Не раз Петрович пенял горе-редакторам, выказывая единственно правильный взгляд на цензурный вопрос:

— Цензура — это такой же натуральный общественный продукт, дающий покой и защищающий народную чувствительность от игры большого воображения и отравленного ума некоторых порой не в меру деятельных писак!

Так посредством цензуры областная власть идентифицирует себя с народом, узнает сама себя и очень удивляется. А может и вовсе на отдельные личности перейти. Важно не терять классовое чутье. Следовательно, лучший и совершенный вид цензуры — убийство. Нет противного писак — нет проблем. Одного зловредного журналиста губернатор лично убил обыкновенным молотком, чтобы выглядело преступление как заурядная бытовуха. Целый месяц его в подъезде караулил и набросился с диким воплем:

— Тварь я дрожащая или право имею?

Прокуратура в действиях губернатора состава преступления не увидела. Ведь действовал он в состоянии цензорского аффекта, исключительно в целях административной самообороны. Более того, отважный поступок губернатора вдохновил местных мастеров кисти и резца на создание многих художественных произведений.

Как Петрович языки смешал

Много из нашей области в столицу жалоб не по делу пишется. Строчат злопыхатели обиженные, перья попусту тупят, желчь на бумагу изливают. Да как жалобы писать запретишь?

— А ты, Петрович, большую башню начни возводить, — дельно посоветовал ему вице-губернатор попугай, — глядишь, языки смешаются, и жалоб не будет. Как жалобу подадут, коли ее прочитать нельзя?

— Ино так, — рек губернатор, — должно быть, строительство вавилонской башни — дело в нашей области не случайное, а исторически неизбежное. Рабочих найдем, сколько вон безработных у нас кризис наплодил, и гастарбайтеров приглашать не надо. Но на какие шиши стройматериалы закупить? Как зарплату столпотворцам платить?

— Башню из земли можно построить, все равно потом рухнет. Из праха возведем, в прах она и превратится, — вслух размышлял попугай, — а под зарплату добьемся федерального финансирования, объявим башню нацпроектом.

Мудрый помощник — попугай! Стали они вместе постройку обосновывать. Бизнес-план для столицы сочинять. Дескать, настала пора воплотить и в обыкновенной

российской области Божие проклятие! Может, в других регионах жители тоже убоятся да в столицу жаловаться перестанут, у высоких чиновников не будут время попусту отнимать. Да и само строительство башни — тяжкий труд и отвлечение населения от антигосударственных мыслей. Вкусы и убеждения у всех жалобщиков различны, и индивидуальные колебания чрезвычайно сильны — но логика подлая у всех одна, и заключается она в том, чтобы любой ценой свалить губернатора! Пусть в столице поймут, что это логика вконец одичавшего областного человека или преступной группы лиц, и осудят богоборчество с местной властью.

— Хороший проект, Петрович, — одобрительно, по-приятельски похлопал по плечу губернатора добрый министр соцразвития. — Да запоздал он малость, языки в наших регионах давно естественным образом перемешаны чиновничьим жаргоном, административной феней. Жалобщиков мы уже и так не понимаем, а потому президентская администрация все жалобы вам же в регионы и спускает. С припиской «разобраться на месте по существу». Не зря же такая приписка фигурирует. Пойди пойми это существо.

Стушевался Петрович, вроде как оконфузился. Однако есть признаки, что все же строительство башни Петрович тайно вел. Об этом свидетельствует самая высокая географическая точка нашей области — Галичья гора, которую жители ошибочно считают памятником природы, капризом геологического периода. В пользу этого довода красноречиво свидетельствует большой каменный уступ — язык на самой ее вершине. Язык этот явно рукотворный, потому что очень правдоподобно выглядит. Считают, что именно таким образом Петрович отомстил столице, показав ей каменный язык. Очевидно, за обидный отказ профинансировать столпотворительную стройку.

Губернатор и Общественная палата

Очень не хотел Петрович Общественную палату в области открывать, считал ее данью изменчивой гражданской моде. В самом деле, если разобраться по существу, структура эта весьма бесполезная, чисто формальная, поскольку гонору и понтов у ее членов будет не меньше, чем у поднадоевших народу депутатов, а при этом реальных полномочий — никаких. Вроде как Общественная палата должна за исполнительной властью, то бишь губернаторской, все время приглядывать, журить, одергивать ее от поступков неразумных. А сие и вовсе смешно. Петрович на депутатов-то давно забил, а у Общественной палаты и вовсе руки коротки ему указывать. Как мудро изрек однажды Петрович по поводу полномочий региональной Общественной палаты:

— Не дай Бог теляти волка поймати!

Однако в столице настояли, дескать, открывай, и все, не позорь область перед европейскими институтами демократии. Надобно видимость гражданского контроля над властью продемонстрировать. Да что ж не открыть, коли половину членов палаты губернатор сам набирает, на свой вкус и прикид. Лишь бы они совершеннолетними были, желательно дееспособными, а сам этот гражданский орган лучше сделать, на всякий случай, малопонятным и загадочным. Конечно, пока с Общественной палатой какой-нибудь громкий скандал не случится. Но это вряд ли. Народец в Общественную палату Петрович подобрал смиренныйкий, с полуслова его понимающий. Едва Петрович рот начнет открывать, а они уже по губам читают, расшифровывают, соревнуются между собой, кто лучше слова губернатора угадает. А Петрович еще больше издевается над ними. Постоит с раскрытым ртом, огласит зал нечленораздельными звуками, рожу страшную скроит и уйдет прочь, сочно на паркет плюнув.

Странно, но только один вице-губернатор Тихонич такой Общественной палатой сильно возмутился:

— Наша Общественная палата — коллективный советчик бюрократии, адвокат ее, оголтелый, а не маленький добрый кулачок, который должен пропихивать хорошие дела!

— Да ты же их сам набирал, за взятки по моему поручению, что же на кулачки теперь пенять, — успокоил его Петрович. — Эта палата, по сути, хорошо забытый советский народный контроль. А народный контроль всегда таким был. Вспомни молодость и беззубые комитеты советского народного контроля! Общественная палата — это вообще бородатая притча о народной зависти и позитивном мышлении начальства, организовавшего эту отдушину. Стало быть, у нас у каждого своя Общественная палата, и начинается она в голове.

— Да что же с ними делать, Петрович, коли даже видимости работы в них нет, симуляции полезного действия? Неудобно как-то.

— Ты их вопросами армянского радио озадачь. Это ведь на самом деле не вопросы армянского радио, а актуальные вопросы нашей областной жизни. Пусть на них и отвечают, а заседания палаты в темноте проводи, дескать, энергосбережением заниматься пора, а на энергосберегающие лампочки денег пока в бюджете нет.

И вправду, очень оживилась после этого работа палаты. Сидят важно в полной темноте, друг друга по голосам, шорохам, прочим физиологическим звукам угадывают и на актуальные вопросы армянского радио дружно отвечают. Хохочут, а если дверь внезапно скрипнет, зайдет кто, обступят гостя в кромешной тьме, ощупывать и угадывать начинают. Если бизнесмен, то и карманы почистят на социальные проекты. Тут главное, перво-наперво, пол ощупываемого определить, чтобы быстрее карманы найти и выпотрошить. На юбке-то карманов нет. Один раз самого Петровича повалили на пол и чуть до смерти не защекотали. Но больше ничего от него не добились. Поскольку губернатор всегда, прежде чем в Общественную палату зайти, карманы суровой нитью зашивает. А то и вовсе голышом заходит. С голого чего возьмешь?

Отцы и дети

Своих детей губернатор в строгости воспитывал, сизмальства к труду подневольному приучал, чтоб барчуками не росли, и всякий труд детей губернатора был почетен и полезен. Сына, как только тот в первый класс пошел, Петрович спровадил подмастерьем в прокуратуру, учиться дела шить. Чтобы чадо после уроков без дела на улице не болталось, дурных привычек не хватало, клей не нюхало и у других мальцов мелочь на завтрак не отбирало. Не то чтобы он сам профессию для сына такую трудную выбрал, просто когда наследника еще в байковом конверте из роддома принесли, кто ни посмотрит на него, радостно восклицали:

— Ой, как на районного прокурора похож, вылитый!

Так и сглазили. Сын смысленный оказался, основательный, в прокуратуре не всякую мелочь в работу брал, а все больше всяки. Конечно, как сынок подросток, высшее юридическое образование запросто получил. Прокуратура отправляет ежегодно десяток отпрысков-счастливчиков в юридическую академию по спецнабору. Причем вполне официально это делает, якобы для прокурорской службы в области кадры готовит. Потому в наших краях нынче целые прокурорские династии вольно бытуют на ужас обывателю. А на прокурорских детях, известно, природа порой сильно отдыхает. Губернатор, таким образом, не сына в теплое прокурорское креслице пристраивал, а дурную прокурорскую наследственность свежей народной кровью разбавлял. Можно сказать, родительский подвиг во имя торжества Закона совершил, пожертвовав собственным дитятей!

Дочь губернатор тоже не баловал. Она на всех школьных каникулах в турецкие бани работать ездила автостопом. И на море отдохнет, и деньги родительские сэкономит, и на славу поработает. В банях она гигиену тщательно изучала, опыта в столь полезной области лихо набиралась. Петрович считал, что эта самая важная в сегодняшней жизни наука будет, ибо кругом ходит очень много грязных денег.

Петрович и фестиваль масок

Нравилось губернатору в разных образах окружающему миру являться. Оттого решил он классику маскарада познать. А где самые лучшие маскарады проходят и славятся на весь мир? Конечно, в старой доброй Венеции. Купил Петрович турпутевку да и махнул на две недельки в городе на воде пожить, маскарад подробнее изучить, во всех премудростях и деталях. Однако привезли туриста-губернатора на отдых не в саму Венецию, а в отель на Адриатическом море, километрах в тридцати, от чудо-города.

Возмутился Петрович, подбегает к туроператору и претензии высказывает:

— Что за черт, я же в Венецию ехал, а вы меня на какой-то вшивый курорт поселили у итальянского черта на куличках!

А туроператор ему неожиданно отвечает:

— В Венецию мы только на экскурсию отдыхающих возим, а живут они в нормальном отеле на побережье, где есть пляж, водные горки, казино. Отдыхай — не хочу. А индивидуальный тур вы не заказывали.

Не угомонился Петрович, не на пляж он ехал адриатических акул кормить и не водные горки плавками протирать. Достал бумажник да и снял на две недели в самой Венеции мраморную виллу. А передвигаться как? Кругом одна вода. Пришлось арендовать на две недели самое доступное средство передвижения, можно сказать, доступное венецианское такси — гондолу. Понятно, что абы какую брать славному российскому губернатору — не солидно. Зафрахтовал он самую большую гондолу, на шесть гребцов. Да еще упробовал местную полицию мигалки на нее поставить, по привычке. Не дешевое это, прямо скажем, удовольствие — двести евро в час. Да к тому же еще профсоюз гондольеров крепко озадачил Петровича. К такой гондоле, видишь ли, аккордеонист по штату полагается. Народные итальянские песни орать. Бери — и все тут!

Делать нечего, пришлось Петровичу гондолу с аккордеонистом нанимать на все две недели. Сдружились они за это время, не разлей вода. Петрович по русскому обычаю весь плавсостав гондолы все две недели поил и кормил от пуза. Точно так же, как своих шоферов в облдминистрации. Итальянцы быстро наши порядки просекли, все две недели мраморная вилла гудела в затычном запое на диво всей Венеции. Аккордеонист уже на русские песни перешел, Петрович его живо научил. Сказал веско, дескать, пой, что я хочу, и тут же в глаз дал. Славно итальяшка тенором «Ой, мороз, мороз!» наяривал!

Даже на фестиваль масок Петрович не попал, проспал, можно сказать, хоть гондольеры ему для этого случая костюм домино подарили и маску чью-то, вроде как посмертную, вроде с чердака этой же виллы.

Очнулся Петрович ровно в день отъезда. Помнил он, что последняя экскурсия по его турпутевке — на остров Мурано, где знаменитый венецианский стекольный завод пыхтит. Там все туристы должны собраться, сувениры бакалейные купить и на маршрутном катере в ближайший аэропорт на материк поехать.

Успел Петрович, а то бы, не ровен час, и на родину не вернулся. Подплывает, значит, эта великолепная гондола ко всей туристической группе, гондольеры еле веслами гребут от русского загула, аккордеонист с фиолетовым фингалом под глазом молча за борт свесился и прямо в Голубой канал блюет.

Высадили Петровича гондольеры и кричат ему на прощание с большим чувством восхищения:

— Прощай, русская мафия, ты самая лучшая в мире!

Губернатор и экономика

Общеизвестно, что наша область экономически только на двух ногах стоит: соломенной и чугунной. Это потому, что доходы есть только от металлургии и отчасти — сельского хозяйства, если китайцы чугун купят, а мороз озимые не побьет или жучок не поест. Преодолеть такую однобокость и другие отрасли развить должна была Особая экономическая зона. Стали инвесторов-резидентов зазывать. Вот и зачастили в область иностранные делегации. А жителям области каких только инвесторов не обещали. И завод «Фольксваген», и завод «Электролюкс», и завод по производству биоэтанола — тринадцать тысяч рабочих мест посулили народу. Вот славно, и от дорогой нефти зависеть не будем, автомобили да трактора прямо на растительном масле бегать начнут, ну чем не вечный двигатель!

Одним словом, создавалось впечатление, что инвесторы в нашу область в очередь стоят, у губернаторского кабинета топчутся с мешками долларов и евро, ждут, кого он первым пригласит. А под это дело миллиардные бабки из федеральной казны стали вытаскивать, вроде того, что правительство обязано экономическую зону лелеять и финансировать. Под шумок солидное здание управления зоной отгрохали, дорогу шикарную построили, можно сказать — в никуда. Ведь ничего вокруг нет, а управляющий зоной с чиновниками уже тут как тут! Сидят себе в теплых кабинетах с евроремонт, презентации сочиняют, обильные фуршеты устраивают, под которые тоже деньги из бюджета вытаскивают.

Прикольный завод стекольный

Один только какой-то заезжий российский денежный мешок стекольный заводик в экономической зоне построил. То бы и вовсе крах губернаторскому экономическому проекту. Увлек его Петрович идеей область стеклянным куполом накрыть. Аквапарк устроить на весь регион да мини-тропики, чтоб по четыре урожая кукурузы в год собирать, чтоб цыплаки размером со страуса были, а хрюшки — с бегемота. В реках махом вырастет папирус, стало быть, лес на бумагу не надо будет рубить, и полиграфическое дело в гору пойдет. Орхидеи круглый год цвести будут на радость и доход цветочным магазинам. И не бесхозный камыш, а тростник сахарный попрут. Пряники с патокой будем есть и ром экспортировать. А там, глядишь, тунец расплодится да лобстеры с устрицами прямо на берег поползут из Матырского водохранилища.

Открывали этот стеклозаводик, то бишь новую особую экономическую зону... три раза. Даже вице-премьера одурачили, он на одно из таких дежавю ленточку разрезать приезжал. Только вдруг восстали против завода местные жители, говорят, что в рабочем поселке дышать совсем нечем от стеклянной пыли. Раз в месяц дорогу к нему жители перекрывают, под машины ложатся и милиции не боятся. Дело дошло и до близлежащей железной дороги, ее тоже жители своими вредными телесами перекрывали. Перед поездом Волгоград—Санкт-Петербург целых сорок минут на рельсах пролежали. Пассажиры тоже оказались плохими людьми, вроде в родной город опаздывают, а демонстрантам стали вдруг предательски сочувствовать, даже продукты из окон передавали.

Однако такое безобразие Петрович быстро пресек — омовцев с резиновыми дубинками на капризных демонстрантов спустил. А после райсуд протестантам кипу

административных штрафов понавывписывал, по пять тысяч рублей с каждого протестующего носа.

Но жители до сих пор не унимаются и недавно газопровод на завод ночью гранатой взорвали. Зарево такое полыхало, что подумали, третья мировая началась. Не понимают, стало быть, своего экономического счастья. Да еще главный налоговый власти пресс-конференцию устроил, на которой неразумное слово вякнул: первое предприятие ОЭЗ — стекольный завод — заплатило налогов за текущий год четырнадцать миллионов рублей, а получило возмещение НДС сто пятьдесят миллионов рублей.

— Вернули бизнесменам в десять раз больше, чем они отдали в бюджет, — злобно прокомментировал мытарь. — И так будет пять лет, пока льготный режим особой экономической зоны действует. Зачем все это затевали?

— Провокатор! — только и бросил ему в ответ сурово губернатор. — Ты дальше собственного носа ничего не видишь!

Теперь вот Петрович, с грехом пополам, второе предприятие в зоне строит. Но на этот раз очень полезное — комбинат искусственного лыка. Будет точно вся область в лапоточки обута и природа спасена. Лыко пока с живых деревьев дерут школьники на зимних каникулах.

Губернатор и вопросы областной истории

Впрочем, драматические перипетии создания Особой экономической зоны Петровича мало беспокоили. Потому, как из этой коллизии возникал лишь один вопрос: заслуживает ли наименования ряд событий, лишенных плана и цели. Стало быть, сие строительство экономической зоны — вопрос не экономический, а исторический. Явление Особой экономической зоны может носить исторический характер только в том случае, если оно оказывает влияние на человеческую деятельность губернатора, а если таковой нет и нет определенного результата, значит, и беспокоиться не о чем. О казусе с экономической зоной, растраченных бюджетных миллиардах неизбежно забудут. Проверяющие финансовые органы подкупят или запугают.

Для губернатора областная история — объект индивидуального созерцания. Из его представления о событии и формируется ход событий, заслуживающий стать частью областной истории. Конечно, недоброжелатели губернатора все время возражают: а объективна ли вообще областная история, коли представление о ней формируется индивидуальным сознанием Петровича?

Однако губернатор оппонентам справедливо указывал, что формирование истории и есть продукт индивидуального сознания и напрасно ждать объективности, поскольку областная история — не всемирная и может быть только прагматической. Стало быть, областная история — лицедейство, где каждое действующее лицо играет свою роль совершенно свободно и по своему усмотрению. Например, придумал писатель Ошалелов князя Липецкого, вокнижил его в исторический роман и попробуй теперь докажи областному обывателю, что никакого князя не было. Так и губернатор дал задание найти исторические предпосылки создания экономической зоны на предмет областного обоснования. Для чистоты эксперимента пригласил специалиста со стороны — археолога-гастарбайтера из Луганска, некоего Баранчука. И начал чудо-археолог Петровичу артефакты поставлять. То скифскую принцессу откопает в позе роженицы, то византийский стеклянный кувшин с украинской горилкой, то с помощью георадара летописный Елец определит и установит, что Тамерлан от Ельца повернул из-за любви к местной княжне. Дескать, нашел георадаром остатки берестяной грамоты, в коей княжна алименты с хромоногого сатрапа требует. А недавно готский кожаный сапог в навозе откопал. Прямо на палке в кабинет Петровича победно принес и заявляет:

— Этому сапогу не меньше полутора тысяч лет!

Губернатор только нос пальцами зажал:

— Ты, что мне всякую хрень тащишь из нашей матушки-земли, такие женские сапоги я тридцать лет назад в облторге по благу жене покупал! Ты мне экономические факты развития производства на нашей территории ищи!

Обиделся Баранчук и еще сильнее дерьмовым сапогом размахивает:

— Этот сапог и сохранился хорошо, потому что в навозе лежал. И показывает он, как ремесла хорошо в области были развиты, чем вам не экономический факт! К тому же готский сапог напрямую доказывает, что область нашу прежде готы населяли, стало быть, вправе мы с немцев инвестиции требовать на возрождение их исторической родины...

Так Баранчук, в очень короткий срок развил бурную гробокопательскую деятельность. Даже предков Пушкина откопал. Нанял на деньги Управления культуры кооператив по лозоходству и мигом утраченные захоронения отыскал. Злые языки говорят, копал не в том месте. А он, в ответ выставку с раскопок в краеведческом музее жуткую организовал: полуистлевшие гробы, черепа и кости. Если есть гробы и кости, стало быть, в сознании обывателя есть теперь и предки Пушкина. Просит теперь деньги на торжественное перезахоронение. Только череп предка из музея куда-то пропал. И это вам не хухры-мухры, а основная особенность истории, которая соединяет свободу лицейства археолога и областную необходимость иметь в своем прошлом пушкинские корни. И дом предков Пушкина в городе нашел, почему-то по документам построенный неким генералом Губиным.

— Все это враки, на колоннах дома отпечатки пальцев самого Пушкина остались, и наша милиция это подтверждает, — нагло заявил местному телевидению Баранчук и даже письмо в столицу отписал, прямо в телестудии, с просьбой дом реставрировать. Так на ремонт этого дома больше двадцати пяти миллионов из казны выбил.

Петрович и демократия

Предвыборные обещания наш губернатор всегда выполнял. Наобещает, кажется, с три короба, а все равно исполнит. На основе этих обещаний, между прочим, нечистоплотные люди лохотрон придумали. Модель использовали и концепцию, внесли только новый элемент большой обывательской жадности и умело им манкируют. Дело ведь не в обещаниях губернатора, а в жадности народа. Это электорат хочет, чтобы Петрович обещал, губернатора смущает. А глас народа — глас Божий. Пообещал губернатор бассейнами да аквапарками область обустроить — в каждом районе теперь кой-какой бассейн есть, хоть и мини, вроде джакузи, но при нем обязательно небольшой же аквапарк с крокодилами и пираньями, вроде как натуральные тропики в нашей не избалованной теплом, очень средней полосе России. Пираний теперь у нас, как бычки в томате, продают, балыки коптят, а кожа крокодила на гамонки сгодилась.

Пообещал губернатор первым в стране закон о самоуправлении ввести. Ввел, а денег на местах как не было, так и нет. Местные власти выкручиваются, как могут. Со всех бюджетников безответных чуть не ползарплаты каждый месяц назад в кассу забирают под видом благоустройства территорий. Или учителям в районах зарплату водкой выдают. Все равно мужья пьют от безработицы и безысходности. Даже покойника из села не на что до кладбища довезти. Но Петрович не унывает:

— Не беда, селяне, вы свой рубль в районную казну принесите, а я свой добавлю. Так покойник до кладбища и доедет...

Принесли бабки и деды рубли последние, нашли в сундуках да за образами, любят простачками прикидываться. А Петрович тоже не прост, карманы у гроба наизнанку вывернул: нет, дескать, денег.

Хождение в народ

Любит наш губернатор в простой народ ходить, его чаяниями и нуждами интересоваться при отсутствии прочего бюрократического аппарата. Очень сильно этот хитрый аппарат искажал эстетическое отношение губернатора к действительности. Это еще Чернышевский Петровичу открыто пенял на ежегодном саратовском авиашоу.

Губернатор доводам классика внял и в народ стал похаживать. Ну, скажем, нарядится Петрович бравым гаишником, встанет на Петровском спуске и давай бабки сшибать за превышение скорости. Или придет в черной форме судебного пристава на какую-нибудь фабрику и все акции разом под мышкой вынесет. На таможенно часто заглядывал, иномарки помогал шустрым гражданам подешевле растаможивать, понятно, что не за просто так, услуги-то солидные. А уж налоговую и санитарную службы ему сам Бог послал. Доначислений столько губернатор наизобретал, сколь его гибкий ум усвоить мог и счет в банке. Как от санслужбы в народ выйдет, так из любого торгового центра полный багажник выпивки и разнообразной снеди везет домой на анализы, прямо себе в глотку.

Но больше всего любил губернатор в судебное заседание заходить. Наденет строгую судейскую мантию и запросто заходит. Лжесвидетелей мигом уличает, преступников нещадно милует, освобождает несчастных из-под стражи прямо в зале суда. Ключ у конвоира отберет, распахнет клетку железную и кричит радостно, как дитя малое:

— На волю птичку выпускаю!

Судей он вообще за людей не считает, продажными обзывает. Как судью увидит — обязательно в глаз плюнет, чтобы ячменя и разночтения в законах не случилось. Оно и понятно: как всякий крестьянский сын, не верит Петрович в наше правосудие, считая, что оно имеет больше качательные и карусельные свойства. Аж дух захватывает и мурашки по всем членам от решений судебных бегают! Но ведь правосудие не аттракционное увеселение, не комната смеха с кривыми зеркалами апелляций, надзорных и кассационных жалоб. Судить людей надобно по-людски, по-простому, по понятиям.

Как-то бездомные выпускники интерната прямо возле администрации шалаш в елках поставили и жили целое лето. Не потому, что протестовали, а потому, что рядом с администрацией, у той же самой парадной площади церковь стоит. Так их Петрович прогонять не стал. И судить даже не стал как нарушителей порядка регистрации. Пусть живут и шалаше, церковным подаянием питаются. Сироты ведь! Авось к осени из шалаша в какой-нибудь тепловой коллектор съедут или к зиме дуба дадут.

Одним словом, очень полезно в народ ходить, за простой ежедневной жизнью обывателей приглядывать, хоть и барская это затея. Да и терзают всех смутные сомнения. Вряд ли губернатор вконец опростится, наденет онучи или лапти и возьмется холёными руками за плуг. Однако Петрович ходить в народ упорно продолжает, поскольку сиднем сидеть в губернаторском кабинете, возлагая надежды на нищую, но богатую духом и самогоном жизнь селян, как-то неэтично.

О губернаторской жалости

Однажды возле обл администрации невесть откуда взявшийся одноногий инвалид гнусную акцию протеста устроил. Подъехал, тархтя, на автомобиле «Ока» с ручным управлением, на костылях выполз, плакат самодельный на лобовое стекло скотчем прикрепил: «Не могу больше бездомным быть, требую нормальных жилищных условий!» Инвалид этот действительно несколько лет уже в автомобиле жил. В проржавевшей «Оке» ел и спал зимой и летом. В такой переплет он попал еще в славные ельцинские

времена, когда с Крайнего Севера на материк на пенсию по выслуге лет уезжал. Квартиру трехкомнатную в суровом заполярном крае сдал государству, как и положено. Вернулся в родную область, откуда в свое время уезжал на работу по комсомольской путевке, да так компенсационного жилья и не получил. Простоял на льготной очереди несколько лет, мыкался по родственникам и знакомым, пока не надоел, а тем временем льготную очередь власти тихо ликвидировали.

Живет неделю инвалид в своем убогом автомобильчике прямо перед окнами губернаторского кабинета, пирожки с капустой ест и газеты столичные оппозиционные вслух читает.

Вначале Петрович к нему омбудсмена Нарывайко послал расспросить задушевно, как до такой протестной жизни горемыка дошел и что дальше делать намерен.

Омбудсмен с инвалидом по-доброму пообщался. Но на следующий день в губернаторской газете критическую статью напечатал под точным и хлестким названием: «Нравственный аванс». В этой статье главный областной правозащитник наглому инвалиду нелестный социальный портрет во многих подробностях дал. Дескать, чем же этот странный человек в жизни своей недоволен? Имеет собственный автомобиль, северную пенсию, а что жилья нет, так за границей восемьдесят процентов населения в съемном жилье всю жизнь живут, и ничего! Потому что собственность — большая ответственность, и надобно всякому бездомному инвалиду этот изъян права собственности хорошо понимать. Да и рожа у этого протестующего, в общем, на пьяницу горького смахивает. К тому же ест он жадно пирожки с капустой, всякими нормами санитарными пренебрегая, прямо на улице, руки, понятно, не моет. А по большой и малой нужде гадит в центральную клумбу, красоту благоустроенную и флору уничтожая.

Но не испугался правдивой и разгромной статьи наглый инвалид. В своей «Оке» жить и протестовать упорно продолжает.

Послал тогда к нему Петрович смысленных гаишников законный штраф выписать за злостное нарушение правил дорожного движения. А как же! Автомобиль инвалида аккурат посреди площади стоит, движению других авто однозначно препятствует. Однако инвалид штраф заплатил и свое гнет.

В одну из ночей губернатор на площадь два наряда ППС отправил, просто припугнуть инвалида малость, окончательно вразумить. Окружили восемь милиционеров «Оку», приподняли и давай весело раскачивать! Одноногий смутьян из нее спящий так и выкатился. После милиционеры вылили под машину баклажку бензина и подожгли. Чудом успел инвалид «Оку» с пылающего асфальта откатить. И ведь, наглец какой, даже такого прямого намека не воспринял! На следующее утро как ни в чем не бывало вновь под окнами администрации в машине протестует, пирожки свои копеечные жрет!

В конце концов к инвалиду вышел сам Петрович и сказал душевно, но по существу: — Не надоело, одноногий хрен, под окнами мне глаза мозолить?

Растерялся инвалид, только плечами пожал вслед уходящему губернатору. Выкурил нервно пару сигарет да и уехал с площади навсегда. Даже один костыль забыл. Не понял, несчастный, что губернатор может быть либо суровым властелином, либо дойной коровой. А так и казны областной не досчитаешься. Потому губернаторская жалость всегда имеет форму совершенного нравственного утомления. И брошенный костыль губернатор приказал с площади не выбрасывать, а оставить на месте и покрасить люминесцентной краской. Во-первых, может, калека за ним еще вернется, а во-вторых, пусть помнят, что губернатор может развязать и уничтожить любые социальные отношения, существующие между властью и людьми. К этому костылю омбудсмен на экскурсии молодых правозащитников часто водит — учить пониманию областного попечительства.

Петрович и Диоген

Не успел губернатор от вредного инвалида избавиться, как возник в области новый квартирный скандал. В город из мятежной Чечни приехала целая семья ветерана Великой Отечественной войны и мыкается без жилья. Вернее, живет на садовом участке в... железной бочке. Этот ветеран тоже терпение потерял и однодневную акцию протеста у администрации устроил и тоже в автомобиле «Ока». Привезла его дочь к парадному подъезду, бумажный плакат развернула со словами протеста. Хотел Петрович на них милицию натравить, но передумал, да и омбудсмен ему отсоветовал, дескать, тогда вообще скандал до столицы дойдет. А дед-ветеран еле на ладан дышит, авось больше одного дня на площади не простоит. На этом плакате и прочитал губернатор историю злоключений ветерана войны, глядя из своего окна в полевой бинокль: в Грозном у него была четырехкомнатная благоустроенная квартира, где ветеран войны жил вместе с семьей своей дочери. Дом разбомбили в первую чеченскую войну, семья была вынуждена эвакуироваться. Имевшихся денег хватило только на то, чтобы купить на железнодорожной станции списанную цистерну. Ее отмыли от горючих веществ, проветрили, обшили внутри пенопластом для тепла и установили печку-буржуйку. В этой бочке участник войны живет на окраине города уже несколько лет, а компенсацию за потерянное жилье и домашнее имущество ему не выплатили.

А тут и омбудсмен Нарывайко с полевым биноклем к плечу губернатора подкрался:

— И чего он хочет, ведь мы сердешного сразу на льготную очередь поставили! А его дочери ссуду дали от миграционной службы, она на эти деньги целую двенадцатимесячную времянку купила, живи — не хочу!

— А сколько ветеран в бочке живет? — сурово спрашивает Петрович, не отрывая глаз от бинокля.

— Да уже пять лет, — отвечает Нарывайко. — Хорошая у него бочка получилась, уютная, любо-дорого посмотреть.

— Так квартиру ему все равно давать не будем, — заключает губернатор. — В бочке он все равно долго не протянет, да и старенький уже, а общественности скажем, что это его меркантильная дочь за счет отца-ветерана квартиры добивается. Мы ему предложим Диогеном поработать, для привлечения туристов в нашу область. Дескать, есть в наших славных краях ветеран-пофигист.

— Правильно, — радостно отвечает омбудсмен. — Очень художественно, естественно и необычно получится. Ветеран-стойк! А каждый житель области пусть учится на этом замечательном примере довольствоваться тем, что у него есть!

Обычаи и традиции областного населения

В административной жизни, быту и культуре любой области есть много явлений, сложных по своему историческому происхождению и выполняемым бытовым функциям. Одними из самых ярких и показательных явлений такого рода стали областные обычаи и традиции. Они имеют свой конкретный источник — Административный кодекс. Согласно областной традиции, Административный кодекс был дарован губернатором областному народу после выборов прямо на Соборной горе, у памятника Ленину. Дарование Административного кодекса — центральное событие областной истории.

Некоторые из обычаев являются, по сути, отголосками древних чиновничьих, религиозное содержание и назначение которых со временем было утрачено, но отдель-

ные обрядовые действия бытуют до сих пор среди местного населения. Так, возле администрации надо обязательно остановиться и почтительно преподнести дары духам чиновников. Если не сделать жертвоприношения — удачи не будет, а то и в милицию заберут за нарушение правил регистрации. Жителям области чужда и непонятна озабоченная деловитость жителей столицы. Человек медлительный, степенный — в их понятии, почтенный человек; занятый, торопливый, стремительный — достоин всякого сожаления. Не принято с ходу задавать гостю вопросы. Гость тоже не должен торопиться выкладывать о себе все. Принято перед разговором обменяться табакерками и понюхать табак друг у друга, не спеша выпить компота, самогона, обмениваясь общими фразами о здоровье губернатора и погоде, и уже потом начинать разговор о делах.

Множество примет и поверий обещает благополучие за доброе отношение к губернатору и области, а всяческие кары сулят тому, кто нарушит обычаи. Нельзя выплевывать остатки самогона и компота, выбрасывать не обглоданную до конца кость, отдавать что-либо левой рукой, продавать любимую свинью, наступать на пролитое на ковер спиртное. Для отпугивания злых областных духов и коммунистов надо хлопнуть три или девять раз в ладоши или сложить кукиш в левом кармане.

От древних обычаев сохранилось уважительное отношение к своему очагу — газовой плите. Очаг — место обитания бога Газпрома и хозяина областного огня. С очагом и огнем связаны важные запреты, нарушение которых грозит благополучию семьи. Запрещается лить попусту воду в огонь. Нельзя вонзать нож и вилку в огонь, касаться огня ножом, вилкой или другим острым предметом, доставать ножом мясо из гусятницы, бросать в огонь мусор, тряпки — это оскорбляет дух Газпрома. Запрещается спать, вытянув ноги в сторону газовой плиты: считается, что это может испугать духа — хозяина газа и обнулить счетчик. Нельзя ходить «до ветру» в сторону Полярной звезды. Северная сторона у жителей области является почетной, так как там расположены столица и главный офис Газпрома.

Придя в гости, дорогой подарок сразу не показывают, долго дразнят хозяев и отдают только при уходе. При затмении Солнца, Луны запрещается есть, пить, спать, сидеть, лежать и ходить в туалет. Областная женщина не расчесывает волосы при мужчине или начальнике. Нельзя наступать на порог дома или квартиры. На пороге запрещается сидеть, есть, стоять и разговаривать с милиционером и гостем. Гостю нельзя садиться самовольно на северной — почетной — стороне. Гостю заранее указывают его место, ибо он не должен и не смеет садиться где попало. За столом гости не имеют права менять свои места, чтобы гость не объел других гостей и хозяев. Сельские жители труднодоступных районов области, истощенные законом о самоуправлении, придерживаются следующего обычая: того, кто ест больше других, связывают, обмывают навозом и перьями и выбрасывают на дорогу. Всякий уважающий себя житель области, пожелавший свести счеты с жизнью, должен сначала построить мавзолей и добровольно мумифицироваться. Только так состоятельные жители области способны покончить с собой, а прочие могут просто утопиться в реке Воронеж. Каждый уважающий себя жених обязан перед сватовством прыгнуть вниз головой с Галичьей горы. Только мужчина с крепкой головой имеет право жениться. Считается унижительным чтение Административного кодекса с людьми непосвященными ради забавы, смеясь и выкрикивая его параграфы на разные голоса.

Губернатор и секс-шоп

В один из мартовских дней доложили Петровичу, что отныне в области наступил полный половой беспредел. Жили без секса — и вдруг один ушлый предприниматель секс-шоп открыл. Решил губернатор самолично на это гнездо потребительского греха

посмотреть, а на помощь взял Тихоныча и Дуракову: одному как-то неудобно в секс-шоп идти, еще истолкуют в народе такой культпоход неправильно. Не дай бог, подумают, что у губернатора сексуальные проблемы появились или жена изменять стала. Зашла эта властная тройка гнедых, запряженных зарею, в секс-шоп да обомлела и сомлела.

Тихоныч первым раскололся, говорит продавщице с претензией:

— Я у вас на прошлой неделе надувную девушку на распродаже купил, с виду очень привлекательную, с подогревом и громкой пищалкой. Во всяком случае, симпатичной она на яркой коробке изображена. Надул дома велосипедным насосом, а вместо нее мужик получился, с огромной сигарой во рту, хвостом и здоровым членом... К тому же не греет он вовсе, а больно током бьет. Это обман какой-то сексуально-потребительский и очень уж обидный. Я хоть и старичок, но до сих пор нормальную ориентацию сохранил и советские строгие взгляды на половую жизнь!

А продавщица ему ехидно отвечает:

— Вы не пробовали изделие наизнанку вывернуть?

Губернатор только Тихоныча по спине хлопнул и захохотал:

— Оплошал ты с резинотехническим изделием, инструкцию читать надо было внимательнее!

В это время продавщица уже Дураковой кричит:

— Женщина, что вы там в углу все щупаете и в руках мнете, и вообще, оставьте в покое директора — он живой, а не надувной!

А Дуракова в ответ огрызается:

— Будете хамить, я вам вибратор верну, он мне, между прочим, сильно жмет.

Понял Петрович, что пора экскурсию в секс-шоп прекращать, а то дальше неизвестно какие подробности из жизни руководителей области всплывать начнут. И говорит:

— Дайте мне стринги съедобные, с малиновым вкусом, и мы тихо уйдем отсюда.

А продавщица ситуацию уже просекла и сама прикалываться начинает:

— Вам завернуть или здесь съедите?

Между прочим, губернатор в поведении Тихоныча и Дураковой в секс-шопе здоровую театрализацию интимной жизни чиновников усмотрел. И вообще, после этой замечательной экскурсии Петрович открытие секс-шопов по всей области одобрил. Дескать, интимная жизнь областного народа не должна в рутину превращаться и механическое детопроизводство.

Тюрьма и сума

Однажды решил губернатор поинтересоваться, как простые зэки в тюрьмах живут и соответствует ли их временная изоляция от общества всяким там правам человека и конвенциям европейским. Но в тюрьму-то у нас попасть непросто. Это тебе не захотел и сел. Тут целая процедура нужна после удачно совершенного преступления. Для начала прикинулся Петрович бомжом. Взял и костюм от «Версаче» наизнанку надел. И шляпу наизнанку, и ботинки, а сверху на них носки напялил, тоже наизнанку. Ночь для пущих убедительных ароматов в мусорном ящике провел. Вообще, стал натуральный бомж — зэк от «Версаче». В довершение убедительности на лицо маску Чикатило надел. Даже фикса золотую вставил. Короче, прибрахлился самым что ни на есть зэковским образом и сразу нагло стырил в коммерческом ларьке «Чупа-чупс» со жвачкой. Мечта Петровича сбылась — сразу в следственный изолятор угодил, даже минуя простой милицейский обезьянник. Сидит он, значит, в камере и на себе реальный зэковский быт изучает. Сроднился он быстро с этим бытом, хорошую прописку от зэков в камере получил — возле парашаи.

Однако трудился в том СИЗО замечательный, можно сказать, очень прозорливый охранник, кажется, звали его Чардашем. От его фамилии венгры почему-то сразу в пляс пускались. И что-то костюм от «Версаче» на новом заключенном показался Чардашу подозрительным, а также часы «Ролекс» и авторучка с золотым пером «Паркер». Пожалел Петрович перед тюрьмой эти предметы руководящего быта выбросить. И следователь в милиции не отобрал, подумав, что они — китайская подделка. Действительно, откуда такие цапки у вонючего бомжа? А когда Чардаш услышал, как Петрович по привычке мелет всякую чушь, сразу смекнул, кто перед ним. И стал Чардаш губернатору-инкогнито про эковскую жизнь очки втирать. На завтрак рябчиков с ананасами и шампанским принесет, на обед — суп из ласточкиных гнезд и котлету по-киевски, на ужин — утку по-пекински.

В довершение всего Чардаш губернатору в секу за один кон три миллиона рублей проиграл. Так оно и было, эти бабки потом сам уполномоченный по правам человека пересчитал. Обвел, выходит, надзиратель Петровича вокруг пальца, скрыл от губернатора-правдолюбца всю сермяжную правду эковской жизни. Но что поделаешь? За три миллиона, выигранных в секу, решил Петрович назначить приятного надзирателя начальником над всеми журналистами. Дескать, пусть тоже учатся в секу с губернатором правильно играть.

Казино строгого режима

В тюрьме, как понял Петрович, бурлит настоящая жизнь, не то что на воле. Даже казино свое есть в красном уголке, заведовал им лично надзиратель Чардаш. В тюрьме ведь у арестантов много свободного времени, и надобно его чем-то занять. Игра служит своеобразной отдушиной для людей, находящихся в неволе, в унынии и депрессии. Встретил Петрович за игорным столом бывшего военкома. Очень в незавидном положении он оказался, мало того, что призывникам белые билеты продавал, так еще две дачи на казенные деньги построил: одну себе, другую сыну. Дачи конфисковали, а вот денежки служивый удачно припрятал. Да разве в тюрьме такое шило в мешке утаишь? Особенно если нигде не работающая жена с воли солидные посылки шлет. Мигом сокамерники военкома на карты развели, продул он за игрой, ни много ни мало, а семь миллионов рублей! Да как не продуть, коли соседи по нарам прямо сказали, мол, не будешь играть — опустим.

Хитрый военком был, а на игре в камере попался. Спросил старшего по камере:

— На что играем?

А тот вяло отвечает:

— Да ни на что.

А как проиграл, то пристали:

— Давай сто баксов!

— Но ведь мы играли ни на что... — лепечет, краснея как рак, военком.

— Правильно, — сурово отрезал пахан, — для меня сто баксов и есть ничто!

Оно и понятно, тюремная игра и служит для «разведения лохов». А карточный долг — долг тюремной чести, откажешься выплатить — в камере не жить. Ставки были в игре небольшие, по сто долларов, но военкома развели на «шпилевой» способ. Это когда проигравшему дают срок, чтобы попросить деньги на воле, но надзиратель Чардаш сделал все, чтобы эти деньги до него в тюрьму не дошли. Так карточный долг военкома вырос с процентами до астрономической суммы. А после этого пришел хитрый Чардаш к жене военкома квартиру за карточный долг отбирать. Только так военком с эками и тюремной администрацией рассчитался. Жену его Чардаш, прав-

да, в беде не оставил — в тюремный свинарник работать и жить пристроил, а военному своеобразное наказание придумал — клеить игральные карты. Настоящие карты — в тюрьме под запретом. Потому теперь военком клеит карты зэкам из старых газет хлебным клейстером, раскрашивает и тщательно шлифует. Работа эта очень кропотливая, зато военком настоящим рукодельником стал. Не то что раньше, до тюрьмы у него, как говорится, руки не из того места росли, только взятки умел брать и больше ничего.

Притча о пасечнике

С этим назначением приключилось одно маленькое техническое неудобство. Дело в том, что пост начальника над местными журналистами в администрации уже был занят. Вот и зашел как-то на огонек к этому чиновнику губернатор и как бы между прочим рассказал забавную притчу: когда был Петрович еще председателем совхоза, умер внезапно в хозяйстве пасечник. Но сразу нашелся на интересное место настойчивый претендент. Мужичонка этот слыл в округе человеком жуликоватым, очень себе на уме, и Петрович еще долго колебался, отдать ему пасеку или нет. Но все же наконец решил рискнуть и пасеку отдал. И всю жизнь с удовольствием вспоминал:

— Гляжу, через год и пасека в полном порядке, и пронырливый мужичонка себе мотоцикл «Урал» купил! — многозначительно подытожил притчу губернатор.

А через месяц чиновника, слушавшего притчу, внезапно уволили, а на его теплое место, управлять областными СМИ, бывшего надзирателя назначили. Сразу стало в нашей журналистике все ясно и понятно, вообще, пришел ей полный трюндец. А Чардаш все глумится. Как поймает на улице журналиста, стукнет его оземь, на грудь хромовым сапогом наступит и с наслаждением смотрит, как сердце писаки вокруг подошвы трепещет и прыгает. И мотоцикл «Урал» Чардаш себе через год купил. Носится на нем по городу как угорелый, без глушителя. Надел, окаянный, на голое тело косуху, на лоб бандану — сущий байкер. А на голой груди теперь две татуировки. Под правым соском: «Не забуду госзаказ», а под левым: «Гупигинфол». Лингвисты из нашего педуниверситета пришли к выводу, что это вовсе не абракадабра какая-то, а магическое бюджетное заклинание.

Монстры в полноцвете

Как только стал Чардаш нашими СМИ править, сразу решил главную официальную газету в цвете издавать — в ногу со временем идти. Чтоб не в черно-белом допотопном виде фотографии высоких областных начальников народу являть, а в их естественном, полноцветном, жизненном. Под это благое дело из местного бюджета вытряс Чардаш аж полтора миллиона долларов — новый типографский станок за границей покупать. Но дальше одни загадки пошли и валютные недосказанности. Станок за такие крутые бабки почему-то в далекой Индии купили, к тому же бывший уже в азиатском употреблении. И устанавливать его приехали монтажники-индусы — большие любители выпить. Станок криво и поставили. Целый год ставили да на родину телеграммы слали, и почему-то на чистом русском мате, дескать, дорогая родня, понять не можем, что мы здесь делаем и зачем находимся. Молитесь за нас многоорукому и клыкастому Шиве, чтоб назад живыми и здоровыми вернулись!

Итак, через год станок с горем пополам запустили, но только один номер официальной газеты в цвете под фанфары выпустили. Станок тут же сломался, а чинили его еще добрый год. Бедные индусы совсем спились и на родину их в полной похмельной

нирване отправили. Но когда починили станок, лучше от этого не стало. Выйдет газета, а там на фотографии вице-губернатор Тихоныч с четырьмя ушами да с десятью пальцами, как залетный инопланетянин какой. Печатники только руками разводят, мол, станок криво стоит, и от этого цвета сильно смещаются, все прочее изображение искажают.

Вот и Дуракова к губернатору в слезах прибегает:

— Посмотри, Петрович, безобразия какие, у меня на фотографии четыре рта и четыре глаза, а лицо совсем зеленое, будто от ветрянки лечусь!

Следом пресс-секретарь, запыхавшийся и злобный, в кабинет заглядывает:

— Караул, Петрович! Я на фотографии на Фантомаса похож, да еще статья под моей физиономией с заголовком «Кризис разбушевался!».

А потом и вовсе большой казус вышел. Приехал в область один высокий гость. На протокольной съемке стоит он с Петровичем рука об руку, а на госте лица нет — одна лысая розовая голова, без носа и глаз, а рот на самый лоб уполз. Петрович тоже не ахти вышел, весь в бородавках каких-то.

Тут уж сам Петрович не выдержал, к Чардашу с этой газетой прибежал и трясет перед носом:

— Ты какую аферу с типографской машиной и индусами учудил, депутаты бунтуют, хотя расследование начать, говорят, что с высоким иностранным гостем скандал международный назревает?!

А Чардаш только улыбается в ответ:

— Успокойся, Петрович, какая у нашего гостя фамилия?

— Ну, Залупович, — вытаращив глаза, отвечает губернатор.

— Так какая фамилия, то на фотографии и изображено, — не унывает Чардаш. — Народ так и понял, а с депутатами уже договорился, никакого расследования не будет. Я с депутатами на паях букмекерскую контору открыл. Пусть теперь население за деньги фотографии в официальной газете угадывает. И нам прибыль, и депутатам прибавка к зарплате, и бюджет внакладе не останется.

Как губернатор прописку в администрации ввел

Больше всего Петровичу в тюрьме прописка понравилась, очень важным и полезным делом она ему показалась. Ведь назначение тюремной прописки и состоит в том, чтобы проверить выносливость человека, находчивость, сообразительность, умение постоять за себя. Кроме того, выявляются черты характера новичка, его коммуникабельность, интеллектуальный уровень, зачатки образования. Короче, все то, что и в административной жизни от чиновника каждый день требуется. Вот и решил губернатор систему тюремной прописки в своей администрации ввести. Правила жизни в администрации, как всегда подчеркивал подчиненным Петрович, вполне соответствуют обычным правилам общежития на воле. Во время еды других — не садись на унитаз, мой руки перед едой, не садись за стол в верхней одежде. Не свисти. Не плюй на пол. Аккуратно ешь хлеб, шарики не катай и в соседа не кидай.

Чем выше администрация, тем меньше в ее стенах мата. Не потому, что, став чиновником, обычный индивиду исправляется, дудки! Меньше мата в администрации — меньше риска быть неправильно понятым. Вставленное в речь «для связки» известное слово «мля» может быть истолковано другим чиновником как оскорбление. И уж тем более нельзя посылать коллегу на... Просителя — пожалуйста. А коллегу — нет. Это тягчайшее из оскорблений. Поэтому, скажем, крупные чиновники, уже отбывшие солидный срок на административной работе, почти не используют нецензурных выра-

жений и беседуют в основном тихими и ровными голосами, никому не мешая и не вызывая отрицательных эмоций. Новички чиновники, конечно, злоупотребляют остатками «вольной лексики». Поэтому спорные ситуации часто разрешаются в обладминистрации с помощью кулаков. Вот и считал губернатор прописку делом необходимым, чтобы подобные ситуации вообще не возникали. Молодым чиновникам надобно первое время присматриваться к поведению тех, кто ведет себя в стенах обладминистрации по «понятиям».

Большую помощь Петровичу в организации прописки Чардаш оказал как бывший и опытный надзиратель. Чардаш внедрил систему приколов. Например, новичку чиновнику объясняют, что сейчас будет игра под названием «Хитрая шлюмка». Берут алюминиевую миску и спрашивают: какая шлюмка? Правильный ответ: хитрая. Если новичок ответил неправильно, то этой миской его бьют по голове и дается пять минут для поиска правильного ответа. Если вновь ответил неправильно, то опять новичка бьют миской по голове, порой часами. Потому многие чиновники в нашей администрации рано лысеют, а голова иного чиновника напоминает огромную шишку.

Однако будущим чиновницам сложнее прописку проходить. Не изжито у нас пока в области неравенство полов при приеме на работу. Потискает кандидатку в чиновницы на прописке каждый, а вот куклой в шоколаде с персональной машиной не каждую назначат.

Заканчивается прописка определением новичка в структуру администрации и присвоением клички. В зависимости от того, как прошел прописку новичок — пошлой и обидной или гордой и блатной.

Губернатор и малый бизнес

Летел как-то Петрович в столицу по государственным делам с большой чиновничьей делегацией. А рейс, как назло, задерживают и задерживают, погода выдалась нелетная. Петрович уже два раза в аэропортовском ресторане с Чардашем отобедал за его счет, в игровые автоматы командировочные проиграл, а время все равно течет медленно и тупо. Но тут приспичило ему по малой нужде в туалет сходить. Верный Чардаш тут как тут, всегда услужить готов, на помощь прийти. Говорит губернатору деловито:

— Негоже должностному лицу прилюдно свое губернаторское достоинство всуе обнажать и трясти им, даже по нужде в общественном туалете. Начнут ведь разглядывать и сравнения всякими нехорошими заниматься, еще кривотолки какие пойдут сексуально-политические. Давай, Петрович, под лестницей встанем, и ты мне в карман вмиг надудолшишь без проблем. Пальто у меня кожаное, непромокаемое, да и привок уже другим по нужде помогать. Омбудсмен наш и Тихоныч часто мне в карман отливают, даже разрешения не спрашивают. Пальцем меня молча подзовут, карман оттопырят и журчат властно. А содержимое после вылью в самолетный галюнь.

— Ну ты и загнул, — смутился губернатор, — стану я подчиненному карман портить, это уж беспредел какой-то начальственный и хамский. Лучше в туалет пойду.

Исчез губернатор за дверью туалета, но через минуту вернулся смущенный и огорченный:

— Туалет платный, а кредитные карты не принимают, наличные требуют.

Чардаш ему мелочь выгреб, в ладонь щедро высыпал и дальше у туалета ждет. Однако Петрович совсем расстроенный возвращается, злой и взъерошенный, нетерпеливо с ноги на ногу переминается:

— Ладно, подставляй, Чардаш, свой кожаный карман! Не стал я попусту деньги тратить. Где же это видано, чтобы естественную нужду отправить, деньги платить! Бу-

ханка хлеба столько же стоит, а его вырастить надо, это вам не ширинку в платном нужнике расстегнуть! Совсем обнаглел малый бизнес!

С тех пор возненавидел Петрович представителей малого бизнеса, халявщиками их обзывал, кровососами и мироедами, тихими захребетниками на шее простого народа. Потому-то у нас за последние годы число малых предприятий вдвое снизилось, а регистрировать новые все больше в другие области уезжают.

Губернатор и областной кодекс госслужащего

Пришла к Петровичу делегация Общественной палаты и говорят:

— Пора, губернатор, модельный кодекс областного госслужащего принимать, мы его целый год разрабатывали, корпели, спины не разгибая, ведь в нашей области, да и всей стране отношение к чиновникам не очень хорошее. Вот партия власти тоже такой кодекс готовит, только всероссийский. А мы чем хуже?

— А на фиг он нужен, — усмехнулся губернатор. — Областные чиновники не беднее мировых фотомоделей одеваются, цапки золотые с бриллиантами имеют, в виде швейцарских часов и сотовых телефонов, ездят на самых крутых моделях иномарок.

— Да не о том речь, Петрович, — встрял в разговор вездесущий омбудсмен Нарывайко, — модельный кодекс госслужащего — это, можно сказать, кодекс чести и поведения чиновника. Его нравственное кредо. Он должен коррупцию на нет свести.

— Да какая от кодекса польза, — недоумевает Петрович, — разве что на нарах чиновников меньше сидеть будет! Ну-ка дайте ваш кодекс чести полистать.

Послушав палец губернатора, губами на несколько строчек текста пошевелил и сделал первое суровое замечание прожектерам из Общественной палаты:

— Тут с первых строк хрень какая-то получается. Выходит, чиновник не может заниматься бизнесом. А какой чиновник у нас им не занимается? Мы ведь все в учредителях фирм состоим, в советы директоров дружно входим.

— Не беда, Петрович, — поясняет Нарывайко, — мы же учредители некоммерческих организаций, кои прибыль извлекать не имеют право. Нетути прибыли! Одни миллионные зарплаты у нас в этих фирмах, а зарплата — это не прибыль, так, детишкам на молочишко.

— А это что за пункт, — снова вопрошает губернатор, — государственный служащий должен избегать контактов с лицами, вступившими в конфликт с государственной властью. А как быть, если местные коммунисты с просьбой о проведении митинга ко мне придут или депутат-коммунист в областную администрацию официальный запрос сделает. Мне, что, с ними не общаться? Депутат-коммунист пусть и противник власти, но ведь законно избранный в Областную думу! Нам, что, шапки-невидимки надевать прикажете для общения с оппозиционерами? Да я и сам до сих пор билет члена КПСС под подушкой храню, вдруг власть переменится?

Молвил все это Петрович и брезгливо засунул кодекс госслужащего в мусорную корзину.

— Мутный документ и вредный, — резюмировал, — как жили хорошо по понятиям, так и будем жить!

Губернатор и вечный двигатель

Мало кто знает, но практически двадцать четыре часа в сутки Петровича идея перпетуум-мобиле занимала и пользой великой волновала. Как было бы замечательно на самом деле создать некий агрегат, производящий больше энергии, чем потребляющий

из окружающей среды. Молнию, что ли, в металлическую сеть гигантскую заарканить или энергию испаряющейся воды в какую огромную реторту с умом запихнуть.

Увы, не находил способа губернатор силы природных стихий с пользой для области обуздать. Однако из отдаленного района благая весточка ему пришла. Создал, мол, местный умелец очень занятный и полезный в крестьянском хозяйстве моторчик, на простом навозе исправно работающий. Тут и смекнул Петрович открывшиеся, просто не виданные ранее возможности этого изобретения. Прямо из ванны с мочалкой на шею выскочил да как закричит:

— Эврика! Это ведь и есть самый настоящий вечный двигатель, навоза-то у нас не мерено и никогда не убудет!

Съездил он на дом к этому навозному Кулибину, не поленился. Инженеров видных из областного центра в дорогу прихватил. Пусть тоже полюбуются да свое веское заключение сделают.

Действительно, тарыхтит моторчик, навозом заправленный, в дом изобретателя от динамо-машины свет подает. Инженеры видные просто обомлели, стоят, языками цокают, навозный двигатель глазами пожирают.

Тут еще большая идея губернатора осенила: а что если сразу гигантскую электростанцию, на навозе работающую, отгрохать и всей области дармовой свет дать. Тогда и ежегодный рост энерготарифов не страшен с прочими колебаниями мировых цен на энергоносители.

Мотор инженеры досконально скопировали да тут же в сто раз в размерах увеличили, а чтобы материалы сэкономить, металл дорогущий, из соснового бруса необычный двигатель соорудили. Губернатор сам это дело скумекал. Навоз — это не бензин и не солярка, топливо не особо энергоемкое, нагреваться при работе меньше должен, значит, и металл попусту расходовать незачем.

На открытие чудо-электростанции самого главного энергетика страны пригласили. Стоят они с Петровичем возле новой электростанции и чуда нетерпеливо ждут. Завел изобретатель двигатель чугунной ручкой, раз мотор чихнул, два чихнул, а потом как затарыхтит и взвояет — ужас! На глазах у всего честного народа вразнос пошел и разваливаться стал. Щепка сосновая вперемешку с навозом во все стороны с воем полетела. Петрович чудом успел за ближний буерак схорониться, а главный энергетик со страху на вековую липу обезьяной залез, в большое дупло. Все из дупла опасно его голова выглядывала. Еле потом спуститься уговорили, коньяком и языковой колбасой с липы слезть заманивали. Во как напугался!

Не задалась, стало быть, новая электростанция на навозе. Как говорят спецы, эффект масштаба подвел. Дескать, маленький моторчик на навозе может работать, а большой — нет.

Но Петрович благой идеей вечного двигателя все равно грезит. Сейчас в суд подал иск на Парижскую академию наук. Они, видите ли, заявки на изобретение вечного двигателя принимать отказываются еще с восемнадцатого века. Каковы ретрограды!

Губернатор и юродивый

Вышел однажды Петрович на красное крыльцо администрации, а на ступеньках юродивый сидит, за полу пиджака его ухватил и пищит жалобно:

— Поддай копеечку!

Противный такой юродивый, грязный, вонючий, на голое тело один мешок из-под картошки надет, только дырочки для головы и рук проделаны.

Посмотрел губернатор внимательно на его косматую голову и сразу узнал. Этот юродивый раньше работал начальником областной налоговой инспекции. Случилась как-

то в налоговой проверка из столицы, а мытарь ничего лучше не придумал, как целую бухгалтерию сжечь. Мол, и концы в костер. Как только завели уголовное дело, он умом и тронулся. Место потерял, прямо с больничного в юридические ушел, на паперть. Он и начальником инспекции с большими странностями был. Как отстроил новое здание налоговой за счет фонда развития, сразу и дача в пригороде выросла, как по волшебству. А кабинет в налоговой себе в пол-этажа отгрохал, побольше губернаторского, да еще с комнатой отдыха. От взяток, что ли, отдыхать?

Но самое главное недоразумение с бассейном и сауной получилось, что в подвале инспекции главный налоговый организовал. В сауне и в бассейне процедуры принимало только одно человекотело, ему самому принадлежащее, без всяких на то помывочных нормативов. А другие налоговые немывтыми, чумазыми и шелудивыми на проверки ходили. Придет такой налоговый на предприятие, как пес какой паршивый, его не узнают, носы воротят, значит, и встречают не по ранжиру. Как только начальник в юридические подался, сразу баня для всех заработала. Новый начальник налоговый березовым веником всему коллективу перво-наперво у дверей бани широкую отмашку дал:

— Парятся все!

Теперь налоговый народ чистым и опрятным на работу ходит, с номерными шайками и большими кусками хозяйственного мыла. Раньше у налоговиков одно развлечение было — целый день на работе в компьютерные игры тупо резаться. Налоги-то наши налоговые не собирают, они учет и контроль за поступлением платежей и доначислений в бюджет зорко ведут в кабинетах. Вроде как управление статистики дополнительно контролируют. Как же не радоваться теперь налоговикам, что, кроме компьютера, еще для развлечения и гигиены баня доступна стала!

Одна беда, новый начальник тоже вскорости погорел. Но не в бане, а на взятке. Взяли субчика прямо в инспекции на взятке в шесть миллионов рублей! Обещал одному предпринимателю помощь в возмещении НДС оказать на сумму в сто миллионов. НДС должна налоговая служба вроде бы автоматом возвращать, но на практике хрен добьешься. Стало быть, налоговый взялся за дело благое, а милиция рвение налогового по-своему истолковала и засаду устроила. Под стражей ныне сидит и, поди же, тоже из себя юридического корчит, следовательно разные нехорошие пророчества сулит, губернатором страшит. Да еще и приговаривает: «Я — тайный агент ФСБ! И не взятка это вовсе была, а спецоперация. Только фээсбэшники меня же и подставили».

Видать, в налоговой целый институт юридических силу набирает, формируя областную школу финансового отрешения. А два юридических на одну область — это чересчур! К тому же юридическими они вроде стали, но деньги вымогать, видно, не разучились. Так что не дал Петрович юридическому копеечку на ступеньках родной администрации, из принципа, она ведь рубль губернатору бережет!

А прозорливый юридический вовсе не обиделся — юридическим по статусу обижаться не положено — и рек губернатору целое пророчество:

— Будут тебя, губернатор, всю оставшуюся жизнь маленькие Ленины крепко обнимать, и будет их за тобой ходить чертова дюжина. Ленины эти ростом не выше пятидесяти сантиметров, всегда в одинаковых кепочках, пиджачках и красных галстучках в горошек. Как только выйдешь на улицу, так они сразу и нападать станут, виснуть и скакать на тебе, как белки на дереве. И нет тебе, губернатор, спасения от этой исторической напасти!

Отшатнулся Петрович от юридического, не на шутку испугался. Эти маленькие Ленины его давно уже во сне обнимали и слюнявили, под одеялом щекотали. Переkreстился губернатор:

— Чур меня!

И от юродивого прочь в церковь побежал свечку ставить и молебен заказывать, хоть и в Бога не верит.

Губернатор и День народного единства

Не хотел Петрович праздновать праздник-новодел — День народного единства. Праздник Великого Октября привычней и понятней ему был. Тут и Ленин в октябре, как шоколадный заяц, и штурм Зимнего с подавлением женского батальона революционными матросами. Хоть спектакль на сцене областного ДК ставь, историю вживую разыгрывай в мельчайших подробностях, поинтересней «Камасутры» будет.

— Ты что же, Петрович, новый взгляд на родную историю не уважаешь, — пеняет ему омбудсмен Нарывайко. — Мы же поляков из Москвы тогда изгнали.

— Да чем тебе поляки не нравятся? — глядит на него отрешенно губернатор. — Избрали бы тогда царем русским королевича Владислава, глядишь, история иначе бы пошла, да жили бы сейчас в Евросоюзе. Сам-то точно на меня анонимные письма в Европарламент пишешь, кровососом и сатрапом называешь. Читал я твои письма, есть свои люди на Главпочтамте.

— Такие письма я пишу исключительно для пользы области, — нисколько не смутился Нарывайко. — Надобно европейцам показать, что живет у нас свободное слово, пусть даже в форме анонимной жалобы.

— Вот загнул, — одобрительно засмеялся Петрович, — но День народного единства праздновать все равно не хочу. Четвертого ноября только из Москвы поляков прогнали, а Смутное время не закончилось, еще несколько лет полстраны под иноземцами была.

— Да не о том вы вообще говорите, — мудро зашамкал губами дремавший на диване старенький вице-губернатор Тихонич, — нет у нас ныне никакой потребности в народном единстве, кроме половой. Мне, например, чукчи в этом смысле нравятся. Гостил я у них в стойбище в молодости и жаркими ночами в чуме единаясь. А какая сейчас потребность? Общенациональный праздник — это публичный ритуал. А какой у нас в области национальный ритуал? У нас и национальности общей нет, да и с ритуалами — туго. Выходит, Днем народного единства можно любой день назначать, хоть четвертое ноября, хоть первое апреля. Дней в году много, хороших и разных.

Как Петрович космическим туристом стал

Попросили нашего губернатора в правительстве в космос слетать инкогнито, космическим туристом. Очень уж приспичило одного высокопоставленного чиновника найти с помощью системы «Глонас». Тот совсем от рук отбил.

— А почему бы и нет? — вслух подумал Петрович. — Благо до орбиты на ракете всего девять минут пехать.

Надел он модный скафандр и на орбиту махнул. Дверь открывает на МКС, заходит, как к себе домой, без всякого стука, с космонавтами за ручку запросто здороваются, но перчатки не снимает. Осмотрелся и видит, наши люди нигде не пропадут. Научились космонавты прямо из вакуума самогонку гнать. Вакуума вокруг гони — не хочу! И как врезать здесь уютно, удобно. Стаканы и стопки в невесомости сами меж собой чокаются, а содержимое не выплескивается. И бутылка никогда не разобьется, если случайно из рук выронишь, не то что на Земле!

Сидят, значит, космонавты с Петровичем задушевно, мандрагорой квашеной закусывают, она в невесомости хорошо растет. Тут инопланетяне на халюву к ним повади-

лись. Прилетят, маленькие такие, зелененькие, без приглашения, песни орут, будто автомобильные сирены воют. Но жалели инопланетян, очень неудобно было им стаканы шупальцами держать, потому в блюдца пришельцам вакуумовку наливали. Одна инопланетянка Петровичу приглянулась, и понятно почему: они в теле и все время нагишом в невесомости плавают. Только инопланетянка сразу отворот Петровичу дала, серьезной оказалась, основательной. Дескать, у меня уже жених в Ханое есть, нынче это круто.

А задание правительства Петрович не выполнил, недосуг было. Однако кабинет министров на него вовсе не обиделся. Петрович в Белый дом целую бочку вакуумовки из космоса прикатил да шайку мандрагоры квашеной. Три дня гуляли.

Губернатор и гороскоп

Как человек разумный и освободившийся от религиозных иллюзий, дабы самостоятельно мыслить и действовать, Петрович одно время верил только гороскопам. Ему просто, так или иначе, хотелось заглянуть в будущее и знать, какую небесную фотографию отражает его жизнь и судьба. И здесь вступали в силу предсказания, которые часто происходили прямо на глазах Петровича. Однажды на презентации, где некое предприятие открывал местный театральный кордебалет, к губернатору с бокалом подошел Чардаш и, пыхтя от волнения, говорит:

— Давай Петрович, после фуршета вон тех двух блондинистых телочек ко мне на дачу увезем по-быстрому...

— Не суетись, — степенно отвечает ему губернатор, — мы обязательно дождемся окончания мероприятия, съедим и выпьем все, что есть, а после повезем на дачу сразу все это стадо.

Предсказание это так и сбылось. И не простое оно, а совершенно точно описывает поведение опытного и молодого чиновника в разные годы жизни под благим влиянием областных небесных сфер. Опытный чиновник будет действовать именно так и степенно удовлетворит все стадо. Несмотря на возраст, терпения и здоровья ему хватит на всех. Он молодого еще уму-разуму поучит.

Какой уж тут гороскоп с его предсказаниями и тайными знаками, коли губернатору приходится любить всех подряд?! Гороскоп, конечно, понимать не вредно, но узрел Петрович, что не гарантирует он откровенного взгляда на дальнейшее бытие, хотя и, возможно, посредством неких небесных знаков разные события приближает.

История одной фотографии

Многие СМИ обошла фотография, где Петрович держит на руках крупную зубастую щуку, изрядно согнувшись под ее зеленой тяжестью. До сих пор считается, что это самый рекордный улов в реках нашей области. Но есть и подлинная история этого улова. Дело было так: поехал Петрович на рыбалку, а жена его слезно упросила Дуракову за мужем-губернатором проследить. Вдруг он вместо рыбалки налево ходит.

Ловит Петрович рыбу на бережку, а Дуракова в камышах сидит, следит и его государственную нравственность от местных баб охраняет. День был весенний, но уже полетнему жаркий. Разморило Дуракову, и решила она с десятка саженок по реке проплыть, тела охолонить. Тут, на беду, Петрович ее крючком за губу зацепил и закрычал от радости, не разобравшись:

— Щуку поймал!

Известно, не успеет такой большой человек рот раскрыть, как журналисты с фотоаппаратами набегают. А первое слово дороже второго. Пришлось Дуракову и даль-

ше за щуку выдавать. Срочно чиновники наклеили Дураковой на кожу рыбью чешую надежным клеем «Супермомент» да между ног веник скотчем привязали, вроде как хвост получился.

Взял Петрович Дуракову, как щуку, на руки и сам еще в тот момент не догадался, кого на руках держит. Так и получился рекордный улов, да не простой, а фотодокументированный. Любит этот снимок губернатор на досуге рассматривать, гладит фотографию и все время приговаривает: «Ох, какая же ты, Дуракова, у меня зубастая!»

Античный герой

Великий человек немислим без античного подвига. Но что делать, если античные подвиги уже совершены каким-то древним Геркулесом, примитивным греческим качком?

Стали в обладминистрации Петровичу срочно новый античный подвиг придумать, чтобы потом по всей матушке-России о нем бессмертные мифы ходили. И придумали: не слабо ли Петровичу в Париж на электричках зайцем доехать да молодую жену президента Франции умыкнуть.

Собрали Петровича в дальнюю дорогу по-простому: рубашку клетчатую надели хлопчатобумажную, треники дешевые с пузырями на коленях, сандалии-плетенки, а в руки плетеную авоську дали, полную «Беломора» и консервов «Завтрак туриста», да три батона с изюмом в придачу положили. Чтоб в долгой дороге ни в чем не нуждался и валюту экономил. Еще Петрович с собой военный дозиметр в дорогу прихватил, а для чего, не сказал. В довершение ему на глаза лошадиные шоры надели, для усложнения подвига.

Долго ли, коротко ли, но доехал вначале Петрович на электричке из нашего города до Мичуринска, от Мичуринска до Белгорода, из Белгорода до Харькова. Потом пошли электрички с зайцем Петровичем по Украине и Белоруссии, из Бреста до Варшавы. Затем до Гамбурга, а из Гамбурга ехал Петрович четыре часа на последней электричке до Парижа. И вроде зайцем Петрович ехал, но кондукторов дурил исключительно дорожными чеками.

В час ночи прибыл он на знаменитый вокзал Аустерлиц. Видят парижане, как выходит из гамбургской скоростной электрички странный человек с дозиметром в руке, с авоськой, удивляются. Но Петрович знай напрямиком на Версаль идет. Постучал в Версаль, свет в окнах зажегся, и выходят к нему Николая с Карлой в пижамах. А Петрович Николая руку крепко жмет и сразу дозиметр дарит, дескать, вы нашим Чернобылем шибко напуганы, так теперь жить спокойней станете, коли с дозиметром по версальским кустам и лужайкам пройдется. Радиационный фон знать будете.

Обрадовался Николая и во дворец Петровича сразу впустил. Сели ужинать, Карла на стол суп «тратагүй» модный подала, картошку в мундире с копченым салом. Все у них по-домашнему, как и у нас. Но сама с Петровича все глаз не сводит, понравился, должно быть. Николая тем временем «Бужеле» надрался и за столом уснул носом в жульен. Слова друг другу Петрович и Карла даже не сказали, не сговариваясь, на вокзал бежать кинулись, так их внезапная любовь и страсть обожгла.

Ехали они, конечно, в Россию, уже не электричками, а в скором поезде, пусть и в общем вагоне. Других билетов в Париже не было. Всю дорогу лежали на третьей полке на баулах челноков и ворковали. Но интима меж ними никакого не случилось. Глухонемые все время мешали достойно уединиться: всю дорогу по вагонам ходили, фото-портреты Сталина предлагали купить черно-белые. Но за эти сутки, воркуя с Карлой, Петрович прилично парлекать выучился.

А потом случилась конфузия. Стал губернатор с полки слезать, чтобы по нужде в туалет пойти, тут паспорт у него из штанов и вывалился. Упал и раскрылся прямо на той странице, где жена с детьми вписаны. Заплакала Карла и на стоп-кран нажала. Долго за ней Петрович по рельсам бежал. Да куда там, Карла-то какая длинноногая, не догонишь!

Вернулся он домой грустный и признался областному народу, что свой античный подвиг до конца не выполнил, не оправдал, стало быть, доверия.

— Еще как выполнил, — хором отвечали клеветы, — ты же, Петрович, новую Троянскую войну предотвратил. Николя бы из-за Карлы на нашу область войной пошел, аки Наполеон с двенадцатью языками!

Вот так и состоялся у Петровича античный подвиг, известный теперь на всю страну.

Губернатор и няня

Как только Петрович шоколадку «Марс» ест, сразу свою няню вспоминает. Ест и плачет. Няня у него чернокожая была. В те далекие советские времена его родителям кормилица не полагалась. А молока в тот суровый год не было, даже из-под коровы. Год не молочный был, а минеральный по восточному календарю. Сжалилась одна негритянка и Петровичу самостийно сиську дала. Хотела всего раз покормить, а он, как клещ, присосался, так год от груди отвалиться не мог. А еще на няню дед Петровича глаз положил, проходу не давал. Ему тоже сиську хотелось по причине беззубости и несварения твердых продуктов. Так вместе и мучили няню: на одной сиське Петрович висит, на другой — дедушка, да еще няню шупает, благодарность выражает.

Няню-негритянку Петрович никогда не забывал, а как губернатором стал, сразу ей у обладминистрации избу срубил из голубых елок, что прямо у парадного подъезда росли и могуче фасад украшали. Думал, будет на чай в гости к няне ходить да счастливое детство вспоминать. У самовара они вместе всего один раз посидели за глинтвейном и тортом «Птичье молоко». Уехала няня на свою историческую родину, а избу цыганам вместе с самоваром продала. Ностальгия замучила по хорошим сигарам и крепкому рому.

Губернатор и десять негритят

Если какой проситель зайдет в приемную губернатора, то все равно что в детский сад попадет. По тесной приемной десять хорошеньких негритят бегают, в прятки, в салочки, в лапту играют. А то и живые джунгли Петровичу из фикусов и алоэ смастерят, масок африканских из столешниц красного дерева художественно настрогают. Этих негритят Петрович любит и лелеет больше, чем всех детей области. Они ему моментально национальный проект по улучшению демографической ситуации выполнили. Да и появились, можно сказать, чудесным образом. Поехала Дуракова на кремлевскую елку на живого Деда Мороза посмотреть. Так восторженно смотрела, что этот хитрый Дед ей шоколадного зайца подарил. Да и вовсе не заяц это был, а африканский посол. Вернулась из-под елки Дуракова уже брюхатой и родила сразу десять негритят. Вначале испугался Петрович, а затем понял всю свою губернаторскую выгоду. Негритят он, конечно, у Дураковой отнял, лишив родительских прав. Какие ей права еще нужны, если сразу десять родовых сертификатов за один поход в роддом огребла! Да и ни к чему негритята ей, коли даже не помнит, с кем и сколько раз под елкой была, то ли с зайцем, то ли с Дедом Морозом, то ли с послом, а может, со всеми сразу? Все какие-то рождественские байки рассказывает про непорочное зачатие.

Прана из чакры

Очень губернатора демографическая проблема беспокоила. А тут Чардаш с советом пришел:

— Давай, Петрович, клуб тантрического секса прямо в администрации откроем. В борьбе за рост народонаселения все средства сегодня хороши, а то, не ровен час, россияне вовсе вымрут, а земли наши китайцы заселят.

— А как обоснуем весь этот разврат? — вопрошает губернатор. — Мы же славяне, а не индусы какие-нибудь...

— Зря сомневаешься, Петрович, — увещевает его Чардаш. — Между прочим, занятия йогой здоровье и работоспособность повышают за счет питания организма праной. Это энергия такая, халявная, прямо из космоса. А космос — бездна, значит, энергия эта неисчерпаема. Индусы толкуют, что человек под эту энергию и создан.

— А при чем тут секс тантрический? — все еще сомневается Петрович. — Не флюиды же из космоса идут, чтоб народ сексом озаботился.

— А при том, — настаивает Чардаш, — что прана концентрируется и выходит полезным способом из чакр, коими тело человеческое усыпано. И главная, Муладхара, самая мудрая и важная чакра у мужчины, аккурат промеж ног располагается. Там и есть сосредоточие мудрости и энергии, основа всего в мире.

— Вот те раз, — захохотал Петрович, — хороши индусы, коли мудрость у них между ног находится. Однако давай тантрический секс внедрить попробуем, авось действительно демографии поможет. Пусть теперь поперет прана из чакры! А то прет у нас из этих мест не то, что области нужно.

Собрал Чардаш вечером первую группу чиновников и чиновниц в столовой администрации, чтобы пробный сеанс провести. Да за вход еще плату взял. Началось все с невинных хороводов. Тихоныч, впрочем, сразу о Дуракову тереться стал, даже когда она еще в шубе была, а уж когда обнажилась, вовсе с ума сошел — глаза закатил и сопит. А потом Чардаш властно Дураковой овладел и минут тридцать не отпускал. Петрович даже забеспокоился:

— Ты хотя бы другим шанс потантрировать дай, а то Тихоныч, глядя на вас, совсем извелся!

А Чардаш отвечает губернатору назидательно:

— Искусство тантрического секса и состоит в том, что мужчина учится семяизвержение задерживать!

— Стоп! — кричит в недоумении Петрович. — Как же без этого демографию подымать?!

Тут и понял Петрович, что никакая демография его чиновникам не нужна, а хитрый Чардаш просто решил свальный грех организовать. Прекратил все это безобразие губернатор, однако до сих пор администрация атмосферой разгула дышит. Во как прана поперла на нашу область, прямо из космоса. Петрович и остановить ее не в силах!

Карма губернатора

Объявился в кабинете у Петровича таракан. Громадный такой, черный, шибко уса-тый и наглый. Пьет чай, бывало, губернатор, полдничает, только руку с бутерброда снимет, а бутерброда уже нет. Видит он, как тараканище с поживой улепetyвает, а сделать ничего не может. Голыми руками давить противно, а пока башмак снимаешь, чтоб супостату в лоб дать, таракана с бутербродом и след простыл.

Дезинсекторов вызывали, травили. А таракан от отравы еще толще и проворнее стал, носится по кабинету, как борзая.

Тут Дуракова в кабинет губернатора лак для волос «Прелесть» приносит.

— Да на что мне лак твой бабский? — вопрошает Петрович. — Я же укладок по утрам не делаю, чуб мой — не ирокез панковский!

— Знаю, Петрович, — вразумляет его Дуракова. — И лак не затем. Ты им на таракана пшикни, и никуда он уже от тебя не убежит.

Смекнул губернатор, и в засаде долго сидеть не пришлось. Как только вылез таракан на стол за очередным бутербродом, пшикнул на него Петрович лаком из баллончика, таракан и увяз. Только лапами беспомощно перебирает. Снял с наслаждением губернатор с ноги ботинок, размахнулся, чтобы вредное насекомое порешить, да так и застыл с ботинком в руке в глубокой задумчивости и печали.

— Убей его, Петрович! — кричит Дуракова и под локоть толкает. — А то сейчас обсохнет и убежит!

— А стоит ли отягощать карму, — мудро ответил ей губернатор, — может, я в другой жизни тоже тараканом стану?

Губернатор и легенда о Белом Бурхане

Не зря Петрович о карме лишний раз вспомнил. На то у него веская причина была. В молодости, сразу после армии, он к цыганскому табору прибился. Хотел мир посмотреть и лошадей поворовать. Как-то на Алтае украл он из местного колхоза белую кобылу и стал ее тувинцам за жеребца продавать. Дескать, это вовсе не кобыла, а самый натуральный кобыл.

Тувинцы ему поначалу не поверили, пузо у лошади щупают, интересный вопрос задают, с подковыркой:

— А куда у жеребца орган размножения пропал?

— Да и не было его отродясь, — глазом не моргнув, отвечает Петрович. — И не лошадь это, а прямо дух святой. Откуда у духа половые признаки?

Тувинцы неграмотные были, наивные, как дети, сразу поверили. А лошадь на самом деле чудесным духом оказалась, воплощением Будды. Часто она к Петровичу теперь видением белым приходит, умной головой укоризненно крутит и золотым копытом грозит.

Как Петрович цыганским бароном был

Приглянулась в этом таборе Петровичу хорошенькая цыганочка. Есенией звали. Глаза черные, зубы золотые, коса до пят, а пятки толстые. За такой и сам босиком на край света с табором уйдешь. Долго кочевал Петрович за ней с шумной толпой цыган по Бессарабии, руки просил, коня и сердца. Уверял, что полцарства отдаст, но за что конкретно, недосказывал. А цыганка все его любви не верила. Говорит, дескать, ты сам мне сердце свое вперед отдай и путь нам, цыганам, жизненный освети. Не стушевался Петрович, разом вырвал из груди своей сердце пылкое да понес его, словно керосиновый фонарь, навстречу таборным людям. Сразу смекнули цыгане, что отважней защитника и барона им не найти. Сердце ему обратно одна сильная цыганка-гадалка зашила цыганской иглой, волшебным пометом летучих мышей грудь помазала, заговоры набормотала, и зажило на Петровиче это самодеятельное хирургическое вмешательство, как на собаке. За одну ночь ему цыгане всем табором дом построили из упаковочных ящиков, женили утром на красавице Есени и двенадцати ее сестрах сразу.

Стал Петрович очень справедливо баронствовать, каждый день пятимос есть и всех кошек по древнему цыганскому обычаю марганцовкой красить, на счастье. За порядком он тоже следил. Даже ключи от машин на ночь забирал и после восемнадцати часов

никто табор без его разрешения покинуть не мог, разумеется, без уважительной причины. Разве что в командировку или к родственникам какой цыган намылится.

А Есения ему через девять месяцев двух близнецов родила. Авеля и Каина. Цыгане своим детям всегда необычные имена дают. Сестры тоже вскорости понесли. Так Петрович из своих цыганят целую футбольную команду «Чавале» создал с запасными игроками и судьями, особенно бесенятам удавались договорные матчи.

Танец тростниковых девственниц

Нанес визит нашему губернатору один африканский царек. Петрович тоже не сплеховал, к нему навстречу в леопардовой шкуре на голом торсе вышел. Просил царек ему устроить на берегу реки Воронеж, у прибрежных камышей, танец голых местных девок. Так у него на родине полагается жену выбирать для своего гарема. В его стране все девки давно с миротворцами скурвились и с врачами без границ паскудились.

Петрович на профессиональной основе древний обряд арапу организовал, образцовый ансамбль песни и пляски из ДК задействовал, не раз на конкурсах дипломированный. Артисты в нем пусть и самодеятельные, рабочие и колхозники, однако посредством тщательного механического освоения танцевальных фигур иным профессионалам сценических подмостков большую эстетическую фору дадут. А все потому, что художественные руководители его супруги Подлякины мудро годами воспитывают коллектив стеком и стейком. Очень ревностно они и за конкурентами следят. Чужим успехам сердечно сопереживают. Как создали в области казачий ансамбль, сразу письма в администрацию разгневанных трудящихся организовали. Дескать, нет и не было в наших краях никаких казачьих традиций. И сцену ДК отказались казачьим плясунам предоставлять, мол, сапожищами настил расшатают, шпорами исковыряют, а оркестровую яму саблями изрубят.

Петрович на это только плечами пожал:

— Я сам уже в казаки записался, да и как надобно трактовать исторические традиции, коли балет в Россию французы завезли. Что же, Большой театр теперь в память о нашествии Наполеона разгонять? Или балеринам вместо пачек лапти обувать? Вы уж, псевдонародники, с псевдоказаками ищите мирно общий сценический язык.

За остроту творческой позиции Петрович и призвал плясунов на помощь царьку. Вывезли славный ансамбль на речной берег тремя маршрутками. Парней с балалайками вокруг царька посадили, фонограмму наяривать, а девки как запляшут вприсядку в чем мать родила китайский народный танец с коромыслами, не только у африканского гостя, у Петровича челюсть отвисла и шапка с головы от вихря танца слетела. А когда Петрович получше к танцующим пригляделся, и вовсе дар речи потерял: впереди всех в прозрачной набедренной повязке Дуракова кадрили солирует, фабричную, колхозную, простую и серьезную.

Очень царьку эти танцы понравились, весь ансамбль к себе выписал на жаркие гастролы в гареме, а Петровичу калым дал слоновьими бивнями да награду государственную — кольцо в нос. Теперь Петрович его часто с гордостью носит, но окружающим почему-то говорит, что это не высокая награда, а модный ныне пирсинг.

Губернатор и хобби

В любом человеке всегда дремлет какой-либо талант, а уж в таком человеке, как Петрович, талантов спит, пожалуй, целая коммунальная спальня. Ошибочно принято считать, что таланты проявляются в раннем возрасте. А как быть, коли мальцом их не обнаружил? Надобно искать их в себе насильно, возможно, и по команде сверху.

Для этого и придумали в нашей области хобби. Даже флегматичный вице-губернатор Тихонич стал на досуге декоративных курочек разводить. Иногда в склерозе забудется и ну помощников в кабинет созывать:

— Цып-цып-цып, мои цыплята!

Квохчет и деньги им, как просо, сыплет. Смотрит радостно, как они по ковру ползают и деньги клюют, как петушки молодые, дерутся. У Чардаша склонность к живописи проснулась, к модному ныне боди-арту. Заходит к нему раз Петрович, а Чардаш на аппетитной заднице Дураковой гуашью бабочек рисует, щекочет дорогой мягкой беличьей кисточкой. Он весь женский пол в администрации постепенно этим боди-артом разукрасил и защекотал. Губернатору так понравилось увлечение Чардаша, что он приказал персональную выставку прямо в родной администрации провести. Только выставки никто не понял, шепчутся, дескать, губернатор совсем с ума сошел, всех чиновниц догола раздел и краской обмазал. Да, непорочно новое искусство в народ дорогу торит! До него областному люду еще дорости требуется.

Опасно, однако, хобби бывает, чревато необратимыми последствиями. Один чиновник из обл администрации сильно увлекся выжиганием на фанере. Портрет Есенина с трубкой удачно сработал, затем выше художественную планку поднял — премьера выжег, и тоже с трубкой. Еще больше стараться стал, когда за портрет самого Петровича взялся. Заперся ночью на кухне и выжигает. Трое суток прошло, а у него все свет горит, а жена на кухню зайти не может. Звала, в дверь стучала, причитая:

— Дай хоть омлет на завтрак пожарить, не голодной же на работу идти!

А он — ни гугу. Только электровыжигатель сильней шипит да жженой фанерой воет — хоть из квартиры беги или пожарных вызывай. На четвертые сутки пришлось вызвать санитаров.

А что особенного? Может, от проснувшегося таланта человек увидел окружающий мир иначе, чем все мы. Вот и Дуракова стала дома картины из рыбных костей выкладывать. Особенно удачно получались у нее полотна на тему трудовых подвигов области. Знатные люди хорошо из рыбных костей выходили, большой портретной схожести. Глядя на нее, начальник таможни тоже принялся к изобразительному искусству приобщаться — порнографические журналы собирать.

Да и сам губернатор хобби приобрел, талант в себе ощутил, невиданную тягу к прекрасному. С недавних пор стал украшать пространство в своем кабинете окурками. Очень демократично, неординарно и совсем немного места на стенах и потолке уже осталось. Все это как нельзя лучше отражает сущность самого художественного творчества. Любой художник нагло утверждает, что как бы вынужден создавать свои творения, по неодолимому влечению природы, возможно, по указанию Бога. Прекрасное есть жизнь, так почему же инсталляция из обыкновенных «бычков» не может быть прекрасной и актуальной? Это определение столь широко и верно, что даже клюквенный кисель, сваренный женой губернатора и залитый в красивую форму для образования фигурного желе, оказывается произведением искусства, ибо не только удовлетворяет эстетическое чувство губернаторского гостя, но и побуждает к высоким душевным размышлениям, какие обычно булбуряют каждого, впервые увидевшего скульптуры нашего знаменитого областного ваятеля Кишко.

Губернатор и памятники

Богат наш край памятниками. Истории вовсе никакой — область по капризу Хрущева всего полвека как на глобусе России появилась, но куда ни плюнь, обязательно в памятник попадешь. Поскольку мы сами творцы истории, как можем, пишем ее и вая-

ем. Поставили памятник Пушкину, и неказистый Александр Сергеевич из алюминия получился, будто скульптор только одно и знал, что тот курчавый арап. Стоит Пушкин возле театральной банкетки с цилиндром и перчатками, словно не стихотворец известный, а иллюзионист какой. Еще минута — и зайца за уши из цилиндра вытащит!

Пришвина с берданкой и собачкой в обнимку сваяли — невольно поймешь, что был он большой знаток и любитель природы. Толстой — непременно в крестьянской рубахе, босой и с очень большой головой. Сразу видно, не фермер какой-нибудь, а великий писатель. Бунин тоже характерный — сухонький, нервный и язвительный интеллигент, эмигрант неисправимый.

Другие исторические персоны также удивительны. Могучий основоположник русского марксизма Плеханов вышел похожим на объездчика времен сталинской коллективизации. Злые языки говорят, когда памятник торжественно открывали, одному местному плехановеду так плохо стало, что его той же простыней сразу накрыли, что с памятника сорвали.

Автором большинства этих замечательных творений является широко известный в наших краях, заслуженный многими почетными званиями и премиями скульптор Кишко. Он очень прост в своем творчестве и в общении с властями предрежащими. Зайдет в администрацию очередной скульптурный заказ пробивать и скромно о себе сообщает:

— Рядовой художественного фронта Кишко по приказанию губернатора прибыл!

А еще этот известный скульптор нацлидера из меди отлил. Приволок шестикилограммовую статульку к Петровичу и шепчет, как змей-искуситель:

— Я идею вылепить нацлидера долго втайне вынашивал, в тайне держал. Лепил по фото, где он в кимоно на татами сидит, из его же книги про дзюдо. Копировать, конечно, не стал, а художественно осмыслил: поза у него пусть и жесткая, зато взгляд теплый. Чтобы факт этот подчеркнуть, я нацлидеру глазки голубые в скульптуру вставил, из перламутровых пуговиц, и в них лампочки вмонтировал с теплым и мягким светом. Подарим ему его же изваяние, захочет — на стол поставит, как ночник может использовать. Да и меди в нем на полторы тысячи долларов. Не понравится скульптура, так во вторцветмет всегда можно сдать.

Однако огорчил его губернатор:

— Не любит наш нацлидер свои изображения. Впрочем, полторы тысячи баксов я тебе и сам дам, а скульптуру переходящим призом на областных соревнованиях по дзюдо сделаю, потому как похожа она не на нацлидера, а на китайского болванчика.

Славная и весьма небольшая когорта наших ваятелей скорее напоминает некое преступное сообщество, куда постороннему вход строго воспрещен. Например, лет десять назад решили в нашем городе поставить памятник героям-летчикам. Тем, что сорок лет назад от городских кварталов падающий самолет увели, заплатив за это собственными жизнями. Но по новым градостроительным правилам на сей проект ныне надобно открытый конкурс объявлять, и закон никак не обойдешь. На конкурс работы выставляют без имен. Так и случился большой конфуз: конкурс выиграл никому не известный молодой скульптор. Кишко тут же бучу на всю область поднял, дескать, заслуженных и маститых ваятелей обижают!

Струсила власть, стала выход из этого щекотливого положения искать. Как Кишко угодить и законного победителя конкурса не обойти? И придумала! Решили поставить героям-летчикам сразу два памятника, разумеется, в разных местах города, дескать, негоже на памяти героев экономить, и так сорок лет им памятник не могли поставить! Было только одно но: Кишко заказали памятник в натуральную величину, а молодому скульптору предложили соорудить памятник высотой в... один метр. Такой вот скульптурный пенек! Естественно, молодой скульптор от сомнительной чести отка-

зался. Ну а Кишко теперь торжествует: вырвал все-таки выгодный заказ, не мытьем, так катаньем!

Посмотрел на это безобразие Петрович и решил, что мысль ваятеля приводит к отчаянию, а дух, стало быть, к смерти. Но спорные памятники мудро сносить не стал, а так плотно обустроил новостройками, что непосвященному или гостю города памятников не видно.

Правда, в нашем городе еще один спорный памятник есть, за снос коего все время демократы выступают. Возле администрации с давних пор огромный бронзовый Ленин стоит с протянутой рукой. Губернатору он люб, да только пользы практической нет. Решил он памятник модернизировать в духе рыночной экономики. Тело потолка и пониже отлили, превратив в свинью-копилку. Это чтобы народ закону о самоуправлении помогал и деньгу свою в благоустройство вкладывал. Голову такой же оставили, но с великой пользой модернизировали. Чтобы не пустовала голова вождя, улей в ней губернатор организовал многоярусный, с летками из ушей, ноздрей и рта. Словом, из всех естественных человеческих отверстий. Жужжат теперь пчелы в медной голове, словно мысли мудрые роятся.

Важнейшее из искусств

Хотел губернатор, как всякий великий человек, о себе кино снять, увековечить собственную государственную пользу для смысленных потомков. А что может быть лучше старого доброго вестерна! Тут тебе и сюжет беспроегранный — освоение нужного, но еще враждебного пространства. Романтическая любовная коллизия, даже с представителями коренной национальности. Захватывающая погоня с большой стрельбой. Да и материальная сторона не забыта: героев в финале ждет если не золото, то точно мешки денег из ограбленного банка или поезда. Все как в нашей областной жизни, в повседневной правде ее, в точном отражении суровой действительности, без всякой лакировки и украшательства. Настоящая областная жизнь куда богаче, разнообразнее и интереснее самого смелого художественного вымысла. Вот и разделил Петрович своим постановлением городских и областных чиновников на бледнолицых и краснокожих...

Кино давно закончилось, а война все идет. Буквально вчера областной чиновник украл у городского красавицу жену, а городской в ответ снял за эту пакость с него скальп. В эти же сутки почтовый вагон под откос пустили и два банкомата в супермаркетах на глазах у охранников дерзко вынесли. Милиция по своей близорукости, кроме бытового преступления, в этом ничего больше не видит. И напрасно. Учащаются с каждым днем кражи скота, угоны автотранспорта, убийства, изнасилования, прочие посягательства на жизнь и собственность граждан. Когда же милиция наконец поймет, что все это — война городских бледнолицых с областными краснокожими!

Как Петрович фильм про Мастера и Маргариту снял

Мало кто знает, что самый удачный фильм по бессмертному роману Булгакова наш губернатор снял, а не какой-то там Петрович, тезка его итальянский. Да и где итальянскому режиссеру столько актеров найти? Ведь у нашего Петровича большой административный ресурс имеется. Только рывкнул, и вся чиновничья рать на съемочной площадке оказалась, прямо на бульваре, на трамвайных путях.

Аннушку с подсолнечным маслом Дуракова сыграла, а на роль Берлиоза Петрович вице-губернатора по социальным вопросам Воровского не пожалел. Ему натурально

голову трамвайным колесом отрезало, без всяких дешевых кинотрюков, во имя правды искусства. Теперь эта голова в стеклянной банке стоит заспиртованная в нашем краеведческом музее. Четверть спирта на нее не пожалели. Картина, конечно, жуткая, но и фильм не слабый. Вот потому на этой голове до сих пор волосы шевелятся, а по ночам она глаза открывает. И квартира Воровского-Берлиоза тоже нехорошей стала. В ней до сих пор следователи пропадают, а потому дети Воровского никак наследство оформить не могут.

Воодушевленный таким кинематографическим успехом, решил Петрович по мотивам собственного фильма целый модный телесериал отнять на местном телевидении. Чтобы серий триста областные домохозяйки слезы лили, нелегкой судьбине Маргариты и Мастера каждый вечер сопереживали, от экономического кризиса в стране свои мысли отводили. Роль Маргариты в сериале дочери губернатора досталась. Каждый день теперь на метле летать учится в чем мать родила. Мастером и одновременно Иисусом, сразу на две непосильные роли, Петрович себя утвердил. Посчитал, что другие чиновники столь сложные и глубокие образы убедительно не освоят. Воландом, разумеется, Тихоныча назначил, за неугасимый адв пламень в глазах и склонность к разного рода пакостям. Чардашу роль Бегемота поручил, он и так на наглого кота шибко смахивает, и гримировать не нужно. Только ведущий журналюга области Бредисфельд уперся. Не хочет поэта Бездомного играть, в сумасшедший дом ложиться. Петрович его вначале по-хорошему уговаривал, стыдил:

— Ты что, Изя, массового искусства чураться, дохлого эстета из себя корчишь? Мы тебя не случайно на эту роль сватаем, знаем, что тайком стишки пописываешь и единственным верным наследником творчества капитана Лебядкина себя считаешь, преемником литературного золотого века. Будешь артачиться, действительно тебя бездомным сделаем — квартиру отберем и в сумасшедший дом навсегда запрем!

А Бредисфельд не робкого десятка оказался, встал перед губернатором руки в боки и упорствует:

— Я квартиру давно на молодую жену переписал, по мудрому совету тещи, а в сумасшедшем доме давно дружбу с докторами и санитарями завел, — сказал все это ехидно да как сиганет из окна администрации, с третьего этажа, и прямо в кусты, отряхнувшись, как собака, и деру дал.

Пришлось съемки временно приостановить, трудно подходящего артиста найти. И все из-за, казалось бы, второстепенной роли. Выходит, нет в настоящем искусстве ничего второстепенного и эпизодического! Пусть даже писательская организация наша поэтами богата, но все персонажи какие-то не колоритные, не убеждают они Петровича, хотя многие на самом деле в сумасшедшем доме не раз бывали и до сих пор живут без квартир. Видимо, роль Бездомного богатого внутреннего мира требует, а не только бедного внешнего.

Губернатор и художественная самодеятельность

Профессиональное искусство Петрович недолго любил, можно сказать, презирал, здраво считал, что настоящий творец не может творить за звонкую монету, быть вечным рабом гонорара. Потому где бы он ни работал, везде упорно трудовые массы в самодеятельность вовлекал. Решил он и в своей администрации драматический кружок открыть на радость Мельпомене. Спектакль подобрал идеологически безупречный — восточную сказку. Естественно, главную роль — мудрого султана — сам играть взялся. Была в спектакле сцена одна, в коей правителя челядь выносит из дворца в роскошном паланкине. Настал день генеральной репетиции, а хитрые чиновники-

наибы справки ему приносят, где указано, что больше трех килограмм им поднимать нельзя. Выходит, сцена с выносом Петровича в паланкине грозит сорваться. Петрович хитрых симулянтов плеткой султанской отстегал, но медицинские противопоказания к сведению принял. Не изверг же он какой, чтоб грыжи подчиненным наживать. Придумал он в паланкине отверстия для ног проделать. Так и состоялся спектакль с торжественным выносом губернатора в паланкине при аншлаге.

Но не только в крупных формах художественной самодеятельности успех был. И малые формы — отдельные номера не забыты. Например, у Чардаша хорошо борьба найских мальчиков получалась. Это когда один человек меховой костюм в виде двух северных ребятишек надевает и сам с собой борется. А секрет сценического успеха Чардашу сам губернатор подсказал:

— Ты представь, что так за госсказ для своей жены борешься!

Внял мудрому наставлению Чардаш, и художественность номера в его исполнении от этого несказанно выросла. Петрович любит его теперь столичным гостям показывать, дескать, знай наших!

Даже Тихоньч комсомольской стариной тряхнул, глядя на успех коллеги, и, малость покумекав, трюк с исчезновениями предметов Коперфилда разгадал. Соберет у зрителей часы и кошельки, платочком накроет и занывает. Так он и облигации областного займа в никуда определил. До сих пор ищут. И более крупные предметы он мог припрятать. Накроет саваном какое-нибудь успешное малое предприятие, пробормочет:

— Крекс, фекс, пекс!

И больше это предприятие никто не увидит. А все потому, что от старческого ма-разма заклинание по возвращению предметов забыл. Губернатора это вовсе не смущает, главное, что первая часть фокуса получается, надо ведь к творческим людям снисходительно относиться, поощрять их таланты по-доброму. Авось когда-нибудь Тихоньч волшебное заклинание целиком вспомнит, предметы и деньги вернет с процентами.

Петрович и народные промыслы

Очень уж любил Петрович народные промыслы, постоянно их развивал и совершенствовал. Да как иначе, если только произведения областного народного искусства о нашем областном же характере рассказать подробно могут, нашей истории, сермяжных идеалах благополучия, счастья и красоты.

Большинство областных народных промыслов возникли у нас в деревенском ремесле, но только сразу после указа Хрущева об образовании области. Ибо нет области — нет промыслов. А уж Петрович всегда понимал гносеологические истоки любых промыслов, и сама природа мудро подсказывала ему материалы и сюжеты. Особенно в девяностые годы. Так появилось выжигание алюминия и меди из кабеля, где были его большие природные залежи на брошенных предприятиях и действующих опорах ЛЭП. Отхожий промысел бомжей на садовые участки за чужим добром славно прижился. А уж пальцевская роспись на стенах домов, заборах и в туалетах бытовала у нас давно и ныне трансформировалась в модное граффити. Хорошо развился перегон старых, ржавых иномарок из Прибалтики. Очень распространено выдувание пластиковых бутылок с последующим их использованием в самых разных отраслях обывательской жизни. Даже заборчики вокруг палисадов из них делают и теплицы шьют.

Но мировую славу нашей области snискали матрешки из пластиковых бутылок с изображением Петровича и всех членов администрации. Этот сувенир довольно молод и происходит от разъемной пенопластовой куклы вуду, изображавшей вождя, над которой часто колдовали враги, злобно втыкая английские булавки ему в глазки.

Знаменитая прежде хохломская роспись золотом по черному перешла со шкатулок, братин, самоваров и подносов на кредитные карточки и визитки. Сюжеты тоже преобразились в духе времени. Удивительно сочетание утонченного, духовного письма с простым, земным содержанием, возникшим от наивных и трогательных народных представлений о новой, местами хорошей жизни: «прокурор в сауне», «олигарх на охоте», «крышевание кооператива», «плечевые на трассе», «депутаты в кукольном театре», «крах долевого строительства» и прочие любимые сюжеты.

Отдадим должное комиксам. Они перешли в сюжеты глиняных романовских игрушек и турецких пластмассовых одноразовых сервизов. В наше время жители области очень любят и ценят произведения народного искусства. Почти в каждом доме можно увидеть мебель из картонной упаковки и пластиковой тары, глумливую матрешку «Петрович». У многих есть целые коллекции пустых пластиковых бутылок, поделки из них в виде светильника и бухты медного кабеля. Эти наивные игрушки всегда напоминают губернатору о его добром, щедром и хитром на выдумку народе.

Боевые гуси

В армии Петрович служил на берегу Амура, аккуратно на китайской границе. Время тогда беспокойное было. Хотели они у нас землицы оттяпать. Поручил тогда Петровичу отец-командир, прапорщик Скамейкин дело государственной важности — гусей пасти. Птица эта имеет большие стратегические способности. Известно ведь, что гуси Рим спасли, когда враги на Капитолийский холм ночью карабкались. Хотите верьте, а хотите нет, но и с Петровичем похожая история приключилась и в annales военной российской науки навсегда вошла.

Спит однажды Петрович с гусями в душном катухе, а хунвейбины уже посреди башушки-Амура плывут по-собачьи. Напасть на мирный советский берег хотят, сон и покой наших граждан растревожить, всех лягух поесть и святыни, где можно будет, порушить. Но чуткие гуси Петровича далеко супостатов услышали, едва они за буйки заплыли и в фарватере волну нагнали. Да такой шум и гам подняли, гогот великий на весь Краснознаменный Дальневосточный военный округ, что не только заставы в ружье успели подняться, но умыться, свежие воротнички подшить, сапоги начистить, сытно позавтракать и перед боем законные сто грамм принять. Амур широкий, по-собачьи его не шибко скоро переплывешь! Таким образом, используя выгодный временной фактор и ракетные системы залпового огня «Град», успели в большом количестве на берег выкатиться. Да как ракетами шарахнули, аж вода в Амуре закипела и до утра остыть не могла. Полная победа благодаря гусям случилась.

Только прапорщик Скамейкин куда-то внезапно пропал. Долго его по тайге искали, в кедраче, женьшене и борщевике, норы звериные обследовали, берлоги ворошили, дупла от пчел проколачивали и на любой шорох из «калаша» палили. Вдруг отзовется?

Много лет спустя, уже став губернатором, по праву памяти Петрович документальную повесть «Боевые гуси» об этом решающем ночном бое написал. Так тема вызрела, проверку временем выдержала, что Петровича сразу в писательский союз приняли, государственную премию дали, а всю нашу писательскую организацию в благодарность стали в народе метко величать «Боевые гуси».

Гусиный генерал

За подвиг с боевыми гусями Петровичу срочно звание ефрейтора присвоили. Однако он намного выше свои полководческие способности понимал. Купил в местном

военноторге генеральские погоны и важно к гимнастерке пришел. Ходит Петрович по части в генеральских погонах, радуется и не понимает, почему другие военнослужащие пальцем у виска крутят. На беседу Петровича к себе командир части вызывал, пенял назидательно, дескать, если добровольно не снимешь генеральские погоны, при всей части на плацу их сорву. Сажали Петровича на гауптвахту. Да все без толку, ибо на губе он вел себя как крупный военачальник в плену: требовал каждое утро, чтобы расстреляли и глаза не завязывали. Крепко озадачил Петрович воинское начальство. За ношение погон не по чину в дисбат не отправишь, уголовного дела не пришьешь. Решили просто комиссовать от греха подальше. Вот и вернулся Петрович в родное село в генеральских погонах на законном медицинском основании.

Как Петровича за шпиона приняли

Учиться Петрович решил на лесника. Желающих в эту профессию идти мало было. Кому охота на отшибе цивилизованной жизни жить, в глухом лесничестве. Да и поступить в институт после армии проще, большая льгота была, принимали вне конкурса. И сама учеба довольно простой вид имела. Советскому леснику что требовалось? Уметь правильно на охоте и рыбалке партийное начальство принять, пиломатериалы разного рода начальничкам по дешевке выписать. Вот и все обязанности. Конечно, и лес охранять требовалось, от местного браконьерского населения. Только здесь строгость лесника и проявлялась в полном государственном объеме. Знай, народ, чьи в лесу дровишки и шишки, чьи кабаны и зайцы. Все это добро только представителям власти принадлежит, а лесник и есть человек государственный, потому и в форме ходит, злобен и вооружен.

С этой формой забавная история приключилась. Приехал Петрович в отдаленное лесничество на практику. А в том районе давно лесника не было. Поселился на заброшенной заимке, чемоданы оставил, а сам в ближайшую деревню пошел в сельпо, за спичками, табаком, солью, водкой и сахаром. Да заодно хотел с деревенскими жителями ближе познакомиться. Приструнить, чтоб в лесу больше не баловали. Заходит в деревню при полном параде, в форме, фуражку с лакированным козырьком лихо набекрень заломил. А в той деревне настоящего лесника отродясь не видели, да еще в форме. Сразу большие подозрения у малограмотных селян эта форма вызвала. Бабы на завалинках подсолнухи лузгают, шурются на него и шушукуются меж собой:

— Гляди, шпион!

А мужичье неотесанное вообще сразу за косы и вилы взялось. Так и побежала толпа за Петровичем с криком:

— Держи шпиона!

Догнали у околицы, наземь повалили, бока сильно намяли, веревками бельевыми связали и в сарай под висячий замок заперли. Довольные, что шпиона поймали, пошли звонить из правления в район. Одно Петровича спасло, что председатель колхоза образованный человек оказался, бывший учитель. Говорит мужичью с сомнением:

— А ну, храбрецы, покажите мне этого иностранного агента!

Да как глянул в сарай, обомлел — там лесник Петрович, побитый и связанный, в дражной шинели на соломе лежит.

Простил Петрович селян неразумных, даже для вида похвалил за бдительность. Так и говорил им, когда магарыч за принесенный ущерб всем колхозом ему поставили. Дескать, бдительность — не мнительность, бдительность — не страх! Хотя, признаться, страху он тогда сильно натерпелся.

Как Петрович кита съел

Студенческая жизнь Петровичу в тягость была. Учиться он не любил и большого смысла в том не видел. Терпел учебу только из-за корочек, то бишь нужного в жизни диплома. К чему в тонкости лесного дела вникать, коли основным занятием будет партийных начальников на природе ублажать. Накладно учиться было, стипендия копеечная, одно выручало — на лесных практиках запасы на зиму делал: грибы, ягоды, орехи. А еще приспособился Петрович в городе дешевой морской капустой питаться и китовым мясом. Это оно сейчас — модный деликатес в японских ресторанах. А в советское время есть его брезговали — на всех прилавках валялось, по шестьдесят копеек за килограмм. Видом на говядину похоже, но цвет больно омерзительный, фиолетовый, словно говядину какой гад взял и чернилами облил. И запах рыбный, противный.

Но Петрович терпел, ел китятину и нужные калории для организма от тощей студенческой жизни таким образом восполнял. Нажарит, бывало, сразу килограмм, целую сковороду. Всю кухню студенческую провоняет, а после целый день ест. Даже на лекции китятину с собой брал, в шаргалки бутерброды с ней заворачивал. Многим однокурсникам такое поведение Петровича не нравилось. Даже сатирическое стихотворение в институтской стенгазете появилось.

Вызвали его на студком, на вид китоеда поставили. Ультиматум выдвигают:

— Прекращай, Петрович, китятину есть, ты уже и так за пять лет учебы точно целого кита сожрал! Да и Гринпис китобойный промысел запретить грозит, китов совсем мало осталось. А ты же на лесника учишься — защитника природы.

— Как диплом получу, так и брошу китятину есть, — огрызается Петрович, — не по своей воле ем ее, а из большой студенческой экономии. У меня уже от китятины и морской капусты ночью физиономия светится, от переизбытка в организме фосфора.

Сказал это и свет в аудитории выключил. Глянули однокурсники и обомлели. Действительно, физиономия Петровича во тьме белым фосфором светится! Перепугались и ну бежать всей кодлой со студкома. А Петрович свет включил и в магазин с авоськой за очередным килограммом китятины пошел. Питать мозг требовалось усиленно, на носу защита диплома.

Надобно отметить, что долгое питание полезными морепродуктами с организмом Петровича настоящее чудо сотворило: он вдруг обнаружил, что дышать под водой свободно может, прямо как знаменитый Ихтиандр. Это полезное свойство в будущем сильно пригодилось. Прошло немного времени, и его высокий начальник, тогдашний губернатор Хавролин, заметил да и взял к себе на работу именно Ихтиандром. Так и в трудовой книжке записали. Рыбу свежую начальству к столу руками ловить.

Предприимчивый Петрович

Жить в лесничестве было скучно, трудно и голодно. Волки по ночам вокруг избы воют, и хоть самому волком вой. Вот и решил Петрович попытаться жизнь к лучшему изменить, к своему студенческому предпринимательскому опыту вернуться, малым бизнесом для начала заняться и в люди выбиться. Но какой бизнес в такой непролазной глуши сотворишь? Лес продавать на сторону — разовое занятие, да и свои деревенские мигом милиции сдадут. В сельской местности вся твоя жизнь на виду у честного и вредного народа, живешь, как облупленный, и одни мелкие завистники кругом. Бабки от нечего делать по окнам сидят и высматривают, кто прошел или проехал. Телегу с горбылем мимо деревни инкогнито не провезешь. Лесную живность браконье-

рам на убой продавать? Опять же дело разовое и сезонное. Доходы небольшие, все стараются за добытую дичь один магарыч всучить. А от визитов начальства и загулов чиновничьих на заимке одни убытки, сам порой в долги влезает, чтобы начальников ублажить.

Впрочем, в деревне у него хороший приятель был, раньше на почте работал шофером. На автомобильчике-«каблучке» ИЖ почту в советские времена развозил. А после того как почту закрыли за нерентабельностью, этот «каблучок» у него и остался, спиленный из почтового хозяйства. Приятель и подал Петровичу ценную идею, своего рода малое предприятие на паях открыть — похоронную контору.

Идея была проста: Петрович из подведомственного леса гробы сколачивает, а дружок на «каблучке» усопших до места постоянного назначения доставляет. Бизнес по тем временам беспроблемный, благо народ от реформ мрет и мрет. Да и если реформы закончатся благополучно, убытка предприятию не будет, так как основано оно на естественном порядке жизни: все мы смертны и против природы не попрешь.

Однако первые же коммерческие похороны фиаско потерпели. Компаньону Петровича отвезти покойника до кладбища родственники не дали, заартачились. Оказалось, что длина кузова «каблучка» всего... 160 сантиметров. У покойника ноги из этого кузова наружу торчат, и ничего не поделаешь с явлением кузовного маломерства. Не калачиком же усопшего укладывать? А если в гробу повезешь, то и гроб наружу торчать будет. Так фирма Петровича и умерла, толком не успев народиться. Однако редкую инициативность Петровича сельчане очень оценили и на первом же собрании председателем совхоза дружно выбрали. Так Петрович наконец от постылой шинели лесника избавился и на радостях в печке ее сжег.

Как Петрович музей из ничего сотворил

Не успел Петрович директором совхоза стать, как его первый секретарь райкома на ковер вызвал и мохнатые брови сурово насупил:

— Почему в вашем совхозе нет краеведческого музея? Чтоб завтра в райгазете «За изобилие» была об этом статья. Хоть свой совхозный кабинет в музей превращай. А вот тебе первый экспонат — мешок земли с охотничьими гильзами. Высыплешь посреди кабинета и назовешь экспозицию «Поля сражений»!

Удивился Петрович находчивости секретаря райкома, но даже глазом не моргнул. Только и сказал, кряхтя, мешок с землей на спину поднимая:

— Будет музей!

Землицы с гильзами насыпал, пару черепов сверху положил, а дальше так в раж музейного дела вошел, что стал своими руками из песка и цемента местную монументальную историю творить. На входе в правление кирпичную колонну воздвиг, как столб александрийский, но не с ангелом, а с забетонированным у самого верха словом: «БДИ» незабвенного Козьмы Пруткова. Следующая прутковская надпись на парадном крыльце совхозного правления покрасовалась: «У предательства нет природных корней». К чему бы это или о ком конкретно?!

А во дворе правления-музея забелела огромная, словно изваяние с острова Пасхи, голова декабриста Пестеля. В совхозном фонтане гипсовый Стенька Разин персидскую княжну топил, и в очень развратной позе. Но выше всех творений заторчала над притихшим селом еще одна песчаная голова. Петрович, поймав удивленный взгляд секретаря райкома, приехавшего посмотреть на чудо-музей, важно заметил:

— Это Спиноза.

— А почему, неужели и он родился в наших краях? — недоуменно спросил секретарь.

— Э, Спинозу я поставил выше всех, и не случайно, — чинно отвечал ему Петрович, — потому что вокруг уничтожается природа, как бывший лесник на своем опыте знаю. А Спиноза сказал: «Бог — это природа», и за это его осудили.

Затем Петрович повел обомлевшего секретаря по залам музея-правления. Исторический экскурс завершился порой неожиданно: на стене совхозного нужника светились два искусственных глаза.

— Это варяги на нашу область глаз положили, — важно пояснил Петрович.

А в экспозицию Бунина Петрович поставил классику две бутылки «Бунинской» водки за его нелюбовь к Белинскому и Ленину. Рядом соседствовали не менее удивительные барельефы: Обломов в буденовке, в шинели, в сапогах и с винтовкой. Как выразился Петрович, «восстал и прет на Гончарова». Закончилось тем, что красный от испуга секретарь сплюнул сквозь зубы:

— Заставь дурака...

Но не договорив известной поговорки, хлопнул дверью служебной «Волги» и уехал восвояси. Долго этот музей власти не трогали, кривотолков боялись, а закрыть смогли лишь в августе 1991 года под звуки «Лебединого озера». Символично получилось.

Повесть о прапорщике Скамейкине

Завелся с некоторых пор в наших лесах грозный разбойник. Стал придорожные бензоколонки грабить, в мотелях продукты воровать, в лесхозах — пило- и стройматериалы тырить. Нашего фельдъегеря ограбил, когда тот подарки из области в столицу вез и «входной билет» в кабинет министров. Фельдъегеря медвежьим салом обмазал и собаками до смерти затравил. На основы власти покушался. Бывало, заедет в какое сельцо и крестьянам объявит:

— Земля теперь ваша, а не АПК, и вода ваша, и почта, и телеграф.

А то и хуже. Переоделся сельским учителем и устроился к девушке Маше репетитором, дочке фермера Троекурова, отставного генерала ФСБ. Большое доверие у него получил: на районных балах концертмействовал, первым икру на батон намазывать мог, первым «Столичную» откупоривал и местных барышень. Особенно Машеньку он любовью одурачил. Вместо арифметики да правописания ей, бедняжке, порножурналы показывал, опыты с прибабасами из секс-шопа с ней проводил. Узнал об этом непотребстве Троекуров, да поздно. Уже фазенда его пылает, зеленя на полях отравлены, скотина вся в сибирской язве лежит, а учитель с дочерью под ручку с революционными песнями в лес шагают, а за ними и все его батраки. Тут и хватил генерала смертельный удар.

История эта многие наши газеты обошла и мировые агентства. Не на шутку Петрович растревожился, больно ему этот злодей имидж региона портит. Стал думать: откуда напасть такая? А тут еще Петровичу донесли, что уж больно разбойник на его сослуживца армейского похож, прапорщика Скамейкина! Губернатор об этом и сам порой догадывался, но до конца поверить не мог. Помнил он, что после победы его гусей над китайцами прапорщик в тайге сгинул. Правда, Петровича после этого еще не один год в органы таскали, все выспрашивали, что он подозрительного о Скамейкине знает, дескать, какие он в части разговоры заводил, какой моральный облик с вольнонаемными поварами имел, был ли идеологически стоек к армейской кухне. Нагло утверждали эти органы, что вовсе не в бою пал Скамейкин, а к хунвейбинам в плен сбежал и у председателя Мао рикшей служил. Твоя садись, моя поехала.

Не мог поверить в это Петрович, потому сомневался: Скамейкин ли? Говорят, что нынешний супостат одноногий, на деревяшке из красного дерева ходит. А прапорщик Скамейкин всегда о двух ногах был и сапоги до блеска чистил. Да и как он мог тогда

рикшей работать? На одной ноге председателя Мао далеко не увезешь. И грехов особых за Скамейкиным в части не значилось. Разве что купил он в военторге генеральские погоны да к кителю и пришел звездочки покрупнее. Так по части и ходил. Ничего с ним сделать не могли. В дисбат за это не отправишь, только комиссовать можно. А тогда Родине кому служить? Не всяк в прапорщики пойдет. Еще одно нарушение за ним небольшое было — ядерную бомбу в карты проиграл. Но ведь он тогда двое суток в преферанс играл, втемную, с бомбами...

Вспомнил губернатор, как год назад к нему одноногий отставник в китайской блузе на прием записаться пытался. Пенсию просил, все кричал, что хунвейбины председателям пенсии не назначают. Милиционеры на вахте прогнали его тогда взашей, даже костыль из красного дерева сломали.

Решил Петрович разбойнику СМС на сотовый отправить, выяснить все непонятки. А в эсэмэске пенсию пообещал. Так на след душегуба и вышли. В УВД специальную операцию разработали — «Лесополоса». И когда разбойник сообщение от губернатора на мобильный принимал, у Комсомольского пруда субчика и повязали. Скамейкин в это время очередного фельдъегеря членил. Не просто, выходит, взяли, а с поличным. Даже судить не стали, сразу на главной площади казнили, когда еще убиенный им фельдъегерь остыть не успел. Другим прапорщикам на назидание.

Машу губернатор простил и отдал в монастырь на перевоспитание. Но через месяц она сбежала с заезжим шофером. Правда, в жизни все равно устроилась, сейчас плечевой без выходных работает на большой дороге. Печальную судьбу отставного генерала Петрович тоже не забыл. Село в его честь назвал — Троекурово. В этом каждый может убедиться, посмотрев на карту нашей области.

Музей-ресторан

Литературная слава Петровича должна была музейные формы обрести. Мечтал губернатор, чтобы его рассказ «Боевые гуси» на музейной витрине под стеклом лежал в виде книги. Да и рукопись с авторучкой, предметы писательского быта кое-какие. Гипсовый слепок руки, шедевр писавшей, стул, письменный стол, зубочистка любимая, ковыряя коей в зубах, он вдумчивые образы находил и точные метафоры. Вообще, все, что положено в экспозиции. Но помещать свою литературную славу в краеведческий музей не хотелось. Неуютно соседствовать с чучелами зверей и птиц, природу родного края представляющих, с шестеренками, подшипниками и памятными чугунными слябами, прославляющими местное производство.

Решил губернатор Литературный музей для такого дела открыть, для своей писательской славы и всех местных литераторов, в области просиявших. Особнячок для этой благой цели он давно присмотрел. Стоял домик старинный и бесхозный в стиле «модерн» аккурат напротив здания администрации, можно сказать, окна в окна. В царские времена в нем аптека была, в советские — бюрократическая контора, а в нынешние он пустой стоял, сильно поизносившийся и в долгострое капитального ремонта. Бросил Петрович все силы, чтобы ремонт поскорей завершить, бюджет и бизнесменов пошерстил на восстановление исторического памятника и создание Литературного музея. А как ремонт закончился, к губернатору неожиданно прибегает запыхавшийся начальник областных художников Творяничиков и ну особнячок канючить:

— Отдай, Петрович, нас, художников горемычных, в три раза больше, чем писателей. Мастерские Худфонда давно в аренду сданы, соберись творческим людям на праздник негде. Давай в нем музей-ресторан создадим имени старейшего нашего живописного мастера и моего учителя Порокина!

Понял ход мыслей Творянчикова губернатор. И чего застолья в администрации устраивать, коли можно столичных гостей рядом принимать, без посторонних взглядов и кривотолков. Но как славу художника Порокина до музейных стен довести? Во-первых, он еще живой, да и не в этом доме родился. Во-вторых, пишет живописный дедушка-гномик свои пейзажи большими пятнами масляной краски, даже цемент подсыпает для выпуклости, вроде уникальный колорист какой. А монументальных полотен типа «Тихон Хренников арестовывает Союз композиторов по приказу И. В. Сталина» у него нет. Какой же большой художник может состояться в нашей области без освоения крупных форм?

Но Творянчиков выход из положения нашел — послали старичка на казенный кошт с картинами в Париж, к одному знаменитому галерейщику, чтоб творчество заценил. Вернулся Порокин к губернатору без денег, но с пустой консервной банкой в руках, это, дескать, Петрович, сувенир такой с парижским воздухом! А следом в кабинет губернатора Творянчиков с консервным ножом забегает и давай банку открывать. Только крышка слетела, как флюиды и миражи парижские из банки по всей администрации пошли. Монмартр появился прямо ниоткуда, а на нем картины Порокина интуристы за доллары и евро скупают да тут же в Лувр перепродавать несут. Обрадовался Петрович и говорит Творянчикову:

— Твоя взяла, быть в этом доме не Литературному музею, а музею Порокина с гастрономическим уклоном и гостеприимством!

Пошла в особнячке чиновничья и художническая пьянка-гулянка. Ни одного видного гостя мимо не провозили. Только сам виновник музейно-ресторанного торжества Порокин ворчал:

— Сделали из меня свадебного генерала, а в дом своего имени не вхож!

А тут еще старичок-гномик молодыми художницами увлекся, для наставничества. Вместо пейзажей у него странные, аляповатые изображения из-под широкой кисти выходить стали и на один манер: большая женская нога, лицо пятном и шляпа. Одну молодую художницу Фиону мастер для удобства натурописания у себя на квартире поселил. Навроде платонической семьи творческой. Автор этого печального повествования сам видел почти идиллическую картину: идет длинноногая Фиона в большой фетровой шляпе на Соборную гору, аккуратно к дому-музею живого старичка, а за ней, молодой и резвой, Порокин тяжелый этюдник на плече несет, на подъеме крутом еле дышит. А Фиона обернулась на легком остром каблучке и родственную художественную душу слегка подбадривает:

— Ты что, старая б..., еле плетешься!

Но вскоре плодотворная музейная жизнь целой человеческой трагедией обернулась. Собрался как-то летом Порокин в Елец пейзажи писать по клеточкам и ну у хитрого Творянчикова машину служебную просить. Дескать, подавай мне свою директорскую «Волгу», коли моим именем вовсю музействуешь и директорствуешь! Но не дал горемычному машину Творянчиков, как слезно ни просил Порокин, на шибко преклонный возраст ссылаясь, ведь девяностый годок разменивал. Пришлось старичку по тридцатипятиградусной жаре в Елец и обратно в рейсовом автобусе ехать. Как вернулся с пленэра, сразу лег на диван и тихо помер.

А тут и другой скандал подоспел. Поехала в Париж группа молодых художников перформанс устраивать, да и выяснили проныры, что вовсе не заценил известный парижский галерейщик пейзажи Порокина, только плечами пожал и упрекнул в дальтонизме. Хотел было губернатор в приступе ярости Творянчикова наказать, за обман музейно-гастрономический, да передумал. Действительно, зачем такой уникальный организаторский талант наказывать. Скорее поощрять надобно художественно-экономическую инициативу! И тут же назначил директором картинной галереи. Там площади

для ресторанный дела побольше будут, и таких, как художник Порокин, мастеров пруд пруди на стенах висит, прославляй любого.

Как губернатор атаманом стал

Разумеется, местные казаки губернатора атаманом выбрали. Прямо на всеобластном местечковом кругу. С гиканьем, вприсядку, с шашками наголо. Событие на редкость музыкальным сделали, из столицы известного поп-казака пригласили. И не беда, что Петрович картавит малость. У нас в области все казаки картавят. Это еще с комсомольских лет осталось, от подражания Ильичу. Тут уж ничего не поделаешь: с кем поведешься, от того и не вернешься. Зато Петрович генеральские погоны с царскими вензелями на костюм деловой от гордости пришел, а с седлом и вовсе не расставался, так промеж ног оно у него и висело, правда, без стремян. Со стремянами — это уж слишком! — подумал Петрович. Сразу видно — скромный, природный казак. А тут еще доброхот в его родословной покопался. О-го-го, его предок тоже казацкий плантатор был, только яицкий. Самого Пугачева предал за коляску конской колбасы. А еще шашку Петровичу подарили с булатным клинком. Острая — жуть! Носовой платок на нее бросишь шелковый или чиновника провинившегося какого, мигом пополам до земли долетает. А за мелкое хулиганство или хищение небольшое Петрович в мировых судах казачью практику наказания ввел, розгами или плетью. Судьи теперь сами виновных порке подвергают, без всяких судебных исполнителей. Скажет судья строго:

— А ну, подсудимый, заголяй для наказания по приговору свой зад!

Говорят, что кнут и розга почтение к областным законам укрепляет посредством болевого шока. И тюрьмы переполнять теперь не надо всякой шелупонью за мелкие противоправные деяния. Стало быть, как наш губернатор казаком заделался, вольней стало жить, справедливей и веселее. Ипподромов, ансамблей казацких много развелось, оружейных мастерских, шорных кооперативов, парикмахерских и ателье. Но вот тем, кто на другом берегу Дона дворы имел, в знаменитой Задонщине, не повезло. Петрович почему-то их упорно черкесами и абреками обзывает, а по берегу заставы и секреты расставил.

Петрович и масоны

По итогам выполнения нацпроекта «Доступное жилье» нашего губернатора сразу в масоны записали. Пришли к нему строители-гастарбайтеры с ветками акации в натруженных руках и говорят степенно:

— Мы к тебе от самого Хирама Абифа с поклоном и сметой. Принимай почетный фартук, циркуль и мастерок! Будешь новую Берлинскую стену строить, а то НАТО непонятные понты развела!

Однако губернатор подарки не принял. Масонам отвечал уклончиво:

— Фартук мне ни к чему, я в рентгенкабинете не работаю, циркуль не нужен, потому что с детства не любил овал, я с детства угол рисовал. В мастерке проку нет, ибо строительство у нас крупнопанельное, и акация не пригодится, я лучше крыжовник на огороде посажу. И товарищу Абифу передайте, дескать, о мировом заговоре губернатор представление имеет и, вообще, склонен не к тайным собраниям по вопросам административного управления, а только к явным.

Действительно, в строительстве Петрович большой успех поимел, до него все, что в области ни строили, — хрущобы и махалля. А он от прогрессивных архитектурных мыслей никогда не отставал, типа ар-деко, хай-тек, зиг-хайль. Особенно его испанская

архитектура занимала. Этаким микс Европы и Востока. Дремлет в нем Альгамбра, спит Эстремадура. И все это веет миндалем с Балеарских островов и дачами новых русских в Коста-Браво. Петрович одно время и сам хотел дачку на испанском побережье построить, да природа ему больно голой показалась, каменистой. За грибами сходить некуда, и рыбы речной не половишь, а морскую живность Петрович не шибко уважал. То ли дело наши караси в сметане или уха из ершей и пескарей! Совсем другой вкус! Хотя домашние у губернатора дачу в Испании постоянно канючили. А все потому, что теща у Петровича испанка была, Дульсинея Тобосская, племянница Франко. Ее у нас, помнится, Пассионарией величали, видимо, за стойкую приверженность к определенным сексуальным позам. Она с интербригадой в Россию прибежала, со всем испанским золотом, после победы дядюшки. Не сошлись характерами, власть не поделили, а золото у нее потом хитрый Сталин отнял, жениться обещал, но слово свое партийное так и не сдержал, поостерегся. И немудрено, черна испанка была, как головешка, и темперамента огненного. Даже в туалет с кастаньетами ходила. И Петрович теперь, в память о знойной теще, в туалет с кастаньетами часто ходит. Трещит художественно. Много ему теща испанской культуры привила, как мандарин с антоновкой скрещивала. Вечерами Петровичу испанский сапожок примеряла, о Торквемаде рассказывала, о Сиде и сидре за кальвадосом. Благодаря ей Петрович к архитектурному вкусу приобщился и даже великого Гауди превзошел, только не под трамвай, а под первый в городе троллейбус попал и вовсе не погиб.

Совет отряда

Губернатор наш ловкий очень, даже руками пулю поймать может, когда шутники по окнам его кабинета по ночам стреляют. Для этого дела Петрович чугунную рукавицу заказал и фосфором обмазал, чтоб лучше в темноте пулю видеть. Ловит он их играючи, как кот мух. Жужжат пули, стало быть, понапрасну. Очень полезной рукавица оказалась. Навестил как-то Петровича Майкл Тайсон. Мужичок он, известно, задиристый не по делу. Рюмку выпьет — и пошел бузить.

Сидели за столом мирно, беленькую уговаривали с селедочкой по-царски, с морковкой по-корейски, с черными груздями в сметане. Аппетитно так Тайсон на губернатора поглядывает, словно прощупывает. Но только Тайсон справа открылся, чтобы Петровичу ухо откусить, как губернатор чугунной рукавицей его и достал. До сих пор Тайсон Петровичу благодарные письма пишет, о нокауте вспоминая. Урок мастерства американскому ухоеду преподнес.

В дзюдо тоже Петрович от всей страны не отстает, прямо в кимоно за национальным лидером идет. Любит подсечки особенно отрабатывать. Заезвается случайный прохожий или баба какая, глядь, уже на асфальте фейсом вниз лежит, только ладонью стучит, сдается, стало быть. Чтобы Петрович удушающий или болевой прием проводить не стал.

И в художественной гимнастике губернатор преуспел. Поставит, бывало, натурального козла у парадного подъезда и целый день прыгает через рога и круп козлийный, уморительные кульбиты выделяет.

Спросят его ветераны партийного строительства:

— Ты что, Петрович, белены объелся?

А он в ответ назидательно:

— Это я подрастающему поколению показываю, что всего в жизни можно добиться только через трудового козла! Даже губернатором стать.

Кивают головой ветераны-партийцы, соглашаются с мудрым Петровичем, а кое-кто и стариной тряхнет. Костыли — в сторону да через козла — фляком.

Часто на это зрелище глядеть пионеров приводят. Очень впечатляет. Козла они в пионеры приняли и в горны от радости трубили. В совет отряда назначили, вместе с губернатором в почетном пионерском президиуме заседать. Очень хорошо этот козел стенгазеты рисовать выучился. Разные пионерские пороки дельно высмеивал: проституцию, стукачество, голосовую почту. На правильный путь младое племя наставлял. Только почему-то не возлюбил козла школьный трудовик, все отвертку на него точил. Замышлял что или как, бог весть. Вскорости козла с почетом на пенсию отправили, по выслуге лет.

Тайное становится явным

За время славного губернаторства Петровича в нашей области был собран большой урожай шпионов. Почему же они облюбовали наши мирные края, пропахшие навозом и металлургическим шлаком? Шпионы хотят узнать страшную тайну производства лебедянских соков, излечивающих от всех болезней, дающих вечную молодость, потенцию и надежную защиту от псориаза. Они хотят узнать тайну нашей соевой колбасы, на которой шпииком выложены торжественные слова «Слава губернатору», потому что выложить таковые у безродных космополитов не получается. Заботит шпионов секрет производства чугунных труб из шарового графита, кои из-за своей уникальности не могут найти применения в ЖКХ уже добрые двадцать лет. Вода в них втекает и не вытекает. Шпионы мечтают отравить нашу местную минеральную воду, которую открыл еще царь Петр, лечился ею усердно с похмелья и благополучно умер аккурат от каменной болезни. Но главное — шпионы все время роют на дорогах ямы, устраивают лесные завалы, подпиливают болгарками бетонные опоры мостов, отвинчивают на рельсах гайки, чтобы наш славный губернатор не мог попасть из пункта А в пункт Б и встретиться с любимым народом, узнать о его чаяниях и нуждах. Всех пойманных шпионов расстреливают на месте. А с непойманными сотрудничают за валюту на благо всей области.

Проникают в наш регион шпионы старыми проверенными способами. Например, Чардаш (а что он японский шпион, Петрович еще не догадался) перешел границу области на огромных осиновых ходулях, к которым были приделаны верблюжьи копыта. Другой, еще не раскрытый шпион Куропопский прилетел в нашу область на безмоторном дельтаплане, в роковой ночной тишине. Речные границы нашей области шпионы преодолевают вплавь, используя покрышки от трактора «Беларусь» или педали мини-субмарины мокрого типа. Так был заслан в нашу область еще один, до сих пор не раскрытый шпион — омбудсмен Нарывайко.

Если бы Петрович был менее доверчив, он бы с легкостью разоблачил и Чардаша, и Куропопского, и Нарывайко. Достаточно было внимательно присмотреться к одежде этих господ. Костюмы на них всегда в крупную клетку, слегка поношены, с множеством потайных карманов, чтобы было удобно спрятать ампулу с ядом, пробирки со смертельными болезнями, пистолет-авторучку, шифровки и явки. А если бы Петрович посмотрел на обувь, то легко заметил бы: башмаки на них всегда с широкими рифлеными подошвами, чтобы не утонуть в снегу или песке, а каблуки высокие и толстые — целая пачка валюты войдет, а то и фунт нюхательного табаку — никакая собака след не возьмет! Мог бы Петрович догадаться, почему эти господа все время носят коричневые бейсболки. Чтобы прятать под длинными козырьками свои нагло бегающие глазки и в любой момент притвориться грязью.

О том, что Чардаш, Куропопский и Нарывайко — шпионы, давно догадался начальник областного ФСБ. Разоблачил он их очень просто. Как-то заглянул в туалет администрации и обнаружил в унитазах какашки явно «не нашей», областной толщи-

ны. Хитрый начальник ФСБ не спешит раскрыть карты перед губернатором, потому что у него есть основания и Петровича считать шпионом. Он хорошо помнит, как Петровича в молодости деревенские жители приняли за шпиона, и полагает, что во времена хрущевской «оттепели» тогдашние компетентные органы не пошли на должные меры по разоблачению Петровича. Не проверили его на полиграфе, не провели допрос с применением спецсредств, не попытались даже попробовать перевербовать, на всякий случай. Начальник ФСБ абсолютно уверен, что в голову губернатора вживлен радиопередатчик, а слюни Петровича изменены на генетическом уровне и представляют собой яд гремучей змеи.

Обо всех этих фактах главный контрразведчик области регулярно уведомляет вышестоящее начальство. Но на Лубянке упорно молчат, видимо полагая, что брат Петровича с личным еще время не пришло.

Петрович и глобальное потепление

В народе говорят, дескать, чтобы стать губернатором, нужно иметь большую голову, ну так, размером со стог. А такое умственное проявление уже близко стоит к сельскому хозяйству. Раньше в нашей области вообще ничего не росло. Это каждому школьнику теперь известно. Пустыня была, Кака-Кум, она целым краем в нашу область заходила, вместе с басмачами, верблюжьей колючкой и кактусами, певучими барханами, с редкими караван-сараями и дастарханами. Везде кости погибших от голода и жажды верноподданных губернатора белели, орлами поклеванные, шакалами обглоданные. Даже Великий шелковый путь мимо нашей области всегда проходил, огромный дефицит текстиля, риса и чая постоянно ощущался. Короче, очень гиблое место было, неперспективное, и если бы не вековые традиции крепостного права, давно бы народ из такой области в поисках лучшей доли в землю обетованную эмигрировал.

Вот и стал Петрович с несправедливостью природы, вредным капризом ее в одиночку бороться, темными ночами чернозем из соседних областей на тачке воровать. А тут и глобальное потепление подоспело: озоновая дыра прямо над областью отверзлась, и давай светило всю на нас протуберанцы огненные пускать, чернозем прогревать, биологические процессы повсеместно в гумусе ускорять. Да как вопреки полезные бактерии, растения могуче питать стали, то поперли у нас на ворованном черноземе невиданные урожаи. Зерновые теперь растут, что лес. Хоть топором руби. И как в лесу березняк сменяет ельник, так у нас в полях пшеница выпирает через рожь. Даже не надо пахать и сеять. Удивительно, но при этом изобилии хлеб дорожает в год на десять-двадцать процентов. В том Петрович полное лукавство рыночной экономики видит, а сделать ничего не может, только руками разводит:

— Мы для жителей области сорт дотационного хлеба придумали — «Липовский». Дотируем главным областному хлебопеку стомилионным кредитом из областного бюджета под один процент годовых на неопределенный срок. Пусть сам с кредитным сроком определяется, а хлебушек льготный народу продает. Был бы кредит, а срок всегда подберем.

Правда, некоторые несознательные представители народа утверждают, что в соседних, не шибко урожайных областях буханка такого хлеба стоит дешевле даже после сезонного подорожания и без всяких кредитов хлебопекам и мельникам. Но губернатор на сей счет свое веское мнение имеет:

— Важно, граждане, не кто ест, а кто считает!

А от переизбытка зерновых постепенно завели и хорошее поголовье звероящеров. Вот тебе и мясо, и яйцо, и молоко. Три в одном. Петрович эту удивительно полезную животину сам пасет у села Ленино, в пойме реки Воронеж, на заливных лугах. Сам

доит и в гнездах на обрыве огромные яйца собирает. Одно яйцо на пять омлетов хватает. Звери умные, ручные и малоопасновыпасные — только маленьких детей едят, а больших не очень.

Как губернатор Библию написал

Много разных вероисповеданий губернатор перепробовал. Многим истуканам и идолам поклонялся. Например, Золотой бабе, да и резиновой тоже. Все, родимый, себя в себе искал и найти не мог. А сколько пережил он философских течений? Коварный Монтень привел Петровича к пофигизму, а девственник Кант — к критике чистого административного разума. Он даже солидную монографию о римских богах написал — «Двуликий анус».

Но начинал он как таежный шаман на должности и окладе простого советского лесника. Потом полюбил Древний Египет и даже одно время хотел объявить себя фараоном, мумифицироваться на кредит Сбербанка.

Это он яростно и неистово поклонялся Заратустре на самом темном дне Лавского известкового карьера и безжалостно бросал трупы односельчан в огромные глиняные башни, на съедение орлам.

Это он убил камнем из религиозных соображений великого мореплавателя Джеймса Кука и съел его из плотских соображений почти сырым с кетчупом «Балтимор».

Видели Петровича и в знаменитой шкловской синагоге с рыжими пейсами, заунывно качающегося над Торой. Часто сидел он задумчивым йогом на берегу Дона у села Кашары, подвесив к мошонке пудовый булжчик для укрепления тела и духа. Видели его режущим баранов на празднике Курбан-байрам, а еще больше видели в дацане. Что совершенно неудивительно, если вспомнить, что Петрович по национальности бурят. Это он, будучи в командировке на всесоюзном съезде животноводов в городе Ленинкане, открыл всему прогрессивному человечеству тайну Четвертого пути и подарил тибетскую свастику Третьему рейху. Но пока задумчивые бонзы ставили Петровичу в Тибете костры, неуловимого губернатора уже прибывал к кресту римский центурион на Ваганьковском кладбище. Согласитесь, очень бесценный религиозный опыт. Его Петрович стал записывать еще в древние времена, вначале на глиняных табличках, потом на папирусе, а потом на пергаменте, напоследок в программе Vista, в наши суровые дни. Свой письменный труд Петрович всегда и везде скромно величал Библией. Однако чиновники-льстецы назвали это писание диссертацией по сельскому хозяйству и уже объявили Петровича доктором экономических наук.

Петрович и мандала

Область наша культурой сахарной свеклы издавна богата. Сладкий корнеплод и продукт конечный из него не только к чаю пригоден, а на более крепкий напиток идет.

Но поизносилось оборудование на местном заводике, печи сахарные облупились, насквозь прогорели. Да и технология допотопная осталась, очень затратная, с большой потерей сахаристости в свеколке. В нынешней конкуренции нашему сахарку нет большой продуктовой жизни.

Решил Петрович у французов технологию и оборудование новое закупить. Они, как оказалось, в сахарной свекле большие исторические доки. Это ведь гражданин Наполеон сахарное производство в Европе открыть придумал, когда адмирал Нельсон французам морскую блокаду устроил да поставки сахарного тростника с Кубы во Францию похерил.

Купили, значит, у французов новый сахарный заводик с новой технологией выращивания свеклы. Технология оказалась уж больно ядреная. Травит поля химией так, что, кроме свеклы, ничего больше не растет. Ни сорнякам надежды никакой нет, да и вообще, никакой другой сельхозкультуре.

Но беда не в том оказалась, такую свеклу и полоть не надо, сама чистая в поле стоит. Беда в другом — сахарок мелкий и белоснежный на выходе из французского заводского агрегата получается, хоть на выставку отправляй, а вот для народного потребления совсем на проверку негодным оказался. Чай, конечно, с ним еще можно попить, но для производства первача не годится. Не бродит сахар, и весь тебе разговор! Для французов это значения, может, и не имеет, потому что они, как наши алкоголики, только портвейны и вермуты пьют, а областному серьезному и основательному селянину самогогон всегда требуется. Без него и огород не вспашешь, крышу не поправишь, дочь не сосватаешь и праздник не справишь. В соседних областях прознали, какой сахар у нас негодный, и покупать его отказываются. Короче, сахар этот французский не прибыльток областной экономике, а одно сладкое безобразие дает.

Стали возмущенные селяне на подводах и грузовиках французский сахар к губернаторской администрации свозить, от большого народного возмущения. Уже по шпиль грозят дом власти сладким песком завалить. Чиновники в панике, только один Петрович волю власти соблюдает, административную выдержку. Вышел к возмущенному народу, стоит по пояс в сахаре и говорит:

— Ша, селяне, знаю, как с нашего сахара порчу снять да настоящее качество ему вернуть!

Не поверили селяне поначалу, засомневались и кричат Петровичу:

— Хватит издеваться над нами, супостат, сейчас мы этот проклятый сахар подожжем, из тебя петушка на палочке выплавим!

А Петрович мысль свою уточняет:

— Петушок из меня все равно не получится, а только губернатор в карамели. Я предлагаю путем создания священной мандалы порчу с сахара снять.

Стал народ вместе с губернатором на главной площади мозаику из сахарного песка выкладывать со священным орнаментом да мантры тибетские для придания продукту нужного свойства бубнить. А по окончании работы всю сахарную мандалу мигом в реку Воронеж смахнули. Можно сказать, большой художественный труд безжалостно уничтожили. Но случилось чудо! Воскресли в сахаре отныне прежние достоинства, забулькали по всей области молочные фляги с доброй брагой, вновь закурились перегонные аппараты.

Теперь об этой истории народ часто вспоминает. Так и говорят: какую замечательную мандалу Петрович в области учинил! И только посвященным смысл этого слова понятен, а непосвященным селянам из соседних областей он забавным и оскорбительным кажется.

Как Петрович историческую память возвращал

Модно в наше время к историческим истокам обращаться, достижения предков вспоминать, исконные названия городам, селам и улицам возвращать. По всей стране это движение силу набирает и в нашей области смысл обретает. Стал в последнее время губернатора прискорбный один факт смущать — здание облминистрации на улице Пусконаладочной стоит, а это название улицы звучит вроде бы половинчато, механически и двусмысленно. Дескать, какая тут пусконаладка, коли администрация губернатора уже давно, как швейцарские часы, надежно работает.

Вот и решил Петрович главной улице историческое название вернуть. Вызвал Тихонича и давай его расспрашивать:

— Ты же, Тихонич, еще до октябрьского переворота родился и в революцию уже смышленным пацаном был, вспоминай, сердешный, как эта улица тогда называлась?

Тужится вспомнить Тихонич, жилы на лбу вылезли, а вспомнить не может, склероз замучил. Только одно твердит:

— Помню, как у Махно денщиком служил, у Берии — ликвидатором, а вот как наша улица тогда называлась, хоть убей, вспомнить не могу!

А тут Дуракова в разговор влезла:

— Отстань ты от него, Петрович, пожалей старческий маразм заслуженного человека, я точно знаю, как улица раньше называлась — Мудиловка. Мне бабка об этом в детстве рассказывала.

— Не может быть, — не на шутку всполошился губернатор. — Какая еще Мудиловка, откуда взялось такое название пакостное?

— Бабка сказывала, до революции, прямо на том месте, где наша администрация стоит, публичный дом был, — затараторила Дуракова. — Но очень приличный, не то что в нынешние времена. Местных девок туда не брали, а только приезжих. И порядки строгие бытовали, прежде чем купчик или чиновник барышню на ночь снимет, по фотографии ее выбирает да еще должен был бутылку шампанского и шоколадку девице заказать. А Мудиловкой улицу нашенские бабы и девки прозвали из-за неумной половой зависти. Да так название и прижилось, даже в реестр городских улиц официально вошло. Ну, а после публичный дом ночью подожгли по причине здоровой конкуренции.

Приздумался Петрович и решил, что рановато еще к такой исторической памяти возвращаться. Могут воспоминания ненужные в народе появиться да ассоциации вредные. Лучше пока по новой памяти пожить, чем старое вспоминать.

Губернатор и юбилей

Очень любят в нашей области юбилей. Порой не успеют тарелки помыть и жирные губы салфеткой вытереть, как вдруг снова заюбилеило. Оно и понятно — комплексы далекого и светлого детства, когда круглая дата — это обязательно праздник и подарки, домашний торт со свечами, селедка «под шубой», пьяный, щедрый папа и таскающая его за чуб экономная мама. А со временем, став великовозрастными оболтусами, чиновники начинают понимать, что юбилей — вещь не токмо зрительно приятная, но и крайне выгодная. Деньги тратятся бюджетные, а попробуй их действительное расходование подсчитать, коли в небо уходят фейерверки и воздушные шары безвозвратно, съедаются фуршеты, организуются мероприятия. И чем чаще начинаешь извлекать из юбилеев такую пользу, тем лучше для кармана. А повод всегда найдется, ведь чиновники сами создают свой календарь, изобретают памятные даты.

— Нельзя строить идентичность нашего областного народа на беспамятстве, — мудро поучает губернатор. — Сакрализация прошлого — вещь приятная и полезная.

— Правильно, — подхватил слова Петровича омбудсмен Нарывайко. — Давай-те трехсотлетний юбилей области устроим, — Я уже и сценарий написал, грандиозный план торжеств и продать его уже успел нашему управлению культуры за триста тысяч.

— А почему трехсотлетний? — недоуменно вопрошает губернатор. — Наша область всего как пятьдесят лет назад образована, по волюнтаристскому капризу. Вроде как пятидесятилетие недавно отмечали и пятьдесят миллионов на это угрохали.

— Петрович, — не смутился Нарывайко, — то мы праздновали юбилейную дату советской истории, а российская история нам дополнительно вещает, что Петр Великий триста лет назад наш регион одновременно с Петербургом основал. Завод металлургический воздвиг пушки отливать, корабли строил на берегах Воронежа для славного

похода на Азов, курорт минеральных вод основал. Еще бояре к нам на воды приезжали лечиться да пленные шведы. И никакого разночтения в истории нет. И советскую историю надобно уважать, и российскую не забывать.

— А как же князь Липецкий? — встрял в разговор писатель и краевед Ошалелов. — Это он в наших краях городище построил с мордвы дань собирать, стало быть, тысячетный юбилей справлять пора и не мелочиться!

— Ого, да мы сразу два юбилея отметим, — заулыбался Петрович, — один на триста миллионов рублей, коли триста лет празднуем, а другой на миллиард потянет, ежели миллениум со времен рэкетирских походов князя Липецкого исполнится. Но был ли такой? — хитро прищурился губернатор. — Не гонят ли наши краеведы историческую пургу в наше подстепье?

— Не было никакого князя Липецкого, враки, — как от зубной боли, скривился Нарывайко. — А для обоснования тысячетия перед областным бюджетом артефакты надобны.

— Как это не было? Все знают, что у меня дома его белые кости под диваном лежат который год, — засуетился писатель Ошалелов, — и ксерокопия из раннего средневековья имеется. А в ней четко сказано о князе Липецком. Как он еще от Рюрика по нашим краям бегал, в древнерусский федеральный розыск объявленный. Золотую статую Одина вроде как стырил.

— Занятная история, — задумался Петрович, — однако придется только трехсотлетие праздновать. Юбилей златокрада у депутатов подозрение вызовет, а у народа криволотки. Летопись ведь на юбилей обнародовать придется.

— Нельзя историю переписывать, — кипятится Ошалелов, — Хватит трактовать ее в сослагательном наклонении, пусть он и златокрад, но наш. Я тоже сценарий на юбилей написал и всего сто тысяч за него с управления культуры прошу, не то что хапуга Нарывайко. А мой сценарий красочнее и экономнее. У Нарывайко на юбилее водку из бочек пьют в бархатных камзолах, а у меня бражку из бурдюков и в картонных доспехах.

— Все равно не будем юбилей златокрада праздновать, — уперся губернатор, — нам такая областная история не нужна. В ней нет ничего позитивного, кроме кражи золотого истукана. Да и на фейерверки денег не потратишь. При Петре порох был, а при Рюрике его еще не изобрели. К тому же водку лучше пить, от бражки обыватель только дурает.

Ап! Клевреты у ног его сели...

Никакая власть не мыслима без пиар-команды. Не то чтобы у Петровича есть она как таковая, благо все перья затуплены и чернильницы давно пролиты. Но есть особо любимые и приближенные, как, например, редактора Коврова. Она часто молю бледной в кабинете у Петровича под ковром ползает, деньги ищет. А если не деньги, то сына. Он как выпьет, так дурак дураком. Головой о стену бьется. Все бум да бум. Тагуировка у него на руке готская, а рожа плотская. Если надоест все это Петровичу, ногой он Коврову под ковром быстренько нащупает да придавит. Визжит уж больно уморительно. А Петрович громко хмыкнет, отпустит и повторит свою знаменитую фразу:

— Журналист — это тоже гомо сапиенс!

Еще один занятный персонаж — неudelредактор Щавельев. Вот уж уникал! Природа дала ему удивительно тонкие и шустрые ножки. Быстро бегают он от одного предвыборного штаба к другому. Но это еще не все. Свои оригинальные ножки Щавельев сделал на пуговках, может всегда их отстегнуть и Петровичу одолжить. За такую преданность и пользу великую затолкал губернатор сладкую парочку в Общественную палату задним умом заседать. Любопытно, что Щавельев и Коврова ненавидят друг друга

лютой ненавистью, прямо друг на друга вставными зубами скрипят. Не раз Коврова прилюдно говорила:

— Я дождусь, когда этого гаденыша мимо меня вперед ногами пронесут!

Но сие явление Петрович гордо именует системой сдержек, свержек и противобесов.

Вне этой системы любим Петровичем только журналюга Бредисфельд, за то, что классную передовицу о сельхозуспехах губернатора написал: «Орошение — жизни украшение».

Бредисфельд — очень хитрый псевдоним крещеного татарина Неверова. Человек он пожилой и молодой супругой сильно озабоченный. Да так, что в редакционной столовой всю сметану съел. Придут печатники да прочий издательский люд на обед в столовку, а на раздаче уже ни одного стакана сметаны нет. Но в положение Бредисфельда входят. Знают, как только переступит он порог дома, не успеет свое могучее перо у стены поставить, как Бредисфельдша из спальни кричит:

— Наелся ль ты сметаны на ночь, Изя?

А Изя уже крадется к ней с носовым платком, отравленным стихами. И душит, душит... Но не взаправду, а так, понарошку, для воспитания чувств. Большого темперамента этот журналист. И ревнивый, жутко от этого. Померещилось ему, что Щавельев его молодой благоверной куры строит. За это он в неudelредактора ботинок кинул, да только в державный портрет попал. Щавельев успел мигом под стол спрятаться и стал на Бредисфельда большую клязу в один компетентный орган писать.

Вызвали скандалиста на ковер в нашу областную ФСБ, дескать, что он хотел сказать этим ботинкометательным поступком в адрес главы государства? Не сродни ли таковой поступок террористическому акту? Но Бредисфельд не робкого десятка, взял и молча у чекиста галстук откусил по самый узел, а заколку нагло в окно выплюнул.

С тех пор его органы больше не трогали, испугались сильно галстокуса-диссидента. Вдруг взбеленится да еще кое-что, кроме форменного галстука, у чекиста напрочь откусит.

Вернулся в редакцию Бредисфельд гоголем-победителем и Щавельеву кулаком в кабинет грозит:

— Еще раз заложишь, гнида, башку проломлю!

Стал Щавельев у чекистов каску для защиты своего черепа просить. А ему говорят:

— Вы у нас штатским доброжелателем служите, а значит, такая форма одежды не полагается. Кроме тюбетейки и солнцезащитных очков, ничего больше выдать не можем.

Пришлось Щавельеву кастрюлю покупать. Выбрал он кастрюлю посолидней, блестящей и покрепче, короче — «Цептер». Сидит себе за редакторским столом с кастрюлей на голове и Бредисфельда больше не боится.

Так что если вы, будучи в нашем городе, встретите редактора с кастрюлей на голове, не удивляйтесь. А вспомните эту почти детективную историю и отнеситесь к Щавельеву с должным почтением. Любит Петрович свои верные перья, ласково «засраками» их зовет, это сокращенно, ведь они и вправду — заслуженные работники культуры. Стоит добавить, что все эти творческие люди отмечены журналистской премией имени Вермишелева. Нашего сказочного народного героя с Чудского побоища, очень прошу не путать с Рожковым, Макароновым и Лапшовым. Такие премии бытуют в соседних областях. У нас нагуляна еще только одна премия, можно даже сказать, литературная — имени Бунинского комсомола.

Губернатор и слова-паразиты

Было в державной речи Петровича, как и у любого смертного, слово-паразит. Смачное и заковыристое «ебс...». Вроде не совсем мат, произносил губернатор его

тихо и мягко, однако окружающие морщились. Особенно были недовольны местные тележурналисты.

Она и понятно, берут, скажем, интервью, и Петрович так и рубит в прямом эфире:

— В этом году, ебс, наша область, ебс, собрала рекордный урожай зерна, ебс...

Пытались телередакторы вместо этого проклятого «ебс» звук «пи» вставлять, да еще хуже получается, вроде как невинное слово совсем в матерный оттенок акцентируется. Пеняли губернатору, по несколько раз интервью репетировали, но все бесполезно, еще больше это «ебс» у него из уст выскакивать начинает.

— А ты, Петрович, — пришел к губернатору с дельным советом омбудсмен Нарывайко, — попробуй в конце каждого предложения другое слово произносить, скажем, «ква-ква», «гав-гав», «мяу-мяу» или «ко-ко-ко». Это я тебе как бывший журналист советую. В свое время я от слова-паразита «пышь» так избавлялся.

— Ты что, охотник, — оживился Петрович, — откуда «пыж» у тебя на языке?

— «Пышь» — это сокращенно «понимаешь», — пояснил омбудсмен, — Это у нас, Нарываек, наследственное слово-паразит, еще дед мой так говаривал, и прозвище у него такое было деревенское «Пышь».

— Ну и как, помяукал, погавкал, проквакал, и помогло? — поинтересовался губернатор.

— Как рукой сняло, — засиял Нарывайко.

— Я все-таки кокотать буду, — почесал за ухом Петрович, — Лягух, кобелей и кошек изображать не стану. Мне куры с колхозных времен ближе и роднее.

Добрый месяц исправлял свою речь губернатор. По всей обл администрации только и слышалось его задорное «ко-ко-ко!» на разные интонации. То грозное, то ласковое, но всегда отечески наставляющее подчиненных чиновников.

А тут пришлось Петровичу интервью федеральному телеканалу давать, попросили прокомментировать новое Послание президента Федеральному Собранию. Так наш губернатор в прямой эфир и выдал:

— В послании президента столько свежих идей, ко-ко-ко! Что не знаешь, ко-ко-ко, на что обратить внимание в первую очередь. Видно, ко-ко-ко, что он очень хорошо представляет все наши «болевые точки». Мне, ко-ко-ко, очень понравилось его замечание о том, что мы обязаны прекратить бессмысленное соревнование между народом и властью, ко-ко-ко! Когда власть порождает законы, а народ изобретает способы их обхода, ко-ко-ко!

Очень не понравилось это высказывание в Кремле. Даже Совет безопасности созывали на предмет слабоумия нашего губернатора.

Но Петрович не сплоховал, яйцо Фаберже на лондонском аукционе купил да прямо на Совете безопасности президенту подарил с трогательными словами:

— Я исторические традиции, ко-ко-ко, власти нашей возвращаю, стало быть, слово-паразит в моей речи с позитивным намеком появилось, ко-ко-ко!

Однако Нарывайко сие учение губернатора боком вышло. Обязал Петрович своим распоряжением омбудсмена слово-паразит «ебс» отныне употреблять не только устно и письменно, но и сделать его обычаем областного правозащитного делооборота.

Теперь всем должно быть понятно, почему права человека в нашей области навечно и неотвратимо сопряжены со словом «ебс»!

Губернатор и чары

Приходит как-то к Петровичу редакторша Коврова, босая и чумазая, в цыганской юбке, а за юбку сынок ее держится на полусогнутых, голодными пьяными глазками на губернатора нагло смотрит.

За руку губернатора Коврова мигом схватила и говорит, в глаза пристально глядя:

— Вот что я тебе скажу, изумрудный князь мой, на все твои деньги давно порча наведена! Не будет тебе счастья в жизни, дочь твою в турецкий бордель отправят, сына за взятку в казенный дом посадят, а жену медсестринского диплома лишат за незаконную торговлю лекарственными средствами.

Сам Петрович со страху сейф открыл, как в тумане все деньги достал, пачки долларов трясущимися руками еле у пуза держит. А Коврова мигом банкноты в газету «Липецкие известия» завернула и давай Петровичу по голове газетой стучать, порчу отводить, от него и всей семьи.

Очнулся губернатор от сна гипнотического, а уж Ковровой давно в кабинете нет, да и сынка ее малахольного, да и денег след простыл. Исчезло все, что непосильным губернаторским трудом нажито. Одна пожелтевшая газетная кукла с туалетной бумагой «Попкина радость» внутри возле него лежит, а лоб черной типографской краской густо измазан. Хотел было заявление в милицию писать, наглуго цыганку приструнить, да передумал. Узнают — на смех поднимут.

Как Петрович академиком стал

В нашей области академия давным-давно появилась, и всяк житель в этом убедиться может, открыв прямо посередине газету, которую редакторша Коврова издает. На газетном развороте забавная пещера изображена с древними домочадцами, а снизу под рисунком внушительная подпись: «Ректор домашней академии Коврова».

Она эту академию уже добрые два десятка лет назад открыла, без всякой лицензии минюста, еще когда замредактора была и явно мечтала о том, как редактор помрет и она его место займет. Так и случилось, тихо и очень обыденно. Молилась она, правда, на похоронах и после, истово, словно какой большой грех за собой чуяла.

Сама Коврова газетных статей отродясь не писала, брезговала по причине аллергии на краску типографскую. Только вырезки собирала из некогда популярных массовых журналов «Здоровье», «Работница» и «Крестьянка». Хорошая академия из этих вырезок получалась, очень уж научная и языком, в ее обработке доступная. Народ в деревнях шибко ее читал, почитал и благодарные письма в редакцию писал. Дескать, журналы купить селянам теперь не по карману и мудрые домашние советы академика Ковровой большим подспорьем в нелегкой крестьянской жизни служат.

Терпел Петрович это академическое безобразие долго, а как доктором наук стал, то терпение его мигом закончилось. Пришел в редакцию и стал Ковровой ультиматум ставить, даже ногой топнул:

— Ты, Коврова, без всякой ученой степени в академиках который год ходишь, а я со многими степенями на вольных докторских хлебах, без академического титула прозябаю. Давай срочно меня в свою академию принимай!

Ухмыльнулась Коврова и лукаво отвечает:

— Нет проблем в мою академию заслуженному человеку вступить, только пропишись в ней разок популярной и полезной статьей.

Приздумался Петрович, ведь не губернаторское это дело — газетные статейки пописывать, даже научно-популярные. Озадачил статьей своего пресс-секретаря. А тут к спичрайтеру теща из деревни приехала и ну ему рассказывать, как козу зааненскую купила с чудесными молочными свойствами. Слушал тещу пресс-секретарь, молочко козье прямо из банки прихлебывал, а рассказ ее задушевный во всех подробностях в ноутбук записывал. Правда, и приукрасил малость. Дивные молочные свойства не только зааненским козам, но и козлам этой породы приписал. Так и изложил художественно, мол, если правильно зааненского козла за пупырку потянуть, пол-литра жир-

ного козлиного молока точно будет. К губернаторской статье пресс-секретарь не поленился и фотографию козы в Интернете подобрать.

Так любопытную статью совместными усилиями от имени Петровича на страницах газетной академии тиснули. Вот и стал наш губернатор с тех пор соакадемиком при Ковровой.

Но тут и шум большой на пустом месте пошел. Нашлись, понимаешь ли, ученые знатоки и коллективное письмо с протестом в газету прислали. Утверждали они, что знаменитые зааненские козы, отродясь безрогие, а на снимке под статьей рогатая коза напечатана и порочит рогами всю науку о зааненских козах.

Коврова быстро выход нашла, редакционное уточнение срочно напечатала, дескать, вместо козы здесь молочный, в иллюстрации к статье, зааненский козел изображен.

Большой научный шум и интерес публикации Петровича в стране вызвали. Даже корреспондент «Комсомольской правды» на чудо-козла посмотреть приехал, тремя фотоаппаратами увешанный. За губернатором тенью бегал, кричал от нетерпения:

— Покажите мне срочно козла молочного, мировую сенсацию упустить не хочу!

А губернатор только руками разводит, знамо дело, погиб уже козел, невольник чести, пал оклеветанный зааненской молвой, с сосцами на груди и жаждой мести, поник рогатой головой. Только козлиные рога любопытному корреспонденту на память и подарил. Шляпы в редакции вешать.

Губернатор и гонг

Думал Петрович, чем бы редакторшу Коврову за прием в академики наградить, да так, чтобы звон об этом на всю округу стоял. Узнал, что есть премия для прессы — «Золотой гонг», конечно, не из настоящего, а самоварного золота. Но гонг — то настоящий и блестит здорово! Купил он эту премию и Ковровой в кабинет занес, прямо на стол водрузил. А редакторша, от великой радости прямо головой в этот гонг стукнула. Звон пошел, да такой, что и непонятно откуда: от самого гонга или от пустой головы Ковровой. Звон стоит, самоварное золото радужно по кабинету искры рассыпает. Понравилось это действие Петровичу, встал он перед редакторским столом на карачки, да и сам головой в гонг ударил. Так и пошло у них негласное соревнование, кто громче башкой о железную тарелочку шибанет, редакторша или губернатор? Теперь это стало доброй традицией, и при каждой встрече с прессой Петрович такой медиаринг устраивает. Проверяет, у кого из областных журналистов башка звонче и крепче. Гонг у Ковровой облдминистрация арендует с почасовой оплатой. И она не внакладе, и губернатор доволен.

Губернатор и приматы

Мало кто в нашей области знает, что любимое занятие Петровича и милое развлечение — зимой мартышек в зоопарке кагором поить от простуды. Идет по морозцу губернатор ранним утром прямо к обезьяньей клетке, отпирает ее собственным ключом и продрогших приматов начинает из горла сладким вином потчевать. А все потому, что губернатор считал приматов бывшими людьми, скорее всего чиновниками, сурово наказанными Богом. Одну мартышку он больше всех поил, уж больно она ему внешним видом и повадками редакторшу Коврову напоминала. Даст ей Петрович несколько глотков вина и начинает блох у макаки вычесывать, ублажать. И макака не промах, шарит своими волосатыми ручонками по телесам губернатора, забавно щекочет. Разница лишь в том, что щекотала обезьяна Петровича бескорыстно, не то что упомянутая редакторша.

Надобно заметить, что смысленные приматы Петровича давно за своего жожака стали принимать, и более преданных насельников и почитателей в области у нашего губернатора не было. Это даже местное отделение «Единой России» на своем областном съезде признало, красочный буклет по этому поводу выпустило «Будем как приматы!».

Действительно, любил Петрович с обезьянами по-свойски напиться и пойти по городу гулять. Висят пьяные макаки на губернаторе, задрав хвосты, а Петрович со всей этой честной компанией непременно в «обезьянник» ближайшего отделения милиции заходит и начинает уже задержанных кагором поить, тоже от простуды. Макаки ментов шугают и фуражки форменные примеряют, норовят в кобуру залезть, пистолет стырить, а Петрович хохочет над ментовским испугом и еще щедрее всех кагором причащает, приговаривая:

— Вот он, мой любимый электорат!

Тербунский баран

Послал губернатор омбудсмена Нарывайко в Тербуны, узнать, каким образом нелепые слухи о его любви к мартышкам по районам области пошли, но в искаженном виде и как теперь право Петровича гражданское на разного рода человеческие слабости защитить можно. Взял Нарывайко под козырек и на личном «мерседесе» в родные пенаты губернатора погнался. Шибко спешил, да так, что на въезде в село барана сбил. Вышла на дорогу девяностолетняя старушка над бараном плакать, а Нарывайко отвалившийся от иномарки бампер показывает и вопрошает:

— Много, старуха, у тебя баранов?

— А что?

— А то я их буду резать!

Еще больше старушка перепугалась. Поди пойми, что у такого важного господина на уме? Не ровен час, ее вместо баранов порешит. Да и баран, невинно убиенный, один в ее скудном хозяйстве был. А осерчавший Нарывайко бампер о собственное колено доломал и злой уехал.

Через месяц бабульку в райсуд вызвали. Судья нарсуда Пришилова с владелицей барана церемониться не стала. И правильно сделала. Надобно было бабке барана правилам дорожного движения обучить, прежде чем гулять выпускать. А то, что на этом участке дороги знак ограничения скорости стоит в сорок километров, так автомобиль Нарывайко с такой скоростью и ехал. Стало быть, именно бабушкин баран двигался со скоростью сто двадцать километров в час, и никак не меньше. Об этом свидетельствовал и тормозной путь непутевого барана. К тому же на баране отсутствовали номерной знак и габаритные огни. Оказалась старушка виновна перед тербунским судом по всем статьям. Омбудсмен просил взыскать с нее за погнутый бампер сто пятьдесят тысяч рублей. Но судья Пришилова мудрее оказалась, всего восемьдесят пять тысяч старушке заплатить присудила. А Нарывайко укоризненно сказала:

— Бабка и эти деньги вряд ли выплатит, у нее на книжке всего девять тысяч на похороны отложены.

Омбудсмен огорчился, но «смертные» у старушки забрал. А подобрив, подбодрив бабушку:

— Держи хвост пистолетом, я тебя сам похороню, да хоть сейчас могу закопать, и совершенно бесплатно!

На том суд праведный над бараном и старушкой благополучно завершился. Нарывайко шкуру барана у бабки тоже забрал, на добрую память. Малахай из нее пошил и тапочки домашние от ревматизма. Ходит победно в администрацию в малахае и в ба-

ранних тапочках зимой и летом, историю эту другим чиновникам рассказывая в наездание, и каждый раз с новыми подробностями. И губернатору омбудсмен деловито доложил, что есть у него и другие подозрения насчет этой бабки с бараном. Сама она, очевидно, колдунья и слухи о Петровиче непристойные распускает. И барана, зомбировав, наперерез автомобилю отправила, чтобы он, Нарывайко, до истины не добрался.

Губернатор и еврейская закуска

Решил Петрович строительство синагоги в нашем городе делом поддержать. А то неудобно как-то получается: каждый год евреи кафе арендуют — Хануку праздновать, а ведь губернатор обязательно туда заходит семисвечник зажигать, поплясать и на халюу мацы вдоволь поесть. Но праздник есть, а синагоги до сих пор в городе нет. Негде культ отправить этой части нашего населения, свободу совести достойно реализовать.

— А коли построим синагогу, — здраво рассуждал Петрович, — То может быть американцы поправку Джексона-Веника наконец соблаговолит отменить да область прямо в ВТО примут, в обход Российской Федерации.

Но как поддержать постройку синагоги? Денег дать? Вопрос сложный, да и Тихоных все время на ухо шепчет, дескать, жирно будет, и так все финансы в мире сионистам давно принадлежат. Петрович напугался не на шутку, все думал, поглаживая свой толстый бумажник, а не сионист ли он сам? И местные чернорубашечники неоднозначно к такой стройке отнесутся, не отстанут, будут и на свой партийный офис-храм бабки требовать, они тоже блины с медом есть хотят и мацой их обзывать. Да и от областной епархии пощады за такую стройку не жди...

Позвал губернатор в гости местного раввина, о нуждах общины расспросить да намек дать, не надобно ли нынче его приходу песку, кирпичиков, цементика и стал раввина пытливо еврейской закуской угощать. А раввин странно так в тарелку посмотрел, вилок поковырял, зашаломкал и вон вышел, даже своей черной шляпы за столом не снял, все кудрявые пейсы парил.

На том разговор и кончился, хотя Петрович в такой же шляпе его встретил. А как добыл ее, отдельный рассказ. Известный артист в тот день на гастроли в нашу область приезжал с антрепризой, так Петрович у него на два часа шляпу из гримерки без спроса позаимствовал, когда тот задремал перед концертом.

Но хуже, что на очередную Хануку губернатора не пригласили, плясали под окнами администрации в кружок, семисвечник без него зажгли и мацу демонстративно ели. А потом кричали, глядя в сторону администрации:

— Тебя обязательно повесят, злой и хитрый Аман!

Вызвал Петрович к себе омбудсмена Нарывайко, тарелку с еврейской закуской ему под нос сует и говорит:

— Твой сын израильский этот рецепт давал, признавайся? Мне повар на кухне все рассказал.

— Так, Петрович, надо было сырки плавленные с чесноком тереть, — воротя нос от чеснока, как хороший вампир, омбудсмен отвечает: — А тут твердый сыр потерт и дорогой, наверняка «Ламбер». И чеснок, похоже, не наш, а тепличный, китайский. И вообще, я чеснок только в сало и холодец добавляю.

— А какая разница, сионистский прихвостень?

— Да это же шутка, Петрович, — смеется Нарывайко. — Эту закуску в советские времена еврейской и прозвали только потому, что приготовить ее можно было всего за копейки. Сырки плавленные «Дружба» копейки стоили, чеснок — тоже. А терка всегда бесплатной была.

— Вот с синагогой терку я тебе и устрою, — вскипел губернатор. — Как теперь в области еврейский вопрос решать? Что мне, на Доску почета портрет раввина вешать для извинения?

— Неплохая идея, — задумался Нарывайко. — Ты же эту доску уже в стену плача переделал. Только шляпу артисту верни, а то он четвертый час по нашему драмтеатру бегаёт, на журналистов с кулаками бросается, все шляпу ищет и почему-то упорно считает, что местный раввин у него шляпу спёр.

— Не могу, — отчаянно мычит губернатор. — Я на его шляпу сел неосторожно, и вообще, она засаленная какая-то. А артист не раввин, случайно? — с надеждой спрашивает омбудсмена Петрович.

— Нет, — огорчил его Нарывайко, — он под шляпой лысину от поклонниц прячет.

— Ладно, — решил губернатор. — Будем другой выход из положения придумывать, пошлем нашего повара сырки «Дружба» искать да чеснок у бабок на базаре. Попробуем раввина со второго захода охмурить, может, синагога в области и выгорит.

Как Петрович за три моря ходил

Стали в нашей области с недавних пор фестивали исторической реконструкции проводить. Это когда вполне цивилизные люди, по большей части бизнесмены, ибо удовольствие такое стоит недешево, каждый год в отпуске на себя рыцарские доспехи напяливают, в походном биваке обитают да силушку в потешных сражениях тешат. В нашей местности они почему-то себя к варягам причислили и той эпохой славной живут, из исторического образа выйти не могут, многие беспокойства у простого населения и церкви вызывают.

Проезжал как-то мимо ряженных викингов наш владыка в приличной иномарке, посмотрел из тонированного окна на сие ратное варяжское действо, и шибко оно ему не понравилось. Стал губернатору жаловаться:

— Викинги — это язычники поганые, нехристи, отродясь в наших краях черноземных таких супостатов не было. Мордва у нас жила, горшки глиняные лепила да лапти на экспорт хазарам плела. А управлял ею, как мне рассказывал наш видный писатель Ошалелов, мудрый князь Липецкий с городища. Ошалелов даже кости этого князя показывал, они у него дома и сейчас под диваном кучей лежат.

Возмутился Петрович разгулом язычников и решил сам посмотреть, что же это за реконструкция такая историческая объявилась. Вошел сам по-княжески в палаточный лагерь, а владыка следом за ним семенит с посохом, широкую спину Петровича знай размашистым знаменем осеняет.

Только Петрович хотел доморощенным варягам разгон задать, как заметил, что рядом на берегу ладью нехристи активно достраивают, смолят уже и конопатят. Да ладную такую, многовесельную и грузоподъемную, типа «река-море». Так и вырвался у него вопрос подозрительный:

— Куда, язычники поганые, намылились?

Варяги, увидев губернатора, шапки железные заломили и отвечают деловито:

— Мы из варяг в греки плыть хотим, за норковыми шубами. Без виз и таможенных сборов. Туда — серые мобильники, оттуда — дешевую пушнину, греческие цеховики славно шкурки выделывают.

Сразу Петрович смекнул, что дело выгодное. И говорит владыке строго и сухо, словно кошка черная меж ними враз пробежала:

— Мы их сейчас прямо в Дону крестим и простим, а что они грехом свальным живут и медовуху пьют, по нашим временам нарушения небольшие. Свальный грех день и ночь по ТВ показывают, а медовуху я и сам люблю.

Так и отправился Петрович в шоптур с варягами за три моря, даже домашних и собственную администрацию не предупредил. По Дону без проблем доплыли они до первого моря — Азовского. А вот уже в Азовском море смущения и трудности большие пошли. Варягов наших украинские таможенники салом в шоколаде и горилкой заманивали на косе Тузла. Кричали певуче, что сирены:

— Мы ваши мобильники, парубки, тоже без растаможки в Жмеринке скинем, половину можем батьке сосватать за зайчики, по выгодному курсу. Надо — дополнительные услуги окажем со скидкой.

А все таможенники как на подбор — гарны дивчины. Юбочки форменные короткие, аж трусики кружевные с державными трезубцами видны, декольте на кителях большие прорезаны и лифчики жовто-блакитные колыхаются. Едва устояли, кормчего пришлось за руки держать, чтоб в самостийную державу не зарулил. Петрович ему глаза собственной футболкой завязал и уши жевательной резинкой заткнул.

В Черном море тоже без приключений не обошлось. Пограничный катер наперерез послали. Капитан лично у штурвала стоял и на чистом английском языке чачу, хачапури, шашлык и харчо Петровичу предлагал. Патефон заводил с пластинкой Кикабидзе. А наш губернатор ему за борт суровый ответ бросил, как отрезал:

— На вас, провокаторов, российское торговое эмбарго наложено.

И жест неприличный локтевым суставом показал.

Струсил капитан. А как же! Сразу катер его задний ход колесами дал и в дымке багумского берега растаял.

А вот турки к нашим варяжским шоперам не приставали. Они обслуживанием российских туристов шибко заняты. Русские весь пролив Босфор на лежаках заняли, загорают — яблоку упасть некуда. Турки едва успевают им массаж делать, ракию подносить да кальяны раскуривать. А море так головами наших отдыхающих кишит, что бухту Золотой Рог по ним перейти, аки посуху, иногда можно.

За Босфором до Греции вообще рукой подать, мигом через Эгейское море доплыли. Между прочим, оно и вправду виноцветное, как Петровичу один греческий турист рассказывал, Гомер. А может, и не он, но тоже старик и тоже слепой.

Мобильники еще в Пирее у них афинские фарцовщики выхватили, не успели даже на пирс ступить. И шубы тут же в ладью большой кучей навалили, правда, без пуговиц.

Но назад Петрович возвращаться тремя морями отказался. Дескать, болезнь морская заколбасила и мозоли от весел не проходят. Стонет жалобно:

— Лучше назад меня бандеролью отправьте, чартерным рейсом.

Заколотили Петровича варяги в бандероль фанерную и дырочки просверлили. Сам Петрович в дорогу три шубы надел, не порожняком же из Греции ехать! А сверху губернатора апельсинами замаскировали, чтобы таможня в аэропорту контрабанду не заподозрила. В Греции все есть, а апельсины вообще, как у нас дички, вдоль дорог бесхозно растут, рви — не хочу!

Через четыре часа Петрович уже на Родине был, и нес его в бандероли носильщик-таджик согбенно, но прямо в родную сердцу губернаторскую приемную. Открыли в администрации бандероль, а оттуда чудище мохнатое с апельсинами вылезает. Дуракова заулыбалась по-детски, от радости запрыгала, в ладоши хлопает и говорит звонким голосом:

— Здравствуй, Чебурашка!

— Какой я тебе Чебурашка, — огрызнулся Петрович, — я губернатор ваш, только взопрел, мочи нет! По нужде пришлось сразу три шубы надеть, для экономии места в посылке и личной выгоды.

Кроличью шубу Петрович жене подарил, каракулевую — дочери, а норковую — преданной соратнице Дураковой. А все потому, что принципиально ценил рабочие отношения выше семейных.

Первый бал Дураковой

Решил Петрович свою соратницу и первую помощницу поощрить, а кроме бала, лучшего подарка комсомольской светской барышне, пожалуй, и не придумаешь. Петрович с удовольствием наблюдал ее хлопоты и беспокойство накануне торжества. Каждый день в новых нарядах в администрацию приходила. То юбка у Дураковой оказывается длинна и знаменитых панталон не видно. То джинсы новые наденет, модные теперь, без пояса, и пупок с бриллиантовым пирсингом показывает. То платье с вырезом на спине напоказ примерит, да вырез такой, что чиновников волновать и нездорово возбуждать начинает. Петровичу кажется, что она еще не повзрослела, что в душе она еще совершеннейший ребенок, не так давно говоривший своему первому поклоннику Чардашу: «Целуй куклу!» — или не далее как вчера матери: «Не замуж, а так...» Только один омбудсмен Нарывайко порядок знал: королеве бала колено поцеловал и сторублевку в панталоны положил, а остальные деньги пожалели и колено целовать не стали, шушукались по углам, дескать, даже стройные ноги надобно изредка брить. Под эти шушуканья Петрович подал королеве серебряную чашу из черепа одного из обкомовских первых секретарей с пенящимся глинтвейном. Отпила жадно Дуракова добрую половину, пузырьки из носа шаловливо пустила и яркие губы во хмелю ощерила. Пошла чаша по кругу и под рубахой у какого-то чиновника исчезла. Но не огорчился губернатор, мол, пусть в его семье серебро фамильное появится микробов убивать, напитки ионизировать, жирным рукам дезинфекцию делать.

А скоро и зала в администрации тысячей свечей засияла, осветив глубокие траншеи столов с напитками и яствами. Оркестр из местного гарнизона праздничной медью гремел и призывные звуки мазурки под самый потолок возносил.

Чардаш на своих гусарских ногах-шипикачках со всеми дамами сразу кружил, а вот Дуракову проигнорировал. Наверное, куклу забыть не мог.

А тут Тихоныч машкерадным гусаром нарядился в белые рейтузы детские. Даже сабельку пластмассовую на бок повесил. К Петровичу подходит и нагло заявляет:

— Ежели она подойдет прежде к своей кухне, то она будет моей женой.

Выделил-таки, старый хрен, Дуракову из серой массы балующихся, только и подумал губернатор. Наверное, оттого, что лицо и манеры ее не имели на себе общего светского отпечатка. Любуясь радостным блеском ее глаз, беседуя о самых простых и ничтожных предметах, Петрович, однако, Тихоныча строго на место поставил:

— Вот ведь как твоя гнусная, похотливая, старческая сущность проявляется: «Ежели, она подойдет прежде к своей кухне... то она будет моей женой». Ты ставишь свою будущую загробную жизнь в зависимость от случая, то есть слушаешь прежде всего голос разума, а не сердца. Да и вообще, ты же старый пень, уже пятьдесят лет как женат!

А в середине бала перемена в настроениях началась. Тихоныч над заливной рыбой заснул, прямо с вилкой во рту. Только проснется изредка, брови с рыбьими костями над блюдом поднимет, сальные глазки на королеву бала разлепит, ногами под столом посучит да и снова крепко заснет.

Меж тем Дуракова с Чардашем под сальсу помирились, в знойном танце потерлись. И внезапно уединяться стали. То за портьеру заскочат, то за колонну, то на балкон якобы свежим воздухом подышать и на звезды посмотреть. А когда свечи прогорели, вообще до утра в оркестровую яму упали, прямо на большой барабан, с музыкантами вполвалку. Только дробь до рассвета и раздавалась.

Губернатор и президентский полк

Есть в нашей области славная традиция — ежегодно десять самых лучших призывников в президентский полк отправлять. Главным образом смотрят на рост, чтоб не ниже

ста восьмидесяти сантиметров был, осанку, вес, да и лицом гвардеец крив не может быть. Еще лучше, если белокур и голубоглаз, беспрекословно подчиняться уметь должен, слухом одарен. А то станет встречать главу иностранного государства в почетном карауле, ритм не разберет и весь гвардейский строй за собой не в ногу уведет.

Отправляют таких призывников в столицу с особым почетом. Сам Петрович у Вечного огня юношей на президентскую службу напутствует, а ветераны, на них гляючи, скупые слезы роняют. Здесь и концерт народу дают на патриотическую тему. Так и в нынешний призыв было, чувствовали новобранцев шибко, Петрович каждого по-отечески поцеловал на прощание. Посадили президентских новобранцев в шикарный автобус, да вернули с полдороги. Шифрограмма в военкомат из столицы пришла неожиданно, мол, президентский полк уже полностью укомплектован, вакансий больше нет.

Выдали призывникам военные билеты прямо в автобусе, без всяких объяснений, и до следующего призыва по домам отправили. А на следующий день к губернатору разгневанные родители в кабинет вломились, шумят, скандал в СМИ грозят на всю страну поднять, дескать, наши ребятишки теперь на улицу боятся выйти, перед сверстниками и всей областью стыдно. С таким шумом и почетом служить в президентский полк отправляли, а вернули с полдороги, как уклонистов или белобилетников негодных!

Пришлось Петровичу срочно выход из щекотливого положения искать. Решил он родителей успокоить, честь новобранцев отстоять путем создания своего губернаторского гусарского полка. Чем наша власть столичной хуже и почему бы губернатору не занять областной почетный караул?

Маршируют теперь областные гусары в киверах со страусиными перьями по нашей главной площади ежедневно. Берданки в белых перчатках вертят и вверх подбрасывают. А командовать парадом Тихоныча поставили, как ефрейтора запаса. Правда, Тихоныч сразу себя в маршалы зачислил, пришел к Петровичу и претензии высказывает:

— Давай мне, губернатор, маршальскую звезду и жезл, бриллиантами усыпанные, как положено. Негоже мне губернаторским полком в ефрейторских погонах командовать, область перед столицей срамить!

Подарил ему Петрович бадик, стеклярусом облепленный, да звезду на грудь елочную — не обижать же отказом вице-губернатора и почетного пенсионера.

Однако наряду с бравыми явлениями гусарской жизни стали проявляться и негативные явления. Тихоныч мигом махровую дедовщину развел. То воины ему на даче баню строят, то бассейн, то свиней откармливают или огород копают. Стали множиться неуставные взаимоотношения путем вовлечения служивых в карточные игры со штатскими. Один раз Дуракову таджикским гастарбайтерам проиграли, еле Петрович вмешаться успел и паранджу с нее снять. Другой раз кавказцы гусар в дураках без берданок оставили. А после и вовсе казус на всю область прогремел: выкрали гусары из нашего зоопарка ручного медведя, написали на спине зверя белой краской «Единая Россия» да напоили крепко медведя и Тихоныча. Ходит пьяный медведь со спящим Тихонычем в лапах возле администрации и грозно ревет.

После таких безобразий Петрович и решил, что без губернаторского гусарского полка спокойней жить будет. А здесь и реформа военная вовремя подоспела. Так что сократил губернатор свой потешный полк на полных основаниях, только гусар в стройбат дослуживать отправил, вроде как в небольшое дисциплинарное наказание.

Власть могла пропасть

Первый раз кресло под нашим губернатором зашаталось, когда на Петровича ополчились местные попы. Пришли они как-то в его кабинет со справкой из архива, трясли долго бумажкой с печатью перед постным ликом Петровича. Очень уж нагло утверж-

дали, дескать, здание администрации — это вовсе не ее здание, горбом трудящихся построенное, а чудом возникший из римской языческой базилики нерукотворный храм Обкома на Куличках, да еще и памяти преподобного первого секретаря, сталиниста на всю область просиявшего.

Короче, намекнули Петровичу срочно собирать чемоданы. И стали после этого наглого визита бывшие прихожане обкомовского храма со стервозными лицами вокруг администрации крестные ходы устраивать да стекла по ночам камнями из мостовой бить. Всю площадь в три дня исковыряли, а администрацию, свой же, пардон, храм, почему-то все время поджечь пытались. Губернатор самолично бутылку с коктейлем Молотова своим знаменитым пиджаком от «Версаче» отважно потушил. Приходилось чиновникам и на крыше дежурить, и «крышу» братковскую по старой памяти на окончательную разборку-стрелку с верующими вызывать. Хорошо, что не забыли Петровича наши братки, по первому свисту на черных джипах прямо по оголтелым верующим прикатили. А после еще пару раз проехали взад и вперед. Вроде религиозная проблема и укаталась сама по себе. Так Петрович от взбеленившейся паствы отбил и больше никаких попов на порог администрации не пускал. Ибо религия для Петровича была всегда догматическим явлением, сковывала его свободные, порой фривольные мысли и чувства. А после неожиданной поповской атаки он окончательно понял, что не может быть никакого бюрократического аппарата между ним и Богом, то бишь самого института церкви. И вообще, Бог — это власть. Поскольку именно власть всемогуща и бессмертна, только она действительно покоряет сознание, а не религия. Выходит не зря церковь отделена от государства.

Сумерки областных богов

При любом удобном случае Петрович с религией боролся, никак не мог наезда верующих на администрацию забыть. Конечно, местную епархию он не трогал, боялся, что в столицу нажалуются, а государственная власть у нас нынче крепко с официальной церковью обнимается, и, не ровен час, можно по шапке получить. Но на разных полуофициальных религиозных течениях Петрович с удовольствием злобу вымещал при первом удобном случае.

Пожаловали как-то в нашу область богородичники, сняли в городе зал и выставку устроили, вроде как покаянную, с громким названием: «Соловки — русская Голгофа». Петрович вначале на эту выставку даже внимания не обратил. Дескать, Голгофа от нашей области далече будет, и неважно, где она, на Соловках или в Израиле, расстояние, пожалуй, от наших краев одинаковое, что в одну сторону, что в другую. Наша хата с краю от этих Голгоф стоит. Однако терзало Петровича какое-то внутреннее беспокойство, можно сказать, предчувствие нехорошее. И не зря, уже на следующий день, как выставку открыли, к нему с очумевшими глазами омбудсмен Нарывайко прибежал:

— Ужас, губернатор, совсем богородичники распоясались. Патриотическое слово «русская» к слову «Голгофа» злонамеренно присобачили. Разве Иисуса на Соловках распяли и был он русским? Да кого там вообще распяли? Троцкого, что ли? Его же ледорубом латиноамериканский мачо кокнул на почве страсти к чужой жене.

— Да пошли вы на фиг со своей религией, — отмахивается Петрович. — Одни мучения Христа придумали, другие — репрессии Сталина, а у меня посевная на носу и окончание отопительного сезона ниже пояса сильно бьет.

— Нельзя власти на свободу совести глаза закрывать, — вкрадчиво тараторит главный правозащитник области, — нашему владыке на этой выставке совсем плохо сделалось, в обморок упал от экспозиции лукавой и богомерзкой. Его монашки из эскорта до больницы на руках тащили. Учительница одна мне сегодня позвонила, волосы на

себе рвет, в телефонную трубку рыдает: повела старшеклассников на экскурсию, половине класса физически дурно сделалось, а другая половина словно зомбировалась. К ее классу устроители выставки проявили необычное коварство: детям не дали возможности рассмотреть представленные на выставке плакаты и литературу, разбили на группы и в навязчивой форме начали проповедовать учение блаженного Иоанна. Дальше — больше: от этих проповедей занемогли семнадцать школьников, а у троих случилась истерика.

— Это уже другое дело, — всполошился Петрович, — надо наше ФСБ подключать, они церковников, почитай, с Октябрьской революции ненавидят. Беги, Нарывайко, скорей в комитет, холодные головы и чистые руки поднимай.

Однако уговаривать ФСБ вмешаться потребовалось три дня. Пусть школьники и пребывали в возбужденном состоянии, но твердили о спасении, очищении и пророке Иоанне. А это к делу не пришьешь.

— А вы пришейте возбуждение! — мудро посоветовал омбудсмен.

Выставку в тот же день закрыли. Закрывантам достались богатые улики — сто экземпляров культовой литературы, тысяча листовок с символикой церкви, блокноты с записями и неизвестная жидкость с резким запахом. Улики, конечно, страшные. Особенно блокноты с записями и культовая литература. Неизвестная жидкость на свет божий появилась тоже не случайно. Ею коварные адепты вкупе с ангельскими речами, стало быть, и охмуряли школьников. О составе жидкости чекисты до сих пор молчат, видеть, так и не разнюхали.

Богородичников трое суток в обезьяннике продержали. Хотели судить, да вроде не за что. Выставку сами власти официально разрешили. Информация о зомбировании школьников да охмурении их дурманящим веществом не подтвердилась.

Но тут новая беда к губернатору пришла. От столичных правозащитников жалоба на областного омбудсмана. Дескать, он не только погром выставки организовал, да еще во главе комитетчиков сам в черной маске экспозицию громил, на плакат с ликом Христа ногой наступил. Вызвал Петрович омбудсмана Нарывайко, сетовать стал:

— Может, с богородичниками действительно палку перегнули, неудобно как-то. Пакостно получилось. Похоже, наплел ты мне с владыкой ахинеи, как теперь заваренную кашу расхлебывать будем? Уже и комитетчики задний ход дали, говорят чекисты уклончиво, что в настоящее время проводится проверка деятельности этой церкви для принятия процессуального решения. Выходит, надобно было вначале принять это процессуальное решение, а уж потом адептов «тащить и не пущать».

А омбудсмен маску с преданного чела снял и улыбается:

— Всё мы правильно сделали, владыка божится, что богородичники — создания мерзкие, кровь христианскую стаканами пьют и не морщатся, да еще чокаются при этом. Выдумали, видишь ли, церковь катакомбную. У нас в области никаких катакомб нет, одни карстовые провалы в наличии. Да и чекистам однозначно посещение выставки на пользу пойдет. Они ведь тоже нуждаются в спасении души, очищении и даже в пророке Иоанне, ведь в их ведомстве точно нет пророков. Лишь бы только арестованную жидкость не нюхали. Ну а якобы пострадавших школьников мы на курорт в Сочи по путевкам Пенсионного фонда отправим. Пусть видят жители области, что от этой выставки действительно есть нервнопотерпевшие и охмуренные.

Так губернатор и омбудсмен скандал с религиозной выставкой удачно замяли.

Губернатор и печник

Второй раз стало ему плохо, когда войной на него местный печник пошел. Сам губернатором стать захотел. Хороший печник, основательный, шибко офшорный. Печи

у него большие, металлургические да и в подмастерьях чуть ли не полгорода ходит. Ох, как над ним этот печник покуражился! Один раз в атаку сразу триста колесных тракторов с развевающимися флагами на обладминистрацию бросил, чтоб живьем запахать да окончательно забронить.

В другой раз глав районов совратил зелеными деньжищами, перспективами радужными закалейдоскопил да и сколотил из чиновников-предателей Дикую дивизию. Посадил голыми на орловских рысаков и бараньим жиром густо намазал, чтоб даже шашки каленые с предателей в смертельной атаке соскальзывали и вреда никакого не причиняли. Еле эту психическую атаку Петрович своими наличными отбил, по ложному следу татей в престижную загранкомандировку отправил.

Уж Петрович печнику замок тринадцатого века в Англии купил, со многими привидениями и винной галереей, порт в Туапсе с кораблями и крепостными докерами, Чайна-таун с плененными китайцами на гранитном Манхэттене, а все не может одолеть супостата. Пришлось поднатужиться, облигации областного займа срочно допечатать да купить печнику всю администрацию. А кроме того, еще в придачу Дуракову замуж за печника поневоле выдавать. Хорошо, что не на совсем, а только на время. Чисто попользоваться. Только тогда печник к Петровичу мириться пришел — зарыть вместе топор войны.

Петрович и кремлевская кухня

Решили Петровичу в Кремле гастрономическое испытание устроить на политическую лояльность. Пригласили за стол столичного борща отведать. Сам президент половником аппетитный свекольник в тарелку с гербом наливал, густую сметану клал, а сверху еще и жирную навозную муху водрузил. Смотрит, ухмыляется, ждет лукаво, когда Петрович муху проглотит. А наш губернатор сделал вид, что насекомое не видит, но ложкой старательно вокруг мухи борщ зачерпывает. До дна тарелку выхлебал и на муху ехидно показывает:

— Я перец горошком не ем, панкреатита боюсь.

Расхохотался президент от находчивости нашего губернатора, а Петрович под его смех муху в борще в твиттер сфотографировал да еще едкий комментарий успел написать: «В борще кремлевском вижу муху, а в экономике разруху».

Во всем мире к этой истории отнеслись с юмором. Муха стала героем многих газетных публикаций, ей даже имя придумали: Ярославна.

Но в управлении делами президента ничего смешного в этом не узрели. Дескать, клеветает Петрович на высшую власть, муха не из кремлевского борща, на тарелке под сметаной российский герб не виден. Стало быть, Петровичу надо перед кремлевской кухней извиняться или уволиться со своего поста по причине слабоумия.

Испугался Петрович, скандальную фотографию из твиттера удалил, а сам твиттер в бурлящий компот бросил, когда на кремлевской кухне перед поварами извинялся. За ноги их хватал, ботинки лобызал, лбом о разделочную доску стучал. Кричал, что умом ослабел после того, как у него в Куршавеле один олигарх лыжи украл.

Простили Петровича в Кремле или нет — нам не ведомо. А муха свой твиттер завела и вовсю за кухонную демократию в Интернете борется с помощью таких строк: «Лучше быть мухой в борще, чем быть у власти вообще».

Петрович и цветная революция

Решили оппозиционеры в нашей области цветную революцию устроить. Даже вице-губернатора Тихонюча на это подбили. Он как раз с очередного курорта, солнцем

утомленный, вернулся и толком не понял, в чем, собственно, дело. Пришли к нему люди домой, вроде как свои, и честно спросили с угрозой:

— Будешь у нас вождем?

Испугался Тихоныч и сразу вождем стал. На голову убор из перьев надел, лицо загадочным орнаментом посредством губной помады разрисовал, туристический топорик, на томагавк похожий, в спорттоварах приобрел. Он ведь старенький, всего боится, всех слушается. Но глаза при этом горят, волосы подъяты, несутся хрипы из груди, и топориком работать умеет, не отвыкла еще рука. Ну чем не вождь? Да к тому же, как здраво прикинул Тихоныч, вдруг они победят, а потом обидятся, что к ним вождем не пошел, и без чиновничьей пенсии оставят.

Пришли на главную площадь с подсолнухами. Ко всем целоваться лезут, солнечными цветами размахивают, семечки лузгают, песни революционные поют, на мирный переход власти явно намекают. А Петрович намек не понял да все подсолнухи приказал срочно на маслозавод свезти. Но что самое удивительное, оппозиционерам премии солидные выдал за помощь в сборе урожая полезной масленичной культуры.

Вышли революционеры в следующий раз на площадь с сахарной свеклой. Петрович и вовсе обрадовался, сладкие корнеплоды на самогон отобрал. И опять премии выдал, но уже не деньгами, а крепкими декалитрами, по чекушке на нос.

Как протрезвели мятежники, так в третий раз вышли на площадь протестовать, но уже с тыквами. Не будет же губернатор тыквы у них отбирать и кашу варить. Он, поди, одной икрой, лобстерами да карбонатом питается. А Петрович на крыльце гостей с восторгом встречает, чертом наряженный, но со свечкой, и опять благодарит:

— Молодцы, какой веселый Хэллоуин придумали! Сейчас все вместе будем тыквы потрошить, глаза и рты проковыривать, свечки в них ставить и народ ночью забавлять!

Тихоныч вообще ничего понять не может, а Петрович с его головы убор вождя из перьев снимает и пустую тыкву с дырочками для глаз важно надевает. Испугались революционеры и ну креститься, разбегаясь от Тихоныча в разные стороны:

— Сгинь, нечистая сила!

А Тихоныч носится кругами по площади с тыквой на голове, переспрашивает:

— Где нечистая сила? Готов и над нечистой силой мудрое руководство взять, в Люциферы записаться и должность честно отправлять, лишь бы пенсии не лишили!

Так Петрович не только цветную революцию предотвратил, но и над смертью и нечистой силой лихо посмеялся.

Петрович и нанотехнологии

Что такое нанотехнологии и с чем их едят, народу пока не понятно. Но наш губернатор, как настоящий доктор наук, очень доходчивое объяснение пытливому обывателю всегда дает:

— Наночастицы, дорогие мои сограждане, это такие суперполезные микробы атомные, которые, вступая в половую связь с прочими земными материалами, просто чудеса иногда вытворяют и народному хозяйству могут небывалый импульс придать, мировое лидерство страны в ближайшем будущем надежно и дешево обеспечить!

А тут в правительстве выставку нанотехнологий устроили и Петровича на просмотр официально пригласили. Губернатор, с учеными запросто общаясь, здравую смекалку проявил и пробирочку с чудесными атомными микробами в карман на всякий случай занякал. Вертел, крутил в руках, языком перед учеными цокал от восхищения, а потом незаметно в рукав затер и в нагрудный карман опустил. Словно пробирка чудесным образом сама по себе в воздухе растаяла. К тому же заветную пробирочку Петрович не себе взял, а для пользы дела всей нашей области.

Вернулся Петрович с выставки и стал эти полезные атомные микробы с другими материалами активно случать. Смотрит в микроскоп, как микробы случаются, хохочет над прибором от удовольствия. Случил он наномикроб с питьевым спиртом и сразу градус еще выше прыгнул, аж хорошо разбавленный на местном ликеро-водочном заводе спирт закипел. Случил с соевым фаршем, так из него натуральные свиные, очень сочные сардельки сами в гирлянды вязаться стали и без дров закоптились. Случил с бумагой — на банкнотах нули сами по себе растут, особенно на долларах. Случил с полистиролом — гигантские урожаи синтетического зерна образовались и нерукотворными реками в элеваторы потекли. Зерно оказалось вполне съедобным, правда, куры от него только шарики для пинг-понга несли, а гуси — бильярдные шары. Но ведь сие очень даже хорошо для развития игровых видов спорта. А когда Петрович этих наномикробов с дизельным топливом случил, то трактора по полям, как «феррари», гонять стали, по сто га за полчаса вспахивают, пласты земли сами по себе тут же боронятся от вихревых потоков, а картошка в землю от страха запрыгивает уже забытым квадратно-гнездовым способом.

Решил Петрович наночудо и в своем домашнем хозяйстве употребить. Не все ж народу отдавать. Лодочка резиновая у Петровича давно прохудилась, а без лодки какая рыбалка? Случил Петрович наномикробы с казеиновым клеем и лодку попробовал заклеить. Как новая стала! Задумал Петрович крепость изобретенного клея научно проверить. Гирия у него пудовая давно в гараже без дела стояла. Намазал он подошву этой гири да к стене с размаху и прислонил. Схватило намертво. Он даже стоял на этой гире запросто. Увы, после пришлось кувалдой гирию от стены отбивать вместе с кирпичами.

Но тут и оказия нехорошая вышла. Во время опытов Петрович чудо-клей себе на штаны нечаянно пролил. Брючная ткань к живой коже намертво приклеилась, надо полагать, на молекулярном уровне. Думал губернатор, само по себе отлипнет, ан нет! На ноге язва образовалась гнойная, и пришлось срочно к докторам идти. Переполох доктора подняли: такого опасного чуда еще не видели, а они, понятно, головой за здоровье губернатора отвечают. Тут и местная ФСБ подключилась с расспросами. Пришлось колотиться Петровичу да про заныканную на нановыставке пробирочку все рассказать и на заседании правительства покаяться.

Объявили губернатору строгий выговор и квартальной премии лишили. Но оргвыводов делать не стали, а все про эксперимент с синтетическими зёрнами расспрашивали. Мешок синтетического зерна Петрович лично премьеру презентовал. Весь правительственный кабинет с восторгом смотрел, как курочка натужно квохчет, а из нее шарик для пинг-понга выскакивает. И как гусь бильярдные шары несет, на парламентском часе всей стране показывали. А один депутат гуся себе забрал, на правах вице-спикера, проводящего экстренное думское заседание. Гусь теперь в Госдуме обитает, в большой корзине.

Русский лес

Видит губернатор по телевизору злободневные передачи о том, как китайцы русский лес вырубают, и от смеха покатывается.

— Какое же глупое у нас телевидение, — не понимает и от счастья руки потирает. — Мы и сами с усами, у нас свой Китай!

Для начала затеял Петрович первый в области съезд лесников провести и сам на нем выступил с речью:

— Почему — не знаем сами, но дела идут хоть плачь, залесились мы лесами, засорились враскорячь!

Короче, предложил Петрович главного лесника за профнепригодность сместить, а на его место поставить некоего гражданина Насосова, чтобы в лесах нужный порядок срочно навести. В лесах Насосов, конечно, ничего не смыслит, но губернатору большой друг, а значит, лесное дело в цивилизованный оборот войдет, новый импульс при поддержке властей получит.

Не прошло и полгода, как верный Насосов распоряжение не глядя подмахнул, по которому сразу несколько тысяч гектаров леса переводились в категорию земель поселений, а значит, подлежали законной вырубке. Вырубить, правда, успели лишь триста с гаком гектаров по копеечным лесорубным билетам. Один местный капиталист под расширение завода земельку попросил. Но тут экологи шум подняли, а из столицы следственная бригада прикатила. Дело уголовное возбудили и взяли несчастного Насосова под стражу прямо из теплого кабинета в холодный казенный дом.

Всего столичные сыскари вменили невольному лесному реформатору ущерб в размере нескольких миллиардов рублей! Именно невольному, не для себя же одного Насосов так старался! И что ж? Минул год, сидит Насосов под стражей, а шум сильно поутих. Насосов в кабинете следователя физиономию хитрющую скорчит и одно твердит:

— Мое дело политическое: не может же в моем частном огороде вырасти федеральная капуста!

Злые языки пророчили, что Насосова обязательно отмажут, он ведь очень правильно сидит — никого не выдает. А областной прокурор вообще перестал отвечать на запросы из столицы по поводу незаконной вырубки леса. Он ведь у нас слепой и глухой. Петрович его специально из дома инвалидов на иждивение взял. Дескать, сам у него поводырем буду, со мной не заблудится и не пропадет.

Закончилась эта лесная история и вовсе замечательно. Руководитель Федерального агентства лесного хозяйства неожиданно присудил области звание «Лучший субъект Российской Федерации в области лесных отношений» да еще Насосову прямо в тюрьму правительственную телеграмму отстучал с теплыми словами: «Выражаю благодарность за взаимопонимание и поддержку в решении задач по реализации эффективной лесной политики, устойчивому управлению лесами, их рациональному использованию и восстановлению». Так прямо из-под стражи в новом лесном кителе с губернаторского плеча поехал Насосов получать диплом о присвоении почетного звания в Москву. И получил его в День работника леса на славной сцене Малого театра. И Петрович ему из бархатной бордовой ложи сильно аплодировал и лукаво подмигивал.

Губернатор и кризис

Стал Петровичу Леня Голубков во снах являться да порой еще и свою жену в новых сапогах приведет или брата-алкоголика. Сядет на край кровати в тельняшке, вначале график роста доходов покажет, а после гаечным ключом по лбу тукнет и хитро приговаривает:

— Мы не халявшики, Петрович, а партнеры!

Просыпается губернатор в холодном поту. Лени Голубкова рядом нет, а на лбу огромная сизая шишка и саднит сильно. И понял губернатор — не к добру. Не Леня это вовсе, а сущий экономический кризис ему являться стал в личине Голубкова. Несколько раз пытался Петрович с ним во сне в диалог вступить:

— Что тебе, кризис, в нашей области делать? Как в ней ничего не было со времен советской власти, так и нет! Разве же мы работаем? Только видимость создаем для получения высоких зарплат и государственных наград, признаюсь как на духу.

Говорит это, а сам кукиши под одеялом держит, и не только руками, но даже пальцами ног фиги показывать научился. Так многолетнее губернаторство на гибкость членов

влияет. Но не помогает, кризис ночами все чаще является странными видениями: то брат Голубкова Петровича к противоестественному сожительству склоняет, то его алчная жена в кровать под бок ложится. И похожа становится на свинью-копилку Петровича. При этом подлинная фарфоровая свинья-копилка губернатора вдруг превратилась в какого-то страшного монстра с торчащими ребрами, а деньги пропали.

Пытался губернатор выход из наступающего кризиса сыскать да поменять с соседними областями репо на брюкво, да никто не берет. Говорят, от своих репо и брюкво в амбарах стены трещат и мыши, объевшись,дохнут.

Первое время Петрович старался банки и крупные предприятия поддержать: рубли на цветном ксероксе накатал да раздавал страждущим даже неразрезанными. Не было времени нормально ножницами поработать, во как старался кризис упредить!

Только потом понял: лечить областную экономику финансовыми вливаниями все равно что лечить понос перееданием. Тогда Петрович запретил местным СМИ волновать народ кризисом, а депутатам приказал в срочном порядке принять местный суровый закон против возможных забастовок. Нет ведь повода для недовольства. Сокращают рабочую неделю? Так ведь это благо, пусть трудяга побольше времени уделит семье, с детишками задачки порешает, на карусель сводит, жену лишний раз потискает. Урезают зарплату? Похудеть тоже полезно и не нужно на фитнес тратиться. На улице оказался? Счастливым человеком стал: гуляй — не хочу! А разные недовольства поручил прокуратуре усмирять на предмет паникерства и экстремизма.

Как жена губернатора экономику лечила

Понял Петрович, что местные экономисты ему не помощники, и решил, что экономике требуется срочное медицинское лечение. Понятно, такое лечение областным врачам-коновалам не доверишь, стало быть, надо просить любезную супругу-медсестру употребить заветные пилюли для хронического кризиса неплатежей. Добился губернатор, чтобы жену председателем банка назначили, иначе неплатежеспособности правильного диагноза не поставит. Но как только возглавила банк губернаторская жена, сразу из него два с половиной миллиарда рублей исчезли, уйдя по ошибке на корреспондентские счета вкладчиков по всей матушке-России. Как такое могло произойти? Да сущий пустяк: два молодых и неопытных программиста банка Многоженов и Несвеженцев техническую ошибку допустили, которая привела к сбою в электронной системе и изменила суммы отправляемых из банка платежей в сто раз! Рубли и копейки в платежных поручениях исчислялись как целые цифры, а два ноля добавлялись в конце суммы автоматически. Многоженова и Несвеженцева быстро из банка выперли, как говорится, без выходного пособия, а прокуратура взялась деньги назад в банк возвращать. Но уже первый выявленный незаконный получатель халявных денег — предприниматель из славного города Воронежа, по фамилии Огородов, возвращать полученные ошибочным образом сорок миллионов отказался. Аргументировал он отказ так: если мне самому возвращать эти деньги в банк, то с них за перевод придется заплатить четыре миллиона из собственного кармана!

Удивился губернатор его догадливости, но велел прокурорам предпринимателя арестовать и под стражу посадить. Пусть еще раз подумает в уединении и здравое для области решение примет.

— Надобно от него добиться признания, что в сговоре с неустановленной группой лиц вывел из строя программное обеспечение банка неустановленным способом и совершил мошенничество в особо крупном размере, — напутствовал силовиков Петрович.

Уголовное дело быстро состряпали да в суд передали. Однако предприниматель и сам оказался малый не промах, в недавнем прошлом прокурор. Говорит, дескать, я ждал из

банка официальных документов, подтверждающих принадлежность разницы суммы банку, чтобы вернуть ее на законных основаниях. Вот до сих пор отсудить ничего не удается: не находят судейские в его действиях состава преступления. Более того, выяснилось, что и сам банк ревизии на сей счет не проводил. А тут еще одна история всплыла: оказывается, жена губернатора подобным же образом несколько лет назад один из районных банков лечила. Деньги ищут до сих пор.

Петрович и антикризисный автобус

Решил губернатор, что в период экономического кризиса полезно областному народу настроение поднимать, веселить его. Собрал Петрович транспортников и объяснил свою идею:

— Юмор — это не хурмы-мухры, а хороший механизм психологической защиты от социальных потрясений. С его помощью происходит обесценивание опасности. Он пересаживает суровую кризисную реальность в область ничего не значащих знаков. А знаки, в отличие от реальности, не пугают, они вроде щита между нами и реальностью. Сама опасность не пропадает, но факт переживания страха редуцируется, — мудро сказал все это Петрович и сам себе удивился: — Во как! Стало быть, будет ходить по городу и области такой автобус с бесплатным проездом, а настроение гражданам будем поднимать тем, что по пути на работу или на биржу труда они будут слушать короткие рассказы Зощенко, Жванецкого и молодых областных юмористов.

А тут еще и омбудсмен Нарывайко в серьезный разговор втерся:

— Юмор — месь маленького человека тяжелым жизненным обстоятельствам. Это отдушина, с помощью которой он делает сносной часто невыносимую действительность и с помощью смеха становится ее господином! Временами в шутке есть зерно жизненно важного упрямства. Например, кризис уже помог моему родственнику снова встать на ноги! Он не смог больше платить банку по автокредиту и лишился машины. А сегодня я попытался получить деньги в банкомате, но он мне сказал, что «средств недостаточно». Я так и не понял, он имел в виду себя или меня?

— Правильно, — подхватил мысль омбудсмена губернатор. — Вот и наш министр финансов успокаивает простых граждан: «Вам нечего опасаться кризиса. Опасаться нужно было раньше, а сейчас уже поздно». Бизнесменов заодно раскошелим на этот автобус и назовем это «принуждением к щедрости».

Губернатор и кивалы

Многотрудным законотворчеством наши областные депутаты прославились. Какие только полезные и нужные законы не напридумывали! Выдвинет депутат инициативу, а остальные рты разинут и кивают при голосовании. Например, придумали закон для борьбы с преступностью, запрещающий ходить по улицам в черной одежде, обуви из войлока и с лицом, выкрашенным черной ваксой, поскольку все вышеперечисленное составляет наряд областного ночного вора. Категорически запрещается умирать в стенах администрации, чтобы не портить настроение чиновникам. Захотел умереть — выйди на улицу и умирай на здоровье. А человек, пойманный на краже мыла, обязан мыться им, пока оно не кончится. Река Воронеж не имеет права подниматься выше уровня Петровского моста. А взрыв ядерного заряда в черте города карается административным штрафом в тысячу рублей. Человек, занимающийся отловом собак, обязан за три дня предупредить собак о своих намерениях путем расклеивания объявлений на деревьях городского парка. Запрещено продавать дырки от бубликов с маком. Кровать не может быть подвешена за окном. Нельзя испускать неприятные запахи в лифте. За-

прещается помещать табличку с надписью «продается» на машину, если она видна с улицы. Парикмахерам запрещается есть чеснок и лук между семью часами утра и семью часами вечера. Женщине запрещается появляться небритой в общественном месте. Если вам больше восемнадцати лет и у вас нет некоторых зубов, то когда вы улыбаетесь, вы не должны показывать окружающим больше одной дырки во рту. Мужчинам запрещено находиться в возбужденном состоянии в общественном месте. Женщинам запрещается носить лакированные туфли, чтобы мужчины не видели отражение их нижнего белья. Нельзя переходить улицу на руках. Мужчинам, имеющим усы и бороды, запрещено целовать и щекотать женщин. Незаконно ограбить банк и затем выстрелить в кассира из водяного пистолета. Если вы покусаете кого-то своими настоящими зубами, то это будет простым нападением. Если вы будете кусаться вставными зубами, то это будет нападением приотячающих обстоятельствах. Незаконно полоскать горло в общественных местах. Запрещено кататься на велосипеде в плавательном бассейне. Запрещено делать больше трех глотков пива стоя. Собакам запрещается спариваться на расстоянии двухсот метров от кафе, школ или мест отправления культа. Однако, кроме запрещающих, приняты и разрешающие, очень полезные законы: беременная женщина может попросить у милиционера фуражку для отправления естественных нужд, если поблизости нет общественного туалета. Не запрещается повесить того, кто застрелил вашу собаку в пределах вашей собственности. Попрошайничество и гримасничанье являются формами выражения свободы слова, а всем жителям области навечно гарантирован солнечный и лунный свет.

Губернатор и Интернет

Петрович никогда не отставал от благ цивилизации и считал, что каждый чиновник должен быть продвинутым пользователем Интернета. А может, даже и хакером. Только это обстоятельство наконец поможет преодолеть разницу между районами и областью на пути к цивилизованному деловороту.

Интернет ныне — это воистину свобода, ум, честь и совесть нашей эпохи. Кроме того, здесь нет интонации и мимики, неважно, как чиновник одет. Всем наплевать, что он пришел на работу с большого бодуна или прямо из медвытрезвителя. Неважно, плеши ли чиновник, прыщав, гугнив, благо общение с народом и с собратьями по департаментам происходит посредством обыкновенного, бесстрастного электронного текста.

А для губернатора — это мир его воображаемой власти, ловко созданный с помощью компьютера. Однако и в сухом, деловом режиме губернаторской интернет-конференции гражданам разрешено испытывать страх, головокружение, радость, преданность, оптимизм и нездоровый азарт.

На протяжении всей истории области искусственная реальность имела много разнообразных форм: партсобрания, радио, телевидение, праздничные демонстрации трудящихся и товарищеские суды над тунеядцами. Но все они меркнут перед сегодняшними возможностями Интернета. Вот уже сидит Петрович с народом в поисковике, шуточками-прибаутками сыплет, бородатые анекдоты припоминает, афоризмы из памяти вытаскивает. И ему вопросы идут интересные:

— Почему ваши чиновники прогнили от коррупции и что вы собираетесь с ними делать?

— Расстреляю, а администрацию в голубой цвет перекрашу, — стойко шутит Петрович.

— А почему в голубой цвет?

— Я так и знал, что по второму вопросу будет дискуссия, — не унимается губернатор.

Через час конференции в компьютер губернатора злобный вирус проник, и по монитору розовый фаллос игриво по диагонали запрыгал.

— Кыш, кыш, — азартно кричит ему губернатор, — а сам ждет, не появится ли еще что-нибудь поинтересней. Вот и «Одноклассники.ру» следом за фаллосом всплыли, а в них, ба! Дуракова свои прелести выставила с точным описанием интимных параметров для знакомства, замужества или поиска друзей. От такого коварства Петрович обомлел. Он хорошо помнил, как Дуракова несколько лет от компьютера отказывалась и даже на административном совете заявляла, что боится у монитора сидеть, чтобы груди не облучить!

А вот и Тихоныч объявился. В режиме он-лайн про Петровича юморные истории рассказывает по телефону доверия ФСБ, вот приколист! Очень Петрович этому факту обрадовался — уж если старичок Тихоныч компьютер освоил, значит, и другие чиновники скоро киберпространством овладеют. Следом в сети он и на Чардаша набрел. Этот малый не промах, в карты играет в интернет-казино, между прочим, на очередной госзаказ. Затем узрел губернатор на мониторе, как омбудсмен Нарывайко лихо условно-досрочными освобождениями приторговывает с колонией строгого режима, шлакоблоки начальнику для дачи обещает, оцинковку в обмен на освобождение известного мошенника. Короче, в виртуальном мире — все как в реальной жизни, и вся область и что в ней деется видны как на ладони.

Вот так светло и радостно Петрович по Интернету с народом пообщался. Ибо какими бы убедительными ни были губернаторские идеи, Петрович не добьется успеха, если не сможет поделиться ими с людьми.

Доходы от преисподней

Приходят чиновники утром на работу в обладминистрацию, а на центральной площади, прямо напротив памятника Ленину, из растрескавшегося асфальта, из-под земли, густой дым валит. Хотели ближе подойти, да не смогли: языки пламени вырываются, дым едкий, и пахнет почему-то навозом. А тут еще дворник, убиравший площадь, ушел в землю по пояс и сильно ноги обжег. Следом автомобиль МЧС, выехавший на место странного возгорания, по самую раму в землю ушел, еле спасатели успели из него выбраться.

Омбудсмен Нарывайко к этому природному феномену с опаской подошел и сказал многозначительно:

— Это нам привет из преисподней, дождались...

— Типун тебе на язык, — огрызнулся губернатор, — Конечно, дел неправедных мы немало понаделали, но ведь не до такой же степени. А если и грешим, то сразу в церковь бежим каяться. И кто без греха?

Пригнали несколько пожарных машин, языки пламени сбили водой и пеной, но дым от этого еще гуще стал, видно, пожар под землей так и не унимается. Не помогли и осенние дожди, и снежная зима. Чиновники сидят теперь в обладминистрации в противогазах, все здание крепким навозом пропахло. А приходя на работу, больше не здороваются друг с другом, а многозначительно говорят:

— Воняет!

Однако обыватели нашли пользу и от подземельного горения. Золу собирают, говоря, что она дивному урожаю овощей способствует. Один предприниматель пытался даже палатку возле областной преисподней поставить, да она тоже в землю ушла и тлеет до сих пор.

— А что скажут об этом подземном горении наши областные ученые? — собрав административный совет, уныло спросил Петрович.

Но местные геологи головы опустили и молчат. Тут владыка со своего места вскочил и затараторил плаксиво:

— Наказал Господь нашу область, на весь земной шар погано и страшно ославил. А тебе, Петрович, бесу окаянному, быть теперь вечно слугой Люцифера! Изыди, нечистая сила, — грозно затряс владыка посохом. — С этого дня отлучаю губернатора от церкви!

Петрович сразу дар речи потерял и от удивления из кресла на пол выпал. Лежит, вставать не хочет, свернулся калачиком и глаза от страха закрыл.

— Не горячись, владыка, — встал на защиту Петровича писатель Ошалелов. — Не знаете вы своей областной истории. При Петре Великом на этом месте конезавод был, навоз, видимо, не убирался, вот и скопились под землей большие его залежи. А загорелся он, видимо, от случайно брошенного на асфальтовую трещину окурка.

— Во, — поддержал его омбудсмен Нарывайко. — Я всегда говорил о вреде курения, а меня никто не слушает. Курение — причина пожаров.

— И долго этот навоз под землей гореть будет? — вопрошает с пола пришедший в себя губернатор.

— А Бог его знает, вероятно, несколько лет, — задумчиво отвечает Ошалелов, — конезавод сто лет работал.

— Надобно сие неожиданное природное явление с толком использовать, — нашелся успокоившийся владыка. — Демонстрировать областную преисподнюю нашим грешникам для устрашения.

— Правильно, — окончательно воспрял губернатор. — И туристам показывать ее будем за большие деньги. Надобно президента на официальное открытие областной преисподней пригласить, да строку в уже сверстанный бюджет не забудьте дописать. Так честно и пишете: доходы от преисподней.

Губернатор и смертная казнь

Никаких гнилых европейских ценностей Петрович никогда не понимал и не принимал. Судил он в области разного рода нелюдей только тройкой. Как высокообразованный губернатор, знаток литературы, всегда следовал открытию одного великого русского писателя, некогда радостно воскликнувшего: «Русь-тройка!» Но патроны Петрович на преступников жалел тратить, считал справедливо, что боеприпасы на войне сгодятся.

Впрочем, смертные казни в нашей области имеют давнюю традицию, и губернатор только слепо ей следовал, ища корни своей отеческой расправы в глубинных пластах славного исторического прошлого. Будучи представителем власти, он прекрасно знал, что смертная казнь появилась в качестве законного вида наказания именно с зарождением власти, скорее всего, как явление одномоментное. Стало быть, законнее и справедливее смертной казни никакой иной экзекуции быть не может. И в книге Бытия сие однозначно закреплено, без всяких экивоков: «Кто прольет кровь человеческую, сказал Господь, того кровь прольется рукой человека». Если, конечно, следователю, прокурору и судье наглый кровепроливатель большую взятку не даст. Но сие тоже законам историческим не противоречит, ибо существовало всегда в нашей области понятие «цена крови», и за убитого можно было щедрой вирой расплатиться, оставшись в живых.

Огромное число типов смертной казни бытует в нашей области, поскольку в жизни всегда есть место новаторству и эксперименту. Но больше всего губернатор любит закапывание живьем в землю, так как это ее неплохо удобряет. Случалось, что проштрафившемуся районному сатрапу губернатор присылал кипятильник, который тот должен был проглотить, включить в розетку и ждать, пока не закипит желудочный сок.

Забавляло его сажание на кол, то бишь прямо на шпиль купола администрации. Благо далеко осужденного видно, что весьма назидательно, и можно провести последний допрос, а священник успеет принять от него раскаяние, если, конечно, преступник не закоренелый атеист. Но чаще всего осужденных пускали на колбасу. Сырокопченая «Губернаторская» в буфете администрации особым спросом пользовалась.

Дитя солнца

Казнь в нашей области до сих пор неотделима от ритуального убийства. Петрович не считал, что сие противоречит областной культуре и морали. Не в меру сердобольному обывателю надобно просто понимать естественное происхождение этого трагического обычая. Жертвоприношение — та же молитва, которую губернатор обращает прежде всего к солнцу, кое каждый день встает над нашей областью. А могло бы и не вставать. Стало быть, движет губернатором не кровожадность, а насущная забота о счастливом завтрашнем дне, хорошем урожае, приросте производства, нужной явке народа на выборы. Таким образом, он относится к жертвоприношениям, как дитя — к солнцу, и не более того. Обратим внимание и на гуманизм Петровича. Чаще всего он приносит в жертву не преступников, поскольку считает их нечистыми и недостойными, а местных финансовых работников, используя их физическую и умственную беспомощность.

Некоторые особенности областной судейской этики

Путешествовал как-то губернатор по Интернету, новые знакомства искал на сайте «Мамба.ру» и вдруг видит очень знакомое лицо — местного судью. Разместил служитель Фемиды на этом прикольном сайте четыре свои фотографии, решив познакомиться с девушкой «в возрасте от 18 до 40 лет». Хотел судья найти в Интернете девушку с маленькой грудью с темными сосками и обещал будущей знакомой большие сексуальные удовольствия, на которые всегда готов, даже в здании родного суда. Не пожалел красок судья для описания своей персоны, дескать, умный он шибко, щедрый по причине характера и большой судейской зарплаты, веселый, но очень скромный. Даже спонсором может стать для своей малогрудой избранницы, желательно авантюрного характера. А еще любит судья задушевно поговорить в различных позах, даже размер своего «микрофона» в сантиметрах указал. Честно признался судья на просторах всемирной сети, что выпить не дурак и в меру покуривает.

Больше всего Петровича размеры судейского члена возмутили. Вызвал он председателя областного суда на ковер, чтобы поведение его подопечного обсудить. А главный областной судья уже за порогом стоит с распечаткой страницы этого сайта, как чуял, что скандал придется заминать:

— Мы уже ему выволочку на коллегии устроили, клянется и божится, что это подстава, мол, размер члена не писал, и винит во всем хакеров. Кошмар с этим размером получился, областной суд уже все порностудии страны звонками и запросами завалили, просят с судьей контракт заключить на киносъёмки. Большие деньги сулят.

— Из судей его, конечно, вытурить придется, — вслух размышляет губернатор, — за нарушение судебной этики, а вот о контрактах с порностудиями областному суду стоит подумать, на предмет хозрасчета.

— Хотели мы его вытурить, — уныло констатирует главный областной судья, — да такое заявление он сам должен написать, отставку попросить по закону о статусе судей. Но он упирается, говорит, что за размер члена с работы не выгоняют, а, наоборот, продвигают по карьерной лестнице. И коллеги против такого увольнения, считают, что судья тоже живой человек и имеет право на личную жизнь.

— Выходит, с членом он не намудрил, — констатирует Петрович. — Стало быть, нужно помочь человеку с дальнейшей профессией определиться. Хороший порноактер не меньше судьи зарабатывает да еще и удовольствие получает. Давай кастинг в суде устроим, может, еще какие таланты обнаружатся.

— Поздно, — огорчил губернатора главный судья области. — Его параметрами в Верховном суде уже заинтересовались, просят в столицу на работу перевести. Он уже и чемоданы собрал да весь секс-шоп скупил.

— Я же не раз говорил, — воодушевился Петрович, — карьера — это не то, что тебя пихает снизу, а то, что тянет сверху. Значит, теория моя подтверждается. Этот малый не промах, нашел у себя орган, за который его теперь вверх потянули. Плохо, что в советские времена секс в нашей стране запрещали. Если б меня кто за мою «репку» тогда потянул, давно бы в правительстве или министерстве служил.

Губернатор и водоохранная зона

Всю жизнь мечтал Петрович о сельском пасторальном уединении, целебном отдыхе на природе от многотрудных государственных дел. Присмотрел участки в тихом лесном уголке для себя и соратников да построил элитный поселок с нарядными теремками из голландского кирпича. Домики красиво теснятся на берегу речушки, у самой воды, а сама речушка плотинкой подперта, чтобы рыба у чиновничьих домиков вольготно разводилась и резвилась, рыбалка в удовольствие и на пользу каждый день была.

Петрович удобств цивилизации не чурался, но любил воду из ключа брать на душистый чай. Не такая живая она, если в городской квартире из крана течет. Сам за ней на ключ с ведрами на велосипеде поутру ездил. Крутит педали по лесной тропинке мимо дачи Тихоныча и видит очень занятную картину: на огромном балконе стоит вице-губернатор без штанов и отдыхающим у реки прыщавый зад нагло показывает. От неожиданности губернатор с велосипеда рухнул, ведра с водой опрокинул, осерчал не на шутку:

— Ты что же, Тихоныч, на старости лет стриптиз народу кажешь, власть дискредитируешь посредством небывалой оптической доступности своего заднего места?!

— Я, Петрович, никого не дискредитирую, — кряхтя, с высоты балкона отвечает ему Тихоныч, — а геморрой проклятый с утра полезными солнечными ваннами лечу, витамин Д одновременно получаю.

Против полезного лечения ничего губернатор возразить подчиненному не мог. А тут из своей калитки к нему озабоченная Дуракова с такими аргументами подходит:

— Тихоныч у себя на даче лечением заднего прохода занимается, это его частная жизнь, охраняемая законом. Да и мне отдыхающие на берегу мешают. Люблю прямо из баньки, телом упарившаяся, в прохладную речку с разбега гольшом нырнуть, иммунитет укрепляю путем резкого перепада температур.

Права Дуракова, подумал губернатор, это не диким отдыхающим на собственных дачах чиновники неудобства создают, а прочая мелкая сволочь из местного населения в частную жизнь власть имущих вторгается. Вместо того чтобы работать на пользу области или приусадебные участки в порядке содержать, они, видишь ли, на речку отдыхать повадились в будние и выходные дни. И сам он не раз в большое раздражение приходил, когда рыбу с зеленого бережка ловил, а местные пацаны с удочками рядом пристраивались, галдели и рыбу распугивали.

Вот Петрович и распорядился весь бичевник у реки высоким забором огородить, в три метра высотой, из колючей проволоки «Егоза», чтобы местное население праведному отдыху чиновников не мешало, по берегу не шастало. Все бы ничего, да стали из Росприроднадзора с проверками наезжать. Из кустов с другого берега наблюдали за

процедурами Тихонича, Дуракову в неглиже в реке фотографировали, как папарацци какие. А потом грозили, что снесут забор решением суда вместе с дачами. Дескать, Петрович какой-то там Федеральный закон о водоохраных зонах шибко нарушил.

Губернатор объяснял по-доброму, терпеливо и основательно:

— Ваш Росприроднадзор несостоятельные для цивилизованного мира законы понапридумывал. Венеция пятьсот лет прямо на воде стоит без всякого ущерба природе и тамошнему водному хозяйству.

Пытался Росприроднадзор с губернатором судиться, а наш областной суд у него даже искового заявления не принял. Сказали, что предмета для иска не видят. Покажите вначале предмет, тогда и судить Петровича будем, заборы и дачи сносить. Стушевался Росприроднадзор перед судейскими: водоем-то с карасями в суд не принесешь. Даже спорный забор на своем горбе в суд не дотащишь!

Однако история с водоохранной зоной неожиданно плохо закончилась. Нашлись среди местных жителей отъявленные негодяи и створы на плотине динамитом ночью взорвали. Да так, что и починить невозможно — бетон с металлом шибко искорежило и спаяло, так что всю плотину теперь сносить и заново строить надобно.

Ушла вода, и разом обмелел водоем у элитного коттеджного поселка. Дохлой рыбой на всю округу воняет да гнилым болотом. Даже ключ, Петровичем любимый, откуда часто воду на чаек брал, густой тиной зарос и навсегда под землю ушел. Разом чиновники с дач съехали без всякого Росприроднадзора. С тех пор Петрович о сельском отдыхе вспоминать не любит и другим чиновникам не советует.

Губернатор и поющий дуб

Когда губернатор затеял строительство дачи, то на участке старый вековой дуб обнаружил с признаками полного умирания. Петрович посчитал дерево совсем негодным, хотел на дрова для мангала спилить. Но как пилить стали, так у рабочих руки словно отсохли, слабость во все члены пришла, головы закружились, будто от азотного наркоза. И пилы сами по себе затупились, зубья в разные стороны погнулись. Понять не могут, что за дела! А из дуба вдруг послышалась чудесная, тихая, но очень явная музыка, вроде церковных песнопений. Тут к Петровичу один сгорбленный старичок подошел и говорит скрипуче:

— Про этот дуб легенда в народе ходит, будто его святой Тихон Задонский посадил. Золотой желудь на дороге к храму нашел и в эту землю с молитвой бросил!

Смекнул Петрович — дуб точно непростой и несомненную финансовую пользу приносить будет. Огородил он дерево высокой оградкой, будочку с кассой поставил, электронный турникет. Пусть народ к чудесному дереву по билетам подходит и ухо к коре его прикладывает, музыку слушает, а семье губернатора законный доход непрерывно идет. Дуб-то на его приватизированном участке произрастает, стало быть, чудесное дерево его собственностью стало.

Скрытую рекламу в СМИ Петрович мигом организовал. И повалили толпами паломники к поющему дубу. Облепят его, как мухи банку с вареньем, и дивным мелодиям внимают. Слух пошел, что многим этот дуб не только удачу и благополучие предсказывает, но и несчастья, болезни нехорошие запросто предугадать может. Скажем, зазвучит из дуба попса — будет большая удача в коммерческих и теневых делах. Колыбельную услышишь — жди рождения дитяти в семье. Романс мерещится — суженую или суженого точно встретишь. Пугачева запоем — к празднику или торжеству большому в доме. А вот если, не дай бог, из вешего дуба песня «Партия — наш рулевой» явится, значит, точно всего имущества лишишься, в казенный дом попадешь или по миру вскорости

пойдешь. А если «Интернационал» заиграет — можешь сразу гроб кумачовый покупать и еще живым в него ложиться.

Случались и музыкальные казусы. Раз послышались Дураковой из дуба строки незабвенного романса «Отвори потихоньку калитку, кружева на головку надень». Так она сразу к Чардашу в кабинет побежала и кружева на головку напялила. Петрович ее публично за это отчитал:

— Ты же образцовая комсомолка, а одни пошлости на уме!

И Тихоньч по стариковской глухости у дуба отличился. Видите ли, песню услышал: «Почему ты мне не встретишься, юная, стройная...» Теперь на улице ко всем тинейджеркам пристаёт, ни одной юбчонки не пропускает.

Впрочем, дуб самому Петровичу ценное пророчество музыкально воспроизвел в виде популярного шансона. Слова он не запомнил, а вот мелодия точно на «Семь сорок» была. А на следующий день дефолт приключился. Успел Петрович из банка в ту же ночь свои кровные забрать да в ближайшем обменном пункте на поганые доллары с большой выгодой обменять. С тех пор живет семья губернатора безбедно и на чудесный поющий дуб не нарадуется.

Меняем квартиры на валенки

Очень в нашей области молодым семьям живется трудно и тесно, заводят личную жизнь без своего угла, где придется, за аренду жилья целую месячную зарплату отдают, а спасительная ипотека не то что молодежи, зажиточным обывателям пока не по карману. Недаром же шутка в Интернете появилась: заменим смертную казнь ипотекой под двадцать пять процентов годовых! Потому уже несколько раз наш омбудсмен Нарывайко перед губернатором вопрос о защите молодых семей поднимал, в глаза преданно заглядывал. Но Петрович все в ответ одно твердит:

— Все молодые семьи, если, конечно, богатых родителей нет, квартирным вопросом мучаются или мучились во все времена. Такова жизнь. Нужна квартира — найдите способ заработать на нее. Не можете? Значит, собственное жилье вам не нужно.

Омбудсмен и сам помнил, как двенадцать лет с молодой женой в общежитии прожил и в общий туалет на этаже с зонтиком ходил. Общежитие было аварийное, с верхнего стояка в туалете прямо на голову дерьмо натурально капало.

На почве этих невеселых воспоминаний Нарывайко отличная идея пришла! И поведал он ее губернатору с большим удовольствием:

— Слушай, Петрович, сколько в городе стариков и старух одиноких квартиры имеют? Родственники о них забыли или вовсе знать не хотят, ухода и помощи нет. Иное дело, если такого старикана в наш дом престарелых на полный казенный кошт определить, хороший присмотр и медицинское обслуживание, а их квартиры в другие руки передать, хоть бы и молодым семьям.

— Так у нас дом престарелых и без того переполнен, — возразил с сомнением губернатор, — старики, чтобы на этот пансион попасть, несколько лет на очереди стоят.

— Не беда, — взбодрил его омбудсмен Нарывайко, — я уже с директором дома престарелых переговорил, он готов делу помочь. Кровати двухъярусные намерен в палатах поставить. Скажет старичкам, что будем теперь в поезд играть. Ходячих, если надо, на второй ярус завсегда медсестры подсадят, они все равно перед отбоем обход палат делают. А неходячих компактно в кроватях валетом разместим. Так самим старикам веселее, теплее спать будет, организмы у них быстро зябнут, недаром зимой и летом в валенках ходят.

— Вот про валенки ты хорошо заметил, — одобрительно хохотнул губернатор, — квартиры мы не просто забирать у них будем, это бесчеловечно и не по закону, а станем

на хорошие валенки менять, для стариковского же блага. Заодно и спрос на этот народный товар поднимем, производство отечественное поддержим. Одними валенками сразу двух зайцев уьем!

Первую же отнятую стариковскую квартиру Нарывайко неожиданно для своего сына выпросил. Встал в позу перед Петровичем, петухом нахохлился и нагло говорит:

— У меня сын от первого брака только что из Израиля на историческую российскую родину вернулся, прямо ко мне на шею, с молодой женой и дитем. Не могу же я права других граждан отстаивать, коли права своего сына на отдельное жильё отстаить не могу!

— Весомый аргумент, — согласился губернатор. — Так и быть, забирай квартиру для сына.

Вторую стариковскую квартиру Тихоныч просить слезно прибежал, дрожит весь, язык от страха заплетается:

— Выручай, Петрович, тут одна молодуха забеременела, говорит, от меня, грозит экспертизу ДНК провести и шум на всю округу поднять! Власть от этой внеплановой беременности точно лицо потеряет, а меня жена чугунной сковородкой прибьет!

Пришлось забеременевшей молодухе Тихоныча квартиру срочно подписывать.

За третьей квартирой сам директор дома престарелых пожаловал, смотрит исподлобья и свои права качает:

— Отдавай, губернатор, эту квартиру моей дочери, она с внуком пятый год без законного мужа на моей жилплощади прописана в большом стеснении. Я ведь, для администрации квартиры добывая, под уголовной статьей о мошенничестве хожу. Стариков перед поездкой к нотариусу транквилизаторами накачиваю, а самому нотариусу еще на лапу даю, чтоб строчку об обмене квартиры на валенки в договоре не замечал.

Пришлось Петровичу и этой квартирой пожертвовать ради общего благородного дела помощи бесквартирной молодежи. Пусть эта молодежь — дети приближенных, но со временем и до простых молодых семей с квартирами дойдем.

Но уже на четвертой стариковской квартире осечка вышла. Во-первых, старикан очень капризный попался, стал бунтовать в доме престарелых, дескать, валенки ему сильно жмут, хоть дырки для пальцев прорезай. И спать он влетом больше не желает, видите ли, у другого старика ноги сильно воняют. А во-вторых, у старика внук неожиданно объявился. Говорили, что он в Чечне погиб, а на тебе, вернулся контрактник живой и здоровый! Пришел в кабинет директора дома престарелых и угрожает:

— Не вернете квартиру, всю вашу шайку перестреляю, мне самому теперь негде жить и терять нечего.

Испугался директор, к губернатору прибежал и ситуацию непростую мигом доложил. Стал справки Петрович наводить в военкомате об этом контрактнике, а там грустно отвечают:

— У этого вояки действительно в военном билете записано: воинская специальность — снайпер.

Впервые в жизни всерьез струхнул губернатор и решил с делом обеспечения молодых семей квартирами за счет одиноких стариков малость повременить. Лучше попробовать пока принять закон о пожизненной ренте на областном депутатском собрании. Авось депутаты покумекают да выгодную для власти стариковскую ренту обязательно замутят.

Петрович и шахматист

Любил губернатор в обеденный перерыв в шахматы поиграть. Не на еду же драгоценное время тратить! Ест он и так целый день без перерыва в память о голодных сту-

денческих годах. В шахматы играть Петрович в Нижний парк ходил, в деревянный павильон, где каждый день шахматисты-любители турниры устраивали. Интерес был чисто символический: выигранная партия — всего рубль в карман, всех привлекал скорее сам вдумчивый азарт древней игры. Раз в соперники Петровичу достался неопрятный мужичок: зубы гнилые, очки в трещинах и на резинках к ушам привязаны, да еще и грязные сандалии на босу ногу. А Петрович очень не любил нечищенной обуви. С красотой души ее сравнивал. Из-за такой неприязни и сделал ему губернатор два детских мата, взял с него два рубля мелочью и хотел было в администрацию, к делам возвращаться. А мужичок говорит ему задумчиво, бутылку вина с тремя семерками из кармана показывая:

— Давай, Петрович, победу твою стратегическую крепленным красненьким обмоем!

«А почему бы и нет, если можно выпить на халяву?» — здраво подумал губернатор и как зачарованный пошел за неказистым мужичком в ближайšie кусты.

Но только глоток успел из горлышка сделать ровно в три булька, как веревку на своей шее почувствовал и признаки внезапного удушья. Очнулся, а его шахматный соперник уже землей и листвой его по-собачьи закидывает, стало быть, тело губернаторское, еще теплое, навсегда схоронить от народа хочет.

Лежит Петрович уже полузакопанный, сил набирается, чтобы неожиданно подняться, а сам вспоминает, как этот мужичок и раньше своих соперников по мудрой игре куда-то уводил, и больше они в шахматный павильон не возвращались. Тринадцать случаев вспомнил, не меньше! После этого вскочил на ноги Петрович, отряхнулся и пинками скулящего шахматиста в милицию погнал. Но прежде сказал ему веско:

— Лучше сразу колись, куда, гад ползучий, тринадцать соперников по древней игре закопал?!

Все тайные могилы ему шахматист-маньяк со страху показал: шесть в парке, шесть за кооперативными гаражами и одну прямо под окнами администрации, у памятника Ленину.

Вспомнил губернатор, как в прошлом году ревизор из столицы приезжал, тоже заядлый шахматист. Приехал и пропал на следующий день, как раз во время перерыва на обед. Петрович из-за этого шум поднимать не стал, подумал, что ревизор от проверки сам отказался и спешно уехал, на слово главбуху обладминистрации поверил. А шахматисту-маньяку губернатор путевку на обследование в столицу, в институт судебной психиатрии, выхлопотал. Незачем в области громкий судебный процесс устраивать да порочить ее жителей наличием опасного и странного маньяка, да и древнюю мудрую игру такими примерами дискредитировать.

А тут еще и омбудсмен Нарывайко на защиту маньяка стеной встал, даже по телевизору выступил с аргументами в его защиту. Так и сказал:

— В конце концов никто не заставляет этих жертв шахматные партии у маньяка неразумно выигрывать да больного человека провоцировать и опасно злить. Сами жертвы, выходит, виноваты, а особенно оплошал столичный ревизор. Негоже высокому чиновнику перед простым областным обывателем выделываться, свою высоколобость шахматную направо и налево выказывать. У любого маньяка всегда другие ходы на уме. А наше гуманное дело — его поведению жестокому не уподобляться, а вылечить и вернуть человека к нормальной, полноценной шахматной жизни.

Как губернатор с автостоянками боролся

Прибегает раз к Петровичу начальник областной милиции, а за ним братки в кабинет вваливаются, запыхавшиеся, и кричат, друг друга перебивая:

— Беда, губернатор, наши незаконные автостоянки убытки стали терпеть, да и весь этот доходный бизнес в одночасье рухнуть может!

Надобно сказать, что незаконные автостоянки в городе и области повсеместно расплодились, у каждого жилого дома. А коллизия в том, что одним жильцам-автовладельцам это удобно, поскольку не нужно далеко за машиной ходить, в гараж или на автостоянку. Особенно утром хорошо: вышел из подъезда, прямо в авто сел и сразу на работу поехал. Но другим жильцам, еще безлошадным, одни неудобства: разводы масляные на асфальте, всю ночь автосигнализация воеет, выхлопы газов в окна, да еще норвят автомобили на газоны ставить, коли места на тротуаре не хватает. И городским службам неудобства: «скорой помощи» к дому не подъехать, пожарной машине, да и мусор утром бывает невозможно вывезти — к мусорным контейнерам доступа нет. Посигналит мусоровоз, постоит, да так пустым и уйдет. А мусорные баки переполненными остаются, воняют по несколько дней, мух разводят и бродячих собак привлекают. Жалобы от населения уже который год в администрацию идут. Губернатор поначалу все к главному милиционеру области приставал:

— Когда же милиция порядок с незаконными автостоянками наведет, ликвидирует напрочь, ведь это же самое настоящее незаконное предпринимательство, уголовно наказуемое!

А милицейский начальник глаза все время отводил, бурчал что-то себе под нос, ногой нервно постукивал. Тут омбудсмен Нарывайко ему на помощь пришел, словно ждал этого принципиального разговора:

— Ты не горячись, Петрович, законных автостоянок в городе не хватает, гаражи редко у кого есть, и дороги они, а сейчас в стране автомобильный бум пошел. Запретить автостоянки у домов немудрено, но тогда граждане перестанут автомобили покупать, автопроизводителей стимулировать, экономику. Еще, не дай бог, перестанут грабительские автокредиты брать! Тогда и банкам каюк! Да и как защитить тогда личные авто граждан от преступных посягательств, вандализма, краж и угонов? Тут вопрос о правах граждан выше городских крыш сразу встанет и в высокие сферы упрется.

А главный милиционер области, чувствуя поддержку, сразу язык развязал:

— Наша милиция рука об руку с братками эти незаконные автостоянки давно крышует, порядок соблюдает и интересы граждан. А баблом, между прочим, со многими службами в твоей администрации делимся, порядок знаем, сами зарабатываем и другим даем!

Смекнул Петрович, что вопрос о незаконных автостоянках не такой простой, каким его несознательные обыватели в своих жалобах чернят. После чего в словах губернатора стали осторожные нотки проскальзывать, если приходилось, к примеру, в телефонных прямых линиях или в живом телеэфире с народом на эту тему общаться. Так и говорил, отвечая на очередной вопрос обывателя, возмущенного незаконной автостоянкой:

— Милиция постоянно борется с этим позорным явлением, но ликвидировать незаконный бизнес пока невозможно, административным штрафом никого не испугаешь, а незаконное предпринимательство доказать сложно. Да и до хозяев нелегальных автостоянок добраться не так просто: охранники при появлении милиции разбегаются, а если поймаешь, добиться от них ничего невозможно. Они же, прохиндеи, официально не трудоустроены и всегда могут сказать, мол, я возле этих автомобилей случайно оказался, просто покурить на улицу вышел. Стало быть, все упирается в несовершенство нашего законодательства, в вечное отставание правоприменительных механизмов от реальной, многотрудной областной жизни.

Так жили мирно и плодились у нас незаконные автостоянки года три. И вот на тебе, как гром среди ясного неба, начальник милиции с братками пожаловал и утверждает, что этот очень доходный бизнес крах начинает терпеть.

— Вы не суетитесь, — покровительственно успокоил их губернатор. — Рассказывайте по порядку, что за беда пришла.

— В городе ушлый предприниматель объявился, — волнуясь, докладывает начальник милиции, — хитрый способ придумал, чтобы всеми незаконными автостоянками завладеть. Зарегистрировал ЧОП, и его охранники стали уже несколько стоянок охранять, хлеб у нас отбивать.

— Так вы его сами за организацию незаконных автостоянок прижучьте, уголовное дело за незаконное предпринимательство срочно возбудите. Народ такого дела давно ждет, администрацию жалобами завалил.

— Не получается, — пыхтят солидарно главному милиционеру братки. — Этот гаденыш хорошим юристом оказался. В законе ведь не сказано, какое количество автомобилей можно незаконной автостоянкой считать. Сродни этот случай такому каверзному и занятному вопросу: что считать кучей — две пачки денег, а может, три, а может, и больше? Поди разберись и докажи, что такое куча. Нашел он, стало быть, лазейку в законе — ЧОП у него законно организовано и зарегистрировано, а нанять охранников для присмотра за автомобилем у дома любой обыватель вправе или сразу несколько жильцов. Выходит, законно он работает, даже на каждой стоянке микроавтобус поставил с кассовым аппаратом. В грудь себя бьет теперь, дескать, я еще и налоги плачу!

— Что-то вы совсем нюх потеряли, — укорил визитеров Петрович. — Больно цивильными сделались, прежние порядки забыли, добрые воровские традиции. Нехорошо! Этого деятеля просто шугануть хорошо надо, чтоб в штаны наложил и убрался куда подальше! Ладно, я вам личным примером покажу, как работать надо.

Ближе к ночи сел губернатор в машину начальника милиции, и поехали они автостоянки наглого предпринимателя разгонять. Даже разговаривать не стали ни с ним, ни с его охранниками. Подъедут к стоянке, главный мент стекла у автомобилей из именного «макарыча» расстреливает, а Петрович в разбитые окна автомобилей бутылки с бензином кидает. За ночь тридцать автомобилей сожгли. А уже на следующий день предпринимателя и след простыл. Еще бы! Его возмущенные автовладельцы на куски порвать готовы были.

— И правильно, — сказал начальник милиции, комментируя в теленовостях это происшествие, — взял, наглец, с граждан деньги за охрану автомобилей, а должной охраны не обеспечил, и люди вмиг ценного имущества лишились. Настоящий мошенник! Мы его уже в федеральный розыск объявили и обещаем за помощь в поимке негодяя приличное вознаграждение.

Губернатор и провалы

С некоторых пор в нашей области земная кора капризно вести себя стала и геологический норов выказывать. То яма на каком огороде карстовая появится, то кусок дороги под землю уйдет вместе с автомобилями и постом ГИБДД, то мост пополам переломится. А то и целый дом с хозяевами, коровами, кошками и собаками в тартарары провалится. Собаки под землей лают, коровы мычат, а хозяева власть матерят снизу вверх, дескать, почему губернатор такое безобразие исправить не может. Одни только кошки свое неудовольствие мяуканьем не высказывают, они в темноте видят хорошо и мышей-полевок под землей ловят.

Вспомнил было Петрович про римского героя Марка Курция, который нырнул в пропасть, отверзшуюся у форума, и дыра в земле от его жертвы сама собой затянулась. Спас таким образом свое отечество. Но ведь негоже самому губернатору сломя голову

в неизвестные науке провалы прыгать. Во-первых, Курций простой римский гражданин был и юноша. Он власть не отправлял, как Петрович. Во-вторых, наш губернатор в летах и вдруг пожертвует собой, а провалы останутся?

Сначала Петрович, чтобы народ успокоить и каверзы земли научно обосновать, всему населению про нашествие инопланетян рассказывал, дескать, это вредные происки посланцев внеземной цивилизации. Противные инопланетяне всю область подземными ходами изрыли в поисках урана для ракетного топлива. Провалы и образуются, когда земляные своды над подземными ходами проседают и рушатся. Вот уж наш консервный завод скособочился и тихо под землю проваливаться стал. Однако и здесь Петрович нашел положительный пример, дескать, благо это большое сулит: на случай войны или голодомора стратегические запасы консервов иметь будем. Тушенку свиную, горошек мозговой, икру кабачковую. Под землей продукты еще лучше сохраняются, как в деревенском погребе. А потом и вовсе идею всей администрации подал:

— А не замутить ли нам по всей области метро, начать использовать подземные силы стихийные народу во благо?! Да и экономия строительства налицо, даже рыть туннели не надо, природа обо всем сама позаботилась.

Послали под землю отряд смелых геологов с фонариками на касках, а они побродили в чреве земли да чуть не заблудились и выползают на поверхность с новостью огорчительной:

— Пустоты под землей и туннели хаотично разбросаны, с очень большим перепадом высот, с извилинами причудливыми и тупиками. Никакого метро не построишь, только разве американские горки.

И тут Петрович не унывает:

— Мы эти скоростные развлекательные горки построим с усовершенствованием, с пещерами ужасов. Я такие сам видел, когда в прошлом году в нашу область польский луна-парк приезжал! На меня тогда в темноте скелет упал, просто ужас!

С тех пор по этим пещерам со скоростными горками и ужасами пенсионерам, инвалидам, школьникам и гостям области платные обзорные экскурсии устраивают. Тариф, как и в общественном транспорте, социально незащищенным слоям населения — скидка. Иной раз и не поймешь, то ли еще по области едешь, то ли уже по пещере ужасов.

Непознанное

Выходит раз Петрович вечером из своего кабинета и видит: по коридору бродит бывший губернатор Хавролин, во все двери заглядывает и тихо спрашивает:

— Как пройти в туалет?

Испугался Петрович не на шутку, потому как Хавролин никого не узнает. Даже Тихоныча не признал, с которым много лет проработал. На «вы» к нему деликатно и очень робко обратился, а ведь в прежние времена только и называл «ж... с ручкой». Очень подозрительно! Не говоря о том, что много лет Хавролин в этом здании просидел, в свое время сам его строил, стало быть, не только знает, где туалет находится, а каждый закоулок администрации ему ведом. Или склероз с ним случился, или, чего хуже, это — привидение бывшего губернатора! Да и сам Хавролин выглядит странно, бледный такой, словно полупрозрачный, губы синие, под глазами зеленые круги и рот алый. Склерозом в нашей области так не болеют! Проводил Петрович Хавролина в туалет по доброй памяти, прямо за руку до кабинки довел, еще и бумажку дал.

Зашел в кабинку призрачный Хавролин, а после урчания сливного бачка вышел из нужника уже не Хавролин, а давно усопший, но румяный Герман Геринг. Ладошку с пухлыми пальчиками в коротком приветствии вверх выставил и спрашивает:

— Гутен абенд, комзомольгауляйтер Петрович, как мне невесту свою русскую Груню найти? Я когда немецкой летной школой в вашем городе командовал, большой роман с ней имел, натюрлих. Да Гитлер, браун швайн, жениться нам запретил, концлагерем пригрозил.

Обалдел Петрович, но вида не подает. Знал он, конечно, что в тридцатые годы прошлого века у нас секретная немецкая летная школа была. Весь цвет люфтваффе в наших краях на крыло был поднят. И о Геринге с русской невестой слышал, но в местной ФСБ не раз сказывали, что это был совсем другой Геринг, однофамилец будущего рейхсминистра. Правда, секретный кабинет Геринга в городе все ж остался, но доступ к нему имеет не всякий.

— Твою невесту, партайгеноссе, — выпалил губернатор новому призраку, — давным-давно НКВД в расход пустил.

— Тогда цвай битте бир, — умоляет Геринг.

— У нас в сортирах пивом не торгуют, — нашелся Петрович. — От этого пена портится и пиво прокисает.

Помыл руки Геринг брезгливо, каблуками лакированных сапог щелкнул и исчез в теплой струе полотенцесушителя, словно его и не было.

Воскрешение Хавролина

А на следующий день после явления призраков в стенах администрации губернатору очень плохую новость сообщили: Хавролин застрелился. А все из-за того, что неумный и алчный Тихоныч пришел к нему десять хавролинских бензоколонок отнимать, нажитых непосильным трудом за годы губернаторства. Пришел Тихоныч к нему с бутылкой армянского коньяка и вроде как с благой идеей — перевести бензоколонки под крышу областной топливной компании, дескать, выживать в рынке сообща легче будет, а Хавролин понял, к чему дело идет, Тихоныча молча выслушал, но как дверь за ним закрыл, то сразу к сейфу с охотничьим ружьем кинулся. Даже прощальной записки не написал, сел на кухне на стул, ствол в лоб себе упер, а на курок большим пальцем правой ноги нажал. С этой новостью к Петровичу омбудсмен Нарывайко и пожаловал.

— А я тут при чем? — впал в недоумение губернатор. — Это, в конце концов, его личный выбор.

— Да вот следователь, Петрович, стал воду мутить, — огорченно заметил Нарывайко. — Вопрос странный задает, дескать, кто самоубийце после выстрела тапки надел? Усопшего возле ружья в тапках нашли, а как он, не снимая тапок, мог пальцем ноги на курок нажать? Интересный вопрос!

Вызвал губернатор Тихоныча и спрашивает:

— Ты последний с Хавролиным разговаривал, жадюга, признавайся, что тапки ему надел!

— Да я их и не снимал вовсе, — ухмыльнулся Тихоныч. — А как выстрел получился в тапках, кто снимал и надевал обувь Хавролина, разве теперь узнаешь, он уж четыре дня как в земле лежит, да еще за церковной оградой как самоубийца.

Тут Петрович и вовсе смутился:

— Как же мы отставного губернатора без должных почестей похоронили, словно бомжа? Надобно на могилку срочно съездить и венки от администрации водрузить с добрыми пожеланиями.

Приехали на кладбище, встали вокруг свежей могилы и молчат. Один Петрович не выдержал, расплакался:

— Что же ты руки на себя из-за бензоколонок наложил? Мы же пенсию тебе хорошую назначили, семьдесят процентов от губернаторской зарплаты, на такую пенсию детей и внуков содержать можно, не только себя!

А из-под земли подозрительный шорох раздается и вроде как тихий плач. Задрожали чиновники, побледнели, лица у них в нервном тике задергались. Один Петрович самообладание не потерял, палец к губам приложил и прислушался. Точно, стоны и всхлипывания из могилы слышны! Простер тогда губернатор руку над свежей землей и произнес властно:

— Вставай, Хавролин, мы ждем тебя и все еще любим!

А из-под земли четкий, но приглушенный голос явственно раздался:

— Дудки, злые вы все, алчные, я эти бензоколонки на спокойную старость прикупал, а вы на святое покусились. Не вылезу из могилы — и баста!

— Вставай, Хавролин, — как громовержец, пророкотал губернатор. — Половину бензоколонок за тобой оставим еще на пять лет, а кроме того, выберем тебя почетным гражданином нашей области!

Ей-богу, как крот, шустро Хавролин из земли выбрался после этих приятных слов, не то что сырую землю — крышку гроба зубными протезами прогрыз.

Так помирились Петрович и Хавролин после пяти лет неприязни и прямо с кладбища примирение это в ресторан отмечать пошли, да и медаль почетного гражданина заодно обмыть.

А в нашей епархии случай этот чудесный с воскрешением на особую заметку взяли и раздумывают: не канонизировать ли нашего губернатора. Вот и омбудсмен Нарывайко владыке то же самое советует очень настойчиво, дескать, таких чудес в нашей области вообще никогда не было да, скорее всего, больше и не будет.

Петрович и бессмертие

Как всякий нормальный правитель, Петрович втайне мечтал о бессмертии. В бессмертии души он не особо верил. Ненадежное это определение, сомнительное. С того света к нему еще в гости никто не заходил, из ада телеграммами пока не беспокоили, да и из рая по персональному телефону правительственной связи тоже не звонили. Стало быть, не о душе по части бессмертия кумекать требуется, а исключительно о бренном губернаторском теле. Разного рода эликсиры бессмертия и продления жизни Петрович всячески отвергал. Не верил он чудодейственным снадобьям из толченых жаб и мумий, а настойками из собачьих и оленьих пенисов вовсе брезговал.

Больше всего Петровичу внушал оптимизм строго научный подход. Прослышал Петрович, что холод, то бишь постоянное охлаждение организма, продляет жизнь, и тут же принял сие к сведению. Еще бы, снижение постоянной температуры тела всего на два градуса способно удвоить жизненный путь любого индивидуя, а на четыре градуса — на семьсот лет жизни!

С тех пор здание областной администрации не только не отапливают зимой, но и свой кабинет Петрович превратил в настоящий холодильник. Сидит в нем в ушанке, тулупе и в валенках. Бюджет области по этой причине уже сверстан на семьсот лет вперед.

Странности губернатора

Не всегда, конечно, Петрович был в этой жизни белым и пушистым. Однажды он даже собачку на охоте в приступе ярости утопил. Сие происшествие разнохали да на

всю страну раздули неугомонные защитники прав животных. Один бородатый писатель об этом хорошо написал, но, кажется, по-французски.

А вот еще случай был: поставил Петрович в своем кабинете мощный прожектор и давай вечерами голым на роликовых коньках кататься. Представляете, как на фоне обычно освещенных кабинетов кабинет с прожектором выделяется. С улицы все видно! А губернатор знай круги нарезает в чем мать родила, в ослепительных лучах света купается и пальцем в носу ковыряет. Пальцы у него тоже особенные, часто Петрович ногти цветными фломастерами раскрашивает и любит ими любоваться, словно в руках радугу держит и отпустить никак не может.

Еще любит Петрович в своих подчиненных ножи метать, у него всегда на поясе дюжина ножей висит. Особенно терзал он своего пресс-секретаря. Как увидит его — сразу нож в воздухе засвистит. Только успевают ножи от лысины спичрайтера отскакивать. Но однажды пресс-секретарю совсем не повезло. Зарезал его губернатор. Даже ножи метать не стал, а просто подошел и тихо по горлу лезвием чикнул. Зарезал, как свинью.

Тербунский цирюльник

Посетил как-то губернатор родину своего детства инкогнито. Приехал под вечер и решил к своей первой любви на огонек заглянуть, аккуратно под Валентинов день. А как, пусть и бывшую, любимую навестишь ныне без модной интимной стрижки. Так и стал Петрович районную парикмахерскую искать. Идет по улице, бодро арию из «Севильского цирюльника» насвистывает, а вывески знакомой не видит. А тут старушка навстречу губернатору по переулку идет и словно шаловливые мысли Петровича телепатическим способом читает:

— Мужчина, — ехидно шамкает она, — шейвингом у нас местный ветеринар занимается, вначале на козах руку набил, а ноне молодежи лобки художественно оформляет.

Делать нечего, пошел губернатор к ветеринару на дом. Стучит в калитку и ширинку поглаживает:

— Есть ли в доме козий боди-дизайнер?

А ветеринар уже шаг к забору из темноты к нему делает с огромными ножницами для стрижки овец и, не удивившись, вопрошает:

— Вам какой причесон? «Доллар», «плейбой» или «младенец»?

— «Гитлера», пожалуй, — задумавшись, отвечает Петрович. — Я на своей малой родине брутальным выглядеть хочу...

Свистят в ночи под уличным фонарем ножницы, колдует ветеринар. Закончил прическу со знакомыми словами:

— Освежить?

Губернатор только головой помотал и подозрительно на свой лобок посмотрел. Вроде усики, как у Гитлера, действительно получились. Расплатился щедро. Пятихаткой. А тут и до бывшей любимой недалеко. Заходит Петрович к ней на огонек, а бывшая любовь в куклы играет. Смутилась, дескать, ролевые игры изучаю для школы. И Петрович ей словно вторит:

— Я тут кое-что со своим «школьником» сотворил, сейчас покажу...

Но не готова оказалась бывшая любовница к новым веяниям времени и навсегда выставила за порог.

О дружбе с губернатором

Очень трогательное отношение у губернатора к друзьям было. Всегда он друзей и приятелей со слезами на глазах и объятиями встречал. Для этого специально пипетку дер-

жал в кармане брюк. Друзей много, как на всех слез радости наберешь? А потому, чтоб обмана в этом никакого не было, пипетку он носил совершенно искренне и дружбу считал добровольным рабством. Разве будет справедливым, коли он Дуракову со слезами радости встретит, а Тихоныча — нет? Дружба ведь, почитай, высшая форма справедливости. А дружба губернатора питается только формой денежной справедливости, при коей делится на четыре вида кредитной привязанности: родственная, общественная, гостеприимная и любовная. Губернатор даже специальные отделы в администрации под эти нужды создал. И правильно, только одна родственная дружба может быть бесплатной. На прочую губернаторскую дружбу всегда разумный тариф имеется, то есть она разумно дифференцирована. Ибо дружба высокого должностного лица питается такого рода общением, при коем неравенство меж приятелями всегда может влиять на исполнение губернаторских обязанностей. А это недопустимо и чревато разного рода кривотолками, завистью.

Дружба Петровича всегда имеет форму увещевания и наставления — это первейшая обязанность между друзьями. Потому губернатор и зарезал своего пресс-секретаря, как свинью. Исходя из проявления высшей справедливости патронажной дружбы. Не понимал и не слушал несчастный наставлений губернатора, мимо ушей пропускал, не понимая, что сие себе дороже обойдется.

Отдельно стоит сказать о любовной привязанности как форме губернаторской дружбы. Она самая дорогая, поскольку состоит из свободного выбора. Такая любовь, звонкая, шуршащая, жаркая и томительная, доступна только чиновнику над всеми журналистами — Чардашу. Но это пламя безрассудное и летучее, стало быть, весьма ненадежное. Благодеяния и услуги здесь не слияние воли друзей за долгой игрой в карты на интерес. У губернатора всегда будет очко или джокер.

Всепобеждающий Эрос

Очень не нравилось Петровичу, как административные советы проходят, нудно и без толку. Сидят говорящие головы, заученные тексты излагают ни о чем, видимость кипучей деятельности создают. Недаром он прессе однажды лукаво заявил:

— Это не административный совет, а плач Ярославны!

Решил губернатор в этот совет живую жизнь вдохнуть, интерес здоровый к рутинному процессу заседаний возбудить. Живинку человеческую теплую в строгие административные стены внести. Ну, скажем, в перерывах заседания стриптиз устраивать. Чтобы был в зале не горький плач Ярославны, а нежный и радостный эротический танец Дураковой. Вначале она сильно заупрямилась, никак раздеваться не хотела, все прелести свои аппетитные от дурного глаза для будущего жениха берегла. Не устояла только тогда, когда ей Петрович красные шелковые стринги купил да босоножки со стразами на высоких шпильках.

И пошла на административном совете отныне другая жизнь. К примеру, только закончат параллельное финансирование мыльного завода и городской бани обсуждать, как в зале гаснет свет, начинает бегать лазерный луч, цветомузыка нежно затрындит, а Дуракова вокруг шеста упитанной змейкой вьется, сладко телесами трясет. Чиновники прямо с ума сходят, слюни пускают. Многие с работы уходить не хотят. На бис требуют административный совет продолжать. А Дуракова еще больше счастлива. Еще бы! Так мужским вниманием не обделена, что с каждого административного совета полные трусы денег и конфет домой приносит. Можно и на приданое накопить, на будущее свадебное романтическое путешествие, а может, и свой стриптиз-бар через пару годочков открыть. Не вечно же самой на шесте висеть.

Вечно живой

Был случай, когда Петрович притворился мертвым. Пришел на работу и сразу лег в простой дубовый гроб прямо в центральном фойе. Лежит и не дышит, только одно веко приоткрыл и подсматривает. Уже через пять минут ему венки пластмассовые принесли, боты крепко связали и стали по полированной крышке гроба крашенные яйца катать. Больше всех вице-губернатор Куропопский обрадовался. Сейф в кабинете губернатора маникюрными ножницами открыл и губернаторскую цепь себе на грудь важно повесил. Еще хотел контрольный выстрел Петровичу в голову сделать, да жаль — пистолет заклинило. А Петрович все лежит недвижим и в том, что совсем живой, признаваться не хочет, вида не показывает, даже принципиально дышать перестал. Так его живым в гроб и заколотили гвоздями-сотками, на кладбище бегом унесли.

Когда закапывали, никто про него хорошего слова не сказал. Вначале целый час вообще молчали, переглядывались, локтями друг друга толкали, дескать, кто первый начнет. А потом как всех разом прорвало... Только плохие слова говорили, по большей части непечатные и даже настоящему покойному обидные. Потом еще долго, почти до рассвета, стояли над свежей губернаторской могилой, плевали на нее, а затем и вообще развели большой, вонючий, чернодымный костер из старых автомобильных шин. Вся администрация от радости самогона напилась, чиновники и чиновницы стали комсомольские песни орать. А когда костер догорел, прогнали над могилой стадо коров, жалобно мычащее, в три тысячи голов. Затаптали могилу губернатора копытами, окропили коровьим навозом и только тогда успокаиваться стали.

Только Дуракова в этом шабаше не участвовала, а тихо стояла поодаль и горько плакала, обняв тонкую кладбищенскую березку. Ох, тогда многих понял губернатор, вызнал скрытых своих врагов. Достал лжепокойник дорогой мобильник из кармана, позвонил начальнику местной ФСБ, и сразу прекратилось это безобразие. Неслись в город с кладбища черные воронки, полные миглом протрезвевших арестованных чиновников. Это же надо, живого губернатора просто так в сырую землю закопали и праздничную оргию устроили, да еще за счет бюджета!

Осталось только непонятным, отрыли Петровича из могилы или нет. Неужто забыли на кладбище впопыхах? Может, нами теперь Лжепетрович правит?

Михаил СИНЕЛЬНИКОВ

* * *

Ведать стынущим фронтом
Послан волей Кремля...
Что же делает он там,
Что вершит, не дремля?

И окутал руины
Оглушительный чад,
А унылые финны
Только ждут и молчат.

Он умен, музыкален,
Помнит старый режим,
Средь имперских развалин
Стал уже не чужим.

Все же как отморозить,
Удержать, отстоять?
В дряхлом зеркале просесть,
Побелевшая прядь.

И, согласно доносам,
Часто возит актрис,
Дивам звонкоголосым
Дарит гречку и рис.

Снова вспышками вспорот
Ледяной окоем,
Умиравший город
Отвечает огнем.

Снова срезы на трупах!
Невский убран с утра.
В деревянных тулупах
Изваянье Петра.

И на карте в Генштабе,
Исступленно-смела,
Через топи и хляби
Протянулась стрела.

* * *

Как этот дьявол был неутомим
И на голландской верфи, и в борделе!
И Вавилоном сделал Третий Рим,
И руки ненасытные смердели.

С годами становился все пьяней,
С отверткую склонялся над иконой,
Гусиным цугом запрягал свиней
И выезжал в карете золоченой.

То брался за работу палача
И сына мучил, и луженой глоткой
Ввел Просвещенье, на бояр крича,
И сифилис лечил казенной водкой.

И бороды палил, и зубы драл,
И растлевал, и жар вдыхал у домен,
И рыбаков спасал у финских скал,
И вдруг упал, бессилен и огромен.

Все порывался буйствовать и жить
И на одре одолевал недуги.
Пришлось его подушкой придушить
Любовнику и венчанной супруге.

Михаил Синельников родился в 1946 году в Ленинграде. Живет в Москве. Автор 32 поэтических сборников, сотен статей о поэзии, переводчик классической и современной поэзии Востока, составитель многих хрестоматий и антологических сборников. Стихи переведены на многие языки, отдельными книгами вышли в Черногории, Румынии, Японии и Турции. Академик РАЕН и Петровской академии, лауреат премии Бунина, премии Дельвига, премии Арсения и Андрея Тарковских, Государственной премии Таджикистана имени Рудаки и многих других отечественных и зарубежных премий.

* * *

Как все росло, как все там жить хотело,
И обнимал туземной почвы тук
Все косточки и зерна обомлело, —
Миры, из детских выпавшие рук!

Блуждал ребенок, жизнь повсюду сея,
И воткнутый в сырую землю прут
Вдруг расцветал, как посох Моисея.
Воспоминанья эти не умрут.

Был взрослый мир тревожен и опасен,
Но повседневным страхам вопреки
Из горбылей, из тесаных балясин,
Из школьных парт, случалось, шли ростки.

БЫЛИНА

Из жилы воротной богатыря Сухмана
Кровь хлынула во сне.
От глыбы, что в степях уснула бездыханно,
Бежит к речной волне.

Течет Сухман-река, клокочет в тесном русле,
Впадает в тихий Дон,
И гомонит вода, ей подпевают гусли,
И долог вещий сон.

Вот всюду города и шумные базары,
Зеленые бахчи...
Где некогда прошли авары и хазары,
Стрибога покричи!

Но сердце ранено и не готово к бою,
Не хочет громких дат.
И мы на пристани прощаемся с тобою,
И катера гудят.

СТАРООБРЯДЦЫ

Зачем-то мнится листьев шорох,
И мгла скитов, и тьма темниц
При виде твердых и матерых
Неистребимых русских лиц.

Старообрядцы... С мощью рьяной
Еще проходят предо мной
Обрубки Руси деревянной,
Древесной, древней, дроважной.

И порожден самой природой,
В своем безмолвии кричащ,
Весь этот сонм седобородый,
Как будто вышедший из чаш.

Вдруг изумляют эти лица,
Всегда, как прежде, так и впредь,
Готовые страдать, трудиться,
В свирепом пламени гореть.

КАФЕТЕРИЙ

И я, певец исчезнувших империй,
Входил однажды (что же, коль зовут!)
В битком набитый этот кафетерий,
Тогдашних реформаторов приют.

Там были неудачники поэты,
Экономисты с некоторых пор.
Глотая кисели и винегреты,
О Кейнсе заводили разговор.

Недавно их в правительство призвали.
На алчущие лица их подруг
Я, пожилой, поглядывал в печали,
Не излечив высокий свой недуг.

Прошли реформы кой-какого сорта,
А в памяти тот вечер отражен
И эта жажда власти и комфорта
На юных лицах воспаленных жен.

* * *

Умножаются эти потери,
Современники сходят во тьму,
И, в любви усомнившись и вере,
Видишь прошлое, словно в дыму.

Разрываются давние узы,
Покоряется сердце судьбе.
Не останешься только без Музы,
Поседевшей в дороге к тебе.

Дмитрий ВОРОНИН

НА БЕРЛИН!

Рассказ

1.

Шестилетний Андрейка сидел на склоне холма и замороженно смотрел вниз на дорогу, по которой вот уже второй день нескончаемым потоком шли и шли солдаты в сторону солнечного заката. Андрейка был не один. Рядом с ним примостился его закадычный дружок Вовка, который, как и он, с восторгом и страхом наблюдал за перемещением мощной техники. Танки, самоходки, тягачи с пушками, грузовики со снарядами, минами и патронами — все это двигалось с ужасающим ревом, лязгом и грохотом, от чего пацанятам заложило уши, и они теснее прижимались друг к другу. Благоговейный трепет охватывал мальчишек, когда над ними на низкой высоте проносились эскадрильи истребителей с красными звездами на крыльях. Но, несмотря на непрекращающийся грозный шум, пацанятам иногда удавалось перебраться между собой отдельными фразами.

— Андлейка, глянь, глянь, танка какая! — в полном восторге кричал в ухо другу Вовка. — Ух, силища, ну и силища, скажи, Андлейка!

— Ага, силища! — орал в ответ Андрейка.

— И куда их стоко, а?

— Туда, — кивнул Андрейка в сторону садящегося за горизонт солнца.

— Сплосить бы, а?

— Спроси.

— Не, я боюсь, ты хлаблее меня будешь.

— Ладно, — важно согласился Андрейка и, поднявшись с травы, закричал во все горло в сторону проходящей колонны: — Дядьки, вы куда это шлепаете, так много вас?

— На Берлин шлепаем, пацанва, на Берлин! — засмеялись в колонне. — Супоста Гитлера идем ловить, что вам и не снился. Вот поймаем чудище да к вам привезем в клетке, покажем и другой зоопарк вместе с ним прихватим.

— А и не страшно вам?

— Не, пацанва, не страшно уже. Теперь ему, чудищу, страшно, вона как драпает от нас, только пятки сверкают.

— Где драпает, где сверкают? — заозирались по сторонам мальчишки.

— Далеко впереди, не видать уж отсюда, — вновь раздался взрыв хохота.

— А далеко ли до Берлина этого еще шлепать?

Дмитрий Павлович Воронин родился в 1961 году в г. Клайпеде Литовской ССР. Сельский учитель. Член СПР. Автор трех книг прозы. Лауреат премии А. Куприна. Лауреат издания «День литературы» (Москва). Публикации в журналах «Нева», «Наш современник», «Молодая гвардия», «Север», «Подъем», «Сибирь», «Дон», «Простор», «Огни Кузбасса» и многих других. Участник 45 альманахов и прозаических сборников в России и за рубежом. Проживает в п. Тишино Калининградской области.

- Кому как, вам далеко, а нам уже близко, — прозвучало в отдалении.
- На Берлин они идут, слышал? — обернулся Андрейка к другу. — За чудисцем Хитлиром.
- Слышал, — кивнул Вовка, — на Белин за Хитлилом.

2.

Колхозный газик остановился у ворот председателева дома.

— Утром в шесть тридцать чтоб тут уже стоял. Нам завтра в район опоздать никак нельзя, в восемь надо быть на месте, кровь из носу. Важная встреча там с московскими гостями, нужно кое-что обсудить до совещания, — обратился к шоферу председатель колхоза, вылезая из машины.

— Буду, как штык, вовремя, Андрей Степанович. Не волнуйтесь, успеем к восьми, да еще с запасом. Вы ж меня знаете.

— Ладно уж, езжай домой спать.

Председатель подошел к калитке и в задумчивости остановился. Постояв так несколько минут, он достал из кармана рубашки пачку сигарет «Друг» и закурил.

— Что домой не спешишь, Андрей? Все в заботах, в думах об урожае да о выполнении-перевыполнении, — прозвучал из темноты насмешливый голос.

— Вовка, ты? — повернул голову в сторону соседского дома Андрей Степанович. — Подойди сюда, дело есть.

— Ну что там за дело может быть у председателя к простому колхознику, — ощерился Вовка, подойдя к другу детства. — Не было ничего, а тут дело. Прямо заинтриговал.

— Да понимаешь, Вовка, мысль одна уже несколько лет покоя не дает. Вот хочу посоветоваться, — сделал последнюю затяжку Андрей Степанович и притоптал окурочок.

— Несколько лет, говоришь? Это серьезно, видать. Давай выкладывай, что там тебя гложет столько времени? — присел Вовка на лавочку у председателевых ворот.

Рядом пристроился и Андрей Степанович.

— Помнишь, Вовка, те несколько летних дней, когда мимо нашего села солдаты на фронт шли и техника двигалась нескончаемо? А мы с тобой сидели на взгорке и все высчитывали, сколько ее мимо нас проезжало. Да постоянно сбивались, счета нашего для этого не хватало, в школу-то только по осени мне идти предстояло, а тебе так и вовсе через год.

— Помню, как не помнить, — улыбнулся Вовка. — Такое не забудешь, силища какая!

— Ну и я про то.

— Про танки?

— Про память.

— А что память? Помним же, сам видишь. Или забывать что стал? — покосился на друга Вовка.

— Я нет, а вот другие... — вновь вытащил из кармана сигарету Андрей Степанович.

— И мне дай, — протянул руку за куревом Вовка. — Так что другие? Другие вроде тоже не забывают.

— Это сегодня не забывают. А завтра, а послезавтра, когда никого уже из тех, кто видел войну, не останется? И даже нас, что тогда несмышленными мальцами были.

— Ну, так фильмы, книги, музеи, памятники. Это-то никуда не денется, — пожал плечами Вовка.

— Да понятно, что никуда не денется. Но я про память тутошнюю, про нашу с тобой память, память наших с тобой потомков, внуков, правнуков.

— Не пойму я что-то тебя, Андрей. К чему ты клонишь?

— А вот к чему, — положил руку на плечо друга Андрей Степанович. — Ты же знаешь, что у нас в Ермаково памятника героям войны нет и не предвидится. Боев тут активных не было, всех, кто рядом тогда погиб, в райцентре схоронили в братской могиле. Там и памятник воздвигли. А у нас нет. И если бы мы даже и захотели, денег под это дело тоже нет. Колхоз-то, сам знаешь, от урожая к урожаю. Лишняя копейка на жильё, да на школу с садиком, плюс клуб, плюс библиотека, плюс развитие, свет там провести по улицам и прочее разное. А памятник — дело дорогое, тут и скульптор, тут и материалы, и работы особые. Такое потянуть не каждому крепкому хозяйству по силам, а нам тем более.

— Ну и что ты предлагаешь? — Вовка ощутил внутри себя неожиданно разливающийся жар.

— А что если самим поставить, без всяких там скульпторов и разрешений.

— Как? Где? — оживился Вовка.

— Где? А там, на нашем перекрестке, который за селом в сторону бывшего кулацкого хутора выводит. Там, где мы с тобой мальцами на пригорке солдат на Берлин провожали. Вот посреди него и установим. Дорога в этом месте закругление делает, и внутри как бы островок неезженный образовался, вот на том месте и поставим.

— Так денег же нет, сам говорил.

— А денег и не надо, так если, на материалы чуток. Мы поставим простой памятник, даже скорее памятный знак, что-то в видеobeliska. Из кирпича сложим высотой метра на три, оштукатурим, побелим, посреди копию ордена Отечественной войны прикреем и надпись напишем, придумать вот только надо.

— Да что тут придумывать, — от волнения Вовка даже привстал, — «На Берлин!» И все понятно, ясно все.

— Точно, Вовка, «На Берлин!».

— А кто орден сделает?

— Петьке-кузнецу накажем, он мастер классный, откует, что настоящий, а может, и получше даже.

— Андрей, а ты не боишься?

— Кого?

— Начальства своего. Они и по шапке надавать могут. И не одобрить.

— Могут, — согласился Андрей Степанович, — но мы им об этом и не скажем. Сами все за день-два сделаем, не велика хитрость. А потом пусть попробуют сломать. У кого на памятник Победе рука поднимется? Не самоубийцы же. Да и место там такое, не особо начальство и ездит по той дороге, угол-то медвежий.

— Ну, доброхоты-то найдутся, чтоб донести, сам знаешь.

— А и пусть, главное — поставить, а там пусть доносят, — улыбнулся Андрей Степанович.

— Здорово, Андрюха, правильная затея!

— Да, Вовка, правильная. И подарок нашим односельчанам к тридцатилетию Победы. Будет куда матерям да вдовам цветы положить, а нашим правнукам где голову склонить.

3.

На школьной линейке, посвященной вхождению Крыма в состав России, завуч по воспитательной части торжественно вещала в микрофон.

— Но кроме Крыма, как вы, надеюсь, знаете, наша страна в очередной раз отмечает в этом году и другие славные праздники. Это такие героические страницы нашей истории, как освобождение блокадного Ленинграда из долгого девятисотдневного голод-

ного плена. Нам не дано понять, как люди выжили, получая сто двадцать пять граммов хлеба в сутки. Некоторым из вас не мешало бы испытать такое на себе, а то никакой памяти не сохраняете. Даже на линейке постоять тихо десять минут некоторые не могут, что тут говорить о подвиге. Но есть и другие великие даты в этом году. Это освобождение от фашистских захватчиков Вены и Праги, Будапешта и Варшавы, Софии и Берлина.

— Виктория Альбертовна. Берлин — немецкий город, столица Германии, его брали, а не освобождали, — раздался голос из кучки девятиклассников.

— Киреев, самый умный, что ли? — тут же среагировала завуч на замечание в свой адрес. — После линейки со мной к директору. Там ум свой покажешь и расскажешь, кто тебя научил старших перебивать и срывать важные мероприятия.

— Вот, Юлия Владимировна, полюбуйтесь на этого субчика, — отпустила запястье провинившегося ученика завуч, войдя в директорскую. — Все нервы мои измотал, я с ним инфаркт скоро получу. Чуть не сорвал торжественную линейку сейчас. Перебивает меня, слова не дает сказать. Ну куда это годится? Совсем уважение к старшим потеряли. Надо срочно принимать какие-то меры, пока окончательно на голову нам не сел. И пример другим каков, а?

— Что опять, Киреев? — уперлась тяжелым взглядом в ученика тучная директриса, медленно и грозно поднимаясь из-за стола.

— А чего Виктория Альбертовна путает? Говорит, что Берлин освободили, а его не освободили, а взяли штурмом на...

— Молчать! — побагровев, рявкнула директорша. — Мал еще, сопляк, старшим указывать, чего там взяли, чего освободили. Сначала дорасти до возраста Виктории Альбертовны, а потом рот свой открывай.

— Вот видите, — негодующе встряла завуч, — как с таким можно разговаривать? Привыкли всей семьей командовать. Прадед у него, вишь ли, герой-председатель. Кончились давно те времена, когда он в авторитетах был, как и колхоз его кончился. Теперь-то он кто? Да никто. Пенсионериска простой, пшик, да и только. Ан нет, гонор-то свой весь по наследству передал, вот и получаем теперь результаты налицо.

— Ничего, мы ему этот его гонор наследственный мигом пообломаем. Характеристику такую оформим, в тюрьму не возьмут. Слышишь ты, чучело? Вика, вызывай инспектора по делам несовершеннолетних, пусть на учет ставят.

4.

Свинокомплекс решили построить рядом с кулацким хутором. Инвестор долго выбирал среди разных вариантов и остановился на участке земли рядом с Ермаково. Место подошло практически по всем параметрам. Областной центр в ста километрах, свиней возить не накладно. До райцентра неблизко, вонь с комплекса до чиновников не дойдет. Речка рядом, экономия на очистных сооружениях. Газопровод проведен, электро-мощности в достатке, местная рабсила по дешевке. Ну и главное, дороги есть. Все хорошо, все ладно. Только один недостаток — перекресток. Вернее, не сам перекресток, а странный знак по его центру с прикрепленным орденом Отечественной войны и надписью «На Берлин!». Уж больно этот знак движению мешал, большегрузные самосвалы еле разворачивались в этом месте. Но пока шло строительство объекта, с несурзным памятником еще как-то мирились. Однако стройка закончилась, и оказалось, что проблема с движением стала и вовсе не разрешимой. Длинные фуры разворачиваться на этом участке не смогли.

— Аркадич, а с этим что делать будем? — кивнул в сторону памятника хозяин свинокомплекса, обращаясь к главе района. — Мешается тут на дороге, ни проехать, ни пройти.

— Да ломай его к чертовой матери, и дело с концом! — отмахнулся Баталов. — Не шедевр, самопал кирпичный, никакой исторической ценности.

— А народ возбухать не станет? Нам лишний шум сейчас не нужен совсем — открытие через неделю. Уже все крутится — заказы, поставщики, поросят через пару дней завозить начнут. Любой сбой — колоссальные убытки. Нам они нужны? Ручаешься за спокойствие?

— Ломай, я сказал, — уверенно повторил Баталов, — народ — моя забота. Успокойм, если что. Кого водкой, кого баблом, кого мордой о стол. Нам не впервой, опыт большой за плечами. Я не через одни выборы прошел, всяких технологий набрался, больше тридцати лет у власти, так что мои гарантии железные. Ломай.

— Уважуха, Аркадич, — пожал бизнесмен руку Баталова, — мы с тобой сработаемся, я сразу это просек, как только познакомили нас. Ты деловой человек, без всяких там муси-пуси. Уважуха.

— Только снесите ночью, чтоб утром и следа не было.

— Заметано, — улыбнулся хозяин свиней, — нам тоже не впервой. И не такое ради дела сносили.

5.

— Дед Андрей, дед Андрей! — как ураган, ворвался в дом правнук Андрюшка. — Там такое, такое!

— Ну что там еще такое? — прокряхтел старик, доставая из буфета банку с вареньем. — Война, что ли?

— Хуже! — перевел дыхание Андрюшка. — Там памятник снесли.

Сердце старика куда-то нырнуло, и все тело моментально покрылось липким потом.

— Какой памятник?

— Наш памятник — «На Берлин!». На перекрестке...

Осколки от банки разлетелись по всей кухне, а варенье обрызгало буфет, штаны старика и растеклось по полу.

6.

Собравшиеся у перекрестка сельчане громко негодовали и заседали со всех сторон на главу района.

— Ну как же так, Валентин Аркадьевич, что же это такое происходит? Они же наш памятник снесли, память нашу порушили!

— Успокойтесь, граждане, успокойтесь, — выставлял ладонки навстречу возмущенной толпе стриженный под ежик, небольшого росточка, щекастый начальник. — Все под контролем, ничего страшного не произошло. Все в нормальном процессе.

— В каком еще процессе? Под каким контролем? Как это ничего страшного? Да вы соображаете, что говорите?! Они памятник наш снесли, а вы — ничего страшного! И снесли-то как! Ночью, тайком, будто воры.

— Ну это вы уже палку-то совсем перегнули. Какие еще воры? Все по плану. Работы идут в авральном режиме, сами знаете, открытие через несколько дней. Губернатор приедет, гостей из Москвы ждем, обещает министр сельского хозяйства прилететь, а тут такое.

— Что — такое?

— Ну, памятник этот ваш. Он же дорогу напрочь блокирует, ни одна фура не пройдет.

— А сейчас пройдет? А на-ка выкуси! — перед носом Баталова появилось сразу несколько фиг. — Мы сейчас дорогу и вовсе перегорим, ляжем тут, и черта с два вы нас отсюда отколупаете. Ну если только бульдозером.

— Мужики, бабы, ну чего вы ерепенитесь! Вам же как лучше делают. Работы у вас не было, теперь будет. Свет по поселку проведут, магазины откроют, у школы стадион обновят, детскую площадку...

— Чего ты нам тут заливаешь про радости жизни, не врубаешься совсем, они ж памятник завалили! Все, бастуем, мужики!

— Ну вот что, граждане, — перешел на крик и Баталов, — хватит уже! Что вы тут угрозы строите, на неприятности нарывааетесь! Вон, видите, там автобус в стороне с тонированными стеклами стоит. Росгвардии с дубцами вам не хватает? Сейчас устроим. Сказано вам — порешаем проблему, нечего тут митинги устраивать, людей будоражить.

Ермаковцы, прослышав о Росгвардии, чуть поутихли и с опаской стали оглядываться на пятнистый автобус, одиноко стоявший на обочине. Почувствовав перемену настроения митингующих, Баталов уже уверенным голосом продолжил:

— И памятник ваш никуда не денется. Вернем вам его в прежнем виде. Вот только стоять он будет не на середине дороги, а вон там, на взгорке. И видно хорошо, и транспорту не помеха.

— Когда поставите? — толпа успокоилась.

— В течение месяца, обещаю.

7.

На открытие свинокомплекса с утра съехалось все районное начальство, к обеду через перекресток промчался кортеж губернатора вместе с прибывшим из Москвы министром сельского хозяйства.

— Да, круто, — дивились такому количеству гостей сельские мужики, — при советской власти такое случалось, когда атомную электростанцию запускали. А теперь свиноферму открывает министр. Чудеса.

8.

Через два месяца Андрей Степанович собрал у себя в доме родню.

— Не будут они памятник восстанавливать. Все обещанные сроки прошли, а никто палец о палец не ударил. Самим надо.

— А как самим? Не дадут, полицию нагонят. Что мы против дубинок? Да и не поднять уже народ. Перегорели. Кого споили, кого купили за это время.

— А и не надо народ, сами управимся, своими силами, по-семейному.

— Это как? — устались на Андрея Степановича сыновья и внуки.

— Ночью, по-тихому, в выходной, пока движения нет. Завезем кирпич, я со своей пенсией отложенной деньги вам выделю, намешаем раствора и по-быстрому поставим. Место там безлюдное, никто нас за работой не увидит. Справимся.

— Что, прямо среди перекрестка на дороге и поставим?

— Именно так, прямо посреди перекрестка, как раньше стоял.

— Так снесут же утром.

— Не снесут, не посмеют. Что они, самоубийцы, что ли?

— Эх, дед, — тихо вздохнул кто-то из внуков.

9.

Утром проезд большегрузов и фур был напрочь заблокирован. Свежесложенный памятный знак из белого кирпича чуть возвышался на широкой отбетонированной площадке, которая делала перекресток совершенно непроезжим. На самом памятнике, как и раньше, черной краской было жирно написано: «На Берлин!!!» — и добавлено: «По-

беда будет за нами!». Возле монумента на табуретке, опираясь на трость, сидел старик, а рядом с ним, положив деду руку на плечо, стоял шуплый подросток, плотно сжавший губы. Стариковская куртка была расстегнута, и на пиджаке красовались звезда Героя Труда, ордена Ленина и Трудового Красного Знамени, а также разные государственные медали за трудовые свершения прежних времен.

10.

В обед в сельпо бабы судачили полушепотом:

— Слыхали, деда-то, Андрея Степаныча, утром у перекрестка полицаи скрутили, и Андрюшку малого вместе с ним, в воронок запихнули и в район увезли. Андрюшка деда защищать пытался, так ему дубинкой по спине. Много ли малому надо, вроде потом из отделения в больницу отправили, а может, так болтают. А у Андрея Степаныча еще и медали из пиджака выдрали, говорят, и в землю втоптали. Пацаны, дружки Андрюшкины, потом из грязи их вынули и домой к деду снесли. Надо же, ночью вдвоем памятник заново поставили!

— И чего теперь с ими будет?

— Ну чего-чего? Ничего. Подержут для острастки денек-другой да домой отпустят. А что с них взять? Одному больше восьмидесяти, другому только пятнадцать стукнуло. Не сажать же их. Штраф выпишут деду, и хорош, хоть и орал глава района на них во все горло, когда к перекрестку приехал на своем джипе, что посадит обоих за экстремизм и терроризм, срока возраста там нет. Но скорее пугал от злости, что памятник, не спросясь у него, заново поставили. Да и памятник сразу почти разобрали, он еще застыть-то как следует не успел.

11.

У директора школы зазвонил мобильник. Юлия Владимировна посмотрела на экран телефона и внутренне сжалась от нехорошего предчувствия.

— Ну что, Юлечка, плохи твои дела, — раздался из динамика ехидный голос руководителя образования района, — фигово ты там у себя молодежь воспитываешь, вернее сказать, вообще не воспитываешь. Судя по всему, что такое патриотизм, в твоей школе не знают. А вот что такое «пятая колонна», ведают и всячески способствуют ее существованию. Ты знаешь, что твой Киреев тут учудил? Мало того, что со своим полоумным дедом чуть не провел экономическую диверсию в районе, так еще при всем честном народе Валентина Аркадьевича фашистом обозвал, сравнил его с Гитлером, а начальника ОВД полковника Хромова с предателем Власовым в один ряд поставил, назвав его главным прихвостнем и полицаем. Вот так-то вот.

— Татьяна Михайловна, — срывающимся голосом ответила Юлия Владимировна, — я-то тут при чем? Я ж не мать этому уроду. Была б матерью, он бы у меня и в мыслях...

— Мать не мать, а ответ тебе держать, — перебила директора начальница. — Развели у нас под носом Болотную площадь, ну так и отвечайте по всей строгости. Жди, скоро приедем.

— Сегодня? — побледнела директриса.

В ответ последовали короткие гудки.

12.

Заканчивая предпраздничное совещание, Баталов посмотрел на Татьяну Михайловну.

— А тебе, Татьяна, особое задание. Проконтролируй лично завтра ермаковскую администрацию и про школу не забудь. Посмотри там, как они на «Бессмертный полк»

выйдут, в каком виде, в каком составе. Их не предупреждай, что приедешь. Надо, чтоб все по-честному было, без подтасовок. А то прикидываются патриотами, а на деле — сплошные экстремисты. Несанкционированные митинги, забастовки, оскорбление властей, сопротивление полиции, строительство незаконных объектов, попытки срыва госзаказа. Какое-то осиное гнездо, надо с ним кончать и не нянькаться.

— Валентин Аркадьевич, ну почему во всенародный праздник я должна ехать к этим извращенцам, а не быть рядом со своими друзьями, коллегами и соратниками! За что мне такое наказание? Это несправедливо.

— Татьяна, не переживай, сгоняешь в Ермаково на полчаса, помотришь, посчитаешь — и назад. Мы без тебя за стол не сядем, слово даю, дождемся, — улыбнулся Баталов расстроенной женщине и повернулся к остальным своим замам. — Итак, завтра жду всех у администрации в назначенное время. Прийти с семьями, шарами, цветами и портретами своих героев. Пройдем, так сказать, по главной улице с оркестром, почтим память своих предков. Память — это главное. Без памяти нет будущего.

13.

В ночь на девятое мая на дороге, уходящей от ермаковского перекрестка прямо на восток, появилась огромная надпись, сделанная белой краской: «На Москву!».

14.

Дед Андрей сидел на склоне холма и заворуженно смотрел вниз на дорогу, по которой нескончаемым потоком шли и шли солдаты в сторону восхода солнца. Сердце старика потеряло привычный ритм, утратило скорость движения и вот-вот собиралось остановиться.

— Андлейка, Андлейка, — теребил дедову штанину его закадычный дружок Вовка, — кудай-то они?

— Туда, — тяжело вздохнул Андрей Степанович, наблюдая за чеканным шагом пехотинцев.

— А ты сплоси их, сплоси, интелесно ж, кого воевать идут?

— Сынки, — с большим трудом поднялся с земли дед Андрей, — куда путь держите?

— На восток идем, отец, на восток.

— Почему на восток?

— Своих супостатов из Отечества изгонять, всех тех, кто повылазили из всяких щелей, пока нас не было, и теперь над Родиной изгаляются.

— С Богом, сынки, с Богом! — перекрестил воинов Андрей Степанович. — Возвращайтесь с победой!

— Спасибо, отец! Вернемся!

Евгений ВИТЧЕНКО

* * *

Мы так стремительно стареем
И преждевременно живем,
Давай хоть спичкой обогреем
Наш снегом занесенный дом.
И крышу выправим с трубою —
Рождественский наш дымоход.
Через который нам с тобою
Зима дары в носках несет:
Сосульки, леденцы с мороза,
Фруктовый иней. Ф́ига с двá
Распустится твоя мимоза
С обледенелого стола.
Какое это счастье, Герда,
В ханты-мансийском жить краю
И верить в перемену ветра.
И слушать баюшки-баю
На гамаке под самой крышей,
Где в детских варежках сугроб.
И где нельзя, чтобы потише,
А только лишь сильнее греб
Январский ветер. Переменный.
То в щели дует, то в трубу...
Мы под циклоном королевы,
Ниспосылающей пургу.

* * *

Поделом поделом
Божий пуст окоем
Он и держится-то
Неизвестно на чем
И неясно зачем
И куда мы идем
Но в открытую дверь
Можно только вдвоем

Мелкий дождь на душе
Надоевший уже
Это со стороны
Вид ее неглиже

Евгений Витченко родился в 1983 году в Караганде. Окончил факультет истории и политических наук Тюменского государственного университета. Публиковался в литературных журналах «Новая Юность», «Нева» и «Нижний Новгород». Живет в Тюмени.

Не спеши не спеша
Сухостой камыша
Под ногами и вот
Полустерта межа

Где земное а где
Лишь круги на воде
Расходящиеся
Чье-то тело в ладье
К нам на отмель несет
То ль ко мне то ль к тебе
А присмотришься как
И ладьи тоже две

* * *

Сколь прилипчивы тени
на вязком снегу.
А навстречу кто машет — на том берегу,
Как бы пробуя крылья ко взлету,
Не вознесшие ни на йоту?

Это чистая правда:
то был человек.
Своей собственной тени и скрипа телег
Он как будто всерьез сторонился
На краю деревенского Стикса.

И всю жизнь по маршруту
замерзшей реки
Он ходил так, пока не нашли мужики
Мешковатое тело в овраге.
И еще оставалось полфляги.

Ну, а что же в итоге,
о чем разговор?
Человек, выходящий на русский простор,
Не охотник, а, в сущности, жертва,
Даже если пространство инертно.

* * *

Сама собой сложилась карта жизни.

Пунктир полупустыни. Плюс река
Каракенгир, которая текла,
Как многоточие, пересыхая летом
До доньшка... И сколько бы ни шел

Товарный поезд твой порожняком,
Его следов не разыскать на этом

Солончаке... Куда ни оглянись,
Твоя шенячья, жалобная жизнь!
Где косточку зароет, где секретик
Под стеклышком зеленым, мол, найди.
И сколько мелких сопков позади,
Чтобы и свой на них оставить крестик.

Но не оставил. Кружится земля,
В родимых пятнах, прямо на меня,
И ей не скажешь медленней кружиться...
И школьный глобус — баскетбольный мяч —
Кручу-верчу в любую его часть:
И ночь сменяет дни. Линяют джинсы

Под проливным химическим дождем...
Так много букв и, в общем, ни о чем,
И как-то стыдно в этом признаваться!
Перо синицы на моих руках.
И двадцать с лишним строчек впопыхах.
И жизнь, как книга, с нового абзаца.

* * *

Душа истощена.
Две-три еще затяжки
Весенним, допьяна,
До порванной тельняшки.

Как полиэтилен,
Легко мое дыханье.
И ничего взамен.
Вернее, только камни

В обеих почках. И
Довольно минералки.
То все мои грехи,
То все твои припарки.

И хватит выключать
Свет дня перед глазами.
Часть речи — только часть.
И то не мы сказали,

А жил один поэт...
Из ленинградцев. Умер.
И тянешь нараспев
Строку, в которой зуммер.

* * *

Привыкающий быть никем,
Не предателем, не изгоем,
Наблюдаю опасный крен
Своей жизни. И я спокоен.

Если имя тебе никто,
То ничто с тобой не случится.
И не курица «ро-ко-ко»
Прохрипит, а другая птица...

Мало ль птиц здесь? Павлин. Фазан.
Цвета дивного оперенье.
Если слеп, то твоим глазам
Все равно, на что тратить зренье.

Если нет тебя, то почем
Тебе знать, что однажды ветер
Налетит, как штангист — плечом,
И свернет фонари вот эти?!

Я молчу, потому что так
Легче переносить потери.
Ветер шквалистый. Добрый знак.
Были б руки, они б вспотели.

Только крылья. Тогда лети,
Не оглядываясь за плечи!
Просто ангелу по пути,
И молчать с ним намного легче.

* * *

Влюбиться в женщину! Смеяться. Все налегке и на бегу. Монах бельгийского аббатства, Пью пиво, ерничаю, лгу.	Разочарованный и пьяный, Еще не старый человек. Окно зашторенное спальни. Неяркой жизни фейерверк.
--	---

На льду фигурки конькобежцев. Средневековые. Детвора. Тень на плетень. Полуопешив, Идешь по слякоти двора,	Прямоугольники кирпичной, Поотсыревшей кладки. Тень, Сопровождающая лично На одинокую постель.
---	---

И долго-долго будет сниться
Пейзаж с кормушкой для птиц.
И так с пейзажем тянет слиться,
Не различая больше лиц...

ТРИ БУТЫЛИ

Рассказ

- А ну давай его, хватай под микитки. Сейчас мокнем!
- Дальше, дальше заноси, тут он за дно килем цеплять будет.
- Смотри, смотри, Хохма куда усвистал!
- Стой, Хохма! Приказа брать море не было.
- Да он на охоту за русалками поплыл.

Последний день июля выдался безветренным и довольно теплым. Солнце скрывалось за облаками, но иногда находило маленькую прогалинку, и тогда становилось по-настоящему жарко. Море лениво плескалась вдоль заиленной местами полоски берега. Десяток мужчин купались в прохладной воде Рижского залива. Чуть вдалеке по берегу виднелась перевернутая лодка. Там же на уровне лодки метрах в ста пятидесяти от берега, где начинался лес, стоял добротный дом.

— Янис! Поди сюда! — высунулась из люка голова капитана. — Где он, черт его раздери?

— Да тут я, — неожиданно вовсе не из моря, а из-за соседнего танка появился молодой, скуластый латыш, прозванный однополчанами Мельница за высокий для танкиста рост.

— Янис, тебе спецзадание. Сгоняй до хибары, разживись у земляков тарой пустой. Нужно три бутылки.

— Зачем, капитан? — искренне удивился Янис, прикидывая, что до дома будет метров триста-четырееста.

— Приказ комбрига, ядрена плешь. Принесешь — узнаешь, — миролюбиво рявкнул капитан.

— Михалыч, — обратился капитан к самому старшему из танкистов, только что подошедшему к воде и собиравшемуся раздеться, — пока не разулся, слетай с Янисом за тарой.

— Да клешней тебя за ребра! Только из-под машины вылез, тросик натягивал, а то задняя уже совсем не втыкалась, едрена канифоль. Ополоснуться бы хоть, капитан.

— Потом, потом. Заводи машину. Смотрите там, только хозяев не пугайте. Бутылки чтоб с пробками были, — уже вдогонку им крикнул капитан.

Тридцатьчетверка, на месте дав резкий разворот почти на сто восемьдесят, рванула в направлении хутора, так что Янис, оставшийся на башне, нелепо взмахнул руками и чуть не кувыркнулся с танка.

— Ишь, Мельница — крыльями машет, — добродушно прокомментировал кто-то из танкистов под дружный хохот остальных.

Алексей Панограф родился в 1964 году в Ленинграде. Окончил ЛПИ им. Калинина, по специальности «механик». Учился в Литературном институте им. А. М. Горького. Публиковался в журналах «Аврора» и «ЛиТегатура» и в сборниках рассказов. Живет в Санкт-Петербурге.

8-я гвардейская механизированная бригада, авангард 3-го гвардейского корпуса, накануне ворвалась в небольшой городок Тукумс и разгромила ничего не подозревавших фашистов. За день они сделали марш-бросок от Елгавы и тем обеспечили эффект внезапности.

Основные силы во главе с командиром бригады полковником Кремером остались в Тукумсе. А три танка под командованием капитана Смотрова были отправлены дальше к побережью. Ходом пройдя этот десяток с небольшим километров, три машины уперлись в залив, так и не встретив никого на своем пути.

Последняя неделя выдалась жаркой для всех войск 1-го Прибалтийского. После приезда Василевского в штаб фронта, который был недоволен тем, что прибалтийцы отставали в скорости наступления от 1-го Белорусского, атаковавшего противника южнее, они сильно взвинтили темп. Видимо, вскользь брошенная Василевским фраза, что они своей медлительностью оправдывают название Прибалтийского, сильно зацепила командующего фронтом генерала Баграмяна, и с южным темпераментом он бросил войска вперед. За неделю авангард фронта продвинулся на четыреста километров.

Капитан Смотров, связавшись по радиации с комбригом, доложил, что они вышли к морю, и, получив отеческое поздравление от Кремера, дал разрешение танкистам на отдых. Но тут же вновь был вызван комбригом на связь.

— Вот что, капитан, — сквозь хрипы в наушниках пробивался голос полковника. — Приказ командующего фронтом. Немедленно набрать три бутылки с морской водой из залива. Отправь бутылки с одной машиной ко мне в штаб. Идти полным ходом. И смотри не расплескай. Ясно?

— Понял, товарищ полковник. Ребята только вот устали больно. Одно дело бой, а другое воду возить.

— Ничего, не переломятся. А завтра зато у вас будет день курортного отдыха на море, пока пехота не подойдет.

После доклада командующему фронтом Баграмяну о выходе передового отряда к Рижскому заливу Кремер услышал в ответ:

— Палковник, пака не привезешь вады марской, в Ставке не паверят, что мы к морю вышли. Дастав мне три бутылки вады из Балтики.

Хмурый пожилой латыш молча встретил Яниса и Михалыча в сенях. Когда по-латышски Янис объяснил хозяину, зачем пожаловали, тот, не проронив ни звука, пошел в кладовую.

— Он не за берданкой пошел? — приглушенным голосом спросил Михалыч у Яниса. — А то отольет нам сейчас два по девять, едрить ты в корень, и не видать нам ридной хаты, как Гитлеру Кремля.

Михалыч приотворил дверь, ведущую из сеней в дом, чтобы поглядеть, что там делает хозяин. Тот возился за отгороженной занавеской кладовой. Слышались бульканье и звяканье. Наконец хозяин появился, неся им три пустых бутылки. В нос танкистам ударил до боли родной и всегда желанный запах спирта. Михалыч даже ойкнул:

— Зачем же, едрен батон, опорожнять было утруждаться. Тут уж мы как-нибудь сами бы сподобились.

Янис что-то говорил хозяину по-латышски. А тот все упорно молчал и молчал. Михалыч опрокинул бутылку — пара капель упала на ладонь. Он провел ладонью по губам.

— Ладно, Ян, пошли купаться — море стынет, — разочарованно проговорил Михалыч.

Когда они отошли от дома метров на пять, то услышали негромкий окрик:

— Лацис!

Обернулись. На пороге стоял старик латыш. В руках у него была еще одна бутылка, на этот раз полная. Михалыч вернулся и взял ценный дар.

— Спасибо, отец.

Уже залезая в танк, спросил у Яниса:

— А что он нам крикнул-то?

— Это он тебя по имени назвал — Мишей, точнее, медведем.

— Ишь ты, — отозвался Михалыч, нежно укладывая в инструментальный ящик заветную бутылку. Там среди тряпок и ветоши она была в наиболее безопасном месте.

Первые тяжелые капли дождя упали Михалычу на сапог через открытый люк, когда он лихо подруливал к двум другим тридцатьчетверкам.

Тяжелые капли одиночными выстрелами забарабанили по броне, гулко отдаваясь внутри танков. Вскоре ливень пошел стеной, превратившись внутри машин в сплошной гул. Летний дождь, выплеснувшись за три минуты, прекратился так же неожиданно, как и начался.

— Янис, бутылки раздобыл? — раздался в наушниках у Яна голос капитана Смотрова.

— Так точно, товарищ капитан, три штуки.

— Отлично, младший лейтенант, — похвалил Смотров и после небольшой паузы продолжил: — Хорошо начали — вашему экипажу и заканчивать. Наберите в бутылки воды из моря и отвезите в бригаду полковнику Кремеру. И чтоб без задержек. Да не слишком шумите, кто его знает, куда остатки фрицев из Тукумса шарахнулись.

Когда стрелок-радист Ахмед наполнил бутылки морской водой, Янис аккуратно уложил их в инструментальный ящичек Михалыча.

И понеслись по опаленным долгой войной дорогам бутылки к своей заветной цели — в Ставку ГКО. У Яниса бутылки принял сам Кремер. Хмыкнул:

— Чего ж, товарищ младший лейтенант, она у вас без этикеток? Вдруг паленая водичка. Сознаться, из какой лужи набирал? Что-то мутноватая водица.

— Никак нет, товарищ полковник. Лично в заливе набирал. А что мутная, так перед этим ливень прошел — вот и замутил воду.

Вызвал Кремер своего лейтенанта:

— Серегин, бери мою эмку вместе с Федором и срочно к штабному самолету. Там сейчас под Елгавой на небольшом аэродроме этих бутылей авиация дожидается.

— Есть, товарищ полковник. А в бутылках-то что? Латышский самогон в качестве презента?

— Погоди-ка, — не ответил на вопрос лейтенанта Кремер, а, вынув из планшетки тетрадку, вырвал из нее листок клетчатой бумаги, аккуратно разорвал на три части и размашисто написал что-то на каждом клочке.

— Прицепишь вот по дороге к бутылкам. Этикетки.

Небрежно козырнув, лейтенант Серегин сгреб в охапку бутылки и отправился разыскивать Федора, шофера Кремера, на ходу читая написанные полковником этикетки: «Вода из Рижского залива, близ города Тукумса. 31.07.1944» — и подпись Кремера.

Федор как раз вылезал из эмки, видимо, только что подъехав к зданию горсовета, где расположился штаб бригады.

— Федя, на ловца и зверь бежит. Где тебя черти носят? — скорее для проформы поддел Серегин шофера.

Федор, вздрогнув от неожиданного окрика, что-то поспешно сунул под сиденье и за чем-то стал оправдываться.

— Да я тут недалеко был. Во время нашего штурма у одной вдовицы, квартировавший фриц так быстро драпал, что дверь с петель вынес. Я и поправлял ей маленько, чтоб не сквозило.

— Ну, насмешил, Федя. Знаем мы, чего ты вдовам вправляешь. Сквознячок, говоришь? Давай заводи колымагу. Поедем проветримся.

— Лейтенант, мне давно карбюратор перебрать надо, а то на холостых чихает и глохнет.

— А на женатых что, кашляет? Приказ комбрига не обсуждается. Да, возьми у меня наконец эту святую воду, будь она неладна. Пристрой под сиденьем, чтоб не разбилась.

И понеслась ценная бандероль такой вот военно-полевой почтой дальше.

Возле избушки на краю летного поля, расположив на пустой бочке из-под керосина выдавшие виды шахматы, сидели, подперев головы и устремив взгляды на доску, майор Чепчерук и капитан Шелухин. Из окна избушки высунулась голова старшины Васина, приставленного к скудному хозяйству аэродрома, с которого еще совсем недавно поднимались в небо немецкие «мессеры» и «юнкерсы»:

— Майор, Москва на проводе.

— Чего разорался? Какая, к ядреной фене, Москва? А мы вот так коника, ам!

— Правда, майор, Вас Москва вызывает.

— Ты свои шутки для салаг побереги. Не мешай вражескую армию громить. Шах!

— Товарищ майор, разрешите обратиться, вас к телефону.

— Тьфу, зараза, так чего ж ты молчишь, как партизан в гестапо. Тащи аппарат.

— Дак провод не дотягивается. Вы бы уж лучше подошли, поторопились.

Через минуту майор Чепчерук вернулся к шахматной доске:

— Ну что, капитан, здесь у тебя шансов нет. Давай-ка лучше по новой на козырный интерес. Проигравший летит в Москву с ценной бандеролью. Усек?

— А выигравший?

— На сеновале вдыхает аромат истосковавшейся по мужской ласке хозяйки ближайшего хутора.

Когда к избушке выскочила с неприметной лесной дороги эмка, капитан Шелухин прохаживался, довольно потягиваясь, а майор Чепчерук сидел, напряженно склонившись над доской и обхватив голову двумя руками.

— Так ты в ферзи по правому флангу прорываешься, а если я так хожу, то ладья летит. Вот черт — цугцванг получается.

— Еще и с цейтнотом вместе, — хохотнул довольный близкой победой Шелухин, — вон она, посылочка, явилась, не запылилась.

— Слышь, Федор, мы никак по ошибке к гансам зарулили. Речь-то улавливаешь какая: цугцванги с цейтнотами? Давай по ним всю обойму, пока они хэндэ хох не закрычали, — вылезая из машины, пошутил Серегин.

Раздосадованный близким поражением Чепчерук решил осадить обнаглевшего штабного.

— Лейтенант, приведите себя в порядок в ближайшем лесочке, а потом доложите по форме, кто и зачем прибыл на стратегический объект.

— Ладно, майор, я от полковника Кремера... — начал Серегин.

— Ты что, лейтенант, не понял?! — рывкнул Чепчерук. — Здесь особо охраняемый объект. Сейчас сдам тебя под арест.

— Слушаюсь, товарищ майор, — поняв серьезность капитана, сменил тон Серегин. — Лейтенант Серегин из штаба Восьмой гвардейской механизированной бригады прибыл по приказанию полковника Кремера. Разрешите доложить?

— Ремень поправь и докладывай, — с ленцой ответил ему Чепчерук.

— Доставил три бутылки с водой из Рижского залива для срочной переброски в Москву в Ставку Главнокомандующего.

В этот момент старшина опять высунулся в окно:

— Товарищ майор, вас опять к аппарату.

Выходя из избушки и на ходу надевая летный шлем, Чепчерук бросил лейтенанту:

— Ну, где ваша вода?

— Повезло тебе, Леха, — обратился он к Шелухину, — будет у тебя сегодня еще один шанс провести атаку на челочку. Не забудь — с брюха заходи. А чего вода-то такая мутная, что твоя горилка?

— Чертей из моря гнали, веревкой воду мутили, — отшутился Серегин.

Но Чепчерук уже не слушал его, а бодро шагал к «мишане» (так он называл свой МиГ-3). Когда забрался на крыло, то обнаружил в кабине механика Сидорчука. Неестественно запрокинув голову, тот выводил рулады носоглоткой.

— Сидорчук! Воздух! — гаркнул у спящего механика над ухом майор.

Тот встрепенулся и осоловело стал осматриваться по сторонам.

— Ну шо, ридна хата, жинка да горилка с салом снились.

— Ага, товарищ майор. Я тут у вас полозья фонаря поправлял, а то сами жаловались, что заедает, и закемарил малеха.

— Ну, давай освобождай помещение. Да осторожней с крыла прыгай, там в траве ценный груз. Увидал? Ну, подавай их мне сюда.

— Вы чего, на вечеринку никак собрались, товарищ майор? С таким-то грузом? — подавая Чепчеруку бутылки, говорил Сидорчук. И запоздало вспомнил, что забыл под сиденьем самолета свою заветную бутылку, которую он выменял у старого Дайниса на банку тушенки. Старик Дайнис жил на окраине Елгавы и делал свой маленький бизнес на самогонке как с немцами, так и с недавно пришедшими советскими солдатами.

— Давай, Сидорчук, заводи. Некогда мне с тобой лясы точить.

— А когда назад-то, товарищ майор? — забеспокоился Сидорчук о своей бутылке.

— Глазом моргнуть не успеешь. Я мухой туда и сразу обратно. Не соскучишься.

В Ставке ГКО шло заседание, когда в зал, тихонько постучавшись, вошел адъютант, неся на подносе три бутылки.

— У нас ужэ эсть графин с вадой. Или вы нам пакрепчэ принэсли? — обратился к вошедшему Сталин.

— Товарищ Сталин, разрешите объяснить, — встал со своего места Василевский.

— А что тут абьяснять, таварищ Василевский, самагон — он и в Африке самагон, — держа в руках одну из бутылей, усмехнулся в усы Сталин. — Да тут и этикетка имеется: «Вада из Рижского залива, близ города Тукумса. 31.07.1944» — и подпись неразборчивая, да еще и смазанная.

Адъютант при этих словах едва заметно покраснел, потому что подпись смазал он, когда за минуту до этого наклеивал на бутылки бумажки, переданные ему вместе с ценным грузом.

— Товарищ Сталин, выйдя к Рижскому заливу, силами Первого Прибалтийского фронта наши войска полностью отрезали немецкую группу армии «Север» от группы армии «Центр», тем самым закрыв частям Фриснера пути отступления по суше.

— Эта очен харашо, таварищи, — сказал Сталин. — Пачему только вада такая мутная? Наверно, эта фашисты намутили. Видитэ, таварищи, какие чистки нам еще предстоит павсеместно.

В тот же вечер в трех различных уголках Латвии: на берегу Рижского залива, на небольшом аэродроме близь Елгавы и в центре Тукумса — три советских воина: механик-водитель танка Т-34 Михалыч, авиационный механик Сидорчук и шофер полковника Кремера — практически одновременно достали: один из инструментального ящика танка Т-34, другой из вернувшегося на маленький аэродром самолета МиГ-3, третий из-под сиденья эмки — свои заветные бутылки, чтобы провести приятный вечер, попивая самогон латышского производства.

Троекратно разнеслось по небольшой прибалтийской республике крепкое русское словцо, когда вместо приятного обжигающего вкуса первача все трое ощутили в горле противный солоноватый вкус Балтийского моря.

А три бутылки первоклассного самогона долго еще стояли в ставке ГКО, отлично закамуфлированные этикетками с надписью: «Вода из Рижского залива, близ города Тукумса. 31.07.1944». Дальнейшая их судьба осталась неизвестной.

P. S. Историческая справка

Отряд, в который вошла мотострелковая рота, усиленная тремя танками и двумя самоходно-артиллерийскими установками, артиллерийской и минометной батареями и взводом саперов, под командованием капитана В. Н. Смотровя продолжал наступать к Рижскому заливу. Утром 31 июля командир бригады по радио донес в штаб корпуса: «Мы на берегу Рижского залива».

Выход 8-й гвардейской механизированной бригады на побережье Рижского залива имел исключительно важное военно-политическое значение: прибалтийская группировка противника была отрезана от остальных сил. Командир корпуса доложил в штаб фронта о выходе к заливу. Донесение оказалось неожиданным, и командор вынужден был доложить о положении соединений еще раз, а командование бригады получило следующее распоряжение:

«Набрать в море три бутылки морской воды. Бутылки опечатать, а командиру лично расписаться на них, что вода действительно взята из Балтийского моря. Бутылки с водой направить в штаб корпуса».

Приказ был выполнен. Морская вода на самолете была отправлена в штаб фронта, а оттуда в Москву, в Ставку Верховного Главнокомандования. На ближайшем заседании Государственного Комитета Обороны морская вода стояла на столе как вещественное доказательство выхода танкистов к Рижскому заливу.

За отличные боевые действия, героизм, мужество и отвагу многие воины бригады были награждены орденами, а командиру бригады полковнику С. Д. Кремеру присвоено звание Героя Советского Союза.

Изяслав КОТЛЯРОВ

* * *

В истинной, истовой, сущей
правде неласковых дней
воля безволия лучше
страха без воли моей.
Дом обретаю вне дома,
в свете, ласкающем тьму.
Слышу ворчание грома,
а ничего не пойму.
Чем он иль кем недоволен?
Гнева уже не таит...
Волен я тем, что неволен,
тем, что еще предстоит.
Выжил поэзией прозы
там, где бесправны права...
Трудно мне сдерживать слезы,
слезы, в которых слова.
Сердце испуганно сжалось:
нету моления в мольбе.
Эту прощальную жалость
сам возвращаю себе.

* * *

Меня то гладит время, то дерет,
как будто бы еще не понимает,
что я беру лишь то, что мне дает,
и отдаю лишь то, что отнимает.
Но истина обманчиво дана,
и потому я трусостью смелею:
за тишиной уже не тишина,
а только то, что быть хотело ею.

Изяслав Григорьевич Котляров родился в 1938 году в г. Чаусы Могилевской области. Окончил факультет журналистики Белорусского государственного университета. Работал в газете летчиков гражданской авиации «Западная трасса», в светлогорской районной газете. Был директором Светлогорской картинной галереи «Традиция» имени Германа Прянишникова. Состоял в Союзе писателей СССР, а теперь — в Союзе писателей Беларуси и Союзе российских писателей. Автор более двадцати поэтических книг. Стихи публиковались в журналах «Знамя», «Юность», «Смена», «Студенческий меридиан», «Нева», «Аврора», «Форум», «Новый журнал» (Нью-Йорк), «Неман», «Немига литературная» (Минск), в альманахах «Поэзия» (Москва), «День поэзии» (Москва), «Встречи» (Филадельфия), «Поэтический Олимп» (Москва), «День поэзии» (Минск), в «Литературной газете», «Литературной России» и других изданиях. Живет в г. Светлогорске.

Вдруг жарко даже там, где дышит стынь,
и вдруг темно, где медленно светает,
но знаю я, что даже и полынь
без корня своего не прорастает.
Что днями исчезаю от погонь,
что бедностью и впрямь живу безбедно,
что как в кремне скрывается огонь,
так и душа порою незаметна.

* * *

Оказался «перелетной птицей» —
от небес к себе же улетал.
Патриот, а умер за границей, —
непатриотично умирал.
Непатриотично похоронен, —
да, в случайной все-таки земле.
Сам себе сказал в прощальномestone:
«Никогда не плачьте обо мне...»
Что ему ответить, я не знаю, —
чувствую дыханием слова...
Каждым днем живу и умираю,
где Отчизна все-таки жива.
Хоть и разорвали на границы
бутафорски как-то навсегда,
но летают перелетно птицы
в те же села, в те же города.
Птицей проще быть, чем человеком...

* * *

Очевидность очевидца,
даже более того...
Плачет совесть от бесстыдства,
от бесстыдства своего.
Все — за ясностью туманной,
за словами, что без слов,
за правдивостью обманной,
быть которой не готов.
Явь как будто под секретом —
оговор иль уговор?
Но зачем опять об этом?
Эхо целится в упор.
Голоса — во мне, за мною,
предо мною, надо мной.
Небо дышит глубиной
или бездною земной?
Жизни прожитая повесть —
миг не вспыхнул, а померк...
Коль «умри!» прикажет совесть —
умирает человек.

* * *

А выбор есть, а выбор есть
и в этой круговерти:
жизнь после жизни или смерть,
но тоже — после смерти.
Хоть сам уже спросить готов,
живучий и живущий:
«Коль это — лучший из миров,
то где, скажите, худший?»
Дыханье путаю и дух,
а память — вне забвений...
Я глух... Не только слухом глух —
не слышу оскорблений.
Молчу, неистово молчу.
Слова в слезах промокли.

Взглянуть на оклик не хочу —
опережает оклик...
Ну что ж, веди меня, веди,
пусть эхо привыкает
и даже где-то впереди
зовет и окликает.

* * *

Даже некого винить
откликом и зовом...
Правде можно изменить,
а себе — ни словом.
Стыдно честной синевы,
тишины молчанья...
Вот и вышел из молвы
в чистоту дыханья.
Так реальны речка, луг,
даль уже без далей...
Оказалось, в жизни вдруг —
никаких реалий.
Над собой и впрямь стою,
в струях растекаюсь —
долго в речке тень свою
рассмотреть пытаюсь.
Только тенью я — река,
луг я — только тенью
здесь, где годы и века
отданы мгновенью.

* * *

Станет ли целое частью?
Смелость похожа на страх...
«Воля — стремление к счастью», —
думал еще Фейербах.
Нет, никогда не привыкну
жизнь после жизни я ждать...
Надо ли волю инстинкту
в рабство уже отдавать?
Истины, что ли, боится?
Дальше забвенья смотрю.
Что-то безлико таится
здесь, где добро — не к добру.
Молча подскажет Всевышний:
быть — это значит не быть.
Только отчаявшись в жизни,
можно ее полюбить.

Теодор ГАЛЬПЕРИН

ТРАЕКТОРИЯ СУДЬБЫ

Рассказ

Если бы вы только знали, какая великолепная штука авиация...

Антуан де Сент-Экзюпери

Самая высокая мечта — высота, высота...

Николай Добронравов

Судьба все же вылепила из меня авиатора. После окончания физического факультета я стал работать на авиацию — заниматься авионикой, авиационной аппаратурой, решать в ней задачи прикладной физики, участвовать в разработках систем взлета, навигации и посадки самолетов, вертолетов, космических аппаратов. Было ли это предопределено где-то в голографической карте небесной памяти и постепенно проявлялось в этой многомерной карте вселенной под мощным лучом детства с первых дней войны?..

Киев бомбят с первых дней войны. Вой сирен, взрывы, дым. Бабушка бежит по нашей улице, завернув меня в одеяло. Я выпростал голову из-под одеяла, вижу темное небо и на его фоне огромные, низколетящие черные птицы. Это были «мессершмитты», первые самолеты, которые я увидел в своей жизни. Мне три года и восемь месяцев. Бабушка бежит в бомбоубежище. С моей ноги падает туфля. «Бабушка, туфля!» — кричу. Бабушка возвращается, поднимает туфлю и бежит дальше.

Дальше бомбоубежище. Женщины и дети. Простые, неокрашенные столы и скамейки. На столах — крынки с молоком и кружки. Это, наверное, не первый день войны, как-то подготовились, но я запомнил только такую картину бомбоубежища.

А ведь еще совсем недавно была мирная жизнь. Каждое утро (очень рано, пока все еще спали) на скамеечке у дверей квартиры, на лестничной площадке, молочница оставляла молоко, сметану, творог. Проснувшись, бабушка вносила все в квартиру. Совсем недавно в прихожей стояли черные сверкающие сапоги — отец вернулся на побывку со сборов военных переводчиков. Уже веяло грозой.

Но отцу не пришлось быть военным переводчиком. Когда началась война, ему было 32 года. Талантливый ученый в области радиотехники, из провинциальной, не имеющей возможности дать сыну образование семьи. В 14 лет он приехал один в Киев, был

Теодор Борисович Гальперин родился в 1937 году в Киеве. Петербургский поэт, автор-исполнитель, член Российского союза профессиональных литераторов. Инженер-физик, кандидат технических наук. Заслуженный изобретатель РФ, специалист в области авиаприборостроения. Автор книги поэтических текстов «Сюжеты любви», семи сборников песен (издат. «Композитор»), семи аудиоальбомов, многочисленных публикаций в российских литературных и научных изданиях. Живет в Санкт-Петербурге.

рабочим, окончил ремесленное училище, техникум, вечерний институт. Был учеником и сотрудником завкафедрой профессора Никитина. Как только началась война и наши танки оказались малопригодными, Никитину пришло из Москвы предложение направиться на Урал с целью разработки радиоаппаратуры для новых танков. Он отказался — «не могу оставить кафедру в трудное время». И предложил своего талантливого ученика — Бориса Гальперина. И отец направился на Урал. Не могу умолчать: Никитин сознательно остался в Киеве, активно сотрудничал с захватчиками, агитировал за самостийную Украину...

Бомбежки, бомбежки... Началась мобилизация. Мои дяди совсем молодые — 20 и 25 лет — уходили на фронт.

Абрам Наумович прошел войну в морском десанте. Десантники высаживались с катеров в укрепленных вражеских районах под непрерывным огнем и в большинстве погибали. Марк Давыдович воевал в танковых частях, горел в танке... Оба дяди перенесли тяжелые ранения, выжили, но оба стали инвалидами.

Траектория моей судьбы вела по прямой — 18 сентября немцы взяли Киев — да, по прямой в Бабий Яр. Но здесь-то моя судьба отклоняется от предполагаемой траектории, выпадает мой первый счастливый жребий.

В моей жизни было несколько счастливых жребиев. Но вот — первый. Мама работала на Киевском авиационном заводе. Передо мной ее сохранившийся пропуск. Я его процитирую, опишу. На лицевой стороне обложки — герб СССР и золоченая надпись: «Народный комиссариат оборонной промышленности», а внутри справа — удостоверение № 22, Гальперина София Наумовна, слева — подпись мамы, утверждающая подпись, печать... и портрет мамы. Она — красавица, округлое лицо, прическа с пробором посередине, обрамляющими голову косами. Похожа, пожалуй, больше на украинку, чем на еврейку. Но фото черно-белое, а глаза у нее были серые, глубокие, выразительные.

Мама родилась в семнадцатом, ей было всего 24. Энергичная, сообразительная, хорошо пела, читала вслух стихи, мечтала петь в оперетте... Но пока — очень нужна авиационному заводу, она — управделами завода. Оборонные предприятия подлежали эвакуации в первую очередь.

Эвакуация случилась в августе. Следует напомнить — о необходимости подготовки плана эвакуации на случай войны к И. Сталину обращались еще в сороковом. Но на одном из обращений он начертал — на случай войны подготовить план эвакуации ЦК и Совета Народных Комиссаров.

Завод эвакуировался в Новосибирск. И отчетливо всплывает в памяти: товарный вагон, нары нижние и верхние, внизу — женщины и дети, наверху — мужчины. Долгие остановки. Успевали набрать на станции кипяток. Поезд наш длинный-длинный, а до заветного крана с кипятком порой неблизко, да еще очередь. Да, остановки долгие — на запад идут поезда к фронту, их надо пропускать в первую очередь. До Новосибирска добирались недели две. Казалось, вся страна состоит из бесконечных железных дорог, бесконечных поездов...

В конце войны У. Черчилль скажет, что главное сражение было нами выиграно на железной дороге — грандиозной эвакуацией предприятий.

В Новосибирск были эвакуированы еще Московский, Ленинградский и Днепропетровский авиационные заводы, все авиазаводы объединили с Новосибирским авиазаводом им. Валерия Чкалова и передали под идейное руководство талантливого авиаконструктора Александра Сергеевича Яковлева. И началась стремительная разработка, и почти одновременно — выпуск самолетов серии Як, истребителей и истребителей-бомбардировщиков, обеспечивших в содружестве с самолетами МиГ и Ла завоевание небесного пространства.

Авиазавод стал нашим родным домом — старался обеспечить и быт сотрудников. Эвакуация происходила так внезапно, так второпях, что многие, как и мы, смогли прихватить с собой только кружку, ложку, какую-то мисочку, что-то из одежды...

Завод обеспечил жильем — по комнате каждой семье в подведомственных домах, из отходов штамповал для сотрудников всяческую посуду, простейшую мебель. Дети были особой, душевной заботой — и дети сотрудников, и дети из подшефного детского дома. А новогодние детские праздники с большими украшенными елками, с подарками проходили одновременно, в общем коллективе: и дети сотрудников, и дети детского дома. И конечно, завод организовал и детский сад для детей сотрудников.

Но главное — героический, подвижнический труд всего коллектива завода. Об этом много сказано, но я был свидетелем и буду постоянно напоминать об этом. И могу подтвердить, что в тылу складывалась настоящая фронтовая дружба.

* * *

«Идет война народная... Все для фронта! Все для Победы!» — эти слова из репродукторов и на плакатах наполняли мужеством сердца.

Мама работала секретарем главного инженера, полковника Артема Тер-Маркаряна. (Как правило, в годы войны директорам больших оборонных предприятий присваивалось звание генерала, главным инженерам — полковника.) Секретарь и директора, и главного инженера была ответственной должностью. Мама отслеживала график сотрудничества и поставок с заводами-смежниками, направлялась туда для решения вопросов, иногда ей приходилось «забросить» меня в эмку и везти с собой до соседнего небольшого города. Шофер вел машину энергично, но порой добирались за два-три часа...

Иногда мама возвращалась на завод вместе со мной. Картины самолетов в сборочном цехе, в ангаре, на взлетно-посадочной полосе (ВПП) волновали детскую душу и навсегда запечатлевались в детской памяти.

Потом я узнал, что ВПП завода строили в лютую зиму сорок второго политзаключенные наших тюрем. Сроки были военные, и секретарь Новосибирского обкома Василий Иванович Кулагин привез ящик водки и обратился к заключенным со словами: «Дорогие товарищи! Мы делаем одно общее дело...» Так никто их не называл, самое уважительное — по номеру на одежде... ВПП вступила в строй досрочно...

К 1943 году только истребителей-бомбардировщиков Як-9 выпускалось в день по 30 самолетов (это — авиаполк). Прилетали военные летчики и уводили их на фронт. Каждый день. Сколько погибло самолетов! А наших молодых парней-летчиков!

Приходили похоронки и сообщения о без вести пропавших родных. В бело-серых конвертиках на полупрозрачной папиросной бумаге. Без вести пропал мой дядя — десантник Abram Наумович, родной брат мамы. Бабушка Сара Марковна, получив такой конверт и клочок папиросной бумаги, зарыдала. Но в конце войны дядя нашелся (его оживляли по разным госпиталям, следы затерялись). Бабушка от этого сообщения упала в обморок.

Бабушка жила с нами. Она вырастила меня в войну, ведь мама работала в день по 12—16 часов, обеспечивала связь дирекции с Москвой, порой впересменку с секретарем директора-генерала Раей.

В Новосибирск, в предчувствии блокады Ленинграда, было эвакуировано еще одно предприятие — часть Института прикладной физики (НИИ № 34), занимавшегося созданием радиокомпонентов. Отец, разобравшись с возможностью разработки новой танковой радиоаппаратуры на Урале, доложил в Москву: задачу можно выполнить только на ранее поставляемых в Россию из Германии элементах фирмы «Siemens». И отец

был направлен в Новосибирск, в НИИ № 34, который и был нацелен на выполнение труднейшей задачи — обеспечить радиоэлементами новую танковую аппаратуру.

Отцу удалось быстро наладить разработку и производство конденсаторов, резисторов и аппаратуры для танков.

Завод отца был недалеко от дома, и отец иногда, когда я стал постарше, приводил меня на завод. Весь заводской двор был заставлен танками, в которых монтировали новую аппаратуру и тут же отправляли на фронт. В цехе-лаборатории отца, да и в других подразделениях — персонал исключительно женский, и только механик — мужчина. Я хотел хоть в чем-то помочь. Мне отводили рабочее место для сборки слюдяных конденсаторов, и я, словно играя в кубики, складывал поочередно тонкие листики фольги и слюды, до 100 штук в сборке, тщательно перевязывал белой ниткой и передавал дальше опытным работницам на сооружение выводов и заливку герметиком. Такова поначалу была механизация.

Но больше всего я любил бывать на авиазаводе, в просторных высоких ангарах, где гордо стояли самолеты, уже готовые к тому, чтобы стать другом прилетевшего за ним летчика.

* * *

Переломный сорок третий... Мне уже шестой год.

Черно-белая фотография. Елка в детском саду авиазавода. Новогодний праздник. Елка наряжена стеклянными шарами, пиками, хлопучками, силуэтами зверей из разноцветной фольги. Игрушки тоже изготовлены на заводе из отходов производства (некоторые игрушки той поры сохранились, ими дорожу).

На переднем крае у елки трое ребятшек, играющие персонажей из сказки «Три поросенка». Светлые (наверное, розоватые) комбинезончики, шарфики бантом и черные шляпы-котелки. Руки у детей согнуты в локтях, подняты над плечами. Крайний справа — это я, хорошо, контрастно получился. Выражение лица очень наивное, нежное. Темные глазки, взгляд выдают и характер — очень доверчивый, порой до наивности.

В период разгула перестройки 90-х, когда в «оборонке» зарплату не платили, многие сотрудники бросились в торговлю, в предпринимательство. Мне также предлагали возглавить некоторые АО, но жена отнеслась к этому отрицательно, с улыбкой любящей женщины сказала: «Посмотри на это фото. Выражение лица не изменилось, такой же наивный, доверчивый. Тебя любой обманет».

Но пока еще война... И елка в детском саду. Детям были подарочки от Деда Мороза в виде двух конфеток под елкой. Но мне конфеток не хватило. Я тихо заплакал. Заведующая начала разбор ситуации, оказалось, что две конфетки прикарманила одна из воспитательниц. Воспитательница расплакалась, вернула конфетки... Наверное, уволили — больше я не видел ее. Теперь, через много лет, мне стыдно, и я сожалею, что поднял шумиху из-за конфеток, надо было промолчать — ведь у нее тоже, наверное, были дети. Но я-то был ребенком...

Переломный сорок третий... И встреча Нового года для взрослых в нашей комнате метров двадцати, где живут мама, папа, я и бабушка. И главный тост, конечно, за скорую Победу. И главный гость — прямо с фронта в краткую командировку приехал друг детства отца майор Александр Давыдович Крутянский, главный связист одной из армий.. После войны Александр Давыдович, окончив Артиллерийскую академию в Ленинграде, станет полковником и будет работать доцентом на кафедре в той же академии.

С нами в Новый год подруга мамы Клава и киевские друзья-сослуживцы Лиза и Иосиф, дядя Сеня, так я его всегда называл, — это была уже дружба на всю оставшуюся

жизнь. Лиза и Иосиф после войны работали в Москве, в конструкторском бюро вертолетов знаменитого Миля (создателя серии вертолетов МИ, выпускаемых до сей поры). Когда я учился в аспирантуре в Москве, я частенько останавливался у них. Таким другом был и дядя Сеня, он остался работать в Новосибирске, был очень уважаемым начальником отдела в конструкторском бюро авиационного завода. С нами еще Константин Николаевич Мицкевич — авиатехнолог из Ленинграда, красивый крупный мужчина. В 37-м его арестовали в общем потоке специалистов, но с началом войны выпустили и прислали в Новосибирск на завод. В дальнейшем он вернется в Ленинград и будет также работать авиатехнологом.

Война еще идет, но уже на переломе. Настроение приподнятое, оптимистичное. И главный тост: «За скорую Победу, за Победу!» Не помню, чтобы было шампанское или вино. Скорее всего, отмечали разведенным спиртом, его на заводе было много. Не помню тоста за вождя, хотя и это, наверное, было. И. Сталин зорким взглядом наблюдал за всеми с многочисленных портретов на заводе. Вождя чтит и мама, и папа. У нас был прекрасный портрет — И. Сталин прикуривает трубку. Такой портрет подарил «Сам» Александру Сергеевичу Яковлеву, он подарил копию директору завода генералу Лисицыну (не помню и. о.), а мама сотворила копию для нас. Конечно, многого мы тогда не знали. И жили только с мыслью о Победе.

Мы не знали, что вождь-диктатор расстрелял накануне войны выдающихся полководцев Красной армии на основании признательных показаний, выбиваемых под жестокими пытками, уволил из армии и репрессировал десятки тысяч кадровых офицеров. Мы не знали: в то время как наша армия, преодолевая жестокое сопротивление врага, движется на запад, — на Дальний Восток идут поезда с арестованными НКВД нашими солдатами и офицерами, бежавшими из фашистского плена и героически добравшихся до своих частей, до партизан... Мы не знали, что мама героя, летчика-аса Александра Ивановича Покрышкина, в Новосибирске, родине героя, каждый день выходит встречать эти поезда в надежде получить от сына весточку. Ведь у военных аэродромов не было почтовых отделений, а дислокация их была секретной. И порой Ксения Степановна получала эти драгоценные письма...

* * *

Предпобедный — сорок четвертый. Черно-белое фото. Александр Иванович Покрышкин — на ВПП авиазавода у новенького Як-9 в окружении летчиков и заводчан. Герою дали краткий отпуск — слетать на родину, в Новосибирск, повидаться с мамой.

У деревянного домика Ксении Степановны собралось множество новосибирцев, в том числе и я с бабушкой, но мы стояли далеко, и нам не было слышно героя, вышедшего на крыльцо. Речь была короткой, он приветственно помахал рукой и ушел. Конечно, устал после перелета.

Но вот я увидел героя совсем близко. Александр Иванович приехал в пионерлагерь завода, а мне и еще одной девочке (самым младшим в лагере) было поручено «принять» героя в пионеры. Мы взобрались на небольшую трибуну с разных сторон и вручили Александру Ивановичу красный пионерский галстук. Подошла пионервожатая и повязала ему этот галстук. Александр Иванович подхватил нас своими сильными, уверенными руками аса, сошел с трибуны и поставил на землю.

Когда я стал серьезно заниматься авиацией, интересоваться психофизикой пилотов, я прочел книгу Покрышкина «Познать себя в бою». В книге портреты Александра Ивановича — учащийся школы ФЗУ, курсант школы авиатехников. Паренек из рабочей семьи, очень интеллигентной внешности, с умным пытливым взглядом.

В нем объединились инженерный ум и смелость летчика. Он умел по секундам в уме рассчитывать времена атаки и стрельбы, учитывая скорость, расстояние, секунды от зрительного обнаружения цели до срабатывания штурвала и бортового орудия.

В нашу автоматизированную эпоху этот расчет ведут бортовые вычислители, а тогда умение летчика за секунды решать тактическую задачу обеспечивало неуязвимость самолета. Тогда и родилась его знаменитая формула победы: «Высота — скорость — маневр — огонь!». Образ умелого и смелого аса, способного, рискуя неприятностями от начальства, нарушить стандартные устаревшие инструкции по ведению боя и не изменяющего совести в непростое время после Победы, до сих пор волнует мою романтическую душу.

* * *

Но война еще длится. И длится военный быт мирных жителей.

Передо мной две чудом сохранившиеся детские книжки с дарственной надписью от мамы. На сероватой бумаге, с черно-белыми иллюстрациями. Государственное издательство детской литературы, 1943 год, Москва—Ленинград. Одна книжка — Михаил Пришвин «Лисичкин хлеб» (в детстве эти рассказы о природе, о животных были очень любимы детворой). Другая — сборник народных сказок, разных народов нашего тогдашнего Отечества: русские, украинская, белорусская, латышская, казахская, калмыцкая, осетинская, азербайджанская. В дни грандиозных сражений страна не забывала о своих детях!

Все новости-сводки Совинформбюро доходили только по репродуктору трансляционной сети. (Радиоприемники были запрещены, электророзетки запечатаны. Нарушение секретности каралось.) Все сводки о положении на фронтах редактировались в Кремле, реальные события приукрашивались, о сдаче городов сообщалось только через несколько дней, о сдаче Киева не сообщали. О гигантских потерях узнавали от вернувшихся фронтовиков-инвалидов, отвоевавших навсегда.

Жизнь поддерживалась продуктовыми карточками, весьма скудными. Ложка отваренной лапши на ужин — уже хорошо! Масло, молоко покупали у местных крестьян, привозивших продукты во двор нашего дома, что-то покупали на рынке. Для выращивания овощей завод раздавал сотрудникам небольшие участки земли, в основном, помню, для картофеля. В конце лета картофель выкапывали и собирали. В квартире был шкаф-овощехранилище с отсеками для картофеля разного размера. Шкаф загружался сверху, а снизу были небольшие дверцы, через которые при открывании картофель вываливался под давлением.

Конечно, продуктов не хватало. Топленое масло покупали у крестьян, они его черпали из большой канистры (или ведра), перекладывали в нашу тару — бидоны, банки. Увы, Отечество в опасности, но и здесь встречались порой свои жулики: масло разбавляли водой, потом оно отстаивалось и разделялось на две фракции — воду и масло. Масло можно было пробовать при покупке, и я научился по вкусу сразу понимать, что масло разбавленное. Вскоре бабушка убедилась в правильности моих показаний. Даже соседи неоднократно просили «взять пробу» для них.

Где-то был и рынок, бабушка порой направлялась и туда. А чем платили? Цены были высокие по сравнению с зарплатами. Кто-то обменивал вещи, но у нас ничего не было для обмена. Бабушка занялась мелким предпринимательством. Большой дефицит был в металлических перышках, 86-х (так они прямо и назывались 86-е). Тогда ведь еще не были широко распространены авторучки с чернилами, о возможности шариковых и не подозревали. Были вставочки — деревянные стерженьки с металлическим держателем

под вставное металлическое перышко. Чернила заливались в чернильницу-непроливайку, куда перышко обмакивали. И вот у секретариата (мамы и ее подруги Раи, секретаря директора-генерала) таких перышек было в избытке, получить их не представляло труда. И бабушка обменивала эти перышки на продукты. Сейчас об этом вспоминаю с улыбкой, а тогда...

Для детей выдавали на заводе ириски из гематогена (для поддержания витаминного обмена). По ленд-лизу от США поступала тушенка. И это было большим подспорьем. Поступала и одежда. Я до сих пор помню доставшийся мне американский костюмчик — курточка и короткие штанишки светлого фона в синюю тонкую полоску.

Прилетавшие за Яками пилоты порой дарили маме плитку шоколада, и она была, увы, только для меня, хотя в то время я об этом не знал. Знал только, что получаемый по карточкам кусковой сахар-рафинад предназначался также только для меня.

Ах, эти шоколадки! — помнятся всю жизнь, столь это было редко. А пончики! О, это было только один раз — в поездке в Бердск к другому генералу, директору завода-смежника...

* * *

Начался победный 45-й. В начале года лабораторно-производственные отделения института № 34 перевели обратно в освободившийся от блокады Ленинград и соединили с оставшейся частью института. Отец, добившийся за время войны больших научно-производственных успехов, был включен в состав возвращающихся. У нас сохранились тоненькие, на серой бумаге брошюры последних лет войны, выпущенные коллективом новосибирской части института. В них — сообщения о научных результатах, выявленных в процессе текущей производственной работы на оборону. Научная мысль не погибала и в войну.

В Ленинграде у нас не было жилья, и где будет жить отец, не было известно. Мы оставались пока в Новосибирске. Мама и бабушка хотели бы вернуться в Киев. Но отец после победы в Сталинградской битве вступил в Коммунистическую партию, именуемую тогда в сокращении — ВКП(б), и подал заявление на фронт добровольцем в танковые части. Партком и дирекция отклонили просьбу: «Вы нужны здесь, вас заменить некем». И теперь от Ленинграда как коммунист он не имел право отказываться.

Уже к этому времени стало известно, что его отец, мой дедушка Соломон, живший в Виннице, был расстрелян немцами. Очевидцы, не евреи, рассказывали: «Он, высокий, статный старик, шел под фашистским конвоем, гордо и спокойно». Мама отца, моя бабушка, уцелела — летом 41-го она уехала в Москву к дочери Ане (муж Ани Абрам Шапиро был кадровым военврачом и в это время служил под Москвой, потом прошел всю войну, вернувшись полковником).

Погибшие родные, разоренные семьи, сожженные города и села! Святое чувство местности призывало русских и евреев, украинцев и белорусов к расплате с врагом... И отец был в их числе, он стремился воевать в танке, оборудованном аппаратурой, где был и его вклад.

* * *

Победа! Об этой долгожданной святой Победе мы узнали 8 мая. Сообщили на завод из Москвы — подписана капитуляция. Мама, дядя Сеня и тетя Клава пришли вечером к нам домой, мама обняла меня и бабушку: «Победа!» И «праздник со слезами на глазах»!

А 9-го днем по главной улице Красному проспекту текла полноводная народная река. На заводе был первый выходной день. Шли все работники завода, вместе с мамой — и бабушка, и я. На центральной площади, площади Свердлова, была трибуна, и перед новосибирцами выступал секретарь обкома Кулагин. Он много сделал для завода, для новосибирцев, это он назвал политзаключенных товарищами. Победа была — одна на всех!

Великая Отечественная! Она осталась во мне навсегда, и с годами все ярче, все сильнее память. Все больше раскрывается тайн войны, узнаем о не отмеченных наградами героях — связистах, пехотинцах, летчиках, о «забытых» генералах...

Победный год, 1 сентября, я — первоклассник. Было еще голодно, в школе кормили завтраками: булочка, чай, бумажный пакетик с горошинками-леденцами. Я пил чай с булочкой, а кулечек с леденцами прятал в ранец. Учительница Софья Анисимовна удивилась: «Почему ты так делаешь?» — «Это для мамы, она пьет чай вприглядку, а сахар отдает мне». Маму вызвали в школу. Она в испуге прибежала: «Что случилось?» И Софья Анисимовна маме: «Я хотела познакомиться с мамой, у которой такой заботливый сын».

В Новосибирске появились бригады пленных фашистов, работали на стройках. Были они и в нашем дворе. Ветхие шинели, изношенная обувь, поникшие, изнуренные судьбой, привыкшие к плотным германским пайкам, — голодные. Один из пленных, худой, бледный, изможденный, как-то подошел ко мне. «Ганс», — указал он на себя, снял с пальца невзрачное, позеленевшее кольцо, протянул мне. Говорил понятно по-русски: «Попроси у мамы хлеба». Мне было жалко его. Я взял кольцо, побежал к бабушке. Бабушка вздохнула, но отрезала ломоть от «карточной буханки». Кольцо не взяла: «Верни, мы не добываем пленных!»

У немцев был перерыв, они сидели на бревнах с кружками воды. Ганс с благодарностью схватил хлеб, жадно ел, запивая водой. Я протягивал еще кольцо. Он взял кольцо, заплакал, погладил меня по голове. Я помню отчетливо (по смыслу) прозвучавшее почти правильно по-русски, но с акцентом слова: «Если бы мы не убивали евреев, мы победили бы... Ты еврей, мальчик?» Я не знал, что ответить, не знал, что я еврей. Мне никто об этом не говорил — ни во дворе, ни в школе. Мы все говорили по-русски. И я не мог Гансу тогда сказать: «Поэтому мы и победили, мы все были одной национальности — советской!»

Это потом, через пять лет, мне будут частенько напоминать о том, что я еврей... Увы, чувство высоты, которое народ набирал за время войны, к концу войны утрачивалось руководством, людоедские наклонности вождя разрастались — продолжались истязания попавших в плен советских военнослужащих, геноцид чеченцев и других неудобных народов, ограничения в боевых наградах по национальности, потом — «борьба с космополитами»... В мирной жизни, оказалось, тоже необходим героизм.

В 45-м дядя Сеня подарил мне на день рождения книгу «Крылья Родины», об истоках и развитии авиации в России с давних времен, о первых самолетах, о пилотах. Я доложил этой книжкой, потом передал сыну (он тоже станет авиатором). «Крылья Родины» — такое поэтичное словосочетание — в нем и поэзия, и высота, и Родина. По-видимому, его впервые произнес автор — Лев Гумилевский. С 50-го начал выходить журнал под таким же названием о проблемах авиации. Прижилось! Эти два слова в своем сочетании всегда в моей памяти и сознании, они зовут к высоте и небесной, и духовной.

Как-то, наполненный впечатлениями от выходящих на ВПП Яков и управляющих ими летчиков в кожаных шлемах, я сказал маме: «Хочу быть летчиком». Мама посмотрела на меня очень серьезно: «Может быть, лучше авиацинженером?»

* * *

В 47-м мы приехали к отцу в Ленинград, и я навечно стал ленинградцем-петербуржцем. Жили в институтском доме, в комнате 12 кв. м, вчетвером. Вскоре отца послали в Германию, вывозить из нашей зоны документацию заводов фирмы «Siemens». Здесь и пригодились его знания как военного переводчика.

В 49-м у меня родился брат, он спал в корыте, поставленном на табуретку. Постепенно институт по возможности расширял нашу площадь. В квартире жил сотрудник института, больной открытой формой туберкулеза. У меня случился от контакта бронходенит. В легком остались спайки на всю жизнь.

После окончания школы в 55-м это стало причиной, по которой у меня не приняли документы в Академию гражданской авиации. Но высота звала! «Может, лучше авиационным инженером?» — вспоминал слова мамы. Золотая школьная медаль обеспечивала мне поступление без экзаменов, однако в Институте авиационного приборостроения мягко и сочувственно отказали: «Вам лучше в другой институт, а на авиацию сможете работать». Я поступил без экзаменов (но с собеседованием) на физический факультет Электротехнического института.

Высота, высота! Ах, как я представлял себя пилотом гражданской авиации, в шикарнейшей небесно-голубой форме. И не скрою — как мне нравились стюардессы! Они представлялись мне божественными созданиями, парящими в высоте.

Но моя стюардесса, бортпроводница на траектории моей жизни, на траектории моей судьбы, встретила в нашей группе на физическом. Она явилась в школьном голубом платье с кружевным воротничком — Галочка Иванова, красивая девочка, блондинка, с примесью греческой крови.

Я все же набрал свою высоту — работать на авиацию в одном из институтов военно-промышленного комплекса, решать задачи взлета, навигации, посадки летательных аппаратов, гражданских и военных — для моря, для неба, для космоса. И делал это весьма успешно — я ведь не только инженер-физик, но (по военной кафедре) и офицер ВМФ, специалист по радиолокации и гидроакустике. Указом Президента Российской Федерации в 2006-м мне присвоено звание «Заслуженный изобретатель РФ»...

«„Чайка“, „Чайка“! Я „Орел“!» — эти позывные между летчиком и руководителем полетов при посадке самолета на авианосец до сих пор звучат во мне. Но при полетах на гражданских воздушных судах ощущаешь другое. Как на подлодке — если экипаж погибает, то все...

Я лечу рейсом Барселона—Петербург, на ТУ-154. Лечу в кабине пилотов, с целью проверить, еще раз продумать мои идеи — повысить точность посадки относительно средней линии ВПП. Экипаж — четыре человека: первый и второй пилот, штурман, бортинженер. Красивые дружные мужики, фронтовое мирное братство.

Со мной в кабине Юра Сорокин — инспектор на международных воздушных линиях, контролирующий знание экипажами специализированного авиационного английского языка. Тренажеры для обучения авиаторов этому языку разработаны при участии моего сына Бориса. И казах, и китаец, и русский, и испанец — все авиаторы мира должны хорошо понимать друг друга на этом специализированном языке.

Пилот получает разрешение на взлет и прощается с авиадиспетчером: «Гуд бай, Барселона тауэр». И вот мы набираем высоту 9000 м, пролетаем практически всю Европу: Марсель, Женева, Прага...

Какая маленькая наша планета — все так близко. Вспоминаю Экзюпери: «Как хорошо прибран мир, когда глядишь на него с высоты 3000 метров». Но теперь высота

увеличилась, мы над светло-голубым морем облаков, над нами только солнце. Может быть, солнце — это и есть наш Бог? Но вот снижаемся, уже вижу вечерние огни нашего маленького, хорошо прибранного мира. Вот и родной Петербург, ворота порога ВПП в зеленом очертании светодиодов. Да, идея правильная! Приземляемся, выпускаем шасси, пробег по ВПП, аплодисменты пассажиров...

Как хорошо мы, авиаторы, понимали друг друга в небе, люди разных национальностей и разных стран. Зачем же нарушать нашу идиллию? Высота, высота!

* * *

Авиация спасла меня! Траектория моей жизни, пусть с разными угрозами и препятствиями, но освещенная мощным лучом военного детства, пролегла без смертельных аварий. «Умерла бабушка — кончилось детство, умер отец — кончилась юность, умерла мать — началась старость». Ушла в вечную высоту и моя родная стюардесса и ожидает там встречи со мной. Но моя старость еще не наступила, и хотя уже не отправляюсь в испытательные полеты, еще работаю на авиацию, до сих пор главный специалист авиационного института, среди приятных, интеллигентных коллег. «То взлет, то посадка...» И когда траектория судьбы выведет меня на последнюю посадку и мотор сердца начнет угасать — он успеет отдать душе приказ: «На взлет! На взлет!»

Дмитрий ЛЕНСКИЙ

* * *

Не проси у сильного дать совет,
не проси у слабого дать займы,
если есть возможность — иди на свет,
все дороги к свету ведут из тьмы!
Отпусти обиженных — пусть идут,
не простили, стало быть, не судьба,
все обиды скручены в жесткий кнут,
из царя способный соткать раба.
Не тревожь умершего — просто чти —
и прости оставивших в сложный миг,
потому как всяк на твоём пути
что-нибудь свое для себя постиг.
Не жалею о прожитом — все прошло,
все дается нам в самый нужный час,
позади — темно, впереди — светло,
и, возможно, Бог все же любит нас...

* * *

Вот зачем это нужно скажи:
мониторить соцсеть неуклюже,
прятать на ночь ключи и ножи,
понимая, что больше не нужен?
И не ты, а тебя навсегда
зачеркнули, как слово с помаркой,
тридцать первое, снова среда,
барахлит на плите кофеварка,
и пейзаж за окном, как эскиз:
деревенька в саврасовской краске,
и по снежной дорожке киргиз
что-то пишет метлою дамасской.

* * *

Стена, окно, в окне вечерний свет,
акация рисует силуэт
большой засохшей веткой на дорожке,
и сколько лет, ах, знать бы, сколько лет
никто не подходил во тьме к окошку.

Дмитрий Сергеевич Ленский родился в 1976 году в Донецке (Украина). Окончил Литературный институт им. Горького. Публиковался в журналах «Юность», «Дети Ра», «Новая Юность» и др. Живет в Одинцове.

А раньше как? А раньше было так:
фланелевые сумерки накроют,
распугивая кошек и собак,
он приходил с курчавой головою,
лежал, шептал все ночи досветла,
от слов казалось жарким все на свете,
в окно стучалась юная ветла,
а ей мечталось, что стучатся дети.

* * *

Самый короткий из месяцев — длинный февраль,
моет то снегом, то ливнем витражные рамы
в старом, разрушенном временим божием храме,
рядом с которым гудит, как пчела, магистраль,
серая маковка и накренившийся крест,
ветер бубнит по углам наизусть из Псалтыри,
необжитое пространство становится шире,
более хищным, и кажется, всякого съест.
Те, кем намолено было, ушли далеко,
их имена позабыты и людом, и Богом,
кладбище старое на косогоре пологом
медленно входит могилами в озерко.

* * *

Мне кажется, я больше не любил
так никого — ни до тебя, ни после —
с твоим уходом я лишился сил,
и стал слабей, и даже меньше ростом,
и просто жил: зима, весна, зима,
весна, зима, зима, весна как будто...
ветшали только куртки и дома,
и дорожали водка и валюта.

* * *

В краю набухших окон от дождя,
в краю товарняков, бегущих мимо,
так хорошо не видеть, уходя,
тебя с другими.
Гудит стрелой взведенной серой МКАД,
и эсэмэска, нужная стократ,
чем воздух, не прорвется из-за связи,
смирившись с неизбежностью утрат,
мой силуэт уходит долговязый
по улицам, защелкнутым в квадрат.
И город М* дождем к холмам привязан,
а кажется — подвешен и распят.

Салават КАДЫРОВ

* * *

Я на все руки
Жить на свете мастак,
На язык со скуки,
На желудок кое-как,
На сердце восторга,
На глаза любви
До крика немного
На болячки свои,
Я радости с грехами
На счастье терплю.
И всеми потрохами
Жить на свете люблю!

* * *

Ветреная голова,
Языковые слова,
Выплюнутые на бегу —
Смешные, на «ржунемогу».
Лысая башка,
Сердечная тоска,
Желудочная любовь,
Носоглоточная кровь.
Жизнь — это головняки,
Чтобы жить ее с руки!

* * *

Приходил снег,
И метель заходила,
А маленький человек —
Зимних забот заводила
С лопатой наперевес —
Кинулся чистить окрест,
И снег белый-белый
Кидал человек умелый
И подумал, зайдя в дом,
О чем-то светлом своем.

Салават Мухаррамович Кадыров родился в 1951 году в д. Кунакбаево Челябинской области. Публиковался в журналах «Урал», «Нева», «Волга», «Крещатик», «Дети Ра», «Зинзивер», «Журнал ПОэтов» и др. Автор двух книг. Лауреат премий журналов «Зарубежные записки», «Футурум Арт» и газеты «Поэтоград». Член Союза писателей XXI века. Живет в г. Верхний Уфалей.

* * *

Не доверяя МРОТу,
Его призывным «держись!»
Я маленькую прошу льготу
На самую обычную жизнь,
На кусок ломкого хлеба,
Любимые макаронки из воды,
На солнце ясное, небо
Молча помолиться от беды,
На какие-нибудь лекарства,
Какие позволит сам МРОТ,
Но мое скупое государство
Пристально смотрит в рот!

* * *

Да здравствует КПРФ,
звучит как блеф!
Слава ЛДПР,
но не тот размер!

«Единая Россия» —
наша рулевая,
как игра ролевая!
«Справедливая Россия» —
народ и партия едины,
как граждане в магазине!

Что ни делай — будет КПСС,
вечный партийный процесс!

* * *

Я всегда в онлайн
Дома, на мониторе двора,
Можете меня лайкнуть
С пожеланиями добра,
Скосить траву за баней,
Заполонила, просто капут.
Соседскую козу забанить —
Ни рогов ей, ни копыт!
Ляпнуть, ну ты — ноги гнуты,
А я в онлайн всегда готов.
Хочу гулять лайканутым,
Пугая окрестных котом!

Дмитрий БИРМАН

РАССКАЗЫ ИЗ ДЕТСТВА

Дядя Леня

Лет с пяти, когда мы, взрослые пацаны из песочницы, стали определяться планами на будущее, у меня уже было совершенно четкое представление, кем я хочу быть.

Сергея мечтал о фуражке с кокардой, толстому Женьке снилось, как он продает мороженое, Колян говорил, что уже умеет ездить на машине, а я... я хотел быть дядей Леней!

Дядя Леня поселился в доме напротив за месяц до моего пятилетнего юбилея и сразу полностью завладел моим вниманием.

В нашем унылом микрорайоне, полном серых панельных домов и не улыбчивых людей в серых пальто, появился сказочный герой.

Ярко одетый, вызывающе красивый и какой-то... свободный.

Конечно, все это я осознал не сразу, но сразу же захотел быть таким же.

Лет в семь я понял, что он работает врачом, потому что папа однажды, когда мы, гуляя, встретили дядю Леню, спросил его о средней температуре по больнице.

Смысл вопроса мне стал понятен много позже...

Однажды мы с друзьями решили препарировать (в то время, правда, я такого слова не знал) дохлую лягушку. Колян положил ее на лавочку, а толстый Женька принес из дома кухонный нож. Стояли мы, смотрели на нее, а решиться не могли. Вдруг подошел дядя Леня, взял из потной, толстой Женькиной руки нож, в два-три взмаха сделал из лягушки демонстрационный материал и ушел. Мы были в шоке, Женьку рвало, а Серега добил нас неведомым словом: «Хирург!»

Так вот, я не хотел быть хирургом, как дядя Леня. Я хотел стать дядей Леней-хирургом!

Лет в двенадцать я окончательно убедился в правильности своего выбора, потому что увидел, как моя мама, здороваясь с ним, чуть сморщила нос. Она всегда делала так, когда ей не нравилось мое поведение, и, конечно, дядя Леня стал просто моим кумиром!

В четырнадцать я дико завидовал джинсам «Вранглер», которые были в нашем микрорайоне только у него. А с каким шиком он ходил в чуть сдвинутой на лоб фетровой шляпе!

Дмитрий Петрович Бирман родился в 1960 году в городе Горьком (ныне Нижний Новгород). Окончил Горьковский инженерно-строительный институт, работал на стройках города. Литературной деятельностью занимается с юношеских лет. Член Союза писателей России. Автор нескольких книг прозы и поэзии, изданных в России и за рубежом. Произведения автора печатаются в периодических изданиях, журналах, альманахах, сборниках издательств «АСТ» и «Эксмо». Лауреат различных литературных премий и конкурсов — им. Н. Рубцова, «Писатель года», им. Э. Хемингуэя, «Писатель XXI века» и др. Организатор Международного литературного фестиваля имени Максима Горького. Живет и работает в Нижнем Новгороде.

В шестнадцать я, прыщавый юнец, вдруг понял, что дядя Леня просто красавец!

Высокий, широкоплечий, с сильными руками и уверенной походкой, а рядом очередная красотка. Надо сказать, что этот мужчина с большими серыми глазами, смуглой кожей, тщательно постриженными усиками и гривой густых черных волос, конечно, привлекал внимание женщин. Правда, по какой-то неведомой мне тогда причине дольше трех-четырех месяцев они с ним не оставались. Было это, конечно же, постоянной темой для разговоров микрорайонных бабушек, раздражителем для наших мам и предметом зависти наших пап.

В общем, человек-загадка был моим идеалом. И моей тайной. Никогда и никому я не рассказывал о своей мечте.

После окончания школы папа настоял, чтобы я пошел в строительный институт, по его, так сказать, стопам. Я не возражал, потому что знал — не поступлю, буду дядей Леней-врачом.

Поступил. Но как-то так получилось, что дядя Леня стал для меня... запасным вариантом.

Ну, например, на первом курсе обиделась на меня Светка и перестала разговаривать, а я думаю себе: «Да и ладно, вон дядя Леня каждые три месяца женщин меняет».

Или на втором половина группы в джинсах, а у меня нет — так не беда, хожу себе в папиной фетровой шляпе, чуть сдвинув ее на лоб, как дядя Леня.

В общем, жил я себе с это палочкой-выручалочкой, институт окончил, в другой город по распределению уехал, потом женился, потом мир вокруг стал совершенно другим, бизнес-шмизнес и т. д. и т. п.

И вот мне уже за пятьдесят, и папы, увы, нет, ладно мама, слава богу, жива. Сидим мы как-то у нее, чай пьем и учебу мою в институте вспоминаем. То да се, и тут я про дядю Леню спросить решил.

— Слушай, мам, а помнишь, дядя Леня в доме напротив нашего жил, ты все морщилась, когда с ним здоровалась, а папа про среднюю температуру по больнице спрашивал?

— Конечно, помню, — отвечает мама, — красавец мужчина...

— Так чего же ты морщилась? — спрашиваю я.

— Понимаешь, сынок, все же надо иметь особенное свойство психики и характера, чтобы работать патологоанатомом...

Я ехал домой в автомобиле, медленно и без музыки, с полным ощущением того, что жизнь прожита зря...

А потом прибавил газу, включил «Русское радио» и улыбнулся, радуясь, что так и не стал дядей Леней!

Горелый

Он всегда возвращался домой в шесть часов вечера. Шел не торопясь, сутулый, ростом с пятнадцатилетнего пацана. Иногда он что-то напевал или бормотал. Черные без седины волосы зачесаны назад, черный костюм и белая рубашка без галстука. Соответственно сезону добавлялось черное демисезонное пальто с черным шарфом или черное зимнее пальто с черной кроличьей шапкой. Да, — еще перчатки! Вне зависимости от сезона он носил черные перчатки.

Мы, первоклашки, счастливые родители которых получили квартиры в новом микрорайоне, практически жили на улице, где нас интересовало все и вся.

Сначала мы называли его «Черный Человек».

Пару раз кто-то из особо смелых ребят пытался с ним заговорить, но он молча (по-прежнему не спеша) шел и что-то бормотал. Когда мы стали постарше, то стали пони-

мать, что Черный Человек всегда был... выпивши. Именно выпивши. Мы, десятилетние пацаны, стали презирать его и называть «Горелый».

Дело в том, что все его лицо было обожжено.

Узкие щелки глаз без ресниц, ввалившийся нос, бесформенные губы. Страшная маска вместо лица. Совершенно невозможно было понять, сколько же ему лет.

Горелый жил в доме напротив. Зимой мы кидали в его окно снежки и ждали, отодвинет ли он занавеску. Нам было интересно посмотреть, в чем он ходит дома, так как мнения разделились. Сенька Стукин говорил, что Горелый носит дома черный халат, а Миха Лягин утверждал, что Горелый дома ходит голым. Кто из них был прав, мы так и не узнали. Окно всегда было наглухо занавешенным. Даже летом.

Лето. Чудесная пора каникул. Те, чьи родители могли себе позволить поездку к морю, возвращались загоревшими и давали приложить к уху раковину, хотя бы послушать, как оно шумит.

Те, у кого были бабушки и дедушки в деревне, возвращались с толстыми щеками и угощали яблоками.

Я же относился к той категории, которая проводит месяц в школьном пионерском лагере, а два оставшихся просто шатается по городу.

Середина июля. Мне двенадцать лет, и я с такими же оболтусами, которым некуда было податься, тайно (родители не разрешали категорически!) съездил искупаться на Волгу и первым (мама приходила с работы в шесть вечера) вернулся домой. В ожидании ужина я сидел на лавочке и просто смотрел по сторонам. Вдруг я увидел Горелого. Он шел качаясь и, как обычно, что-то бормотал.

Он был сильно пьян. Его рука в черной перчатке сжимала горлышко открытой бутылки водки. Он остановился, запрокинул голову, сделал глоток, помотал головой и увидел меня.

Время — удивительная вещь. Иногда оно летит так быстро, что мы не успеваем за ним, а иногда минуты ожидания превращаются в часы.

Прошло много лет, а я, как сейчас, вижу тот июльский вечер, лавочку, съевшегося от страха мальчишку и Горелого, который сидит рядом и говорит, говорит...

У него были приятный баритон и больная, обожженная душа. Он пил и говорил, вернее, рассказывал. Я не все понимал, но — война, танк, Прохоровка, запомнил навсегда. Что-то было о любви, друзьях, жизни.

Были мат и слезы, которые он вытирал, сорвав перчатки, и я видел обожженные кисти рук, пальцы без ногтей.

«Тридцать лет, — кричал он, — тридцать лет я живу во сне!»

Мне было очень страшно. Потом стало очень жалко его. Я попытался забрать уже почти пустую бутылку, которую он отдал не сопротивляясь.

Пришла мама, взяла нас за руки, привела домой и усадила за стол. Накормила, наполнила чаем и велела мне проводить дядю Толю (тут только я узнал, как его зовут) домой.

Вечером папа рассказывал мне о Курской битве, о сражении под Прохоровкой и про командира танка дядю Толю.

На следующий день я все рассказал ребятам во дворе. Мы договорились теперь называть дядю Толю уважительно «Танкист».

А через месяц дядя Толя умер. Узнали об этом только через неделю — соседи почувствовали запах.

Его провожали в последний путь в закрытом гробу. Перед гробом несли три подушечки, на которых лежали его боевые награды. В том числе звезда Героя Советского Союза.

Когда меня спрашивают: «Кто ваш кумир? Кто, по-вашему, человек года? Кто, как вы думаете, лучший по (неважно по чему)?» Я отвечаю, называя какие-то имена и фамилии.

Да, это имена достойных людей. Но!
Каждый раз я вспоминаю моего кумира, человека года и моей жизни.
Человека в черном, Горелого, Танкиста. Дядю Толю.

Запах свободы

Я влюбился сразу и навсегда. Она была на год старше, училась в десятом классе, и за то, чтобы носить ее портфель, сражались главные мачо (правда, это слово тогда никто не знал) нашей школы.

Каждое утро я прибежал в школу за час до начала уроков, вставал в угол недалеко от входной двери и ждал.

Суетилась малышня, носились пятиклассники, входили серьезные и деловые старшекласники, но я не видел ни их, ни моих одноклассников, которые, посмеиваясь, хлопали меня по плечу.

Я ждал. Она появлялась в белом сверкающем облаке, оно светилось и... пахло. Это был запах чуда... Чудо звали Инна.

После того как она проплывала мимо меня, я погружался в глубокие раздумья.

Как? Как и, главное, чем я мог заинтересовать ее?

Я, среднестатистический ученик, не отличник, не спортсмен?

В общем, через месяц мучений меня осенило! Я должен сразить ее наповал тем, как я буду одет и, главное, как я буду пахнуть!

С одеждой решилось само собой. Старинный папин друг, дядя Веня, привез из командировки на Кубу (о, как же тогда это было круто!) удивительно модные вельветовые брюки.

Они были последним западным шиком. Широкие темно-синие и желтые полосы чередовались, создавая атмосферу солнца и океана. Я тут же примерил их и упросил маму немедленно подогнуть их по моему росту.

Теперь осталось придумать, чем я буду пахнуть. Выбор был не очень большим. Одеколоны «Тройной» и «Шипр» я отmel сразу, а «Саша» мне был не по карману. Собственно, выбирать больше было не из чего. Еще немного помучившись, я уговорил папу позвонить дяде Вене и спросить, нет ли у него какого-нибудь волшебного запаха. В результате я стал обладателем крошечной пробирочки, которую мне с улыбкой вручил дядя Веня и сказал, что это самый модный кубинский запах.

Я летел домой на крыльях любви (которая теперь-то уж наверняка станет взаимной), зажав в кулаке волшебный эликсир счастья.

Мой триумф был назначен на двадцатое мая.

Ранним солнечным утром я принял душ, впервые побрился папиным станком с бритвой «Нева», надел бесконечно модные вельветовые брюки в сине-желтую полоску, белую рубашку на выпуск, папины белые парусиновые туфли (на два размера больше моего), полил из пробирочки расчесанные на идеальный пробор волосы дурманящим запахом острова Свободы и двинулся в школу уверенным шагом победителя, с гордо поднятой головой.

Надо сказать, что в нашем микрорайоне на окраине города люди не очень привыкли видеть с утра экзотических персонажей, которые вышагивают в самой модной одежде и пахнут самым модным запахом.

Сначала я относил их удивленные взгляды к тому, что они были поражены тем, как же я все-таки красив. Потом, когда шедшая мимо бабушка сплюнула и перекрестилась, насторожился.

О, как я запомнил двадцатое мая, конец учебного года в девятом классе!

В тот день дежурной по школе была завуч по воспитательной работе Агнесса Павловна Бельдюкова. Она первой увидела меня, когда я взлетел на школьное крыльцо и уверенно распахнул входную дверь.

Она схватила меня за руку, быстро зажала в углу входного холла (том самом, из которого я любовался Инной) и прошипела: «Ты что в пижаме в храм знаний приперся?! Совсем с ума сошел?!»

Здесь надо сказать, я, конечно, представлял, что такое пижама, но у меня ее никогда не было, а спал я, как все нормальные люди в нашем микрорайоне, в трусах и майке.

«Агнесса Павловна... я... дядя Веня... Куба...» — выдавливал я из себя в полном ступоре.

«Да ты еще и накурился с утра! Дышать нечем! — вдруг взвилась Агнесса Павловна. — Вон из школы! Чтобы вечером с родителями пришел!»

Откуда же... ну, откуда я мог знать, что запах острова Свободы — это запах моря, солнца и... сигар.

Прошло два раза по столько лет, сколько мне было тогда.

Я был во многих странах, покупал одежду в бутиках, а на полочке в ванной комнате у меня неплохая коллекция мужских ароматов.

Инна, моя любовь, к счастью не видевшая моего позора, уехала в Москву, поступила в институт и навсегда исчезла из нашего микрорайона.

Река времени все унесла, выровняла и стерла.

Вот только я никогда в жизни не надевал пижаму и терпеть не могу запаха сигар!

Джинсы

На свете много удивительных и замечательных вещей. Нужных и ненужных. Понятных и странных. Красивых и своеобразных.

В одна тысяча девятьсот семьдесят восьмом году самой желанной, важной и недосягаемой вещью для меня были джинсы.

Да, джинсы, в которых ходили кривоногие ковбои в далекой Америке и которые в СССР тогда только начали появляться.

Мы знали их в лицо. Поименно. По отстрочке определяя фирму.

От их названий веяло радостью и свободой: «Супер Райфл», «Вранглер», «Левайс».

Мы смаковали эти чуждые советской идеологии слова, а Галина Сергеевна, наш классный руководитель, пренебрежительно скривившись, втолковывала нам, что предмет нашего поклонения — это просто рабочая одежда.

Нам было, если честно, глубоко наплевать на ее слова. Мы до судорог хотели эту рабочую одежду, даже если ее до нас уже долго носили заграничные пролетарии.

Тем более что ношенные, «тертые» джинсы стоили значительно дешевле «новья», за которое нужно было отдать целое состояние.

Я не мог и мечтать о новых джинсах, а вот на «тертые» упорно копил.

Лето после окончания девятого класса я провел во вспомогательном цеху макаронной фабрики, постигая высокое искусство подготовки листов картона к изготовлению из него упаковочных ящиков для пачек с макаронами.

Через два месяца ударного труда меня выгнали за пререкания с вечно пьяным мастером цеха. Получив честно заработанные тридцать рублей, я загрустил. Моя мечта находилась от меня на расстоянии в двадцать рублей. Кстати, огромные, по тем временам, деньги для школьника!

До весны последнего, десятого учебного года я брался за все что угодно, лишь бы приблизить желанный миг обладания чудом.

Я помогал дворнику убирать снег и заливать водой каток, в зимние каникулы разгружал хлеб в булочной и даже продал Юрке Дяхову любимую серию марок эмирата Оман с картинками великих мастеров, на которых, по странному совпадению, были изображены раздетые женщины.

Таким образом, я заработал еще пятнадцать рублей, но этого было опять недостаточно.

Я пребывал в отчаянии...

Если честно, дело все было в том, что я влюбился в конце девятого класса. Перед самыми каникулами, когда стало уже тепло и девчонки надели юбки одна короче другой, оказалось, что Ольга Макова стала ослепительно хороша. Тогда у меня и созрел план, как завоевать ее внимание.

Теперь мой план был близок к провалу, Ольга после десятого класса хотела ехать в Москву, поступать в МГИМО, а там уже разве ее чем-нибудь удивить....

Из предсуицидального состояния меня вывел Андрюха Ветров, единственный мой друг, который не только знал про мой план, но и сам ждал джинсы, которые обещал ему привезти папа из загранкомандировки к окончанию школы и вступлению, так сказать, во взрослую жизнь.

В середине апреля, накануне моего дня рождения, он ворвался в нашу малогабаритную «хрущевку», сразу заполнив ее до краев.

— Во, Диман, — кричал Ветров, потрясая чем-то упакованным в плотную бумагу, перевязанную бечевкой, — забирай, отдадут за сорок пять, только там молния сломана!

— Тетя Маша, — тут же взял мою маму в оборот Андрюха, — вы же сможете молнию заменить, правда? Вон машинка-то у вас стоит, я давно заметил!

— Дядя Петя, — это уже папе, — а что, Диман давно так на диване валяется?!

При этом ответы Ветрову были не нужны. Пока я нехотя вставал с дивана, еще не осмыслив сказанное другом, он развязал бечевку, эффектно разорвал бумагу и, как фокусник, разложил передо мной... джинсы.

Это были «US TOP» — «Вершина Америки», пошитые, как потом выяснилось, в Бразилии.

— А-а! — заорал я, метнулся на кухню, достал из жестяной банки в красный горошек, на которой было написано «сода», заветные сорок пять рублей и сунул их Ветрову, вырвав у него из рук долгожданное чудо!

Андрюха очумело молчал, мама растерянно смотрела то на меня, то на Ветрова, а папа довольно усмехнулся и пошел курить на кухню.

С того самого момента мне, как принято сейчас говорить, «поперло»!

Я надел джинсы с любовно замененной мамой молнией на «последний звонок», который закончился для меня первым поцелуем с Ольгой Маковой.

Я был в них на вступительных экзаменах и поступил в институт!

Я хорошо учился и был любим, я легко шел по жизни уверенной походкой победителя в «тертых» джинсах, плотно и надежно обтягивающих мой костлявый зад.

На третьем курсе я их продал и купил «Вранглер», новые, с так любимыми мной «хулиганскими» карманами.

И вот что интересно. Вадик Галкин, друг моих друзей (ему «US TOP» был продан уже за шестьдесят рублей), через двадцать пять лет стал вице-президентом «Лукойла».

Иногда, когда становится тяжело, когда кажется, что жизнь зашла в тупик, я задаюсь одним и тем же вопросом: «Если бы я тогда не продал джинсы, стал бы я вице-президентом „Лукойла“?!»

Каникулы

Зимние каникулы совпали с морозами. Ждали мы их, ждали, вот и дождались — ни в хоккее погонять, ни на коньках покататься, ни в снегу друг друга повалять!

Солнце светило вовсю, небо было синее-синее, а столбик термометра не поднимался выше минус двадцати семи днем, а ночью опускался до минус тридцати четырех.

В пятницу мы радостно (кто в большей, кто в меньшей степени) завершили четверть и разбежались из школы с великими планами на ближайшие две недели.

А в субботу мама и папа клеили вторым слоем плотную бумагу на щели в оконных рамах. Клеили ее на мыльный раствор, чтобы весной легче было отмывать, да и следов после нее не оставалось. В общем, в субботу я занимался ответственным делом, тщательно намазывая скользкую гадость на бумажную лапшу и подавая это, то папе, то маме.

Последний понедельник декабря и первый день каникул начался с радости, что можно понежиться в постели, никуда не надо спешить, а главное, что некому меня торопить — родители ушли на работу.

Радость была недолгой — на кухонном столе лежала записка от мамы с кучей заданий. Ну, допустим, сбегать в магазин за хлебом и молоком я еще мог себя заставить, а вот выбрасывать мусор было для меня настоящей пыткой.

Накинув пальто на домашнюю рубашку, сунув босые ноги в валенки и не надевая шапку, я выскакивал с мусорным ведром на улицу, бежал к железному контейнеру, в который вытряхивал содержимое ведра, стуча им со всей дури по неровному краю мусороприемника.

Надо было, чтобы ни одной прилипшей бумажки не осталось! Когда стучать надоедало, происходило самое страшное — я руками доставал то, что не отлипало, бросал в контейнер, а потом яростно тер руки снегом, пока они не становились красными и не начинали гореть.

Дело в том, что такой простой вещи, как полиэтиленовый пакет для мусора, вкладывающийся внутрь ведра и который потом, затянув вшитые сверху по контуру тесемки, можно интеллигентно выбросить без шума и запаха, тогда не было.

Вот я и решил, что мамина записка подождет, а я сделаю бутерброды из хлеба с маслом, положу шесть ложек сахарного песка в стакан чая и устрою себе завтрак у телевизора.

Телевизионных каналов тогда было целых два, правда, второй — городской — начинал работать часов с четырех дня, и я включил Центральное телевидение.

Пацан примерно моего возраста, в белой рубашке и с аккуратно расчесанными волосами декламировал:

Ах, какой сегодня день!
Брызги сыплет солнце,
Снова звездная сирень
Вымерзла в оконце,
Снова птичий перезвон
Мне надежду дарит,
И с морозом в унисон
Музыка играет...

Я бросился к окну, чтобы услышать «птичий перезвон», в надежде, что запели снегири. Улица была тиха и пустынна, легкая поэмка огибала картонную коробку из-под торта.

За моей спиной полный оптимизма голос продолжал:

Снова снег в шагах скрипит,
Пахнувший арбузом,
Снова сердце говорит,
Будто верит в чудо!

Последняя строчка примирила меня с «птичьим перезвоном», и я подумал, что неплохо бы посмотреть, как дальше будут развиваться события с коробкой.

Дело в том, что мой друг и одноклассник Владька Стуков любил пошутить. Одна из его шуток заключалась в том, что мало кто мог пройти мимо аккуратно-толстенькой коробки (из белого гладкого картона, с красивой надписью «Торт»), не пнув ее со всей дури.

Вернее, шутка, конечно, была не в этом.

Шутка была в том, что в коробке лежал кирпич.

На улице не было ни души, и, предоставив коробке терпеливо дожидаться очередного «футболиста», я устроился на диване с чаем и бутербродами. Собачий холод убивал надежду на сладкое безделье, когда можно убежать на улицу от всех домашних дел, а на мамино недовольство, что ничего не сделано, ответить:

— Так каникулы, мам! Я гулять ходил! Мне отдыхать положено!

В дверь позвонили. Я внимательно (как учил папа) посмотрел в глазок и открыл дверь с радостным возгласом:

— Владька, привет!

— Привет, Диман, — мой друг был розовощек с мороза и возбужден, — собирайся, айда ко мне, у меня мать сегодня дежурит сутки.

Владькина мать, тетя Тамара, работала операционной медсестрой, сутки через двое.

— Ко мне должен к десяти Олега прийти, он у матери из шкафа бутылку вина спер! — глаза Стукина блестели.

— А «Четыре танкиста и собака» посмотреть? — спросил я нерешительно, потому что тогда еще побаивался этого сладкоманящего слова «вино».

— Да ладно, Диман, — наступал Владька, — у меня телевизор посмотрим! Тем более я банку смородины припрятал!

Я мгновенно начал собираться. Владькина мама так готовила черную смородину, протертую с сахаром, что невозможно было упустить представившийся случай.

Олег, приплясывая от холода, ждал нас у Владькиного подъезда.

— Ну, вы чего, — выдохнул он посиневшими губами, — я околел уже!

Бутылка была большой и красивой. Яркая этикетка гордо несла на себе неведомое, но манящее нас название. «Ром» было написано по-английски. Буква «о» одновременно еще была и глазом темнокожей красавицы, которым она зазывно подмигивала.

— Это в честь города итальянского, — начал объяснять нам Олег, — в Италии лучшее красное вино делают!

— Да, наверно, обычная бормотуха! — скривился Владька.

— Олега, а город-то вроде Рим называется, — осторожно заметил я.

Мама Олега работала директором винного магазина, и это, конечно, внушало уважение к познаниям нашего друга. Правда, учитывая то, что мы (в свои уже десять лет!) алкогольных напитков не пробовали (хотя рассказывали друг другу о том, как это здорово), кое-какие сомнения все же возникали.

— Да о чем разговор, — солидно отмел все сомнения Олега, — разлить уже надо, выпить охота!

— Точно! — выпалил Владька и достал трехлитровую банку с черной смородиной.

Под возгласы «осторожно!», «ну, ты разобьешь», «держи крепче!» я начал открывать бутылку. С задачей я успешно справился, правда, порезав при этом палец.

Пока я держал палец под струей холодной воды, Олег разлил в стаканы бурюю жидкость.

— Точно бормотуха, — уверенно сказал Владька, — только пахнет приятно.

— Диман, — позвал Олега, — давай скорее, выпить охота, аж сил нет!

Что сказать... Давясь и кашляя, закусывая каждый глоток черной смородиной, протертой с сахаром, которую черпали из банки столовыми ложками, мы выпили всю бутылку. До капли.

Пока вернувшиеся с работы родители безрезультатно искали меня у друзей, пока мама Олега плакала в кабинете начальника милиции, пока Владькина бабушка напрасно стучала в дверь квартиры, недоумевая, где может быть в такую погоду ее внук, мы крепко спали, без сновидений и угрызений совести.

Собственно эту трогательную картину и увидела Владькина бабушка, когда слесарь из ЖЭКа, немного повозившись, сумел открыть дверь.

Она хорошо знала нас и тут же сообщила нашим родителям о том, что мы уверенно встали на путь алкоголизма.

Описывать свое первое похмелье я не буду. Разговор с папой вспоминать не хочу. Скажу только, что каникулы были посвящены важным делам, типа мытья посуды, хождения в магазин и постоянной очистке ведра для мусора.

Когда, радостные, мы встретились после каникул, Олега позвал нас с Владькой на перемене в туалет, где свистящим шепотом, округляя глаза, сообщил нам, что все понял.

— Пацаны, — шипел он, — все дело в том, что ром нельзя заедать черной смородиной! Тем более если она протерта с сахаром!

Мороженое

Мороженое «Пломбир» было самым вкусным на свете. За девятнадцать копеек вы получали радость, счастье и удовольствие в вафельном стаканчике.

— Мам, ну купи, ну купи! — канючил семилетний я.

— Завтра, сынок! Завтра, после работы, куплю.

— Хочу сейч-а-а-а-с! — я начинал подвывать, демонстрируя полную готовность к переходу в рев.

— Завтра, сынок! На улице жарко, мороженое холодное, можешь горлышко простудить. Завтра принесу домой после работы, дома поешь.

— Н-е-е-е-т, — продолжал я начало плача Ярославны, — вон все едят! Я сеч-а-а-а-с хоч-у-у-у!

Мы стояли на автобусной остановке. Совсем рядом был киоск с волшебной надписью «Мороженое», к которому выстроилась небольшая очередь.

— Купи, купи, купи-и-и-и! — это уже было по нарастающей, и люди, которые вместе с нами терпеливо ждали автобус, стали посматривать то на меня, то на маму.

— Неужели нельзя подождать до завтра? — раздраженно прошипела мама.

Стоявший рядом солидный мужчина с портфелем, в красивом бежевом костюме и бежевых сандалиях громко, на всю остановку обратился к маме:

— Женщина, ну купите ему мороженое!

Дама в белой панаме и темных очках подхватила:

— Мамаша, что вы ребеночка нервничать заставляете? Или вам денег жалко на мороженое?

Мама вспыхнула, крепко взяла меня за руку и повела к заветному ларьку.

— Но есть его ты все равно будешь дома, — сказала она, покупая выстраданный мной «Пломбир», — по дороге мороженое немного подтаит, я дам тебе ложечку и будешь брать по чуть-чуть!

Я был на все согласен и радостно уселся к окошку в только что подошедшем автобусе.

— Граждане, оплачиваем за проезд! — громкая и необъятная кондукторша двинулась вдоль сидений.

Когда она добралась до нас, мама, вежливо улыбнувшись, показала проездной билет и положила руку мне на плечо.

— А мальчику вашему сколько будет? — пытливо спросила бдительная кондукторша, видимо озадаченная маминой улыбкой.

— Ему можно без билета, — вежливо ответила мама, зачем-то доставая из сумки мороженое.

— Мне уже семь лет! — гордо заявил я.

«Семь лет» утонули в «Пломбире», который мама ловко поднесла к моим губам.

Надо сказать, что для меня это явилось, с одной стороны, насилием над личностью, и я обиделся. С другой стороны, в моих руках неожиданно-негаданно оказался приз, который мгновенно отрешил меня от реальности.

— Сколько? — бдительная тетя нависла над нами грозовой тучей.

— Да мы выходим скоро, — тихой скороговоркой ответила побледневшая мама, — маленький он еще, давайте я его на руки возьму.

Шум на задней площадке отвлек королеву рейса номер двадцать шесть. Пока она выступала третейским судьей в споре дяди в бежевом костюме и тети в белой панаме (на предмет, кто первый толкнул, а кто испачкал новые брюки), нам удалось благополучно проехать еще три остановки. Необходимость сбора оплаты проезда с наполнивших автобус пассажиров подарила еще одну остановку.

Все это время мама сосредоточенно и не моргая смотрела в одну точку, а я самозабвенно откусывал (а не ложечкой, по чуть-чуть!) кусочки вафельного стаканчика, разумеется, вместе с его содержимым.

— Дамочка впереди, — пророкотала туша на весь автобус, — собираемся за проезд оплачивать?!

Пунцовая мама встала и, подталкивая меня перед собой, пошла к выходу. Дверь захлопнулась. До нашего дома было еще три остановки.

Я, гордо-обиженный, шел, слизывая с пальцев остатки мороженого, и еле успевал за мамой.

— Все! Устал! — выкрикнул я ей в спину.

Мама обернулась, по ее щекам текли слезы.

— Мама, мамочка, не надо! — крикнул я, тоже заплакал и бросился к ней.

Она села на пыльную траву, усеянную шелухой от семечек и окурками, крепко обняла меня, прошептав на ухо: «Все хорошо, сынок! Я люблю тебя!»

Неведомо было тогда мне, семилетнему, что у мамы в кошельке оставались последние двадцать копеек (на которые пришлось купить мороженое), а как раз на следующий день она должна была получить зарплату.

Последние тридцать лет каждый год пятого июля я приезжаю к маме и привожу два «Пломбира».

Мы едим с ней это (пусть уже не самое лучшее на свете) мороженое, смеемся, вспоминая автобус, и я снова чувствую себя маленьким мальчиком, который перестал плакать, обнимая маму.

Чулки и колготки

Итальянский портной очень старался. Пока он несколько раз обмерял меня вдоль и поперек, я думал о бренности жизни, о том, что когда-нибудь (надеюсь, не скоро) с меня снимут мерку, чтобы нарядить в последний, деревянный «костюм».

Итальянец улыбался, приговаривая «моментико», работал, как и многие поколения его семьи. Каждый год, портные из компании Emenegildo Zegna приезжали в бутик «Евромода», предлагая выбрать ткань и заказать костюм, который их стараниями сделает вас абсолютно неотразимым.

Менеджер, радостно улыбаясь (видимо, потому что индивидуальный заказ стоил раза в два дороже костюма из новой коллекции), предложила мне кофе.

Она была молода и хороша собой. Когда девушка наклонилась, чтобы достать из нижнего ящика тумбы (которая служила итальянцу рабочим столом) чашку, ее юбка поднялась, обтянув упругие бедра и продемонстрировав кружева чулок.

Я засмотрелся...

Своевольное подсознание включило ретровидео, на котором, пыхтя и злясь, я пытался справиться с застежкой на левом чулке.

Да, да! Представьте себе, что году так в 1965-м мальчики носили пояс и чулки.

Мама будила меня, наливая стакан любимого вишневого компота со словами:

— Сынок, одевайся в садик!

— Мам, ну ты хоть сегодня мне помоги! — канючил я каждое утро.

— Сынок, ты же у меня большой, а большие мальчики должны уметь одеваться сами!

— Хорошо, — обреченно соглашался я, — но только не чулки!

— Ну, какой же из тебя вырастет мужчина, если ты не умеешь надевать чулки! — легкомысленно отвечала мама.

Я думаю, кстати, что это тот самый случай, когда такой диалог пришелся бы по душе и натуралам, и представителям ЛГБТ.

Процедура надевания пояса для чулок, потом самих чулок, а затем борьба с застежками, пожалуй, самые тяжелые воспоминания из детства (это, безусловно, говорит о том, что оно было счастливым).

Вскоре на смену чулкам пришли колготки, от которых я отказался наотрез.

Я не могу вспомнить, почему с чулками я как-то еще мог смириться, а с колготками уже нет. Может быть, потому что стал старше.

Зато я очень хорошо помню, как кричал маме, радостно протягивающей мне купленные «по благу» колготки:

— Я не одену, они «девчоночьи»! Я не буду позориться!

В общем, колготки я так и не дал на себя надеть, чем до сих пор очень горжусь.

Потом была история со школьной формой. Мы, восьмиклассники, упорно не хотели ходить, как «инкубаторские»!

А мода на длинные волосы! Мы только входили в школу, как бдительная Ирина Александровна уже говорила высоким тонким голосом:

— Вы, трое, в парикмахерскую! Я вас до уроков не допускаю!
Мы шли и стриглись наголо, становясь героями, школьной достопримечательностью.
Потом была мода на джинсы и жвачку, пакеты и тулупы, норковые шапки и мохеровые шарфы.

Когда я учился на первом курсе, то нашел у деда в кладовке его кожаное пальто — длинный реглан, с поясом и облупившейся краской. Думаю, что к тому моменту пальто было лет сорок.

На следующий день я гордо нес его на себе в институт, накрыв (для завершения образа) голову папиной фетровой шляпой.

Мы носили и белые носки, и прекрасные китайские свитера с пуховиками (их поставляли в наш город прямо из Поднебесной, в обмен на автомобили), и малиновые пиджаки.

Вместе со всеми я шел в фарватере меняющейся моды, и вот...

— Ваш кофе! — менеджер «Евромоды» была определенно хороша.

— Спасибо! — сказал я и, принимая чашку из ее рук, слегка погладил нежную кожу. Она многообещающе мне улыбнулась и пошла навстречу новому клиенту, который только что зашел в бутик.

Я смотрел на ее ровную спину, чуть покачивающиеся бедра и думал о том, как много возможностей дала нам новая жизнь.

Но, увы, она навсегда забрала у нас удовольствие от газировки за три копейки, праздники и скандалы коммунальных квартир, бесконечную радость от того, что ты справился с застежкой на левом чулке и теперь можно идти в детский сад.

Модная рубашка

Посылки из Америки ждала вся семья.

Бабушка предпочитала их сертификатам, на которые покупала в магазине «Березка» мохер, а потом продавала на рынке.

Сначала тетя Дора (так вся наша семья называла бабушкину родную сестру) послала в далекий и страшный СССР доллары, которые наше государство с удовольствием принимало, вручая счастливому получателю сертификаты.

Это были нарядные бумажки, и номинал на них значился уже в рублях.

Такими же бумажками выдавали часть жалованья морякам дальнего плавания и вообще всем гражданам СССР, которые работали за границей. Для этих счастливых (ну и, конечно, для спекулянтов) в магазине «Березка» лежали на полках заветные заморские товары, от рубашек до холодильников.

В бабушкиной семье тетя Дора оказалась самой смышленной. Из четырнадцати братьев и сестер, которые неплохо жили в Брест-Литовске, после катаклизмов Первой мировой и революционных событий выжили четверо.

Моя бабушка, успевшая выйти замуж и уехать в Нижний Новгород, Маня, подавшаяся в «революционеры» (так произносила это слово бабушка), Бенчик, проявлявший с детства недюжинные коммерческие способности, которые привели его в Санкт-Петербург в «смутные времена», и Дора.

Тетя Дора, которой было в то время только (или уже?) пятнадцать лет, укатила... в Америку. Выправила документы, что ей восемнадцать, выпросила у моей бабушки деньги взаймы, добралась до Санкт-Петербурга и нашла там Бенчика, который умудрился пристроить ее на корабль, уходивший в Соединенные Штаты.

Больше от семьи не осталось никого.

Примерно в одна тысяча девятьсот семидесятом году бабушку пригласили в КГБ, где ласковый дядя вручил ей письмо с красивой маркой на красивом конверте, вежливо поинтересовавшись, что там написано.

Дело в том, что тетя Дора писала на идиш. Бабушка, обливаясь слезами (они уже мысленно похоронили Дорочку), прочитала вслух, что Дора Крамер, в девичестве Яхсин, проживающая в Бруклине, разыскивает своих родственников.

Судя по тому, как благосклонно дядя кивал головой, бабушка поняла, что в КГБ тоже знают идиш.

Вербовать в разведчики ее не стали, учитывая возраст и три класса образования. Дядя посоветовал ответить, рассказать о преимуществах социалистического образа жизни, не углубляясь в подробности.

Подробностями были двухкомнатная квартира на втором этаже двухквартирного деревянного (но еще очень крепкого!) дома, отсутствие горячей воды и туалет на улице. Впрочем, учитывая то, что баня находилась в соседнем доме, условия были очень даже неплохие.

Бабушка ответила вновь обретенной сестре, что все хорошо, но иногда немного не хватает денег.

Тетя Дора стала отправлять ей доллары.

Вскоре бабушка решила укоротить цепочку доллары — сертификаты — мохер — рынок — рубли. Она написала тете Доре, что с деньгами ситуация выправилась и лучше присылать модные вещи, чтобы ее дети и внуки, несмотря на изобилие в магазинах, выгодно отличались от окружающих.

Тетя Дора стала отправлять посылки.

Схема стала идеальной даже по сравнению с классической. Товар — деньги! Просто и удобно.

Посылки из Америки ждала вся семья. В них приходили отрезки шикарной ткани с люрексом и рубашки. Бабушка считала, что это продается лучше всего.

Она (на мой взгляд, справедливо) баловала внучек (папина сестра умерла, когда они были совсем маленькими), которые щеголяли в блестящих платьях, а их мужья не покупали в магазинах рубашки.

Моя мама обижалась на бабушку. Она говорила, что та, как в известном анекдоте, продала (правда, за полцены) одну рубашку папе, а я вообще ничего никогда не получал от щедрот американской родни.

Мама обижалась, но терпела.

Правда, однажды, когда после Первомайской демонстрации мы пришли к бабушке в гости, мама сорвалась.

Первомайское шествие завершалось на площади Ленина, хотя, как мне кажется, оно должно было бы там начинаться. Бабушка жила совсем рядом, в десяти минутах ходьбы, и вся семья собиралась у нее.

Почему-то именно на Первомай бабушка пекла треугольники из теста с маково-ореховой начинкой. Как я узнал позже, эти треугольники, которые называют оменташ, или «ушки Омана», пекут на еврейский праздник Пурим.

Понятия не имею, по какой причине бабушка таким образом встречала главный пролетарский праздник, но именно из-за этой вкуснятины я терпел перформанс флагов, радостно-пьяных «Ура!» и терпеливо шел с папой и мамой до площади Ленина.

В бабушкиной квартире было тесно от родни. Мои двоюродные сестры громко давали мужьям указания, как поставить стол и расставить стулья, их сопливые дети

играли костылями дедушки (он вернулся с фронта без ноги), папа отрешенно курил в сенях, а мама, поджав губы, помогала накрывать на стол.

Я обычно устраивался рядом со спокойно-ироничным дедушкой, который молча с мудрой улыбкой наблюдал за этой вакханалией.

Сестры были в платьях из «посылки», а их мужья в рубашках оттуда же.

И все бы ничего, только «болван Саша» (так его называла моя мама), муж Сони, возьми и спроси:

— Дядь Петь, а вы чего не в американской рубашке?

Папа дернул щекой и промолчал, а мама сорвалась.

Через месяц я стал обладателем шикарной белой рубашки из последней посылки. Бесплатно!

Такие рубашки пришли впервые и были особым шиком. Мода, которая прорывалась к нам с Запада через «железный занавес», принесла в тот год новое звучное название — «нейлон».

Кипенно-белые рубашки из этого материала не мялись, легко стирались и гладились. Я, правда, сначала думал, что они светятся в темноте, потому что упорно слышал «неон» вместо «нейлон».

И вот в начале июля, в яркий солнечный день, я надел прекрасную нейлоновую рубашку, черные брюки, черные (так называемые «выходные») ботинки и поехал к бабушке. Мама испекла пирог с мясом и отправила меня к ней с миссией благодарности и примирения.

В автобусе мне стало невыносимо жарко. Пот ручьями стекал по моей спине, рубашка прилипла к телу. Не понимая, в чем дело, я протиснулся к окну и стал жадно хватать разогретый уличный воздух, пахнувший асфальтом и бензином.

Когда я вышел из автобуса на площади Ленина, то было ощущение, что я только что побывал в парном отделении бани, находившейся в доме рядом с тем, в котором жила бабушка.

Я помню, как папа привел меня туда в первый раз, когда мне было лет пять.

Я, выпучив глаза, старался не дышать и рвался к двери, чтобы скорее выйти наружу. Папа, придерживая меня одной рукой, в другую взял веник, слегка похлестал им меня со всех сторон, не обращая внимания на мой рев, и только потом вывел из парной. Зато наградой мне была газировка с вишневым сиропом, вкуснее которой, пожалуй, я никогда ничего не пил.

Я шел по площади Ленина, залитой солнцем, тело и ноги горели, голова гудела, а единственным желанием было скорее прийти к бабушке.

Из последних сил я поднялся по лестнице на второй этаж, толкнул никогда не закрывавшуюся дверь, прошел мимо оторопевшей бабушки (она долго не могла забыть, что я тогда с ней не поздоровался) и бухнулся на кровать в полуобморочном состоянии.

В школе я больше всего не любил химию. Будь иначе, возможно, я бы сообразил, что нейлоновую рубашку (даже если она очень модная) не нужно надевать в жаркий июльский день.

Бабушка голосила, дедушка прыгал около меня на одной ноге, забыв про костыли. Тетя Шура, соседка снизу, которая работала медсестрой в железнодорожной больнице,

прибежала на шум, расстегнула мне рубашку и положила на лоб полотенце, смоченное холодной водой. Сердце перестало стучать молотом в моей голове, и я открыл глаза.

Бабушка закончила кричать и стала тихо плакать, дедушка сел на стул, шумно выдохнул и устался в потолок, а тетя Шура, успевшая сбегать вниз и вернуться с пузырьком, в котором был нашатырный спирт, открыла его и поднесла к моему носу.

Потом мы все, раздышавшись, пили холодный домашний квас.

Я сидел без рубашки, и мне уже было смешно, когда бабушка, переходя с русского на идиш, ругала на чем свет стоит свою американскую сестру.

Конфета и клубника

Он внимательно смотрел мне в глаза, не сомневаясь, что я ему помогу.

Я не мог отвести свой взгляд, поэтому рассматривал крапинки на радужной оболочке его карих глаз и думал, что у меня точно такие же крапинки, только глаза серо-голубые. Ко всему еще, он был, как и я, овен, со всеми вытекающими отсюда последствиями.

— Ну, папа, — канючил мой четырехлетний оппонент, — конфетка, она такая вкусная...

Тут он опустил голову вниз, даже, как это принято говорить, повесил ее, тяжело вздохнул, поднял на меня глаза, полные слез и тоски, которые делали крапинки на радужной оболочке зрачков похожими на янтарные брызги, и сказал дрожащим голосом:

— Но клубнику я тоже очень хочу!

— Нет, сынок, — ответил я ему уже в пятый раз, сохраняя спокойствие и упиваясь абсолютной властью над маленьким человеком.

— Выбирай: конфета или клубника!

Две слезинки выкатились из его глаз, застыв на щеках, как капельки прозрачного клея. Он вытер их тыльной стороной ладони, снова опустил голову, тяжело вздохнул, потом посмотрел на меня каким-то взросло-усталым взглядом и спросил:

— Как же выбрать?

Что-то толкнуло меня в грудь изнутри, щеки мои вспыхнули, стены комнаты стали мягко растворяться, теплый летний ветерок заструился через открытое окно и унес меня, словно машина времени, в прошлое.

И вот уже я, смущенный второкурсник, смотрю в папины серо-голубые глаза и переминаюсь с ноги на ногу.

— А Катя на каком факультете учится? — спрашивает папа, затягиваясь «Беломором».

Он, в белой майке и трениках с вытянутыми коленками, удобно расположился на табуретке в нашей пятиметровой кухне и никуда не торопился.

— Пап, ну какая разница, — я был раздражен и активно жестикулировал, стоя в дверном проеме кухни, уже наряженный в джинсы «Вранглер», — я же тебя совсем про другое спрашиваю!

Папа выдохнул дым через нос, посмотрел на меня чистым, мудрым взглядом и продолжил:

— А все же?

— На «сантехе»!

— А живет где?

— Да какая разница! На Автозаводе!

— А папа с мамой где работают?

— Ты издеваешься?

— Сынок, я просто хочу знать, из какой семьи девушка.

— Папа, — простонал я, — услышь меня, пожалуйста! Мне Катя очень нравится, понимаешь?! Но я же со Светой уже три раза встречался, вот я и спрашиваю тебя, как мне быть? А ты — где живет да кто родители!

— А со Светой-то целовались уже? — продолжал папа по-прежнему спокойно и невозмутимо.

— Было, — выдохнул я, заливаясь краской смущения.

— Да... — протянул папа и качнул головой.

— Осуждаешь, да?! — выкрикнул я. — Я к тебе посоветоваться, как к другу! Что мне теперь, не ходить с Катькой в кино?!

Слезы досады выступили у меня на глазах.

— Да, а Света ведь с тобой в одной группе учится и живет недалеко, — не унимался папа, с прищуром глядя на меня.

— Что же делать, пап? — меня стало немного познабливать. — Мне Света тоже очень нравится. И не из-за того, что учимся вместе и живет рядом...

— Так, — сказал он, и вдруг я увидел в его глазах лукавую искорку, — а кто больше нравится — Света или Катя?

— Да не знаю, — прорычал я, — вот сейчас вроде Катя, а вчера вечером думал, что Света.

— Я ведь ночь не спал, — продолжал я горячо, — все думал, кого выбрать!

— А зачем? — синяя змея, плотно обвивающая синий меч, поднялась вверх, а потом опустилась вниз — это папа поднял руку и достал с верхней полки кухонного ящика новую пачку «Беломорканала». Змея на предплечье успокоилась, а пальцы начали привычную, отточенную до автоматизма работу. Они аккуратно надорвали краешек пачки, взяли ее, пару раз стукнули о другую руку, ловко вытянули папиросу, постучали теперь уже ей по пачке и, ловко смяв мундштук, помогли зубам его прикусить, нырнули вниз и поднялись уже с огоньком зажигалки.

— Как зачем? — растерянно спросил я. — Нельзя же встречаться и со Светой, и с Катей! Это непорядочно!

Именно так выговаривала это слово моя мама, скорчив при этом брезгливую гримасу. «Непорядочно!» Это в устах мамы было худшим из всех зол.

Собственно, с мамой я на такие темы никогда и не начал бы разговор.

Папа еще раз внимательно и лукаво посмотрел мне в глаза, его крапинки на радужной оболочке зрачков заиграли, заискрились, превратившись в брызги янтаря.

Он встал, подошел ко мне, положил руку на плечо, при этом чуть притянув к себе, и, выдыхая дым углом рта, чтобы он не попал мне в лицо, сказал:

— Сынок, трахай всех подряд!

Я летел навстречу с Катей, почти не касаясь земли. Мозаика моего калейдоскопа жизни складывала теперь только радужные картинки, все стало просто и ясно.

(Довольно скоро я понял: то, что имел в виду папа, не означало вседозволенность и распущенность. Он просто взял на себя грех за мои ошибки, понимая, что я сам должен сделать выбор, но только «попробовав» разные варианты. Собственно, за последние тридцать лет у меня было две женщины. На одной я был женат, а на второй не только женат, но и очень надеюсь прожить с ней до конца своих дней).

— Пап, ну пап! — голос сына вернул меня в настоящее. — Я решил! Наверное, буду конфету. — Он опустил голову и сказал, пристально рассматривая пол: — Но клубника, она такая вкусная...

Я обнял его, прижал к себе и сказал:

— Сынок, съешь и конфету, и клубнику!

Ирина СИЛЕЦКАЯ

ПОМНИ ИМЕНА ДЕТЕЙ СВОИХ

Рассказ

*Посвящается моей маме —
Елене Платоновне Силецкой*

Лена хорошо помнила, как началась война. Отец служил в Красной армии офицером. Должность его называлась очень красиво и загадочно — пиротехник. Он заведовал вооружением воинской части в небольшом приграничном городке Старый Самбор. То, что скоро начнется война, знали все. Еще в мае в городке появились странные приезжие, они селились в городке в гостиницах, в частном секторе, ничем не занимались, слонялись по улицам и рынкам, высматривали, вынюхивали, затевали странные, провокационные разговоры о будущей войне.

Лена весело шагала домой и ела мороженое. Ей было девять лет, она окончила второй класс. Июль гнал по улицам облака невесомого тополиного пуха, солнце начинало припекать. Кареглазая брюнетка с курносым задорным носом, смешливая, умная и симпатичная, она уже тогда нравилась мальчишкам-одноклассникам. Вот и сейчас она встретила парнишку из параллельного класса, и он угостил ее мороженым. Проходя мимо рынка, она увидела толпу людей.

— Эй, девочка! Поди-ка сюда! Хочешь, как артистка, выступать? — окликнул ее мужчина средних лет.

— Да... Хочу, — подходя, робела Лена.

— Вот становись на ящик. Это сцена. И громко-громко повторяй за мной стихи. Хорошо?

— Да...

Лену подняли и поставили на импровизированную сцену, и она начала выступать.

Внимание, внимание,
На нас идет Германия!
Нам немец нипочем,
Воюем кирпичом! —

во все горло орала она, а толпа гоготала.

— Еще! Еще! Bravo! — подзадоривала толпа, и она опять и опять повторяла подсказанные ей стихи.

Ирина Сергеевна Силецкая родилась в 1960 году в г. Здолбунове Ровенской области (Украина). Окончила Хабаровский государственный мединститут, аспирантуру Современной гуманитарной академии, Институт современного искусства и Литературный институт им. А. М. Горького (семинар Владимира Кострова). Публиковалась в журналах: «Поэзия», «Московский вестник», «Метаморфозы», «День и ночь», «Соотечественник», «Эдита», «Доля», «Крым», «Венский литератор», «Русское сердце в Европе», «Влтава», «Журнал ПОэтов». Автор десяти поэтических сборников. Поэт, прозаик, член Союза писателей России, председатель правления Европейского конгресса литераторов, организатор фестиваля «Славянские традиции». Живет в Праге.

— Милиция! Бежим! — раздались крики, и толпа мгновенно исчезла, а Лену уже снимали с ящика милиционеры.

— Ты чья такая, артистка? Ты хоть понимаешь, что говоришь? Кто тебя научил этому? Где живешь? — спрашивал милиционер.

Лена не на шутку испугалась, даже перепутала свой адрес. Когда все же выяснили, где она живет, ее отвезли домой.

— Забирайте свою дочку. Читала стихи провокационного содержания на рынке. Следите за детьми. Ее счастье, что лет ей мало и отец — офицер, — сказал матери милиционер, передавая Лену с рук на руки.

Когда за ним захлопнулась дверь, Лена получила от матери неслабую затрещину:

— Сколько раз говорила, что время опасное сейчас, что из школы напрямиком домой! Смотри, сколько лазутчиков в городе! Смотри, как опасно! Марш на кухню обедать и за уроки!

Лена бросилась в ванную, вымыла руки, шмыгнула на кухню и через час уже спала, сидя за столом над открытыми тетрадками.

Мать не разрешала Лене долго гулять во дворе. У нее были еще две маленьких дочери, и ей нужна была помощь — погулять с младшими, покормить их. А Лена, зная, что ее заставят помогать, старалась как можно позже возвращаться после школы, объясняя это дополнительными занятиями. Нагулявшись с подружками и набегавшись, она, придя домой, поев и быстро сделав уроки, тут же засыпала. Начинались каникулы, приходилось чаще оставаться с матерью, и Лена искала любой повод вырваться на свободу, к подружкам.

И вот внезапно каникулы закончились, не начавшись, а с ними и ее детство. Военный городок проснулся рано утром от рева низко летящих самолетов. Вся семья кинулась к окнам, заплакала младшая сестренка Лариса. Было темно и страшно. Отец начал быстро одеваться.

— Что-то случилось. Я — в часть! — только успел сказать он, как послышался страшный грохот. Сразу стало ясно, что бомбили склады вооружения неподалеку, потому что взрывы не прекращались, а это означало, что рвутся многочисленные снаряды. Свет не зажигали, и отец долго не мог найти ключи от складов, которых уже не было. Все выскочили на улицу. Над городком стояло зарево, время от времени откуда-то со свистом летели снаряды, разрываясь со всех сторон.

— Они знали, куда сбрасывать бомбы, сволочи! Они все знали: где склады, где часть! Я пошел! — сказал отец.

— Ты куда? Складов уже нет! Убьет тебя шальной снаряд! Детей пожалей! — кричала мать.

Но отец уже бежал по направлению к страшному зареву. Семья смотрела ему вслед, уже светало, и было видно, как за ним сомкнулась высокая трава.

Утром по радио Левитан объявил о начале войны. Мать сидела растерянная, не готовила еду, дети бегали около нее и просили есть. Только к обеду пришел отец, весь в копоти, уставший и серьезный.

— Аня, война! Я должен помочь эвакуировать семьи офицеров — и сразу на фронт. Поедешь с детьми на Урал. Не плачь... Не ты одна, вы там будете все вместе, я дам тебе продовольственные карточки, вас там встретят, разместят. Как устроишься — мне напишешь. Все, успокойся и собирайся, не пугай детей, — сказал отец.

Лена смотрела на него во все глаза. Она понимала, что они уезжают без папы, а он идет на фронт. Младшие сестренки смеялись, рвались на руки к отцу и ровным счетом ничего не понимали. Мать наконец-то вышла из оцепенения, быстро собрала на стол, отец сел обедать.

— Как же я одна? Дети маленькие. Ладно, Лена постарше, а эти? Шесть и три года... Как я с ними? Может, не поедет никуда? Может, война ненадолго? Переждем, а через месяц-два все наладится? — причитала она, передвигая кастрюльки на плите.

— Нет, Аня, это надолго, в два месяца не управимся, — грустно ответил отец. — Собирайся, завтра уезжаете. Много вещей не бери, только самое необходимое. Теплые детские вещи, одеял пару, никаких игрушек, я ведь тебе не помогу... Все, я пошел, собирайся. Все будет в порядке...

Лена хотела побежать к подружкам, но мать непустила.

— Лена, ты у меня взрослая уже. Помогай собираться. Ты же все слышала!

— А с девчонками попрощаться?

— Да они все с нами в поезде будут, что с ними прощаться-то?

К вечеру в коридоре стояли три внушительных узла. Младшие присмирели, интуитивно понимая, что веселиться нехстати. Отец пришел поздно вечером.

— Вот продовольственные карточки. Смотри не потеряй. Без них пропадешь, продуктов без них не достать, а у нас дети. Я положу их в нагрудный карман гимнастерки, завтра перед посадкой отдам, а то с детьми будешь возиться, не дай бог, потеряешь. А теперь спать. Завтра рано вставать. Ну, хлопцы, по кроватям марш! — скомандовал отец.

Лена улыбнулась. У отца было три дочери, он все мечтал о сыне, но жена регулярно приносила из роддома дочерей, и он начал в шутку называть их хлопцами. Младшие быстро уснули, а Лене не спалось. Она слышала, как на кровати долго возились родители. Она уже давно подглядывала и прислушивалась к их перешептыванию, все пытаясь разобраться: что же они там делают? А сегодня они не утихомирились до самого утра. Она слышала обрывки фраз вперемежку со скрипом кровати и поцелуями:

— Я тебя могу долго не увидеть... Ты смотри там, ты красивая, будут липнуть мужики, береги себя... Смотри мне... — шептал он.

— Ну что ты, как можно... Я все понимаю... Я буду ждать... — отвечала мать.

Снова звук поцелуя, скрип кровати...И так до самого утра.

Утром отец ушел рано. Мать подняла детей, накормила. Она очень нервничала, и ее состояние передалось детям. Лена была злая, невыспавшаяся, хныкали младшие сестры. Но мать их не утешала, она сама сидела растерянная и молчаливая.

Отец приехал на грузовике.

— Скорее, дети, Аня, скорее! Поезд через час отходит! Давайте вещи! — быстро кричал он.

— Я писать хочу! Мама, писать! — заныла Лариса.

— Ну, как же ты не вовремя! Пошли скорее, — подхватила мать.

Наконец они вышли из квартиры. Лена заметила, что мать не закрыла дверь на ключ, а просто прикрыла, переглянувшись с отцом. Всех посадили в машину, забросили узлы в кузов и поехали на вокзал.

На вокзале творилось что-то ужасное. Крики, плач, брань... Люди, ожесточенные и испуганные, толкали друг друга, не замечая ни детей, ни узлов. Каждый был занят собой и думал только о себе. Мужчины, правдами и неправдами впихнув свои семьи в вагон, только после этого переводили дыхание, стояли у окон и переговаривались с родными, рыдающими внутри. Как только отец успел втолкнуть Анну с детьми в вагон и передать через окно узлы, поезд тронулся.

— Платон! Пропаду я с ними, пропаду! Платон, я лучше останусь! — кричала со слезами мать.

— Аня, держись! Это ненадолго! Я напишу, где буду! Детей береги! — кричал бежавший за вагоном отец.

Лена держала за руку плачущую мать и тоже плакала. Малыши притихли, но уже через полчаса попросили есть. И тут мать охнула:

— Карточки! У отца в кармане остались карточки! Чем мне вас кормить? Продуктов только на два дня!

Женщины сочувственно молчали, но ни одна не дала ни одной карточки, все думали о своих детях.

Ехали уже третьи сутки, еда закончилась, и дети Анны с завистью смотрели на других детей, которые ели продукты продпайка, выдаваемые семьям военных на железнодорожных станциях. С ними, конечно, делились, но неохотно, а гордая Анна стеснялась лишний раз попросить. Ехали так медленно, что иногда можно было даже бежать вдоль поезда. Эшелон пропускал все поезда, идущие на фронт. Лишь к концу третьего дня добрались до узловой станции Жмеринка, откуда их состав должны были отправить на Урал. Все сидели в вагонах и ждали отправления. Отойти нельзя было ни на минуту: никакого расписания не было, поезд мог тронуться в любой момент, и легко можно было отстать. Солнце стояло в зените, жара нестерпимая, в вагоне пахло потом и немытыми телами, маленькие дети уснули.

Вдруг раздался какой-то странный звук: тихий, свистящий, очень быстро набиравший силу и превратившийся в рокот двигателей. Все подняли головы вверх: шесть самолетов необычной конструкции летели прямо над станцией.

— Все из вагонов! Это немцы! Всем покинуть состав! Бегите подальше от поезда! Все из вагонов! — закричал сильный мужской голос.

Толпа кинулась к выходам, сметая на своем пути всех, кто замешкался. Кричали дети, женщины, кто-то хватал и тут же бросал свои вещи, понимая, что с ними далеко не убежать. Анна сидела в глубине вагона, прижав к себе троих детей. Она выскочила одной из последних, когда уже раздалось первые взрывы. Снаряды сыпались вокруг, оставляя огромные воронки и разорванные тела людей. Она было побежала, как и все, но почувствовала, что не может нести двоих маленьких. Оглушенная взрывами и испуганная видом окровавленных тел, она села на землю метрах в ста от вагона, накрыла руками своих детей и так сидела, как парализованная, пока не прекратилась бомбежка.

«Если суждено, так погибнем все вместе, без меня дети все равно не выживут», — крутилось в ее голове.

— Закройте глаза и не открывайте, пока я не скажу! — закричала она детям и сама закрыла глаза, чтобы не видеть всех ужасов массовой гибели людей.

Вскоре вой самолетов и звук рвущихся снарядов сменились густой тишиной, которую разрывали ужасные крики и стоны раненых и перепуганных взрослых и детей. Люди бросились искать своих родных, зачастую находя лишь окровавленные тела. Вой стоял страшный. Только Анна не кричала и не плакала, она сидела в той же позе, прижав к себе детей. Дети тоже молчали.

— Эй, вставай! Расселась... Испугалась так, что ли? — спросил проходящий с носилками мимо санитар. Анна открыла глаза, удивляясь тому, что они выжили, все выжили!

— Дети! С вами все в порядке? — принялась она осматривать и ощупывать детей.

Вот теперь они заорали, и остановить их она никак не могла. Анна потащила их к вагону искать вещи, но их вагона просто не было, а в груды обломков своих узлов они уже не нашли. Анна пошла на станцию к начальнику.

— Я жена офицера. Моя фамилия Пацалюк. Мы потеряли карточки. Помогите, у меня трое детей, — просила она.

Ей дали на слово сухой паек на три дня, но карточки восстановить не было возможности без запроса с последнего места службы мужа. Ехать на Урал без продуктов с детьми Анна не могла, они бы умерли с голоду. Анна помнила, как неохотно расставались с продуктами соседки по вагону, и решила отправиться к своей свекрови в деревню. Туда можно было поездом добраться дня за два.

Ехали неделю, продукты закончились, дети плакали и просили есть. Выручало то, что, когда проезжали деревни, сельские женщины бросали им в теплушки кто кар-

тошку, кто фрукты. Так и держались. Наконец к ночи мужик довез их на подводе до дома свекрови.

— Вот еще, три рта привезла... Что же Платон еще четвертого не настрогал? — встретила ее свекровь.

Она никогда не любила Анну, которая была из зажиточной семьи. Когда молодой Платон приехал «поднимать» деревню по партийной путевке, то сразу влюбился в красивую дочь местного кулака. Они тайно встречались, понимая, что отец Анны будет против ее брака с «голытьбой». Но вмешалась судьба. Платон увидел список намеченных к раскулачиванию крестьян, где на первом месте значился Остапчук, отец Анны. Вечером он предупредил девушку, что если ее отец не сдаст все имущество в колхоз, то утром его отберут, а семью сошлют в Сибирь. Анна передала это отцу, и тот, собрав стадо коров, коней, две подводы семенного зерна, подводу домашнего скарба, ночью привез все к сельсовету, где день и ночь принимали движимость у кулаков, решивших «сотрудничать» с советской властью. Утром он стал бедняком: у него осталась изба с голодными детьми и возможность жить в родном селе. Платон с Анной поженились, но «богачку» невестку мать Платона так и не приняла. Вот и сейчас смотрела косо, даже детей по голове не погладила.

— Ладно, живи. Дети-то Платона? — издевалась свекровь.

Анна терпела ради детей. Ехать было некуда, немцы оккупировали Украину. В их селе они не стояли, а бывали наездами. Делами заправлял местный староста — назначенный фашистами дядя свекрови, одноногий старик, единственный мужчина на все село. Было голодно, но у свекрови осталась дойная корова. Внуков от дочери свекровь не обижала. Вечером наливала им по кружке молока, и пока те пили, подзывала детей сына и по очереди, как лекарство, давала по столовой ложке молока каждой девочке. Они выпивали и долго причмокивали, пытаясь подольше сохранить во рту волшебный вкус. Анна, вытирая слезы, молчала.

Ей с детьми выделили комнатку, где она на самом видном месте повесила портрет Платона в гимнастерке, с офицерскими погонами, чтобы свекровь не забывала, чьи дети живут у нее в доме, и ей хоть чуть-чуть было бы стыдно. В селе все знали, что у старосты живет родственница — жена красного командира, но молчали. На всей оккупированной территории фашисты искали семьи офицеров и расстреливали. Однажды в дом пришли немцы. Один из них заглянул в комнату Анны.

— Это что за женщина? Кто она тебе? — спросил он у старосты.

— Жена моя.

— А эта кто? — немец указал на жену старосты.

— И это жена моя. Сейчас мужиков нет, так у нас теперь по несколько жен. И дети все тоже мои, — врал родственник, закрывая спиной фотографию Платона. Он незаметно снял ее со стены и сунул Анне, а та за спиной медленно запихнула ее под кофточку. Так немец и не заметил фотографию русского офицера, иначе бы беды не миновать.

Больше Анна не вешала фотографию, а спрятала от греха подальше. Жизнь как-то наладилась. Анна работала в немецкой хлебопекарне, а по ночам пекла хлеб для партизан, который староста ночью же возил в лес. И ей приходилось в потемках ездить в лес — рубить ветки на дрова и тайно возить домой. Немцы за это жестоко карали, но надо было как-то топить дом, и она, прихватив с собой старшую дочь, отправлялась в лес.

— Мама, мне холодно! Я ног не чувствую, — хныкала Лена, но мать молчала, и Лена следовала за ней.

В один из дней в село вошел карательный отряд. Неизвестно, кто донес, но за Анной пришли и вытолкали на площадь, где уже были готовы пять виселиц. Ее поставили у одной из них.

— Жены офицеров — наши враги! Всех будем убивать и вешать! — проорал на ломаном русском фашист, и Анне набросили на шею веревку.

— Мама! Мама! — закричала Лена.

— Смилуйтесь, герр офицер! Она моя родственница, у нее трое детей, что я с ними буду делать? А мужа убили на фронте, так она уже и не жена офицера. Смилуйтесь, я вам верой и правдой буду служить! — молил староста.

— Хорошо, ты за нее отвечаешь, — офицер небрежным жестом указал карателям на Анну, и ее втолкнули обратно в толпу. Она ничего не успела понять, стояла бледная и молчала, прижимая к себе детей. Ее опять пощадила судьба.

Но не пощадила свекровь. Мало того, что она морила голодом ее детей, так еще и не сообщила Анне фронтовой адрес Платона, а ему написала, что Анна спуталась с калекой, вернувшимся с войны, а о Платоне забыла. Не выдержав такой жизни, Анна забрала детей и пешком отправилась к своим дальним родственникам в село Вишенка под Киевом. Там они и жили до отступления немцев.

Лена очень хорошо помнила, как они сидели в подвале, а над ними рвались снаряды, затем послышались топот солдатских сапог и гортанная немецкая речь. Потом наступила тишина, но выйти все боялись. И только через час опять топот сапог, но речь уже наша, русская! Люди высыпали из своих убежищ. Так для Анны и ее детей закончилась война, но не закончились мьтарства.

Анне восстановили продкарточки, дали дров, отдельную избу, работу, но было тяжело с тремя детьми, еды не хватало. Она искала мужа по всем фронтам, но безрезультатно. Время было тревожное. Бандеровцы, сотрудничавшие с фашистами и убивавшие своих же односельчан, не успели убежать с немцами и прятались в лесах, а ночью совершали набеги на села, грабили людей и убивали коммунистов, учителей, членов сельсоветов. Был издан негласный приказ: в ночное время никому не открывать дверь. Все боялись, особенно женщины с детьми, — защитить их ночью было некому.

Однажды ночью в дверь раздался стук. Анна медленно поднялась с кровати и бесшумно подкралась к двери, стараясь не дышать. Тишина. Опять стук. Она на цыпочках подошла к детям, которые тоже проснулись и дрожали от страха.

— Молчите, не дай бог хоть чихнете, — прошептала она.

Снова стук и тихое:

— Аня! Это я!

Анна молчала. Бандеровцы могли узнать ее имя и попытаться расправиться с ней как с женой офицера.

— Анна, это я, Платон! Открой!

— Это папа! Папа! — закричала Лена.

Анна с силой зажала ей рот рукой:

— Молчи! Этого не может быть! Нас могут убить бандиты. Молчи!

А голос во дворе продолжал:

— Анна, это я. Я на неделю с фронта. Я узнал, что вы здесь. Мне мать написала, что у тебя другой, вот я и не писал, поверил, дурак. Прости, Аня, открой!

— Если ты мой муж, назови имена своих детей, — только и смогла произнести Анна.

— Лена, старшая наша дочь, Лариса и Нина, младшая. Да это я, открой, — настаивал голос.

Анна поняла, что это Платон, но сил подняться и открыть дверь у нее уже не было. Она сидела в оцепенении.

Нашлась Лена. Она бросилась к двери и принялась отодвигать многочисленные зазоры. А потом с криком «Папка!» бросилась на шею отцу.

Платон обнял всех, они сидели и плакали. Так для Лены закончилась война...

Людмила ТАБАКОВА

УХОДЯ, ОСТАВЬТЕ СВЕТ...

Рассказ

Баба Шура проснулась не от нежного мужского прикосновения и не от звонкого петушиного «ку-ка-ре-ку!». «Может, выспалась? Или просто всех ненавижу?» — подумала она о причине раннего пробуждения. Зевнув, взглянула на икону, чтобы перекрестить беззубый рот, но передумала. Что толку? Когда-то она тайно верила в Бога, теперь тайно в него не верила — времена другие.

Блеклый рассвет поманил к окну. Горячее дыхание заставило скользить по стеклу тоненькие льдинки. Стоит весна в нескольких шагах от входа, да никак не может войти: зима поперек дороги время от времени сугробами ложится.

Свет в окнах ближних хат то загорался медью, то гас. Вон в избе Васьки Крутого печь затопили. Вспомнилось, как он ей духи подарил. «ШИНель» называются. До сих пор пустой пузырек в сундуке лежит. Когда-то Васька, небритый, в трусах, ей завтрак в постель подавал: толстенный ломоть хлеба, криво нарезанная колбаса в оболочке, слой масла, которого хватило бы на большую семью, кофе или очень горячий, или очень холодный. Вот такая романтика...

А в избе Петра Селезнева спят. Был в ее жизни и Петро. Она решила, что он мужик остроумный, а потом поняла, что кавалер возле мельницы прошелся, когда мешки выбивали. Предположительно, пыльным мешком и стукнули.

«Хотела я, чтобы семейная жизнь сложилась, да раньше времени располнела, и не по залету, а так. В автобусе люди из жалости место уступали. Вот такая жизнь „еж тебя заешь...“ — презируя свое одиночество, выдала баба Шура любимую поговорку. — Тащишь-тащишь свои сто три килограмма из кухни в кровать, а в ней и подвинуться некому, — продолжала она уничтожать себя словами. — Ладно, хватит корки мочить. Сколько в мыслях вздора: ни подумать, ни сосредоточиться».

У бабы Шуры все под контролем. В окне соседки Дарьи свет, видно, всю ночь горел... Бессонный дом. Пора бы ей и печь затопить... Не случилось ли что? Решение возникло мгновенно. Валенки ноги приняли, на широкие плечи подседа фуфайка, шаленка прикрыла голову, и захрустел тоненький ледок под килограммами бабы Шуры.

Все-таки лучший день тот, что прошел. Улица встретила неприветливо. Опять зима с весной спорят: ветер-наемник раскидывает все, что плохо лежит, да юбку на голову завернуть норовит. Несколько раз поскользнувшись, пришвартовалась баба Шура к Дарьиной избе.

Калитка настезь... Двери в избу не закрычены... «И правильно. Цена крючку — копейка...» — успела подумать баба Шура и замерла на крыльце, пока ветер в спину не подтолкнул. Вошла. Под образами лампадка чадит. Под потолком электрическая лампочка солнечное утро дополнительно освещает.

Людмила Табакова родилась на Смоленщине в 1946 году, окончила филологический факультет университета.

И лежит-то Дарья, миленькая, на своей высокой кровати, как живая. В новом платье, чистенькая, словно только что умытая, ручки на груди сложены, и глазки закрыты...

Что положено в такой ситуации чувствовать, словами не объяснить. Да баба Шура и не пыталась. Всплеснула она руками, пулей вылетела из избы и снова попала под дурное влияние ветра. Он тормозил движение вперед, толкал в грудь, бросался под ноги. Понимая, что самая плохая новость та, что пришла поздно, баба Шура боролась с ним, как могла. Главное — вовремя сообщить, услышать, что люди скажут, обобщить и дальше передать.

Больше всего она интересовалась тем, что ее абсолютно не касалось и было тайной за семью замками. Вот Дарья в деревне давно живет, а жизнь ее как под покрывалом или как в банковском договоре текст, что мелким шрифтом внизу написан. Особенный интерес имеют люди к человеку два раза: когда родился и когда умер. И хотя не принято говорить о покойном плохое, всякое говорят. Сквозь злые бабьи шепотки нет-нет да и прорвется что-нибудь хорошее. И понеслась баба Шура от избы к избе с новостью и за новостями.

Постучала в ворота усадьбы ближнего соседа Дарьи. Открыл, но не сразу. Недовольный, полусонный. За несколько лет благополучной жизни охарился Мишка, растолстел.

— Ты что, Шурка, с раннего утра по соседям шарисься? — вызверился он.

— Ты зенки-то свои протри да посмотри на соседские окна. Видишь, в них свет горит и всю ночь горел.

— Ну и что? Дарья и умрет, так свет души ее на земле останется. Я с ней вчерась через забор парой слов перекинулся. Умная женщина, поговорить завсегда интересно. Так моя злыдня ревновать вздумала. Но я дров Дашке все равно наколол — баню она топила. Веселая была. Нет, не поверю...

Умение слушать — большой плюс, а умение делать вид, что слушаешь, и в нужный момент вставлять слово — большой талант. Слушать друг друга они не умели. Ждать очереди в разговоре никто не хотел. Приходилось напоминать о себе, меня выраженные лица каждые десять секунд.

— Я Дашку давно знаю, — улучил момент Михаил, чтобы слово сказать. — Все проходит, да не все забывается. Это я ее в деревню привез. Да послушай ты! — он даже голос повысил, пытаясь остановить бурный поток Шуркиных охов и ахов. — Было это сразу после войны. Поехал я, как раз об эту пору, братана на станцию встречать. А он не приехал. Смотрю, возле вагона стоит девчужка в плюшевой жакетке. Из-под нее платьишко в горошек выглядывает, на ногах — валенки без калош. Все вещи в маленьком рюкзаке помещаются. Пригляделся: мать честная, да она ж беременная... Девушка, спрашиваю, а вам в какую деревню надо? Подвезти могу. А она молчит. Потом еле-еле из себя выдавила, что ей все равно в какую. Привез. К знахарке Матрене определил. Она — баба добрая. Всем помогала и травами, и заговорами, и человеческим теплом. Вскорости у Даши ребеночек родился. Хиленький такой мальчонка, не жилец. Схоронили. Ты, Шурка, все это, конечно, знаешь... Но лишний раз о добром человеке вспомнить не грех. Так и осталась Дарья у Матрены жить. Помогала, чем могла: огород обихаживала, травы собирала, сушила, людей лечила. Она же фельдшерица была, с образованием. К тому же и на все руки мастерица. Что шить, что вязать, цветы искусственные к Радонице делать...

— Шур, а ты не видела в ее избе цветы? Мы заказывали... Не видела? Ой, что теперь делать? — не дождавшись ответа, запричитала Мария, жена Михаила, появившаяся на крыльце.

— Цыть, дура! — прикрикнул на нее муж. — Нашла время. Иди в хату! Я, Шура, искал счастье, подобно старухе, ищущей очки, а оно всегда было у меня на носу. Личная

жизнь могла прийти из соседней избы. Но страшно ревнивая Машка обеспечила мне неприкосновенность. Нашел себя? Да лучше бы я себя потерял.

— Вот я тоже... — хотела и баба Шура вставить свои пять копеек, но Михаил махнул рукой и направился к крыльцу.

Чем больше человек имеет внутри себя, тем меньше ждет от остальных. Ни к чему Михаилу Шуркина исповедь. Обиделась баба Шура. Обида — способ заполнить внутреннюю пустоту. С обидами человек не одинок. С ним всегда его обидчик. Решила она освободиться от внутренней пустоты и понеслась по деревне.

Видит, у колонки с водой бабы кучкуются. Подлетела к ним и на одном дыхании вылепила:

— Бабы, Дарья-лекарка умерла!

Вылепила и ждет, что бабы скажут.

— Не верю! Такая женщина коня на скаку остановит! Помнишь, Ульяна, как она Гришаню моего спасла? — после минутного молчания заговорила агрономша Татьяна, молодуха в кокетливой шапочке, связанной когда-то Дарьей.

— Соболезнования кому выражать? — поинтересовалась Нюрка-кладовщица. — А наследство кому достанется? У нее деньги были... Надо ее вещи хорошо прощупать. А-то в моей родной деревне случай был... После смерти одной старушонки решили ее лохмотья сжечь на костре. Бросают в огонь одеялья, перину, платья... Стоп! Фуфайку, что уже в костер бросили, сосед ейный прямо из огня выхватил — показалась она ему тяжеловатой. Искры сбили, фуфайку потоптали, ножом распорол. А там под подкладкой деньги спрятаны — все больше двадцатипятирублевки. Да много! Целые пачки! Но устарели деньги, их давно обменять надо было.

Помолчали, обдумывая, что бы еще к случаю сказать...

— Было у ей что с Егором аль нет, Улюшка? — нарушила тишину одна из женщин. — Много раз видела, как он в одно и то же число шел к Дарьиной избенке. Летом, осенью, весной — с цветами. Но возвращался быстро, а цветы швырял в придорожную канаву.

— Иди ты к кляпам, Манюшка... Ой, сегодня пятница? — встрепенулась Улюшка.

— Нет, четверг, — ответил кто-то.

— А когда пятница?

Вопрос остался без ответа. Подхватили бабы ведра и разошлись.

А баба Шура понесла новость фронтовику Петровичу. Были у него дом, жена и дети, а осталась после войны лишь медаль. Все отняли проклятые фашисты. Пришел с войны и шинель променял на гармошку. Пришлось все начинать заново. Петрович занят: внук Бондик не хочет сидеть на горшке. Дед не мог привыкнуть к иностранному имени, которое придумала невестка, увлеченная фильмом о Джеймсе Бонде, и называл его по-своему — Барсик.

— Надо в военкомат сообщить, — отреагировал он на новость. — Всю войну Дарья прошла. А сколько раненых с поля боя вынесла! Надо с почестями похоронить... Мало нас осталось. Вечная ей память... — всхлипнул Петрович.

Бондик, увидев плачущего деда, зарыдал во весь голос. «Надо уходить», — решила баба Шура.

У магазина толпа желающих выпить открытия магазина ждет. Баба Шура сообщения сделала. Отреагировал Колька Степняк. Жизнь ему зубы выбила, но улыбка, широкая и круглая, как мяч, осталась. Работы нет, вот и пьет он под присмотром телевизора то водку, то пиво — на что денег хватает.

— Люди не хотят быть теми, кто они есть, — рассудил он. — Они хотят быть на рупь дороже. И врут, врут о себе. Хотя... о других тоже врут. Вот и ты, Шурка, врешь про Дарью. Внимание к себе привлечь хочешь. Не может она помереть, потому что людям нужная... Как без нее жизнь в деревне мыслить? Кто, как не она, тебя с того света вытаскивает, если невзначай перепьешь? А кто брошенные могилки на кладбище обиходит?

— Ты еще будешь мне рассказывать! — возмутился полупьяный мужик. — Злыдня она. Зимой снега не выпросишь. Скажет, как плюнет: «Пить надо меньше, а зарабатывать больше, чтобы на бутылку хватало». Бывало, денег ни за что не даст. Да Бог с ней... Умерла так умерла.

— А правду-то мы не скажем... То, что говорим о других, говорим о себе. Пьем и курим много, тратим последние копейки на что попало, смеемся зло, обижаемся легко, спать ложимся поздно, просыпаемся усталыми, читаем только этикетки на товаре в магазине, от телевизора не отрываемся, молимся редко, когда шибко приспичит. А жизнь коротка. Надо с плохого фильма вовремя уходить, бросать неинтересную книгу, быть подальше от дурных людей. Мужики, ищите повод для того, чтобы правильно жить, — высказался местный философ, который приобрел жизненный опыт, много лет наступая на одни и те же грабли.

Продавщица Зинка вставила ключ в замок — интерес к философии мгновенно пропал, а баба Шура, изрядно уставшая, поплелась в крайнюю избу к Егору Замятину. Постучала в окно: «Егор, выйди на минутку!» Как всегда мрачный, он, кажется, был готов к печальным новостям. Услышал — устало опустил на ступеньку крыльца. «Вот жизнь! Сколько дней пропало зря! Сестре не написал, кому-то не помог, семью не создал, род не продолжил... Птице, чтобы взлететь, нужно два крыла. Не взлетел, куда ж мне лететь однокрылому? Талант деторождения и сам не заметил, как в землю закопал. Где там „синяя птица“? Упало бы одно перо...» — подумал Егор.

Подумал, а сказал другое. Даже не сказал — выплеснул:

— Когда на смену надежде приходит отчаяние — это самое страшное в любви. Знаешь, Шур, расстояние сокращает любовь, даже если оно полкилометра. Нарву цветов, топаю, топаю к Дашке на другой конец деревни... А там — от ворот поворот и букет в лужу. Это моя боль, моя вина... Я умею признавать свои ошибки. Да толку от этого мало. Она меня от смерти спасла, с поля боя вынесла, в госпитале выхаживала. Полюбили друг друга. Война окончилась — я о жене, детях подумал и заставил себя о Дарье забыть. А она, беременная, в родную деревню не вернулась: перед родителями стыдно, да и что люди скажут? Вот и начались ее мытарства. Я тоже не чувствовал себя счастливым. В семье не сложилось. И решил я отыскать Дашу. Много лет искал. Дело случая — нашел. А сынишку своего так и не увидел... — всхлипнул Егор. — И вот такая новость... Да что это я? Надо бежать к ней, посмотреть в последний раз... Если ты не грешила, Шура, кинь в меня камень.

— Да ладно тебе... — отозвалась Шура. — Чистая совесть у тех, кто память потерял. Забывается. А все люди грешны. Не казни ты себя, Егор. Лучше для чего дальше жить, подумай.

Наконец весна победила в схватке с зимой. В содружестве с солнышком они растопили остатки снега, убрали сосульки с крыш. И зажурчали, зазвенели по дороге ручейки, бросаясь под ноги прохожим — ни перешагнуть, ни обойти.

Егор шел, не разбирая дороги, как всегда, посредине улицы. Баба Шура, в мокрых валенках, едва попевала за ним. Вот и конец деревни. В окнах избы Дарьи — все тот же свет... Распахнул Егор дверь — лежит Дарья, миленькая, на своей высокой кровати, как живая. В новом платье, чистенькая, словно только что умытая, ручки на груди сложены, и глазки закрыты...

— Что же ты, Дарья, сделала? — бросился к ней Егор. — Я же тебе еще не все ромашки подарил...

А она, миленькая, глаза открыла, улыбнулась и, как мертвая царица из сказки Пушкина, произнесла: «Ах, как долго я спала...»

Баба Шура выключила свет.

— Оставим на небе солнце! Под ним не страдают, под ним живут! А я пойду... — сказала она, прикрывая за собой дверь.

Владимир ВАСИЛИК

ОСТОРОЖНО! ВЛАСОВЩИНА

В этом году мы празднуем 75-летие Победы. Для миллионов наших соотечественников она является священной. К сожалению — не для всех. Есть люди, которые ненавидят ее и живут смердяковским тезисом: «Вот если бы в 1812 году умная нация победила бы глупую...» Есть и более современный вариант этого тезиса: «Хорошо бы, если бы немцы нас победили. Тогда бы мы баварское пиво пили...» Не понимают они, что пили бы лагерные помои или воду с испражнениями. Если бы вообще остались в живых.

К сожалению, среди подобных личностей встречаются, казалось бы, уважаемые люди. Среди них — протоиерей, профессор, завкафедрой церковной истории протоиерей Георгий Митрофанов, автор ряда, так сказать, научных и по преимуществу публицистических трудов. А еще — гаденького термина «победобесие». Его любимый герой — генерал А. А. Власов, добровольно сдавшийся в 1942 году при окружении 2-й Ударной армии, под именем командующего Русской освободительной армии с 1942 года возглавивший пропагандистскую работу в пользу немцев, а с ноября 1944 года — бутафорское правительство КОНР (Комитет освобождения народов России) под контролем рейхсфюрера СС Генриха Гиммлера. Вся его армия составила две дивизии, которые потерпели поражение в первом же столкновении с Красной армией и в конце войны были пленены советскими войсками. Власов со своими подчиненными был судим и повешен 1 августа 1945 года. Памяти генерала Власова прот. Г. Митрофанов посвятил целый раздел в своей книге «Трагедия России».

Автор данной книги, по-видимому, не обладает серьезной правовой культурой: удивление вызывает то, что казнь генерала А. А. Власова и его сподвижников он называет незаконной (с. 151). Во всех странах мира и во всех законодательствах добровольная служба военнослужащего врагу с оружием в руках считалась и считается изменой и карается по всей строгости закона. Не только законодательство СССР, но и законы демократических европейских стран на 1946 год предусматривали за подобное преступление смертную казнь. Позиция автора выглядит оправданной разве что с точки зрения юстиции Третьего рейха.

Владимир Владимирович Василик родился в 1970 году. Окончил филологический факультет (кафедру классической филологии) СПбГУ. Доцент исторического факультета СПбГУ. В 2017 году успешно защитил диссертацию «Отражение жизни Церкви и Империи в памятниках византийской гимнографии» на соискание ученой степени доктора исторических наук по специальности «Теория и история культуры». Автор учебно-методического пособия «История Болгарии (до 1918 г.)» (СПб., 2006). Автор монографии «Происхождение канона: История, богословие, поэтика» (СПб., 2006). Директор Центра исторической психологии при кафедре истории славянских и балканских стран исторического факультета СПбГУ.

Несколько сложнее ситуация с казнью П. Н. Краснова, А. Г. Шкуро и др., которые не являлись советскими гражданами и казнь которых прот. Георгий Митрофанов также называет незаконной (с. 141). Однако следует напомнить, что в соответствии с заключениями Главной военной прокуратуры об отказе в их реабилитации определениями Военной коллегии Верховного суда Российской Федерации от 25 декабря 1997 года граждане Германии Краснов П. Н., Шкуро А. Г., Султан-Гирей Клыч, Краснов С. Н. и Доманов Т. И. признаны обоснованно осужденными и не подлежащими реабилитации. Нет особых оснований сомневаться в объективности этого вердикта, вынесенного в демократические времена, учитывая факт их сотрудничества с нацистами, принадлежности некоторых казачьих частей к СС (например, 15-й казачий кавалерийский корпус СС) и соучастия в карательных акциях против мирных жителей в Югославии и в СССР.

Временами возникают законные сомнения в компетентности автора: так он категорически утверждает: «Мы пытаемся сделать нашу страну чуть-чуть напоминающей ту историческую Россию, которую в 1917 году не решились защитить люди, подобные генералу Власову и его сподвижникам и во имя которой они пошли на смерть в годы Второй Мировой Войны». Создается впечатление, что автор не знает, как на самом деле Власов и его сподвижники относились той исторической России, которую, по мысли автора, мы потеряли: «Они восстали против отжившего царского строя, который не хотел, да и не мог уничтожить причин, порождавших социальную несправедливость, остатки крепостничества, экономической и культурной отсталости. Но партии и деятели, не решавшиеся на смелые и последовательные реформы после свержения царизма народами России в феврале 1917 года, своей двойственной политикой, соглашательством и нежеланием взять на себя ответственность перед будущим — не оправдали себя перед народом. Народ стихийно пошел за теми, кто пообещал ему дать немедленный мир, землю, свободу и хлеб, кто выдвинул самые радикальные лозунги» (Манифест освобождения народов России. Прага, 1944)¹. Эта формулировка мало чем отличается от «Краткого курса ВКП(б)».

А вот отношение Власова и его окружения к единству и неделимости России: «Равенство всех народов России и действительное их право на национальное развитие, самоопределение и государственную самостоятельность» (Первый пункт Пражского манифеста). Чем это отличается от ленинского «права наций на самоопределение вплоть до отделения» или ельцинского — «берите столько суверенитета, сколько можете?»

Автор превозносит честность и последовательность Власова (с. 156), но как с этим совмещаются следующие высказывания в его обращениях: «Эта война принесла нашему Отечеству невиданные страдания. Миллионы русских людей уже заплатили своей жизнью за преступное стремление Сталина к господству над миром, за сверхприбыли англо-американских капиталистов. Сотни русских городов и тысячи сел разрушены, взорваны и сожжены по приказу Сталина. Союзники Сталина — английские и американские капиталисты — предали русский народ. Стремясь использовать большевизм для овладения природными богатствами нашей Родины, эти плутократы не только спасают свою шкуру ценою жизни миллионов русских людей, но и заключили со Сталиным тайные кабальные договоры» (Смоленская декларация). Или другое высказывание: «В то же время Германия ведет войну не против Русского народа и его Родины, а лишь против большевизма. Германия не посягает на жизненное пространство Русского народа и его национально-политическую свободу. Национал-социалистическая Германия Адольфа Гитлера ставит своей задачей организацию Новой Европы без большевиков и капиталистов, в которой каждому народу будет обеспечено почетное

¹ Текст взят с сайта http://www.mochola.org/russiaabroad/vlas_manifesto.htm

место». Слова о жизненном пространстве (по-немецки *Lebensraum*) особенно важны: это значит, что Власов был знаком не только с геополитическими доктринами Хаусхоффера, но и с «*Mein Kampf*» Гитлера и, следовательно, с его планами относительно России — эксплуатации ее ресурсов и уничтожения русского народа. Следовательно, Андрей Андреевич Власов ведал, что творил, и сознательно обманывал русских людей, и не только относительно некоего мифического русского правительства, которого реально не существовало, но и будущего русского народа, создания независимого русского государства и «почетного мира с Германией», о чем немцы до конца войны не желали и слышать, и даже перед самым крахом, пойдя на создание Русской освободительной армии (правда, всего в составе трех дивизий), они не дали ему никаких внятных обещаний на сей счет.

Автор пишет об осознанном и покаянном выборе тех, кто пошел воевать вместе с немцами против большевизма, правда, оговаривая, что это делали не все (с. 147). Но рассмотрим, как «калялись» некоторые из тех, за кого генерал Власов взял юридическую и моральную ответственность. Одним из первых крупных формирований русских добровольцев была РОНА — Русская освободительная народная армия, созданная зимой 1941—1942 годов. Основой РОНА стало «гражданское ополчение» из 400—500 бойцов, созданное главой местного самоуправления города Локоть (Орловская обл.) К. П. Воскобойниковым (учитель физики Брасовского лесотехникума). В феврале 1942-го он был убит советскими партизанами. После гибели Воскобойникова отряд возглавил Бронислав Владиславович Каминский, участвующий в отряде с первых дней его. К середине 1943-го ополчение под командованием Каминского, названное немцами «бригадой Камински», состояло из пяти полков общей численностью 10 тыс. бойцов (14 стрелковых батальонов, бронедивизион с КВ-1 и 24 Т-34 и моторизированная истребительная рота). Бригада Каминского на службе у немцев активно участвовала в карательной деятельности на территории Брянской области в 1942—1943 годах. Вот ее последствия. 12 января 1942 года в селе Овсорог Дятьковского района карательный отряд расстрелял 45 человек только за то, что в деревне якобы появились партизаны. Причем почти все расстрелянные предварительно подвергались невероятно тяжелым пыткам. Из 220 домов этого села осталось 154. В деревне Угровище Комаричского района 11 апреля 1942 года гитлеровцы сожгли 300 домов колхозников. Мучили, а затем расстреляли свыше 100 человек. Среди них были старики, женщины и дети. Много жителей фашисты угнали в рабство. В Севском районе немецкие оккупанты полностью сожгли деревни Святово (180 домов) и Борисово (150 домов), а в селе Бересток не только сожгли все 170 домов, но и расстреляли 181 жителя.

26 сентября 1942 года фашистские изверги целиком сожгли село Салтановка Навлинского района (450 домов) и колхозные постройки, зверски замучили девять женщин, а 861 чел. — стариков, женщин и детей — угнали неизвестно куда.

Только 17 января 1942 года в Новозыбкове фашистские палачи умертвили 380 семейств, более 1000 стариков, женщин и подростков, закопали полуживыми в землю десятки детей. После освобождения Брянска на склонах оврага Верхний Судок было вскрыто несколько ям с трупами расстрелянных и замученных мирных граждан. Только в одной из них обнаружено 3500 трупов, в четырех других — 838. В районе ст. Брянск-11, у дороги Брянск—Карачев, в 14 ямах захоронено 7500 стариков, женщин и детей, преимущественно евреев и цыган.

В Стародубском районе в конце сентября 1941 года немцы насильно согнали в концлагерь урочища «Беловщина» 1410 человек, поместили их в скотный сарай, а затем, отобрав мужчин и подростков в возрасте от 14 лет и более, вывели и расстреляли в урочище «Голое болото».

По распоряжению немецкого командования в январе 1942 года фашисты расстреляли 63 воспитанников Трубчевского детдома и трупы их спустили под лед Десны. Всего на Брянщине оккупанты убили и замучили около 80 тысяч мирных граждан и угнали на германскую каторгу около 200 тысяч человек².

В июле 1944-го она была официально включена в войска СС как «штурмовая бригада — РОНА». Одновременно Каминский получил звание бригаденфюрера СС (при этом он не был членом НСДАП). Вскоре бригада была переименована в 29-ю гренадерскую дивизию войск СС (1-ю русскую).

Отметим, что так называемая бригада Каминского, или РОНА (Русская освободительная народная армия), привлекалась к значительной части подобных операций, поскольку часто немцы перекладывали грязную работу на коллаборационистов из местных жителей.

Вот еще свидетельство о зверствах власовцев в Белоруссии, которые оставила Клавдия Александровна Милорадова, разведчица, подруга Зои Космодемьянской: «Как-то раз я тем летом в Перуново шла к нашим связным... Жара стояла страшная, все время жажда мучила. Подхожу к деревне Новое Залитвинье — попить попросить хотела, слышу автоматные очереди. А я же в основном лесными тропками ходила, потому что на дорогах можно был на наши мины напороться. Вот я из-за деревьев выглядываю — вижу: власовцы (нашивки с желтыми буквами „РОА“ на рукавах) косят крестьян из автоматов, всех подряд, вместе с животными. Потом мертвые тела под плоты (плетни) стащили и уехали. Я поближе подошла и онемела: женщины, старички, детишки маленькие совсем, даже младенцы — целые горы трупов под плотами высятся. Повернулась и бегом побежала, ни пить, ни плакать не могла. Вот так я с власовцами познакомилась. Вы уж извините, не люблю я это вспоминать — тяжело, забыть хочется»³.

Впрочем, прот. Митрофанов не оригинален в своем стремлении реабилитировать власовцев. Ноги или роги растут от нобелевского лауреата А. Солженицына, который восторгался каминцами. «*Мы не забыли и всенародное движение и Локтя Брянского: создание автономного русского самоуправления еще до прихода немцев и независимо от них, устойчивая процветающая область из 8 районов, более миллиона жителей. Требования локотян были совершенно отчетливы: русское национальное правительство, русское самоуправление во всех занятых областях, декларация о независимости России в границах 1938 г. и создание освободительной армии под русским командованием*».

Вот что творилось на самом деле. В 1944 году РОНА была переименована в 29-ю гренадерскую дивизию СС (1-я Русская). Отметим, что СС — преступная организация, осужденная Нюрнбергским международным трибуналом. 29-я дивизия СС совместно с зондеркомандой СС «Дирлевангер», состоявшей в значительной мере из немецких уголовников, убийц и насильников, участвовала в ряде антипартизанских операций, в том числе «Зимнее волшебство», в которой было убито не менее 15 000 человек 2000 угнано в Германию, более 1000 детей помещено в Саласпилский лагерь смерти в Латвии. Разграблено и сожжено 158 населенных пунктов. В материалах уголовного дела указано: «...бригадой РОНА на территории Брянской и Витебской областей расстреляно, повешено и замучено более 10 тыс. советских граждан, заживо сожжено 203 человека. Лишь из одного Брасовского района Брянской области на каторжные работы в Германию было угнано 7 тыс. человек. Полностью сожжено 24 деревни, 7 тыс. 300 колхозных дворов, разрушено 767 общественных и культурных учреждений»⁴. Вероятно, эти цифры занижены и говорят лишь об установленном числе советских граждан, казнен-

² Ткаченко А. И. О преступлениях фашистских оккупантов на территории Брянской области в 1941—1943 годах, http://old.bryanskobl.ru/region/history/guerilla/pril2_occupants.php

³ Светлана Галаганова. О вечных сражениях. О вечной любви. М., 2017. С. 285.

⁴ ЦА ФСБ РФ, Н-18757, т. 10а, л. 3—9.

ных каминцами, сюда не входит число убитых партизан и мирных жителей в боях. О злодеяниях, совершенных ими на Брянщине, достаточно говорит тот факт, что у них работала единственная в мире женщина-палач, Антонина Макарова, расстрелявшая 1500 человек из пулемета.

О масштабе деятели карателей на Белоруссии свидетельствует только одна цифра. За время карательной акции 1-го полка СС РОА (или, точнее, Первой русской национальной бригады СС) в Бегомльском районе «немцами (имеются в виду и немцы, и коллаборационисты. — В. В.) убито и сожжено мирного населения — 4007 человек, угнано на каторгу в Германию — 3051, изнасиловано 16 женщин, уничтожено жилых домов — 4007⁵». Отметим, что уничтожение мирного населения стало отплатной акцией немцев и их пособников за гибель в боях против партизан 2068 немецких военнослужащих (из них 100 офицеров)⁶. Следовательно, между антипартизанской борьбой и карательными акциями существовала жесткая связь.

В июле 1944 года бригада Каминского была официально включена в войска СС как «штурмовая бригада РОНА». Одновременно Каминский получил звание бригаденфюрера СС (при этом он не был членом НСДАП). А в августе—сентябре 1944-го каминцы подавляли восстание в Варшаве, о чем Солженицын пишет очень осторожно и трепетно. И понятно почему... Известно, что творилось во время этого подавления: жители домов выжигались огнеметами, раненых немцы пристреливали, детей привязывали к танкам в качестве живых щитов. Даже на этом фоне бригада Каминского отличалась особой жестокостью. Только за один день они уничтожили 15 000 человек. В результате 19 августа 1944 года Каминский и весь его штаб были расстреляны немцами без суда и следствия. Причиной послужило сообщение о том, что его люди изнасиловали и убили двух немок. Позже немцы объявили, что Каминский был убит польскими партизанами. В деле Каминского Солженицын искажает факты с точностью наоборот: он утверждает, что командира бригады протащили за тридцать четверкой. Здесь мы видим перевернутую версию гибели Каминского, согласно которой немцы отрезали ему руки и ноги и затем переехали танком.

Среди почитателей генерала Власова есть и люди, считающие себя профессиональными историками. Например, Кирилл Александров, автор скандальной диссертации «Офицерский корпус генерала Власова». Вот как в ней он описывает участие бригады Каминского в варшавских событиях. В рассказе о подавлении Варшавского восстания он пытается возложить вину за огромные жертвы населения Варшавы на обе стороны, описывая эпизоды вероломства и жестокости со стороны восставших и далеко не уравновешивая их рассказами о бесчинствах каминцев и казаков. Заметно стремление автора уравнивать палачей и жертв.

Вот образец объективности автора при рассказе о варшавском восстании: «Противоборствующие стороны использовали любые средства. Так, например, 9 августа группа гражданских лиц выразила готовность сдаться азербайджанцам, приблизилась с поднятыми руками и неожиданно забросала их гранатами. В районе Охота повстанцы, переодевшись в немецкую форму, подозвали к себе группу каминцев и затем расстреляли их с короткой дистанции. С оружием сражались и пожилые женщины. В свою очередь дивизионный генерал Т. Коморовский („Бур“), командовавший Армией Крайовой, обвинял противника в жестоких методах. Он утверждал, что приказывал соблюдать права немецких комбатантов и повстанцы сохраняли высокую дисциплину во время боев в Варшаве» (Диссертация. С. 422—423). Иными словами, эпизод с азербайджанцами и каминцами преподносится как истина в последней инстанции, а жестокие методы каминцев (при этом не сказано какие) всецело остаются

⁵ Генерал Власов. Анатомия предательства. Т. 1. М., 2015. С. 494.

⁶ Там же.

на совести Бур-Коморовского. Автор деликатно умалчивает об обстоятельствах гибели Каминского (Диссертация. С. 423—424), которого немцы расстреляли за насилия и мародерство. Между тем, упоминаемый эпизод с азербайджанцами сообщается со слов власовцев⁷ и как раз характерен для их поведения: Т. Царевская-Дякина в своем интервью сообщает следующие интересные факты: «В одном из опубликованных документов приведен пример поведения власовцев на фронте. Они по-русски кричали: „Не стреляйте! Мы свои“. А когда красноармейцы приближались, власовцы расстреливали их в упор. У наших солдат, хоть раз сталкивавшихся с такими подлыми приемами, реакция на власовцев до конца войны была одна: „Увидишь власовца — убей!“»⁸

Характерно финальное утверждение автора: «Офицерский корпус власовской армии, складывавшийся и формирувавшийся в 1943—1945 гг. под эгидой и при поддержке германского командования, предназначался для борьбы с советским государством, Всесоюзной Коммунистической партией (большевиков) и ее руководством под лозунгом освобождения родины от власти, чья предвоенная политика привела к беспрецедентным жертвам и страданиям миллионов людей. Вместе с тем деятельность генералов и офицеров войск КОНР — как опыт социального протеста — в условиях национал-социалистического режима и непримиримой борьбы, которую вели страны антигитлеровской коалиции против Третьего Рейха, не достигла провозглашенных целей и закончилась для власовцев катастрофой» (Диссертация. С. 856). Таким образом, автор силится представить нацистский режим меньшим злом, с которым стоит пойти на союз ради уничтожения большего зла — власти, «чья предвоенная политика привела к беспрецедентным жертвам и страданиям миллионов людей». Сотрудничество с СС — организацией, признанной преступной международным трибуналом, укрывается под некоей обобщенной «эгидой» германского командования. Отметим, что слово «эгида» апеллирует к высокому стилю и носит, как правило, положительный характер. «Германское командование» — выражение из официального языка русскоязычной документации Третьего рейха и опять-таки носит либо нейтральный, либо положительный характер, в отличие от «немецко-фашистского» или «фашистского» командования. Соответственно, можно констатировать нейтральное или положительное отношение автора к немецко-фашистскому командованию, во всяком случае — более благожелательное, чем к советскому.

В тексте встречается скрытое одобрение немецко-фашистской агрессии, террора и репрессий на оккупированных территориях: «Таким образом, вопреки репрессиям, часть населения сохраняла отчуждение от власти и непримиримое отношение к Сталину, а реакция социального возмущения требовала выхода. Война с Германией вызвала потрясение всего общественного организма и резко изменила судьбы миллионов людей, **предложив им новые варианты поведения в экстремальных обстоятельствах.** На мотивацию поступков начали влиять факторы, связанные с разрушением привычных стереотипов, требованием самоопределения и личным выбором. В 1941—1944 годах в Европу были перемещены миллионы граждан СССР, которые, несмотря на жизненные тяготы и колючую проволоку, увидели незнакомый для себя мир. Немаловажную роль в дальнейших событиях сыграла трагедия военнопленных Красной армии и встреча „подсоветских“ людей с русскими эмигрантами — носителями дореволюционной культурной традиции и разных политических взглядов» (Диссертация. С. 185). Итак, в изображении Александрова плен и угон в Германию предстает несо-

⁷ Док. № 14. Из донесения РО 9-й армии Вермахта в шт. группы армий «Центр» о положении в Варшаве и методах ведения борьбы восставшими, 10 авг. 1944 // Русский архив. Великая Отечественная. Т. 3 (1). СССР и Польша: 1941—1945. М., 1994. С. 441—442.

⁸ История предательства // Историк. № 7—8. 2015. С. 91.

мненным благом — туристической поездкой (пусть и в телячьем вагоне) в культурный, просвещенный, незнакомый дикому советскому человеку мир, а также возможностью встречи «„подсоветских“ людей с русскими эмигрантами — носителями дореволюционной культурной традиции и разных политических взглядов», иными словами — просветителями и культуртрегерами. Отметим, кстати, презрительный термин «подсоветский», в отличие от нейтрального «советский». Здесь трудно не вспомнить слова Смердякова о войне 1812 года: «Вот если бы умная нация победила глупую...» С юридической же точки зрения явные преступления нацистов — угон в рабство миллионов советских граждан и страдания военнопленных — получают очевидное одобрение. Сама трагедия войны также, по мысли автора, является благом, поскольку ломает стереотипы тоталитарного общества и предлагает им **«новые варианты поведения в экстремальных обстоятельствах»**. «Новый» в современном лексиконе, как правило, носит положительный характер. Из контекста явствует, что новые варианты — это сотрудничество с нацистами, то есть предательство, которое квалифицируется лишь... как антисталинский протест, опять-таки с точки зрения лексикона современной публицистики — явление положительное. Вот пример подобного одобрения измены и коллаборационизма: «Для людей, предоставленных собственной участи, особое значение имел жизненный опыт, с которым они попадали в немецкий лагерь. В отчаянной ситуации воспоминания о довоенных отношениях между советской властью и населением теперь приобретали особую окраску и становились существенным психологическим фактором. Так складывались условия, требовавшие политического самоопределения от граждан СССР в плену. В итоге размежевание военнопленных оказало большое влияние на развитие антисталинского протеста» (Диссертация. С. 230).

Иными словами, причиной предательства являются предвоенные репрессии, военная катастрофа, трагедия плена. Более того, сама измена, само предательство перестает быть таковым, оно становится выходом для реакции общественного возмущения, самоопределением и личным выбором, связанным с «разрушением привычных стереотипов».

Соответственно, коллаборационизм, преступление, осужденное международным трибуналом, получает оправдание и одобрение автора как «антисталинский протест».

Между тем участие многих русских соединений либо в СС, либо в особых разведывательно-диверсионных частях, чаще всего использовавшихся по борьбе с партизанами, а точнее, в карательных акциях (среди них — дивизия Р под командованием Смысловского, бригада Боярского и т. д.) ставит крест над всякой попыткой реабилитации их членов и руководителей, в том числе и А. А. Власова, который, подчеркнем, взял на себя всю полноту юридической и моральной ответственности за их действия. Приведем лишь несколько пассажей из Пражского манифеста: «Своей борьбой мы взяли на себя ответственность за судьбы народов России. С нами миллионы лучших сынов родины, взявших оружие в руки и уже показавших свое мужество и готовность отдать жизнь во имя освобождения родины от большевизма. С нами миллионы людей, ушедших от большевизма и отдающих свой труд общему делу борьбы. С нами десятки миллионов братьев и сестер, томящихся под гнетом сталинской тирании и ждущих часа освобождения. Офицеры и солдаты освободительных войск! **Кровью, пролитой в совместной борьбе, скреплена боевая дружба воинов разных национальностей.** У нас общая Цель. Общими должны быть и наши усилия. **Только единство всех вооруженных антибольшевистских сил народов России приведет к победе.** Не выпускайте полученного оружия из своих рук, боритесь за объединение, беззаветно деритесь с врагом народов — большевизмом и его сообщниками. Помните, вас ждут измученные народы России, освободите их!»

Особенно интересен следующий пассаж «Пражского манифеста»: «Освободительное Движение Народов России является продолжением многолетней борьбы против большевизма, за свободу, мир и справедливость. Успешное завершение этой борьбы теперь обеспечено: б) наличием растущих и организующихся вооруженных сил — Русской Освободительной Армии, **Украинского Вызвольного Вийска**, Казачьих войск и национальных частей». Тем самым Власов взял на себя ответственность и за деятельность украинских националистов, и за их зверства как на Украине, так и в Белоруссии, в том числе и сожжения сотен деревень вместе с жителями, в том числе Хатыни.

Всего этого, однако, не хотят видеть люди, подобные Митрофанову и Александрову. Впрочем, они, как уже отмечалось, не оригинальны. Они зависят как от западных пропагандистов, так и от отечественных диссидентов, в том числе от А. И. Солженицына.

Почему? Потому, что Солженицын не просто оправдал, а воспел и возвеличил предательство. Прежде всего — измену Родине.

Вот перл солженицыновской мысли: «Иногда мы хотим солгать, а Язык нам не дает. Этих людей объявляли изменниками, но в языке примечательно ошибались — и судьи, и прокуроры, и следователи. И сами осужденные, и весь народ, и газеты повторили и закрепили эту ошибку, невольно выдавая правду, их хотели объявить изменниками Родины, но никто не говорил и не писал даже в судебных материалах иначе, как „изменники Родины“.

Ты сказал! Это были не изменники ей, а ее изменники. Не они, несчастные, изменили Родине, но расчетливая Родина изменила им и притом ТРИЖДЫ.

Первый раз бездарно она предала их на поле сражения — когда правительство, излюбленное Родиной, сделало все, что могло, для проигрыша войны: уничтожило линии укреплений, подставило авиацию на разгром, разобрало танки и артиллерию, лишило толковых генералов и запретило армиям сопротивляться. Военнопленные — это и были именно те, чьими телами был принят удар и остановлен вермахт.

Второй раз бессердечно предала их Родина, покидая подойти в плену.

И теперь третий раз бессовестно она их предала, заманив материнской любовью („Родина простила! Родина зовет!“) и накинув удавку уже на границе»⁹.

С фактической точки зрения большая часть сказанного — бессовестная ложь. Не одного, впрочем, Солженицына, но и хрущевских пропагандистов. На этом мы остановимся ниже. С нравственной точки зрения это не просто оправдание коллаборационизма и воинской измены, но и полное извращение понятий: уже не солдат, предавший воинскую присягу и с оружием пошедший против Родины, объявляется изменником, но сама Родина, попавшая в беду, становится изменницей, поскольку будто бы допустила этого солдата попасть в плен и якобы не проявила о нем должной заботы. Соответственно, с точки зрения Солженицына, этот солдат имеет право делать со своей Родиной, то есть со своим народом что угодно: истреблять, убивать, жечь, насиловать. И соответственный вывод относительно Власова и власовцев: «Не рабами расправлялись с той стороны фронта, чтоб хоть замахнуться, чтобы погрозить Отцу уса-тому». То, что за отцом усатым стояло еще сто девяносто миллионов жителей Советского Союза, которых собирались истребить немцы и власовцы, автора не интересует. А насчет «не рабами» — смешно и омерзительно изображать простых подручных СС и подчиненных Гимmlера такими свободолюбцами. Но об этом — немного ниже.

А в целом это полное извращение нравственной иерархии. Обиженный индивид ставит себя выше Родины. У нормального русского человека к России, к Родине иное отношение:

⁹ Архипелаг ГУЛАГ. Опыт художественного исследования. Ч. 1 // Собрание сочинений. Т. 5. М., 1991. С. 90.

Но русские среди трудов и битв,
хотя порой с отчаянья немеют,
обида на Россию не имеют:
она для них превыше всех обид¹⁰.

Квинтэссенция русофобии и антипатриотизма содержится в третьей части «Архипелага ГУЛАГа», куда Солженицын включил такие пассажи, которые ужаснули даже многих его советских единомышленников. Например, вот такой, с оправданием коллаборационистов, в частности преподававших при немцах: *«Конечно, за это придется заплатить. Из школы придется вынести портреты с усами и, может быть, внести портреты с усиками. Елка придется уже не на Новый год, а на Рождество, и директору придется на ней (и еще в какую-нибудь имперскую годовщину вместо октябрьской) произнести речь во славу новой замечательной жизни — а она на самом деле дурна. Но ведь и раньше говорились речи во славу замечательной жизни, а она была тоже дурна. То есть, прежде-то кривить душой и врать детям приходилось гораздо больше...»*¹¹ Иными словами — какая разница между фашистским режимом и советским. Одинаковые. Советский, впрочем, немного хуже — врать-де приходилось больше!

А из этого выковался афоризм (точнее — афонаризм): *«Ну и что, если победили бы немцы? Висел портрет с усами, повесили бы с усиками. Всего и делов!»* Не с этой ли подлой фразы потом пошли совсем небезобидные «байки» насчет «баварского пива» и подобные рассуждения?

Как известно, в природе нет абсолютно равных величин. Поэтому все равно, «концепция двух равно преступных тоталитарных режимов», выработанная немецкими историками 60–70-х годов требует выбора. И Солженицын выбирает фашистов. Для него гестапо лучше НКВД, нацистский режим — более мягкий, человечный и менее долговечный, чем советский. Солженицын рассуждает следующим образом: *«Но принцип! Но самый принцип! Но имеет ли право русский человек для достижения своих политических целей, пусть кажущихся ему правильными, опереться на локоть немецкого империализма?!.. Да еще в момент беспощадной с ним войны?»*

Вот, правда, ключевой вопрос: для целей, кажущихся тебе благородными, можно ли воспользоваться поддержкой воюющего с Россией немецкого империализма?

Все единодушно воскликнут сегодня: нет! нет! нет!

Но откуда же тогда — немецкий plombированный вагон от Швейцарии до Швеции и с заездом (как мы теперь узнали) в Берлин? Вся печать от меньшевиков до кадетов тоже кричала: нет! нет! — а большевики разъяснили, что это можно, что даже смешно в этом укорять. Да и не один там был вагон. А летом 1918-го сколько вагонов большевики погнали из России — то с продуктами, то с золотом — и все Вильгельму в пасть! П р е в р а т и т ь в о й н у в г р а ж д а н с к у ю — это Ленин предложил прежде власовцев.

— Но ц е л и ! но цели какие были?!

А — какие?

А ведь то — Вильгельм! кайзер! кайзерчик! То же — не Гитлер! И в России рази ж было правительство? временное...

Впрочем, по военной запальчивости мы и о кайзере когда-то не писали иного, как „лютый“ да „кровожадный“, о кайзеровских солдатах незапасливо кричали, что они младенцам головы колют о камни. Но пусть — кайзер. Однако и Временное же: ЧК не имело,

¹⁰ Евтушенко Е. Штрафбат // Стихотворения. М., 1991.

¹¹ Солженицын А. И. Архипелаг ГУЛАГ. Ч. 5 // Собрание сочинений. Т. 7. М., 1991. С. 4.

*в затылки не стреляло, в лагеря не сажало, в колхозы не загоняло, матью к горлу не подступало. Временное — тоже не сталинское. Пропорционально*¹².

Пред нами — явная реабилитация нацизма и сотрудничества с ним, а равно и узаконивание измены ссылкой на исторический прецедент большевиков (во многом ложной). Оказывается, с нацизмом можно и должно сотрудничать во имя социального протеста, во имя сокрушения нехорошего Сталина. Чему удивляться недавно отвергнутой ВАКом диссертации Александрова, в которой проводится мысль о том, что власовцы — герои антисоветского социального протеста, если в школах велено изучать ГУЛАГ Солженицына? В целом данные (и иные) солженицынские рассуждения целиком и полностью подпадают под обвинение в реабилитации фашизма и под решения Нюрнбергского трибунала, а равно под закон об уголовной ответственности за уравнивание СССР и Германии, за искажение роли СССР в годы Второй мировой войны. За реабилитацию Власова и власовцев (как и за многое другое) «Архипелаг ГУЛАГ» достоин быть включенным в список экстремистской литературы, а не в школьную программу. Известно, что Первая дивизия так называемой Российской освободительной армии Власова состояла по большей части из бывших карателей — так называемой «Бригады Каминского», которая уничтожала мирных граждан на территории Брянщины, Белоруссии, Польши, та самая «Бригада Каминского», которую Солженицын силится представить в «Архипелаге» символом освободительного движения России, а ее командира — «почетным великомучеником», якобы замученным красноармейцами (на самом деле — немцами за жестокость, см. о нем ниже).

Многие обижаются на прозвище «литературный власовец», прилепленное к Солженицыну, однако на что обижаться, если сам нобелевский лауреат расписался в любви к Власову и власовскому движению? *«Возьму на себя сказать: да ничего бы не стоил наш народ, был бы народом безнадежных холопов, если б в эту войну упустил хоть издали потрясти винтовкой сталинскому правительству, упустил бы хоть замахнуться да матюгнуться на [Отца родного]. У немцев был генеральский заговор — а у нас? Наши генеральские верхи были (и остались посегодня) ничтожны, растлены партийной идеологией и корыстью и не сохранили в себе национального духа, как это бывает в других странах. И только [низы] солдатско-мужицко-казацкие замахнулись и ударили. Это были сплошь — [низы], там исчезающе мало было участие бывшего дворянства из эмиграции или бывших богатых слоев, или интеллигенции. И если бы дан был этому движению свободный размах, как он потек с первых недель войны — то это стало бы некой новой Пугачевщиной: по широте и уровню захваченных слоев, по поддержке населения, по казачьему участию, по духу — рассчитаться с вельможными злодеями, по стихийности напора при слабости руководства. Во всяком случае, движение это было куда более народным, [простонародным], чем все интеллигентское „освободительное движение“ с начала XX века и до февраля 17 г. с его мнимо-народными целями и с его октябрьскими плодами. Но не суждено было ему развернуться, а погибнуть позорно с клеймом: [измена]»*¹³.

Иными словами, власовцы — народные герои, новые пугачевы (правда, потенциально) с могучим казацким замахом народно-освободительного движения. Отметим, что именно отсюда вырастают такие опусы, как «Трагедия России» прот. Георгия Митрофанова, где почти дословно воспроизводится этот тезис Солженицына о том, что «власовцам не дано было стать героями, но они могли ими стать». И все это — ложь, ложь и ложь.

Ложью является тезис Солженицына о том, что власовское движение было низовым, народным. Власовский проект частично реализовался только потому, что Власов побы-

¹² Там же. С. 21.

¹³ Архипелаг ГУЛАГ. Ч. 4. Гл. 1. Обреченные. Солженицын А. И. Малое собрание сочинений. М., 1991. С. 29.

вал на приеме у Гимmlера в сентябре 1944 года, и тот дал добро на создание... двух дивизий. Будто с ними можно было победить восьмимиллионную Красную армию! Власов погнал на позорный убой доверившихся ему военнопленных, чтобы продлить дни Гитлера и Гимmlера. Каждый шаг Власова контролировался гестапо, при этом нацисты не стеснялись. Появившийся на политзанятии власовцев немецкий генерал без всяких церемоний провел указкой по Уралу и сказал: «Что до этих гор — все наше. Ну а дальше на восток — то ваше». Даже навидавшиеся всего власовцы обалдели от подобной наглости¹⁴. Но ничего, перетерпели и это. При этом дело было в феврале 1945-го, когда немцам, казалось, надо было спрятать в карман свои колониальные претензии, далеко и глубоко. А ничего подобного. Этот случай показывает и меру «независимости» власовского, так сказать, правительства, меру уважения немцев к своим русским пособникам и меру правдивости в обещаниях Власова о создании России в границах 1938 года.

К тому же организовывали КОНР и РОА те же советские генералы, бывшие члены ВКП(б) под присмотром СС и СД, те самые, которых Солженицын обвиняет в растленности и своекорыстии. Образовался какой-то противоестественный нацистско-коммунистический симбиоз. Ненавистник советского строя, но временами трезвый наблюдатель, Иван Солоневич справедливо замечает: «Нельзя же объяснить простой случайностью тот факт, что к руководству власовской армии были допущены одни коммунисты, которые в 1943 и в 1948 годах называли себя „бывшими коммунистами“. Я не верю в «бывших коммунистов», ибо принадлежность к коммунистической партии вовсе не ограничивается наличием партийного билета, она определяется наличием „партийных навыков“, от которых отвязаться не так-то просто»¹⁵. Солоневичу неведомо было модное ныне слово «ментальность», но в своей работе он показывает потрясающий пример синтеза нацистской и коммунистической ментальности власовских вождей: «Мою книжку „Большевизм и крестьянство“, которую я не под своим именем пытался выпустить в Праге, власовская цензура запретила за критику „ликвидации кулака как класса“. Об этой ликвидации русского мужика мне Жиленков рассказывал в тонах искреннего партийного энтузиазма...»¹⁶ Естественно, на большей части оккупированных территорий нацисты оставили колхозы в неприкосновенности: так удобнее им было эксплуатировать русского мужика.

И конечный вывод Солоневича неопровержим: «Никто не стал бы рекомендовать нести в Россию знамя монархии под прикрытием Гитлера и Гимmlера, Власова и Жиленкова. Все эти четверо были людьми одного и того же порядка: Власову была предоставлена только показательно-строевая часть „армии“, а политику этой армии проводил Гимmlер руками Жиленкова. Стал бы я под знамена этакое двуглавое орла, одна голова которого торчала бы из ОГПУ, а другая из Гестапо»¹⁷. Только добавим: из того ОГПУ, которое проводило несправедливые репрессии в 1937 году и в значительной степени было укрощено Сталиным и Берией в 1939 году.

Отметим так, что коммунизм был специфический. Троцкистского разлива. Недаром Гитлер уважал Троцкого, а тот считал, что победа Гитлера над Россией дает единственный шанс для торжества подлинного коммунизма.

И как раз коммунистическо-троцкистская ментальность неудержимо прорастает из Солженицына. Он восторгается «несостоявшейся пугачевщиной», прямо в духе комму-

¹⁴ Генерал Власов: Анатомия предательства. Сборник документов. Под ред. А. Арцизова Т. 2. М., 2016. С. 121.

¹⁵ Солоневич И. Л. Акция генерала Власова // И. С. Солоневич. Коммунизм, национал-социализм и европейская демократия. М., 2003. С. 33.

¹⁶ Там же. С. 35.

¹⁷ Солоневич И. Л. Так что же было в Германии // И. С. Солоневич. Коммунизм, национал-социализм и европейская демократия. М., 2003. С. 94.

нистических историков, типа Покровского, забывая и о возможных заграничных пугачевцах¹⁸. Так и хочется сказать: с кем вы, мастера культуры? Определитесь! Либо вы против классово-борьбы во всех случаях, либо за нее. А то получается, есть свои бунтовщики и не свои, свои родные «оппозиционеры» и злые талибы... Лицемерие, да и только, какому и Госдеп позавидует.

С одной стороны, Солженицын ненавидит Ленина и ленинскую идею превращения «империалистической войны в гражданскую», но охотно приемлет ее для власовцев (см. выше). А почему — потому, что они воевали против Сталина. Вместе с Вильгельмом, получается, нельзя, а с Гитлером против Сталина — можно!

Подобная концепция связана с ненавистью к советскому строю, которая, может, независимо от воли автора переходит на историческую Россию. Но ненависть глушит разум. А сон разума рождает чудовищ.

Именно из-за попытки реабилитировать Власова и власовцев Солженицын был прозван литературным власовцем.

Помимо Власова, восхваляет Солженицын и казаков майора Кононова, якобы перешедших на сторону немцев всем полком чуть ли не под музыку: «Вот настроение того времени: 22 августа 1941 г. командир 436-го стрелкового полка майор Кононов открыто объявил своему полку, что переходит к немцам, чтобы влиться в Освободительную армию для свержения Сталина, — и пригласил с собой желающих. Он не только не встретил сопротивления [[весь полк]] пошел за ним! Уже через три недели Кононов создал на [[той]] стороне добровольческий казачий полк (он сам был донским казаком). Когда он прибыл в лагерь военнопленных под Могилевым для вербовки желающих, то из 5000 тамошних пленных — 4000 тут же выразило желание идти к нему, да он их взять не мог. В лагере под Тильзитом в том же году [половина] советских военнопленных — 12 тыс. человек — подписали заявление, что пришла пора [[превратить войну в гражданскую]]».

Реальность была совершенно другой, чудовищной, страшной и омерзительной. Приведем свидетельство Клавдии Милорадовой: «Грязную работу с явным удовольствием делали не только люди с нашивками РОА, но и их соратники с алыми лампасами. Клавдия узнала об этом, когда в очередной раз попросила в одной из деревень разрешения попить из колодца. „Нет тут больше колодцев, — тихо сказал ей единственный уцелевший старик. — Люди придут — новые выкопают, а пока нет“. Оказалось, что колодцы были забиты порубленными человеческими телами. „Всех до одного на куски изрубили. Я, когда подошел, тут все кровью залито было, а они уже уезжали“, — закончил свой рассказ старик».

«Кто? Немцы?» — не поняла Клавдия. «Да нет. Русские они были, конные, на штанах красные полосы как у генералов». Это были «герои» казачьего эскадрона майора Кононова, перешедшего на сторону фашистов¹⁹.

Вот они, герои Солженицына. Вот оно, превращение империалистической войны в гражданскую. Мог знать Солженицын об этом? Мог. Ведь его батарея воевала в Белоруссии. Он проходил через эти разоренные, мертвые, истребленные деревни, видел дома, сожженные с людьми. Видел виселицы. И все это забыл и предал.

¹⁸ Вот один лишь из эпизодов: Пугачев вошел в алтарь, сел на церковный престол и сказал: «Как давно я не сидел на престоле»... Церковь Георгиевская была осквернена даже калом — лошадиным и человеческим. См.: Пушкин А. С. История Пугачева // А. С. Пушкин. Собрание сочинений. Т. 8. М., 1977. С. 100. Всего пугачевцами было казнено не менее 10 000 человек, притом не только дворян, но и священников, купцов и крестьян. Существует версия, согласно которой Пугачев был подготовлен польскими конфедератами.

¹⁹ Галаганова Светлана. О вечных сражениях. О вечной любви. М., 2017. С. 287.

Вот цена солженицыновской антисоветской риторике и его скорби о невинно убиенных.

Временами Солженицын, говоря о немецкой оккупации и коллаборационизме, опускается до прямого лжесвидетельства и полной подтасовки фактов: «А приходилось же немцам иногда и правосудие вершить — например, над доносчиками советского времени — как расстрел дьякона Набережно-Никольской церкви в Киеве»²⁰. А вот что было на самом деле: «За чтение в храмах послания митрополита Сергия (Страгородского) в Киеве были расстреляны настоятель Николо-Набережной церкви архимандрит Александр (Вишняков) и протоиерей Павел Остренский»²¹.

Доходит до конфузов. Солженицын с восторгом пишет о 1000 человек ленинградской молодежи во главе с неким студентом Рутченко, которая подалась в леса под Гатчиной встречать немцев, чтобы бороться с ними вместе против большевизма²².

Во-первых, то, что касается 1000 человек ленинградской молодежи. На самом деле около 316 студентов-лесгафтовцев (Института физической культуры им. Лесгафта) вошли в партизанские отряды и подалась в леса не только под Гатчиной, но и в других местах Ленинградской области, чтобы достойно встретить немцев — в штывы и пулеметы — и выпроводить их с земли Русской. Десятки их погибли в неравном бою с немцами, как, например, знаменитый начальник партизанского отряда Д. Ф. Косицын²³. Лживая солженицынская фраза — плевок на могилу студентов-лесгафтовцев, павших в боях с фашизмом.

Далее будем разбираться с «неким студентом Рутченко». Вот небольшая цитата из статьи Владимира Рудинского «Неполная биография» в газете «Наша страна», № 2037 от 19 июля 2003 года: «Мы уже имели случай упоминать, что у известного публициста и политического деятеля Н. Н. Рутченко, члена НТС, есть налицо несколько вариантов его жизнеописания. „Новый Мир“ № 3 от с. г. дает ему новую версию, пером Д. Шеварова: „Сын офицера-«дроздовца», закончил исторический факультет Ленинградского университета, где учился на одном курсе с Львов Гумилевым. Участник финской войны, командир роты в начале Отечественной. Узник Заксенхаузена и Дахау. После освобождения союзными войсками попал в англо-американский лагерь, откуда сбежал. С 1948 года живет в Париже“. А где же упоминается Байдалаковым в его воспоминаниях служба г-на Рутченко, Рутыча тож, чекистом в Прибалтике во время первой советской оккупации? И описанная там же служба в германских «войсках СД»? И пребывание в Италии, о котором когда-то писал Сукачев в «Новом русском слове»? И служба там в английской армии в период насильственных репатриаций казаков и кавказских горцев?²⁴ Да и в Париже он появился вроде бы в 1942-м, а не в 1947 году, о чем я тогда же писал в журнале «Знамя России» в Нью-Йорке. Опять же Солженицыну он рассказывал еще по другому: «А группа ленинградской молодежи свыше 1000 человек (студент Рутченко) вышла в леса под Гатчину, чтоб дожидаться немцев и бороться против сталинского режима». Позвольте! А как же «командовал ротой» в советской армии? И ужасно хотелось бы уточнений: за что и почему он сидел «в Заксенхаузене и Дахау»? «Реши-

²⁰ Архипелаг ГУЛАГ. Ч. 4. Гл. 1.

²¹ Псковский синодик пострадавших за веру Христову в годину гонений священноцерковнослужителей, монашествующих и мирян Псковской епархии XX столетия. Автор-составитель: инокиня Валерия (Мельничук). Под общей редакцией архимандрита Еρμοгена (Муртазова). М.; Псков: Учреждение культуры, искусства, науки и образования «Духовное преображение», 2005. С. 4.

²² Архипелаг ГУЛАГ. Ч. 4. Гл. 1.

²³ <http://pro-lesgaft.spb.ru/ngu/traditions/history/velikaya-otechestvennaya-voyna>

²⁴ Добровольческое движение: историческая справка. Цит. по материалам сайта стран Оси: <http://country-osi.narod.ru/roa.html>

тельно, г-н Рутченко, есть Протей, непрерывно меняющий формы! не порадует ли он нас в дальнейшем еще какой-либо новой историей своей жизни?»²⁵

Так что не поймешь, кто у него борец с нацизмом или большевизмом, узник Дахау или палач? Скорее всего, изрядная часть героев «антибольшевистской борьбы» были просто прохвосты, для которых важна была власть — портфель и пост. Это — активисты, прекрасно изображенные Иваном Солоневичем: «Рядовые винтики, оставшиеся у немцев, очень скоро убедились в том, что при немцах даже и воровать гораздо проще. Рядовым винтикам было бы все равно: чи Сталин, чи Гитлер, только бы власть, портфель и пост... Единственный человеческий материал, готовый жечь, вешать и пытаться во имя портфеля, все равно какого — гитлеровского или сталинского...»²⁶

Так что с исторической точки зрения солженицыновские тезисы критики не выдерживают.

Очень точно высказалась исследовательница коллаборационизма, составительница сборника «Генерал Власов. История предательства» Т. Царевская-Дякина: «Даже если будут найдены какие-то новые документы или чьи-то письма и мемуары, общей картины они не изменят. Останется неизменным и главный вывод: Власов был предателем и марионеткой в руках врагов, с которыми воевал не только Советский Союз, но и другие страны антигитлеровской коалиции»²⁷. Но тогда как назвать того, кто восхваляет Власова?

²⁵ <http://nashastrana.info/index.php?module=pages&act=page&pid=79>

²⁶ Солоневич И. Л. Акция генерала Власова // Солоневич И. С. Коммунизм, национал-социализм и европейская демократия. М., 2003. С. 35.

²⁷ История предательства. Историк. № 7—8. 2015. С. 94.

Сергей ДОМОРОЩЕНОВ

В АРХАНГЕЛЬСКЕ НА ГЛАВНЫХ РОЛЯХ — ЛЕНИНГРАДЦЫ¹

К началу Великой Отечественной войны писателей в Архангельске жило совсем немного. И за время «сороковых роковых» больше не стало — их было даже меньше, чем эвакуированных в город на Северной Двине ленинградских коллег.

Самый известный из архангелогородцев той поры — сказочник С. Г. Писахов, которому шел седьмой десяток лет. Он преподавал в школе рисование. Выживал с трудом, как и многие его земляки.

Писахову повезло: Архангельск дал стране все, что мог, ценою жизни, по данным загса, 38 тысяч горожан. Они умерли от голода, холода и болезней. В 1941—1944 годах не стало каждого пятого архангелогородца. После блокадного Ленинграда наш город — на втором печальном месте по смертности среди мирного населения на тысячу жителей. Но на фронт своевременно отправлены ленд-лизовские грузы, ему поставались лес, целлюлоза, рыба, для него ремонтировались корабли.

Ленинградцы — это военкоры Юрий Герман, Владимир Беляев и другие. (Ребенок супругов Беляевых умер в Архангельске — это последствие жизни в блокаде.) У них были свои обязанности как у военных людей: они выезжали на фронт, писали репортажи, очерки, заметки в газеты и для Телеграфного агентства Советского Союза. Но и о писательстве не забывали. К примеру, в 1943 году, к 25-й годовщине Красной армии, в Большом драматическом театре (так назывался в ту пору театр драмы имени М. В. Ломоносова) поставили спектакль «За здоровье тех, кто в пути» по пьесе Ю. П. Германа — о моряках, участниках плаваний в северных конвоях. Но среди действующих лиц — и англичане, капитан парохода, летчик, его мать. Союзникам автор справедливо отдавал должное.

24 февраля 1943 года в областной газете «Правда Севера» опубликована рецензия «В честь тех, кто в пути» Беляева на эту пьесу Германа. Рецензент рассказал о капитане торгового парохода Гогитидзе (имя не названо) — «храбром капитане, горячем умном человеке беспокойной грузинской крови», который стал прообразом главного героя. Герман познакомился с Гогитидзе, в порту на пароходе «целые дни и ночи просижи-

---

Сергей Николаевич Доморощенов родился в 1952 году в Архангельске. В 1975 году окончил факультет журналистики Ленинградского государственного университета. Член Союза журналистов России. Член Союза писателей России. Автор десятка книг очерков, интервью, рассказов, среди них — «Неоконченный спор», «Разбитое зеркало», «Свеча Николаю Угоднику», «Я немножко тоже Русь». В 2019 и 2020 годах двумя изданиями вышла его книга «Великий счастливец. Биография Федора Абрамова».

¹ Глава из готовящейся к изданию рукописи «Писатели Севера в необычном времени. К 85-летию Архангельского регионального отделения Союза писателей России».

вал у него». Общался с людьми в каютах, где «сохранился еще с рейса кислый пороховой запах, плотники и маляры заделывали повреждения».

Гогитидзе стал в пьесе из четырех действий и шести картин Галактионом Абашидзе, капитаном парохода «Салтыков-Щедрин». «Эта роль, в которой умело соединена жизненная правда с маленькой долей литературного вымысла, — написал Беляев, — является удачей автора».

Рецензент почему-то сказал о романтике: «В пьесе заключена еще совершенно неизвестная ни советской литературе, ни драматургии романтика конвоев с их внезапными, почти таинственными исчезновениями в рейсе, с ежеминутной опасностью на пути, в ней показано рождение дружбы между русскими и английскими моряками. Она написана в честь тех, кто в пути, и недаром в ней часто поднимают бокалы за здоровье плавающих и путешествующих».

Северный историк театра Юрий Угаров в своей книге «Театральный Архангельск» написал, что зрители спектакля «с напряжением следили за поединком советского корабля с немецкими самолетами». Как уж это выглядело на сцене, сейчас трудно сказать.

Сезон 1944–1945 годов открылся в драмтеатре спектаклем «Белое море» по пьесе того же Юрия Германа. Как раз в Архангельске Юрий Павлович начал разрабатывать темы, которые вошли в его роман «Россия молодая» — о времени Петра Великого, о защите нашего города от шведов, о подвиге кормщика Ивана Рябова и так далее.

Рябова играл в спектакле Сергей Плотников — будущий народный артист СССР, личность, горячо любимая в Архангельске и области не только театралами. А в сериале начала восьмидесятых годов «Россия молодая» (режиссер Илья Гурин) Плотников сыграет Антипа Тимофеева, отца Таисьи Рябовой.

У Сергея Николаевича Плотникова — главная роль и в спектакле «Русские люди» (поставлен в 1942 году) по пьесе тоже не чужого для Архангельска человека — Константина Симонова. Героический журналист и писатель трижды был во время войны в Архангельске. Здесь он написал поэму «Сын артиллериста», которую охотно учили наизусть советские школьники: «Ничто нас в жизни не может вышибить из седла...» Первым исполнителем поэмы — уже в 1941 году — стал тот же Плотников.

В 1944 году в писательской организации обсуждали фрагменты будущей «России молодой». Наверно, автор услышал какие-то советы.

По воспоминаниям ответственного секретаря «Правды Севера» военных лет и будущего литературного краеведа Бориса Пономарева, Герман, которого Борис Семенович часто видел в своей газете, «находил время рыться в архивных материалах, прочитал немало книг о Петре I на Севере, о строительстве Новодвинской крепости, о Соломбальской и Вавчугской верфях, изучил культуру и быт Петровской эпохи. Он не только делился с нами тем, что узнал, но и расспрашивал нас о многом: о Гостином дворе, где помещались типография и редакции наших газет, о Соломбале, о Мосеевом острове».

В свое время я брал интервью у кинорежиссера Алексея Германа, который очень любил отца и готов был рассказывать о нем при каждом удобном случае. «Отец получил задание от начальника политуправления флота написать историческую вещь о России. Отец всегда знал, что настоящая Россия начинается с Архангельска, с поморов, которые говорили: „Мы богатые не кланяемся“. Вот такие были гордые. Отец очень любил поморов. Они — вообще какая-то другая порода людей... Так что „Россию молодую“ Юрий Герман стал писать по заданию флотского начальства».

Наш драматический театр осенью 1943 года принял к постановке пьесу ленинградца Александра Чиркова «Беспокойный адмирал» — о знаменитом адмирале Степане Осиповиче Макарове. Но театр поторопился: в Москве лицам, принимавшим решения, пьеса не понравилась, и спектакль не состоялся. А Юрий Герман надеялся увидеть «инте-

ресную, серьезную» пьесу на архангельской сцене, поэтому предложил «Правде Севера» рецензию на работу коллеги. Рецензия вышла 22 октября 1943 года.

«В основу своей пьесы Александр Чирков положил, — написал Герман, — историю изобретения Макаровым наконечника к артиллерийскому снаряду, увеличивающему пронизывающую способность. Современный броневой снаряд есть развитие макаровского изобретения.

Кроме великого русского моряка в пьесе Александра Чиркова действует величайший русский химик Дмитрий Менделеев — близкий и глубоко чтимый Макаровым человек. Затем проходит целая галерея морских чиновников царской России. ...С безразличными тунеядцами, с хитрецами-взяточниками вступает в борьбу пламенный патриот, верный сын России, „беспокойный адмирал“ и, пройдя тяжелейшие испытания, побеждает».

В марте 1948 года глава северной писательской организации Константин Кониичев, будущий ленинградец, представил в Архангельский обком КПСС записку о работе областного издательства, о содержании послевоенного альманаха «Север». Заметил, что журнал «Советская книга» и «Литературная газета» подвергли критике «Беспокойного адмирала» за то, что Макаров «показан в пьесе неясно и двусмысленно». А может быть, дело еще в том, что мало и плохо изобразил незадачливый драматург тунеядцев и взяточников?.. Нет, не Салтыков-Щедрин он, не годится пьеса!..

В середине тридцатых годов прекратился в Архангельске выпуск литературного журнала. В 1943 году во многом благодаря Герману и Беляеву вышел литературно-художественный альманах «Север», номер первый и последний за время войны. Следующие номера этого издания будут выпускать уже после победного мая.

Что же в том «Севере»? Все темы — военные. Пафоса — некоторый переизбыток. Но, возможно, в то время он не мешал... В альманахе, в частности, повесть Александра Чиркова «Люди дальних постов», шесть рассказов Юрия Германа (три под псевдонимом «Ф. Корнеев»), рассказы Владимира Беляева, Александра Чиркова, стихи Александра Чуркина, автора песни «Вечер на рейде» («Прощай, любимый город, Уходим завтра в море...»).

Один из рассказов Германа, «Матросская гордость», — о русских и американских моряках, погибавших на своих плотках и шлюпках, но не пожелавших принять подачку, продукты питания, с немецкой подлодки — их бы снимали в тот момент для пропагандистского фильма.

Владимир Беляев в рецензии на альманах («Правда Севера». 20 ноября 1943 года) критически отозвался о «Людах дальних постов» Чиркова: «Слишком быстро и почти без всяких видимых препятствий, как в сказке о скатерти-самобранке, заготавливают моряки овощи на зиму, спасают терпящих бедствие рыбаков, воюют с фашистским миноносцем».

В альманахе же — очередной сказ члена Союза писателей с 1938 года Марфы Крюковой, жительницы деревни Нижняя Зимняя Золотица, — о младом поморе Фоке. Предлагаю вниманию читателей часть отрывка, занявшего в «Севере» десять страниц (из главы «Про то, как Фока с немцами-злодеями воевал»):

Как услышал-то помор молодой Фока,
 Что злой немец-от на нас войной пошел,
 Могучи плечи его сшевелелися,
 Лепота в лице переменялася,
 Ретиво сердце растревожилось.
 Распростился он с молодой женой,

Прижал детей к груди ко молодоцкой:
«Вы не плачьте по мне, не тужите-тко,
Оберегать иду свою родину,
Море Белое студеное любимое,
Защищать иду весь народ родной;
Не допущу до вас я, дети малые,
Змей лукавых семиглавых все,
Отрублю я хоботы змеиные,
Перебью змей всех я до единого,
К вам живой вернусь скорехонько».

Сказ записал и обработал в мае 1943 года Александр Морозов, еще один эвакуированный осенью 1942 года из Ленинграда писатель (историк русской и зарубежной литературы, переводчик, фольклорист). Он и его жена фольклористка Эрна Георгиевна Бородина-Морозова, тоже член Союза писателей, по командировке Союза писателей СССР записывали «крюковские» сказы, былины, новины. (При том, что перед самой войной в Москве уже вышли два тома былин «от Марфы Крюковой», этого «колоса народного творчества и замечательного поэта», как выразился в 1940 году руководитель творческого союза Александр Фадеев, а первые былины в исполнении Марфы Крюковой фольклорист А. В. Марков записал еще в 1898 году.) Одна из них — «Соловей Будимирович»:

Из-за моря, моря синево,
Из-за синево моря Хвалынскаво
Выходило тут двенадцать черных караблей.
Подходили те карабли ко городу ко Киеву,
Заходили они под самой дворец да все ведь княжеской.

В Архангельске и Золотице Морозовы проживут два года. У нас Александр Антонович Морозов заинтересовался биографией Михаила Васильевича Ломоносова. В 1950 году в Москве, в серии «ЖЗЛ», будет издана его книга о великом поморе. В 1952 году он получит за эту работу Государственную премию СССР.

Работы у Морозовых в 1943 году было очень много, что неудивительно, поэтому Александр Чирков своим приказом продлил им командировку до 1 сентября.

16 июня 1943 года в «Правде Севера» опубликована статья Морозова «У Марфы Крюковой», присланная в редакцию с берега Белого моря. Любопытные строчки:

«Почта приносит в дом Крюковой письма от бойцов. Марфе Семеновне пишут и личные знакомые и те рядовые бойцы, которые ее знают только по ее творчеству». Один из бойцов «присылает ей почти с каждой почтой по аккуратно сложенному треугольничку — он писал ей и перед боем, и из госпиталя после ранения. Долгие зимние вечера Марфа Семеновна диктует ответы своим многочисленным корреспондентам». И далее: «Невозможно в короткой статье охарактеризовать все своеобразие и выразительность находок сказительницы».

Во время войны «пропевания» М. С. Крюковой публиковались в разных изданиях Советского Союза.

В 1939 году Марфа Семеновна Крюкова награждена орденом Трудового Красного Знамени, а в 1946 году — высшим орденом СССР, Ленина. В свое время ее произведения изучались в школах. Было это правильно: они — наша «античность». Исследовательница ее биографии и творчества Елена Нелаева написала: «Ее былины выразительны,

богаты сюжетами, передают патриотическое и социальное содержание времени. Хотя фольклорные экспедиции, организованные по инициативе Государственного Литературного музея и Пушкинского Дома, работали с ней долгие годы, репертуар сказительницы в полном объеме остался незаписанным и работа фольклористами не была завершена».

Еще одна цитата из Е. С. Нелаевой — по книге «Здравствуй, морюшко Белое!»: Марфе Семеновне «помешали пронести свой дар с честью, не дали работать в полную меру. Талантливой женщине без конца советовали, как думать, о чем говорить и пропевать так, как пропевает, например, Сулейман Стальский о вождях. Свои советы-повеления скрепляли подписями-закорючками и печатями. ...Механическое соединение архаичных форм поэтики и языка с современными реалиями жизни ослабило художественную ценность сказов...»

Наверно, в писательской организации 1944 года понимали то, что опубликовано у Нелаевой в 2001 году, поэтому на собрании, говоря о работе Морозова и Бородиной-Морозовой, посчитали очень важным «записать старинные былины о героическом прошлом русского народа».

В апреле 1951 года, незадолго до смерти великой сказительницы, от нее, колхозницы, которая, как и все, зарабатывала трудодни, «принято в госпоставки» по сельхозналогу 2 килограмма 700 граммов сливочного масла... Едва не до последних дней приходилось ей работать на сенокосе, чтобы обеспечить корову кормом, которую Крюковы, сестра Серафима Семеновна (она моложе, но тоже не в молодых годах) и Марфа Семеновна, содержали вдвоем. Еще и от овец не отказывались.

...Тираж альманаха — пять тысяч экземпляров. Я читал его в краеведческом отделе Архангельской областной научной библиотеки имени Н. А. Добролюбова, где он хранится в фонде «Раритет».

В альманахе — имена людей, так или иначе связанных с историей литературы Севера. Некоторые из них ничего не говорят современному читателю. Но Писахова в альманахе нет!.. Почему? Непонятно. (Надеюсь разобраться в этом в будущем.) Писал Степан Григорьевич уже немного. Но писал же. К примеру, 7 ноября 1943 года в «Правде Севера» опубликован его небольшой рассказ «Дети». Он мог бы и в альманахе появиться. Вкупе с чем-нибудь еще писаховским.

Привожу начало этого рассказа:

На ступеньках крыльца собрались дети. Старшему еще нет пяти лет, младшему исполнилось три года.

Вова, четырех с половиной лет, предложил новую игру.

— Я буду информбюро.

Четырехлетняя Нина сказала:

— Встань выше. Информбюро — это очень высоко, на улице говорит с высокой высоты и у нас дома высоко на стене, а у тети Паши говорит с комода, — это тоже высоко. Информбюро надо высоко стоять, чтобы всем было слышно...

Вова поднялся на верхнюю ступеньку крыльца, вытянулся во весь рост и немного приподнялся на носках, чтобы быть еще выше, и заговорил, подражая голосу диктора:

— Внимание! Наша доблестная Красная Армия заняла город...

Вова забыл название города. Маленькая Аня подсказала: Изюм.

— Целый город Изюму наш стал. Немцы теперь без сладкого остались.

Гонорар полагался за такую публикацию скромный... 17 марта 1946 года Степан Григорьевич на писательском собрании благодарил уполномоченного отделения Союза писателей Александра Чиркова, его заместителя и уполномоченного отделения

Литфонда Александра Миронова за то, что они «заботой обо мне сохранили мне жизнь, — цитата по протоколу собрания. — Нет слов, чтобы поблагодарить за это наших товарищей».

Каким образом могла проявляться забота? Например, получением карточек с литерами «УДП»: «Усиленное дополнительное питание». По ним выдавали по кусочку мяса или сала тюленя. Но поскольку немного его было, да и непостоянно его выдавали льготникам, остряки говорили: «УДП — значит Умрешь Днем Позже»... И все же поддержка-то была. И памятник тюленю поставлен в Архангельске не благодаря настоящим и мнимым защитникам природы, а тем, для кого война была священной.

В архиве писательской организации я прочитал экземпляр документа — увы, без даты — список «членов Союза советских писателей, проживающих в г. Архангельске для литерного снабжения, согласно приказа № 308 НКТ СССР». НКТ — Народный комиссариат торговли. Документ составлен для областного торгового отдела. Одна из граф — «Каким снабжением пользовался до сих пор». Читаю: Беляев, спецкор Совинформбюро — 1-я группа; Герман, спецкор ТАСС, Крюкова — «персональн.»; Чирков (местом работы названа газета «Северная вахта») — 1-я группа; Писахов (школа) — 2-я группа.

На том же собрании 1946 года Александр Чирков не забыл упомянуть о различных подарках всем писателям — американской одежде. Но прежде всего в своем отчете о недавно проделанной работе он сказал о пенсии для Писахова как о заслуге всего отделения союза.

Пенсию Степану Григорьевичу оформили не в свой срок: сказалось его незавидное прошлое: во время Гражданской войны и интервенции он был автором белогвардейских газет.

Уполномоченный писательской организации — это штатная единица, с оплатой работы. Если Чирков как глава отделения союза работал несменяемо, то в должности уполномоченного Литературного фонда побывал и тот же А. Чирков, и Л. Фридланд (ленинградец Лев Семенович Фридланд — прозаик; майор медицинской службы, врачом служил еще в старой армии, в 1915—1917 годах).

В конце октября 1944 года братья-писатели отметили 65-летие Писахова. Об этом праздновании рассказал в книге «Литературный Архангельск» Борис Пономарев. «В редакции военной газеты собралось человек пятнадцать-двадцать (похоже, имеется в виду газета Архангельского военного округа „Патриот Родины“. — С. Д.). Тепло, от души приветствовали юбиляра... После этого все пошли в ресторан, помещавшийся в деревянном здании на самом берегу Северной Двины. На улице было холодно и темно, хоть глаз выколи. За парашетом внизу, разбиваясь о валуны, глухо шумели двинские волны».

После прогулки в погоду не самую лучшую согрелись в теплом — и светлом — зале, который показался посетителям особенно уютным. Подали (столы были уже накрыты) очень скромный ужин. Почитатели таланта сказочника и художника пили водку, трезвенник Писахов радовал душу чаем. Теплые слова растрогали его, он «стал торопливо рассказывать новую бывальщину».

Потом писатель-маринист Александр Миронов и Юрий Герман ушли на кухню, вернулись с блюдом, покрытым салфеткой. «А сейчас, — нарочито торжественно сказал Миронов, — юбиляр нас будет потчевать кулебяками». Кулебяки были с семгой.

Военные люди, офицеры, многое могли, в том числе и деликатесную рыбу раздобыть.

Руководство писательской организации нередко безуспешно бодалось с местным книжным издательством, которое (отчасти из-за боязни получить трепку от военной

цензуры) предпочитало издавать не произведения, написанные на местном материале, а то, что уже не раз спокойно выходило к читателям — например, рассказы Александра Серафимовича и даже Ги де Мопассана. И шарахался руководитель издательства от рукописей — то от рассказов Владимира Беляева «Ленинградские ночи», то от книги Александра Чиркова «Люди дальних постов» (о морях-беломорцах), то от работы Льва Фридланда «Как они возвращаются» (о том, как благодаря военным врачам снова вставали в строй получившие раны на фронте солдаты), а то и от сказок Степана Писахова. Книгам некоторых членов писательской организации не сложнее было выйти в Москве, чем в Архангельске.

Интересно, что и в войну деньги Архангельскому отделению Союза писателей выделялись из Москвы на многое: не только на аренду помещения, оплату электроэнергии, канцелярских и почтово-телеграфных расходов, но и на выпуск периодической литературы, «работу по северному фольклору», работу с начинающими литераторами, «творческие командировки по обслуживанию посевной, уборочной кампании, сплава», на медицинскую помощь писателям, на пособия при несчастных случаях и так далее.

Александр Григорьевич Чирков — 1892 года рождения, из рабочих, с 1914 года — матрос Балтийского флота; в 1918 году «с отрядом моряков Балтики участвовал на фронте борьбы с Юденичем»; литературной работой занимался с 1926 года; член ВКП(б) с 1927 года; в 1934 году окончил Ленинградскую академию искусствознания; за границей не был, никто из родственников за рубежом не жил; не судим; капитан береговой службы, начальник отдела агитации и пропаганды газеты Беломорской военной флотилии (информация из личной карточки члена Союза писателей).

На 1 января 1944 года в Архангельском отделении состояло на учете — вместе с ленинградцами — 12 человек. Потом стали оставаться только немногочисленные наши земляки: большинство писателей вернулось в город на Неве; Александра Евгеньевича Миронова тянуло в родную Белоруссию, и после 17 лет жизни на Севере он в 1946 году уехал в Минск.

Перед отъездом семьи эвакуированных писателей получили от Союза писателей материальную помощь.

За время Великой Отечественной войны писатели выступали с рассказом о творчестве и чтением своих произведений в разных аудиториях — в филармонии, госпиталях, на кораблях, предприятиях, в гарнизонном Доме офицеров, областной библиотеке имени Н. А. Добролюбова.

В 1944 году в филармонии состоялся платный вечер, сбор от которого пошел в фонд помощи детям, пострадавшим от фашистов.

Уехал из Архангельска и Владимир Беляев. Работал в Западной Украине. Жил во Львове. Входил в комиссию по расследованию зверств фашистов. В 1960 году переехал в Москву. Написано им немало. В частности, в 1971 году в серии «ЖЗЛ» вышла его и соавтора Анатолия Елкина книга «Ярослав Галан», о западноукраинском писателе-коммунисте, убитом врагами советской власти во Львове в 1949 году.

В номере «Литературной газеты» за 1–7 июня 2016 года автор заметки «И это МГУ?» Александр Трубицын высказался таким образом о невежестве дамы-профессора из нашего главного университета: «...позор не лично дамы (каких только дам не бывает!), но позор того учреждения, где дамам с таким уровнем образования и общей культуры дают звание профессора». Эти слова — отчасти в связи с тем, что дама-писатель, переводчик, доктор филологических наук не читала «Старую крепость» Владимира Беляева. И советский фильм по этой книге не смотрела, названный Трубицыным «прекрасным».

...Писателей-ленинградцев, живших во время войны в Архангельске, у нас не забывают.

Татьяна АКУЛОВА-КОНЕЦКАЯ

ИМЯ ПОБЕДИТЕЛЯ — ВАЛЕНТИНА ЧУДАКОВА

Документальный очерк

*К 95-летию со дня рождения В. В. Чудаковой
и 75-летию Великой Победы*

«Чижик — птичка с характером» — так называется самая известная книга Валентины Чудаковой — повесть о войне, которую она прошла наравне с мужчинами.

Валя Чудакова ушла на фронт Великой Отечественной 28 июня 1941 года, когда немецкие танки подступали к городу Дно. Разведчики, с которыми она воевала, прозвали девчонку с косичками, успевшую окончить восьмой класс Дновской средней школы, Чижиком.

Ей исполнилось двадцать лет, когда пришла Победа. И двадцать лет потребовалось Валентине Чудаковой, чтобы прийти к художественному осмыслению пережитого на войне, — и словом *«держат за Россию ответ»*.

Первая повесть Валентины Чудаковой «Чижик — птичка с характером» увидела свет в 1965 году в журнале «Нева».

* * *

Валентина Чудакова родилась в Ленинграде, жила с родителями на Петроградской стороне — на Петропавловской улице в доме № 6/8.

Родители были репрессированы, о них известно не многое, да и сама Валентина Васильевна не все о них знала — этому помешала война.

Ее мать — Анастасия Дмитриевна — училась в гимназии г. Новоржева Тверской губернии; по профессии — агроном. В конце 1930-х годов она была арестована в деревне Спирово Бежаницкого района Великолукской области; умерла в 1940 году (не в заключении).

Отец — Василий Иванович Чудаков — из крестьян Тверской губернии, служил во флоте. Он рано покинул семью, и троих его детей кормили жена и бабушка.

Татьяна Валентиновна Акулова-Конецкая — библиограф, литератор, редактор. Окончила Ленинградский государственный институт культуры им. Н. К. Крупской (1986). Секретарь мужа писателя Виктора Конецкого (1988–2002), учредитель и ген. директор Морского литературно-художественного фонда им. Виктора Конецкого (с 2003-го). Автор и автор-составитель книг: «Лети, корабль!» (2003), «Виктор Конецкий: указатель литературы на русском языке. 1956–2002 гг.» (2004), «Дорогой наш Капитан» (2004), «Виктор Конецкий: Ненаписанная автобиография» (2006), «Воспоминание» (2009), «Благодаренье снимку...» (2009), «Жены и Океан» (2010), «Эта пристань есть...» (2012), «Виктор Конецкий: Человек из морского пейзажа» (2014), «Морской журнал» (2019) и др. Лауреат литературной премии им. А. Беляева (2013) за книгу «Эта пристань есть...». Живет в Санкт-Петербурге.

В анкете кандидата в члены ВКП(б) В. Чудаковой (1943 год) указано, что отец умер в 1936-м, позднее она писала: *«Был военным моряком, защитник Ленинграда, работал инженером-электриком на заводе „Электросила“»*.

Сбежавшая в 1941-м на фронт из дома бабушки Валя Чудакова долго не знала о судьбе отца. В ее наградном документе 1943 года членом семьи названа лишь подруга М. Б. Малашина (г. Горький): бабушка Мария Григорьевна, Галина и Дима (сестра и брат Валентины) во время войны оказались на оккупированной фашистами территории в городе Дно. Лишь в 1949-м Валентина Васильевна узнала, что они живы, что жив и отец, работает инженером-электриком во Пскове.

Из автобиографии В. В. Чудаковой

Я — старший лейтенант Чудакова Валентина Васильевна родилась в Ленинграде 4 апреля 1925 года в семье студентов — мать заканчивала сельскохозяйственный институт, отец — Военно-морское училище им. Фрунзе. Позднее мать работала агрономом при Ленинградском ОБЛЗО (Областное земельное управление. — Т. А.), отец — инженер-электрик водного транспорта.

В 1933 году я пошла в первый класс и окончила семилетку в 1940 году в г[ороде] Дно, Ленинградской обл., где в это время проживала у бабушки. Мать умерла в 1940 году. Отец работал с 1938 года в п[оселке] Вытегра в Управлении Внутренних Водных Путей Шексненского бассейна.

В 1941 году я окончила 8 класс Дновской средней школы и на шестой день войны добровольно вступила в ряды РККА, в 183 с[трелковую] д[ивизию] С[еверо]-З[ападного] фронта под г[ород] Порхов Ленинградской области.

С тех пор и по январь м-ц 1945 года находилась в Действующей Армии на фронтах Отечественной войны. Была сначала красноармейцем при разведке, потом санитарным инструктором. В декабре 1942 года окончила курсы мл[адших] лейтенантов при 29 Армии (ускоренный курс. — Т. А.). После чего была назначена командиром пулеметного взвода в 312 с[трелковый] д[ивизион], где и прослужила по август 1943 года. После ранения была назначена в 207 с[трелковый] д[ивизион], где служила до февраля 1944 года в качестве командира пулеметной роты, а позднее, командиром отдельной учебной стрелковой роты.

С февраля 1944 года по январь 1945 года находилась в 153 Армейском запасном стрелковом полку в должности командира пулеметной роты <...>

[1946 год].

Из «Послужного списка» В. В. Чудаковой

Воспитанницей 183-й стрелковой дивизии Валя Чудакова стала в шестнадцать лет. *«Была посыльной при штабе — доставляла боевые пакеты, — вспоминала Валентина Васильевна. — Помогала полковому писарю. Хлорировала питьевую воду. Драила котлы полевых кухонь. Перевязывала раненых. Писала под их диктовку письма домой. Стирала бойцам портянки. В окружении ходила в разведку. Хоронила убитых...»*

Представляя Валентину Чудакову к первому ордену Красной Звезды, командир ее стрелкового батальона майор Сандомирский отмечал: *«В ночь с 10-го на 11 марта 1943 года с пулеметным расчетом выбила противника в количестве 15 человек из деревни Касня и заняла ее. В этом неравном бою она действовала без участия стрелковых подразделений»*.

Наградной лист санинструктора 227 стрелкового полка 183 стрелковой дивизии

Тов. ЧУДАКОВА в наступающих боях части показала себя решительным, храбрым медработником. В боях за дер[евню] Воробьево находясь на передовой линии оказа-

ла медицинскую помощь более 50 раненым бойцам и командирам и сама непосредственно принимала участие в атаке в штурманской группе, где была ранена.

За проявленное мужество и отвагу красноармейца ЧУДАКОВУ награждаю правительственной наградой орденом «КРАСНАЯ ЗВЕЗДА».

КОМАНДИР 183 СТР[ЕЛКОВОЙ] ДИВИЗИИ
ГЕНЕРАЛ-МАЙОР
КОСТИЦЫН
5 апреля 1943 г.

В свои неполные восемнадцать лет Валя Чудакова уже командир пулеметной роты и боялась не смерти, а «как бы не подвел пулемет». Своими слабыми девчоночьими руками она удерживала тяжелое тело «максима», чтобы не так сильно прыгала мушка, и уверенно направляла огонь пулемета на бегущих немцев.

Связисты дали Вале позывной — «Малыш»...

В. Чудакова воевала на пяти фронтах: на Северо-Западном (1941), Калининском и Западном (1942–1943), 2-м Прибалтийском (1944) и 2-м Белорусском (1945).

«В основном мы страдали от холода, — писала Валентина Чудакова. — Отоспаться в тепле — вот оно немудреное походное солдатское счастье...» Предметом мечтаний на войне для нее был «новенький пистолет-пулемет Столярова, не так давно принятый на вооружение»...

Во время кровопролитных страшных боев подо Ржевом в 1942-м Чудакова получила первое ранение. «Мы наступали на Ржев по трупным полям», — вспоминал участник тех сражений А. А. Михин в книге «„Артиллеристы, Сталин дал приказ!“ — Мы умирали, чтобы победить» (2006).

И память об этом никогда не отпускала Валентину Чудакову.

«Глядя сегодня на военные фотографии, вспоминаю дни минувшей войны, друзей-товарищей... Вспоминаю тот день августа сорок второго, тот тяжелый бой, — рассказывала она на открытии фотовыставки „По дорогам войны“ в 1975-м году. — Наша дивизия стояла под Ржевом, удерживала здесь большие силы противника. Задача была очень ответственная, ведь мы не давали фашистам перебросить свои войска под Сталинград, где решалась тогда судьба города. Враги не оставляли нас своим вниманием. Атаки сменялись одна за другой, а в тот день гитлеровцы пошли на решительный приступ. Хотели подавить нас психологической атакой. Когда ранило комсорга Диму Яковлева, и наш единственный пулемет замолк, я, быстро перевязав товарища, легла за пулемет сама. Не сразу почувствовала, что ранена, а когда почувствовала, когда пошла горлом кровь и боли в спине сковали движения... враг был уже отбит. За этот бой я получила свою первую Красную Звезду. А вскоре, после выписки из госпиталя, попала на курсы младших лейтенантов, стала командиром пулеметного взвода. Было мне тогда чуть меньше восемнадцати...» (Сов. фото. 1975. № 5).

В 1943-м Валентина Чудакова получила тяжелое ранение в боях за Дорогобуж, а впереди было участие в штурме Смоленска. В Белоруссии (у Добромисльи и Орши) ее опять дважды ранило, уцелела Валя чудом. Последнее пятое тяжелое ранение постигло ее в 1944-м в районе Пустошки, где шла подготовка сил для прорыва знаменитой немецкой оборонительной линии «Пантера», которую немцы считали неприступной. Товарищи, многие из которых годились Валентине в отцы, посчитали тогда ее погибшей. Но она опять выжила и была отправлена для прохождения службы в запасной стрелковый полк.

**Наградной лист старшего лейтенанта
597 стрелкового полка 207 стрелковой дивизии**

Старший лейтенант ЧУДАКОВА, участвуя в боях под НОВЫМ СЕЛОМ БССР — с 18.11 по 29.11.43 года и на участке БАЙКИНО—ГРЕЧУХИ Пустошинского р-на

Калининской области (ныне Псковская обл. — Т. А.) с 12.1. по 17.1.44 года проявила отвагу и мужество, умение управления своим подразделением.

В первый же день боя под НОВОЕ СЕЛО батальон овладел передовыми траншеями противника и продолжил их удерживать, отражая непрерывные контратаки.

В этих боях, с личным составом своей роты ст[арший] лейтенант ЧУДАКОВА, принимая на себя всю тяжесть боя, умелой организацией огня своих пулеметов, а также увлекая личным примером бойцов обеспечивала продвижение пехоты и овладение траншеями.

В боях за д[еревню] БАЙКИНО ст[арший] лейтенант ЧУДАКОВА также самоотверженно руководила своей ротой, проявляя находчивость и отвагу.

Достойна правительственной награды — ордена «ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 2 СТЕПЕНИ».

КОМАНДИР 597 С[АПЕРНОГО]П[ОЛКА]

Подполковник

НИКИФОРОВ

25 февраля 1944 г.

Валентина Васильевна рассказывала, что на фронте ее представляли к званию Героя Советского Союза, но какая-то штабная крыса наложила резолюцию: «Уточнить — он, она или оно...» Не поверили, что девчонка из боя в бой ведет за собой роту взрослых мужиков-пулеметчиков...

За ратный подвиг В. В. Чудакова награждена тремя орденами Красной Звезды (27.03.1943, 05.04.1943, дата награждения третьим нам неизвестна), орденом Отечественной войны II степени (16.03.1944), медалью «За Победу над Германией» (1945).

В 1944 году Валентина Чудакова вышла замуж за Виктора Мичурина. Был он уроженцем города Ярославля, состоял в родстве с известным актером театра и кино Геннадием Мичуриным (1897—1970).

26-летний гвардии майор Виктор Константинович Мичурин был под стать Валентине: в армии с 1938 года, участник польской (1938) и финской (1939—1940) кампаний, в Великой Отечественной — с ноября 1941-го; награжден тремя орденами: Красного Знамени (18.03.1942), Александра Невского (09.08.1944) и Отечественной войны II степени (09.06.1945), медалями, в том числе «За оборону Москвы» (28.10.1944) и «За взятие Берлина» (20.12.1945).

Они встретились в начале 1944-го, во время совместной службы в 153-м Армейском запасном стрелковом полку 3-й ударной армии, Мичурин был командиром батальона.

Своего первенца — сына Михаила — Валентина Васильевна родила на родине мужа, на ярославской земле — за месяц до Победы.

Как складывалась семейная жизнь В. Чудаковой и В. Мичурина, неизвестно. Брак этот не был долгим, возможно потому, что Валентина не смогла забыть о главной своей потере на войне — бесстрашном комбате украинце Мише Федоренко. В 1941-м он ушел из Ленинграда в народное ополчение в синем рабочем комбинезоне. Капитан Михаил Платонович Федоренко (1918—18.08.1942) был смертельно ранен в бою у деревни Маслово подо Ржевом и скончался на глазах у Валентины. Своего первенца она назвала именем любимого...

В 1945 году Валентине Чудаковой пришлось учиться жить в условиях мирного времени. Она уже не была той девчонкой в белом платьице и легких тапочках, что без оглядки убегала из бабушкиного дома защищать Родину, не было больше и «веселого безза-

ботного Чижика» — «пехотного юнга». За ее плечами — страшный опыт войны, а в походной сумке — военные дневники.

В. Чудакова окончила Ленинградскую юридическую школу и четыре курса Всесоюзного юридического заочного института имени М. И. Калинина, работала народным судьей во Мгинском районе Ленинградской области и во Фрунзенском районе Ленинграда (1948—1957). В этих сухих строках ее биографии многое скрыто.

Спустя годы на похоронах писателя-фронтовика Виктора Курочкина (1923—1976) Валентина Васильевна рассказывала, как после Ленинградской юридической школы их с Виктором Александровичем послали «на второй фронт — вышибать из лесов Новгородчины бежавших туда полицаев и уркаганье». Позднее сообщила вдове писателя: «Хлестануло нас и „Ленинградское дело“. Высоким начальникам срок вlepили, а ленинградцев пониже всех выдавили с Новгородчины „от греха подальше“» (в книге: Нестерова-Курочкина Г. Е. Долгое эхо оборванных струн... СПб.: Росток, 2010. С. 65).

«Ленинградское дело» — серия судебных процессов в конце 1940-х — начале 1950-х против партийной и государственной верхушки страны.

В те неоднозначные годы Валентина Васильевна снова вышла замуж, в 1953 году родила сына Петра, в 1955-м — дочь Катю. До 1965 года она работала старшим инспектором в отделе кадров треста «Севзапэлектросетьстрой».

Второй брак долгим тоже не стал. Сильная и независимая Валентина Васильевна пожертвовала женским счастьем, выбрав одинокий путь в литературу. После публикации своей первой повести «Чижик — птичка с характером» она сосредоточилась на литературной работе, пять лет трудилась редактором Лениздата (1966—1971) — это был ее «литературный институт».

Произведения Валентины Чудаковой — «Ратное счастье», «На тихой Сороти», «Комманданты, интенданты...», «Командир роты», «Когда я была мужчиной», «Как я боялась генералов» — не переиздаются, и это несправедливо.

Ее проза автобиографична, почти всегда В. Чудакова называет по имени тех, кто реально прошел рядом с ней войну. И есть еще одна ценная черта в ее книгах: она понимает и по-настоящему любит солдата — рядового труженика войны, хотя спуску не дает никому.

В ее книгах захватывает не только сюжет — не выдуманный, а выстраданный, волнует и язык ее прозы. В детстве — у ласковой Сороти, которая, «*петляя по безбрежной равнине, как светло-голубая лента, блестела на солнце*», а «*у самой воды стояла высокая тонкая мачта, предназначенная для подъема и спуска лагерного флага*», бегая «*по тенистым дубовым аллеям и неведомым дорожкам*» Михайловского и Тригорского, на солнечной поляне под дубом уединенным и на скамье Онегина — Валентина Чудакова впитала «нагую простоту» родной речи, красоту пушкинского слова.

Впервые о судьбе В. В. Чудаковой я услышала от писателя Виктора Конечкого. Виктор Викторович как-то заметил, что для него в писательской организации Ленинграда самые достойные — Валентина Чудакова и Радий Погодин. Он смотрел на них, фронтовиков, восхищенными глазами благодарного блокадного мальчишки.

...Валентина Васильевна Чудакова умерла 14 июля 1989 года. Ей было всего шестьдесят четыре года. Она ушла с застрявшим под сердцем вражеским осколком и пробитыми на войне легкими.

За три года до смерти В. В. Чудакова была награждена орденом Отечественной войны I степени.

...Я живу в писательском доме на улице Ленина (Широкая). Пару лет назад в парадном нашего дома, что помнит решительные шаги жившей в квартире № 22 Валентины Васильевны, кто-то оставил на подоконнике за ненадобностью книги, подаренные некогда Чудаковой: на одной из них дарственная надпись моряков Кронштадта, на другой — капитана дальнего плавания Юрия Клименченко...

«Иных уж нет, а те далече...»

Книги переданы в Кронштадтский морской музей.

В 2020 году Морским литературно-художественным фондом имени Виктора Конецкого в городе Дно на Псковщине на здании школы будет установлена мемориальная доска — памяти Валентины Васильевны Чудаковой.

Подготовлено по документам, полученным по запросу Морского литературно-художественного фонда имени Виктора Конецкого из Центрального архива МО РФ (г. Подольск)

РАЗВЕДЧИКИ И ПРЕДАТЕЛИ:

Об эссе «Коллекционный экземпляр» Иосифа Бродского

«Коллекционный экземпляр» можно, пожалуй, назвать самым анти-советским произведением Иосифа Бродского. И хотя поводом для его написания стало весьма незначительное происшествие — в 1991 году в одном из магазинов Нью-Йорка на обложке «Лондонского книжного обозрения» (ЛКО) Бродский увидел марку с изображением советского разведчика Кима Филби — эссе затрагивает глобальные события того времени — распад СССР и триумф Запада, неожиданно для себя оказавшегося победителем во многовековом противостоянии.

Безусловно, в этих событиях Бродский выступает на стороне Запада, хотя, в отличие от него, видит в происходящем не только успех, но и подводные камни, которые в будущем способны нивелировать любые достижения. Именно поэтому поэт пытается предостеречь Запад от ошибок, которые могут дорого ему стоить. Хотя эссе написано на английском языке, в нем есть и то, что интересно русским читателям. Сегодня, через тридцать лет, уже можно сказать, что многое из того, о чем писал Бродский, стало реальностью.

Эссе было опубликовано в американском журнале «The New Republic» в апреле 1992 года под заголовком «Collector's Item: The Newer Meaning of Treason. Philby, England, Russia and a Postage Stamp» («Коллекционный экземпляр: новое значение предательства. Филби, Англия, Россия и почтовая марка»), который значительно превышает русский вариант.

Стоит отметить, что это довольно объемное произведение. Эссе включает 45 стандартных страниц машинописного текста. Очевидно, что при таком объеме тема, к которой обращается Бродский, была для него крайне важной. Он счел необходимым поделиться с западными читателями представлениями, которых они в силу своего рождения были лишены. А поэт, первая половина жизни которого прошла в Советском Союзе, мог им помочь. Не случайно в качестве эпиграфа к «Коллекционному экземпляру» Бродский выбрал китайскую пословицу «Если долго сидеть на берегу реки, можно увидеть, как мимо проплывает труп твоего врага», которая должна была настроить западного читателя на соответствующее восприятие происходящего.

Эссе предшествует длинное вступление, в котором в свойственной ему манере Бродский размышляет о том, кому это послание предназначено. И, как всегда, не может прийти к однозначному выводу: «Учитывая бредовый характер нижеизложенного, — пишет Бродский, — излагать все это следовало бы на каком угодно языке, но не на английском.

Ольга Игоревна Глазунова — лингвист, литературовед, специалист по русскому языку как иностранному. Работает на филологическом факультете СПбГУ, доцент.

В моем случае, однако, единственным возможным вариантом был бы русский, источником этого бреда являющийся. Но кому нужна тавтология? Кроме того, предположения, которые я здесь собираюсь выдвинуть, в свою очередь, тоже достаточно бредовы, и будет поэтому лучше их ограничить пределами языка, обладающего репутацией аналитического». И этот язык не русский.

Предвидя вопросы будущих читателей и их недовольные возгласы: «Да кто он такой, этот автор?», Бродский признается в том, что он «и сам не знает, кто он такой». «„Ты кто такой?“ — задает он себе вопрос на двух языках и изумляется не меньше твоего, услышав, как его собственный голос бормочет в ответ нечто вроде „да почему я знаю!“ Помесь, дамы и господа! К вам обращается помесь. Или кентавр». Образ кентавра, в котором соединяется несоединимое, раскрывает в поэзии Бродского представление поэта о самом себе в эмиграции. «Я даже не детектив-любитель, — продолжает поэт, — просто собираю на досуге все эти обрывки в нечто единое, и не из любопытства даже, а чтобы заглушить приступ сильного отвращения, вызванного видом заглавной страницы вышеупомянутой литературной газеты».

И тут мы переходим к главному — к образу Кима Филби, который стал для поэта источником этого самого отвращения — столь сильного, что размышления о нем вылились в десятки страниц текста, изобилующего гневными обвинениями. Причина этого, по словам автора, заключается в его прошлом. «Я, например, — пишет Бродский в „Коллекционном экземпляре“, — всегда считал шпионаж наиболее смрадным из всех видов человеческой деятельности — наверное, прежде всего оттого, что рос я в стране, содействие интересам которой было для ее уроженцев невыносимо. Для этого и вправду нужно было быть иностранцем. Поэтому-то, наверное, страна так гордилась своими мусорами, попутчиками и тайными агентами, увековечивая их всеми мыслимыми средствами, почтовые марки, мемориальные доски и памятники включая. О, все эти Рихарды Зорге, Пабло Неруды, Хьюлеты Джонсоны и прочая, вся эта макулатура нашей юности!»

Неприкрытая ненависть, с которой поэт вдруг заговорил о стране, в которой он родился и вырос, должна иметь объяснение. Конечно, Бродский как поэт был человеком эмоциональным и в данном эссе мог себе позволить дать волю чувствам. И не только своим, ведь большая часть его окружения в СССР придерживалась тех же взглядов, и даже в гораздо большей степени, чем сам автор, которому на этот счет они иногда предъявляли претензии.

Например, израильский литературовед Зеев Бар-Селла (Владимир Петрович Назаров), размышляя об отношениях Томаса Венцловы и Иосифа Бродского, пишет: «Разошлись пути двух диссидентов — империалиста и сепаратиста... литовского поэта и представителя Русской Империи Иосифа Бродского (странно подумать, что до этого еврея настоящего империалиста в русской литературе не было!)»¹ Об этой цитате (правда, приводя ее в искаженном виде) упоминает и Ася Пекуровская в книге «„Непредсказуемый“ Бродский» (М.: Алетей, 2017).

Да и в США наши бывшие соотечественники не раз упрекали Бродского в довольно пренебрежительном отношении к эмигрантам из СССР, которые в конце прошлого века хлынули в Америку в поисках лучшей жизни. «Как Янус, Бродский был обращен на две стороны разными лицами: предупредительный к американцам и пренебрежительный к эмигре, демократ и тиран», — таково было мнение о нем тех, кто жил рядом с ним»².

Для них — той самой «большой части» друзей юности Бродского — разговоры об «этой стране» не в уничижительном ракурсе считались постыдными. Смысл своего

¹ Бар-Селла З. Толкования на... // Двадцать два. 1982. № 23. С. 231.

² Соловьев В. Быть Сергеем Довлатовым. М.: РИПОЛ классик, 2014. С. 68.

существования они видели в том, чтобы изменить страну, приспособив ее под себя лично, как это уже было в 1917-м. Или (и это свидетельствовало о наступлении совершенно нового этапа) уехать на Запад, дабы иметь возможность пользоваться атрибутами западной жизни, которую до отъезда они могли видеть исключительно в советском кинематографе, да и то в искаженном виде. «О, все эти фильмы, снятые в Эстонии или Латвии (ради „западного“ антуража)! Иностранная фамилия и неоновая вывеска „Hotel“ (всегда вертикально, никогда — горизонтально), иногда — скрип тормозов машины чешского производства», — вспоминает Бродский в «Коллекционном экземпляре».

Эти самые атрибуты западной жизни (американские сигареты, бары, джаз-банды, обильная еда, красивая одежда и роскошные машины) для многих переселенцев стали новой и главной ценностью — той самой «макулатурой их зрелого возраста», которая вытеснила из сознания советские представления о «Рихардах Зорге, Пабло Нерудах, Хьюлетах Джонсонах» и многом другом. Правда, не все смогли с этим справиться, для некоторых последствия замещения советских ценностей западными стали весьма удручающими.

Достаточно вспомнить Владимира Буковского, эмигрировавшего на Запад в 1971 году и ставшего там известным благодаря своим разоблачениям практики карательной психиатрии в СССР. В октябре 2014 года во время обыска британская полиция обнаружила в его доме в Кембридже фото и видео с детской порнографией. В суде ветеран-диссидент советской эпохи Владимир Буковский заявил, что скачивание свыше 20 тысяч непристойных изображений с участием детей было для него хобби, «подобным коллекционированию марок», — пишет «Daily Telegraph»³.

Попытка оправдать себя в глазах общественности приравнением детских порнографических снимков к маркам, которые, по словам Бродского, утверждали в СССР «правоту системы посредством описания подвигов, совершаемых ради нее за ее пределами», имеет к обсуждаемой нами теме прямое отношение. Интересно, а что «утверждали» непристойные изображения детей в представлениях Буковского. Свободу «личности»? Западную «демократию»?

Не случайно третью волну эмигрантов из СССР за границей не жаловали, презрительно называя «колбасной». И Бродский, как никто другой, понимал это. «Типичные представители третьей волны эмиграции», — говорил он, представляя своих друзей в Америке. А потому тема предательства, которую поэт поднимает на страницах «Коллекционного экземпляра», не может ограничиваться судьбой одного или нескольких человек, она имеет глубокие корни.

Но вернемся к главному герою эссе Бродского — к Киму Филби, при взгляде на изображение которого поэт испытал столь сильное чувство отвращения, что посвятил его описанию 45 страниц машинописного текста. «Ким Филби был англичанин, — пишет Бродский, — и он был шпион. Он работал в Британской разведывательной службе <...>, но работал он на русских».

Да мало ли шпионов на свете, спросите вы. Ведь не один Филби работал на русских. Тогда почему именно он привлек столь пристальное внимание поэта? То объяснение, которое дает Бродский: «Я, например, всегда считал шпионаж наиболее смрадным из всех видов человеческой деятельности — наверное, прежде всего оттого, что рос я в стране, содействие интересам которой было для ее уроженцев немислимо», в данном случае выглядит недостаточно убедительным.

³ „Downloading child abuse images was hobby, like stamp collecting“ for Russian dissident, court hears // Daily Telegraph. 12th of Desember, 2016. Интернет-ресурс: <https://www.telegraph.co.uk/news/2016/12/12/russian-dissident-tells-court-downloading-child-abuse-images/>

Но есть в этом объяснении и нечто важное: для Бродского любое сотрудничество с КГБ было абсолютно неприемлемым. Как и с ЦРУ. В самом начале своей эмиграции Бродский отправил письмо в «Нью-Йорк таймс», в котором, с одной стороны, объяснил причины отъезда из СССР, а с другой — изложил свою позицию относительно жизни в Америке: «Мне предложили уехать, и я это предложение принял. В России таких предложений не делают. Если их делают, они означают только одно. Я не думаю, что кто бы то ни было может прийти в восторг, когда его выкидывают из родного дома. Даже те, кто уходят сами. Но независимо от того, каким образом ты его покидаешь, дом не перестает быть родным. Как бы ты в нем — хорошо или плохо — ни жил. И я совершенно не понимаю, почему от меня ждут, а иные даже требуют, чтобы я мазал его ворота дегтем. Россия — это мой дом, я прожил в нем всю свою жизнь, и всем, что имею за душой, я обязан ей и ее народу. <...> Я не позволял себе в России и тем более не позволяю себе здесь использовать меня в той или иной политической игре. Я не собираюсь объяснять *urbi et orbis*, что такое Россия, не собираюсь никому „открывать глаза“. Я не репрезентативен, и я не журналист, не ньюзмен. У меня нет материала для сенсаций»⁴.

Это было сказано в 1972 году, сразу после отъезда Бродского в эмиграцию. А через двадцать лет появился «Коллекционный экземпляр», в котором взгляды поэта изменились полностью. И было бы крайне опрометчиво объяснять его лютую ненависть к Филби неприятием шпионажа вообще. Ведь это отвращение не распространяется, например, на Олега Пеньковского — «сотрудника ГРУ, который в 1960-х годах выдал советские военные тайны англичанам».

В «Коллекционном экземпляре» Бродский пересказывает описание казни Пеньковского, которое со свойственным ему пренебрежением к фактам изложил другой украинец, бывший сотрудник резидентуры ГРУ Владимир Богданович Резун, бежавший в Великобританию в 1978 году и зарабатывающий там хлеб публикациями под псевдонимом «Виктор Суворов». Неужели проблема Филби была только в том, что «он работал на русских»? Или в чем-то другом?

Филби был аристократом. Данный факт, как ни банально это звучит, является ключом к пониманию его мотивов. Невозможно представить Кима Филби в качестве спекулянта или того, кто будет унижаться, выпрашивая приглашение на вечеринку к начальству. А вот Пеньковский этим не брезговал. «В Анкаре он продавал на местном рынке ювелирные украшения, фотоаппаратуру. Ему были нужны деньги на сувениры многочисленным „нужным людям“ в Москве; он «бегал по дипломатическим приемам», а также регулярно информировал турецкую контрразведку «о тайной деятельности своих коллег»⁵.

Характеристика Пеньковского за подписью его непосредственного начальника в Турции выглядит удручающе: «мстительный, злобный человек, беспримерный карьерист, способен на любую подлость»⁶. А вот о Киме Филби такого никто сказать не мог — ни в России, ни на Ближнем Востоке, ни в Великобритании, ни в США. После смерти Филби в 1988 году английская газета «Citizen» писала: «Он был тверд в своей вере, абсолютно предан своим идеалам, последователен в действиях. Все это было направлено на создание и укрепление коммунистического влияния во всем мире». Даже на Западе не могли упрекнуть Филби в том, что он работал на СССР за деньги⁷.

⁴ Бродский И. А. Писатель — одинокий путешественник... (Письмо в «Нью-Йорк таймс») // Звезда. 2000. № 5. Интернет-источник: <https://magazines.gorky.media/zvezda/2000/5/pisatel-odinokij-puteshestvennik-pismo-v-nyu-jork-tajms.html>

⁵ Север А. История КГБ. М.: Алгоритм, 2008. С. 164.

⁶ Батурицкий В. Д. Шпион, который хотел взорвать мир // Правда. 1994. 11 марта.

⁷ Долгополов Н. М. Легендарные разведчики. М.: Молодая гвардия, 2015. С. 269.

Столь явную предвзятость со стороны Бродского можно было бы объяснить тем, что отца Кима Филби обвиняли в антисемитизме⁸. Правда, никаких фактов, подтверждающих это, не было. Но ведь не было и фактов, подтверждающих описанную в книге Владимира Резуна, а затем перенесенную в «Коллекционный экземпляр» казнь Олега Пеньковского. И это не остановило поэта: в психологии, как и в информационной войне, отсутствие фактов значения не имеет.

Нельзя забывать о том, что для аристократической Британии того времени антисемитизм был нормой. Конечно, существенное влияние на него оказала «еврейская составляющая коммунистического движения». Но не она одна: ведь «антисемитизм в высших классах общества находил проявление не только в контексте реакции на большевистскую революцию, но и в многочисленных мимолетных замечаниях, свидетельствующих об огульном обвинении евреев»⁹.

Именно антисемитизм стал причиной оказания британскими правительственными кругами (включая королевскую семью) поддержки Гитлеру с самого начала его прихода к власти и практически до 1939 года. Об этом сегодня предпочитают забыть, но не всегда получается: в 2015 году британские таблоиды опубликовали видеозапись 1933—1934 годов, на которой будущая королева Елизавета II и ее мать вскидывают руки в нацистском приветствии.

Настроения в высших кругах Британии влияли на настроения остальных членов общества. Например, на видео 1938 года британские футболисты перед матчем Германия—Англия в Берлине вместе с немцами выбрасывают вперед руки, приветствуя Гитлера. Однако Бродский, который не раз бывал в Англии, никогда об этом не упоминал. А потому предположение об антисемитизме как причине его ненависти к Филби представляется маловероятным.

Видимо, Бродский и сам понимал уязвимость своей позиции по отношению к Киму Филби, поэтому в качестве дополнительного объяснения он приводит в эссе эпизод из собственной жизни. Ибо «что есть любое отвращение, в том числе и отвращение к шпионам, если не скрытый невроз, отзвук какой-то детской травмы? Сначала — терапия, после — этика», — пишет Бродский. Приведенный в эссе эпизод с выслеживанием заподозренной в неверности возлюбленной, с одной стороны, дает возможность поэту расширить тему — перевести разговор о предательстве с межгосударственного на более понятный бытовой уровень, а с другой — перейти к обсуждению его причин и следствий.

Осознание Бродским, шпионившим за возлюбленной, всей низости своего поведения заставляет его остановиться на полдороге, развернуться и уйти. Точно так же значительно позже, уже в Америке, он развернулся и ушел из книжного магазина, увидев на обложке журнала марку с изображением Кима Филби. Сходство реакций и в том и другом случае наводит на мысль, что эти ситуации для Бродского связаны самым тесным образом. Если в книжном магазине причиной столь резкого разворота поэта было отвращение к Филби, то в ситуации с преследованием возлюбленной — отвращение к самому себе.

«Подлинная причина, почему я остановился, — писал Бродский, вспоминая об эпизоде с возлюбленной, — заключалась в том, что я вдруг осознал характер своего возбуж-

⁸ Барроуз М. Будущее: рассекречено: Каким будет мир в 2030 году. Пер. с англ. М. Гескиной. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2015. С. 221.

⁹ „Upper-class anti-Semitism not only manifested itself in the context of the reaction against the Bolshevik revolution, but in the numerous passing remarks indicating a sweeping indictment of the Jewish race“ (Lebzelter G. Political Anti-Semitism in England 1918—1939 / Hostages of Modernization: Studies on Modern Antisemitism, 1870—1933/39. Germany — Great Britain — France. Ed. Herbert A. Strauss. Published by Walter de Gruyter; Berlin; New York, 1993. С. 401). Перевод мой. — О. Г.

дения. Это была радость охотника, преследующего добычу. Другими словами, в этом было нечто атавистическое, первобытное. Это осознание не имело ничего общего с этикой, угрызениями, табу и тому подобным. Меня нимало не смущало, что я поставил свою девушку в положение добычи. Просто я наотрез отказывался быть охотником».

Но Бродский отказывался быть и жертвой. Роль, которую в США так охотно разыгрывали эмигранты из СССР, пытаясь монетизировать свои «былые страдания», была для него абсолютно неприемлемой. В разговоре с Адамом Михником Бродский объяснил свое состояние следующим образом: «Когда я приехал в Штаты, то сказал себе: веди себя так, словно ничего не случилось, в противном случае станешь жертвой. Главное, не позволяй себе стать жертвой, даже когда таковой и являешься»¹⁰.

И не превращай в жертву тех, кого любишь, потому что в этом случае ты ничем не будешь отличаться от государства, преследующего своих граждан. А если так, то с течением времени ты с легкостью, даже не осознавая того, можешь сменить амплуа и выступить в роли палача. Для того, чтобы выжить («низшие организмы жизнеспособней сложных»), или для того, чтобы позлорадствовать.

«Нет в России палача, который бы не боялся стать однажды жертвой, нет такой жертвы, пусть самой несчастной, которая не призналась бы (хотя бы себе) в моральной способности стать палачом», — писал Бродский в эссе «Меньше единицы». Охотившиеся за шпионами контрразведчики поэту столь же отвратительны, как и сами шпионы. Каждый из них работает на свое или чужое государство, а потому лишен свободы выбора и вынужден принимать правила игры, навязанные извне.

Когда государство — само по себе, и ты — сам по себе, это, по мнению Бродского, единственно возможное состояние «зрелой личности». «Внутреннее нежелание превращаться в охотника, способность осознать и обуздать охотничий импульс связаны с чем-то более глубинным, нежели темперамент, воспитание, нравственные ценности, приобретенные знания, вероисповедание или индивидуальные представления о чести. Они, — по мнению Бродского, — связаны со степенью индивидуальной эволюции, с эволюцией нашего вида вообще, с достижением того ее этапа, когда назад вернуться ты уже не способен. И шпионы вызывают отвращение не столько тем, что их ступень на эволюционной лесенке низка, но тем, что предательство заставляет вас сделать шаг вниз». Предательство любимого человека или предательство своей страны — разницы нет.

Что бы государство ни сделало, нельзя считать себя его жертвой, потому что мысль о жертвенном положении лишает тебя силы и возможности думать: «В момент, когда вы возлагаете вину на что-то, вы подрываете собственную решимость что-нибудь изменить» («Речь на стадионе», 1988).

А теперь о главном — о том, что не давало покоя Бродскому, что выбило его из колеи, заставив разразиться гневной тирадой даже в адрес Запада, чего он себе обычно не позволял. «Кто бы ни был человек, отдавший приказ выпустить эту марку, он вне всякого сомнения, хотел этим что-то заявить, — начинает свои размышления Бродский. — В особенности учитывая нынешний политический климат, потепление в отношениях между Востоком и Западом и проч. Наверняка решение это было принято наверху, в священных кремлевских палатах, поскольку Министерство иностранных дел наверняка всеми силами этому противилось, не говоря уже про Министерство финансов — какие они там ни на есть».

И здесь Бродский абсолютно прав. Вряд ли первый министр иностранных дел постсоветской России Андрей Козырев, известный на Западе как «мистер ДА» в силу того,

¹⁰ Самый дерзкий вызов власти — не интересоваться ею. Интервью И. А. Бродского А. Михнику (Журнал «Magazin», приложение к «Gazeta Wyborczej». № 3, 20 января 1995 года) / Иосиф Бродский. Большая книга интервью. Сост. В. П. Плухина. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Захаров, 2000. С. 658.

что откровенно лоббировал западные интересы, мог на такое отважиться. Он в то время был занят другим: уговаривал Ельцина передать японцам Курильские острова и выводил из Германии советские войска — выводил в чистое поле вместе с семьями на унижайнейших для России условиях. Как писал Александр Хинштейн: «Американцы выводили из Филиппин три бригады на протяжении 12 лет, а мы — вывели три армии, полмиллиона человек — в считанные дни»¹¹. Выводили, прогибались, поддакивали, пытались найти «свой путь развития».

Время действительно было непростым: «Лето 1991 года. Август». Это единственная в эссе конкретная дата. Во всех остальных случаях при указании времени Бродский прибегает к забавным иносказаниям: «в тысяча девятьсот немилесятю»; «в тысяча девятьсот сисьдесят старом или около того»; «надцатого мартабря тысяча девятьсот вездесят мятого года»; «в тысяча девятьсот шорох письмом»; «в тысяча девятьсот вездесят мятом».

Называя дату «Лето 1991 года. Август», Бродский перечисляет события, которые в то время занимали умы американских читателей: «Элизабет Тейлор в восьмой раз собирается направиться к алтарю»; «В Милуоки задержали убийцу-рецидивиста». Об августовском путче в Москве, целью которого было отстранение Горбачева от власти, чтобы предотвратить распад СССР, в эссе — ни слова. Только презрительная ремарка о «Великом Российском Попрошайке», который «болтается в Лондоне, и камеры тарашатся в его пустую, так сказать, миску».

Безусловно, речь в данном случае идет о Михаиле Горбачеве, который в июле 1991 года приехал в Лондон на встречу G7. Однако презрительное наименование Бродского с полным правом можно отнести и к Борису Ельцину, для которого эпитет «всероссийский» в то время был более уместен. Не стоит забывать и о «всероссийском старосте» — Михаиле Калинине, который вошел в историю как человек суетливый, «декоративный» и крайне бесполезный, с которым никогда нигде не считались.

«Чем больше перемен, тем больше все по-прежнему. — замечает Бродский. — Как с погодой. И чем сильнее все стремится остаться по-прежнему, тем крупней перемены. Как с физиономией. Судя по этой самой погоде, год вполне мог бы быть 1891-м». Последнее замечание Бродского не случайно. В 1891 году двадцать губерний Центральной, Юго-Восточной и Приволжской России охватил страшный голод. Неурожай продолжился и в 1892 году. В результате «голод, эпидемии холеры и тифа по официальным данным уменьшили население России на 1 млн. человек»¹².

Стоит признать, что события 1991 года стали для России гораздо более катастрофическими по последствиям. Доктор экономических наук Н. А. Кричевский приводит на своей странице цифры, основанные на данных переписей населения 1979, 1989, 1999 годов. Согласно им, Россия «потеряла за „ельцинское“ десятилетие 20,4 млн. человек — 18,9 % взрослого населения»¹³. И это только Россия. Немало жизней унесли и страшные межнациональные конфликты на Кавказе и в бывших советских республиках. Даже если указанная цифра завышена, она все равно впечатляет, потому что сопоставима с потерями в результате сталинских репрессий и с количеством жертв во время Великой Отечественной войны. Таким образом, события 1991 года и последовавший за ними распад СССР, которые либеральная общественность и Запад превозносили как триумф свободы и демократии, обошлись России слишком дорого — людей, несмотря на пафосные лозунги, по-прежнему не жалели.

¹¹ Хинштейн А. Е. Как убивают Россию. М.: ЗАО ОЛМА Медиа Групп, 2011. С. 131.

¹² Пантин В. И. Второй социально-экологический кризис в России: причины и последствия // Общественные науки и современность. 2001, № 2. С. 118.

¹³ nkrichevsky (Кричевский Н., 2013) Статистика вымирания нации в лихие 90-е // Живой журнал. Запись от 12 ноября, <https://nkrichevsky.livejournal.com/6569.html>.

По мнению Бродского, «география (и в частности, география европейская) оставляет истории мало вариантов. У страны, особенно крупной, их только два. Либо она — сильная, либо — слабая. Рис. 1: Россия. Рис. 2: Германия». И Россия, считает поэт, которая на протяжении нескольких столетий «стремялась быть большой и сильной», «к 2000-му году окажется там же, где была в 1900-м, и примерно с тем же периметром. Там же окажется и Германия».

Учитывая тот факт, что к 1900 году Германия стала крупнейшей экономикой Европы и второй по величине после США, мысль Бродского можно назвать пророческой. Россия же к 2000 году потеряла не только окраинные губернии со всей инфраструктурой и вложенными в них инвестициями, но и свои собственные земли, значительная часть которых при советской власти была передана Украине: Лениным в 1922 году, Сталиным в 1938-м и 1945-м, и Хрущевым в 1954-м. Относительный показатель душевого производства ВВП в России упал с 96,7 % от среднемирового уровня в 1913 году до 66,1 % в 1998 году¹⁴.

После перестройки раздавленная и обескровленная Россия оказалась в полной зависимости от Запада. А «руку, тебя кормящую, не кусаешь», — замечает Бродский в «Коллекционном экземпляре». И здесь он тоже абсолютно прав. Пришедшие к власти в то время в России политики готовы были лизать эту самую руку. Правда, не все им удалось сделать: например, Курильские острова так и не были переданы Японии. Вмешался КГБ — тот самый, о котором Бродский написал: «Или — кусаешь? Да, кусаешь, если у тебя зубы Комитета государственной безопасности, того самого КГБ, который, во-первых, по размерам больше обоих этих министерств вместе взятых — и не только по числу сотрудников, но и по месту, занимаемому им в сознании и подсознании как власть предрержащих, так и вовсе ее лишенных».

Мысль о том, что марка с изображением советского разведчика Кима Филби, выпущенная в СССР в 1990 году, должна была стать еще одним напоминанием Западу о КГБ, взбесила поэта, полагавшего, что теперь со всем, что имело отношение к советской власти, в России покончено.

Однако самое большое возмущение Бродского вызвало даже не то, что эта марка появилась, а то, что ее поместили на обложку «Лондонского книжного обозрения». И не просто поместили, а дали в таком масштабе, который эту идею возносил до небес. «День был жарким, и на секунду мне почудилось, — пишет Бродский, — что марка с журнальной обложки так вот и будет расти и перерастет Бельсайз-парк, Хемпстед, и будет становиться все больше и больше».

Размеры марки, вызвавшие в памяти поэта воспоминания о неограниченном влиянии КГБ, привели его в бешенство. Как мог редактор журнала позволить себе такое и как мог сотрудник выполнить его просьбу? «„Увеличить“, — говорит редактор, и ты резво маршируешь в лабораторию. Уменьшить нельзя, правда? Просто в голову не придет. В наши дни стоит нажать кнопку — и вещь увеличится или уменьшится. До натуральных размеров или до размеров вши. Нажми еще раз — и вошь исчезнет. Вымерла. Нет, редактор просит другого. Он хочет, чтоб в натуральную величину. Крупно».

В мае 1991 года Бродский был избран американским поэтом-лауреатом. Его предшественник на этом посту Марк Стрэнд вспоминал: «Кое-кто из американских поэтов возражал против его назначения поэтом-лауреатом, но я напомнил им, что у Иосифа американское гражданство, и он имеет такие же права, как и они. Я не думаю, что нужно родиться здесь, чтобы быть американцем. Нужно чувствовать себя американцем, чтобы быть американцем, и я думаю, что Иосиф Бродский чувствует себя американцем»¹⁵.

¹⁴ Илларионов А. Н. Как Россия потеряла XX столетие // Вопросы экономики. 2000, № 1. С. 7.

¹⁵ Полухина В. Эвтерпа и Клио Иосифа Бродского. Хронология жизни и творчества. Томск: ИД СК-С, 2012. С. 360–361.

И Бродский чувствовал, и так же, как американцы, злорадствовал по поводу распада СССР: «Жалко, нельзя ее (марку с изображением Филби. — О. Г.) сделать объемной! И жалко, что, нажимая кнопку увеличения, ты не знаешь, что меньше чем через три недели вся та вещь, ради которой этот человек старался всю свою жизнь, разлетится на куски». Или: «...у собирателей выше всего ценятся марки, выпущенные политически или географически эфемерными территориями — недолговечными или прекратившими существование государствами, невзрачными владениями и клочками земли. <...> Так что, если следовать этой филателистической логике, то выпуск марки с Филби — это как бы голос из будущего, СССР поджидающего. Так или иначе, в его будущем есть нечто такое, что, в лице КГБ, на это напрашивается».

Напрашивается на уничтожение?! Поразительное замечание. В духе сталинского «Лес рубят — щепки летят». Выходит, что западный индивидуализм мало чем отличается от восточной тирании: он тоже требует жертв, если, конечно, эти жертвы не затрагивают его лично. Бродского жертвы России уже не трогали. Родители его умерли, друзья, если они и остались в России, могли сами приехать к нему в Америку. К началу 90-х поэт сделал свой окончательный выбор и определился с приоритетами. Точно так же, как в свое время этот выбор сделал Ким Филби, которому Бродский почему-то в праве на него отказывал.

Вполне вероятно, что в 1991 году нобелевский лауреат Иосиф Бродский просто не захотел быть среди побежденных, а потому с таким ожесточением отзывался обо всем, что было связано с Советским Союзом. (Не это ли стало причиной нежелания поэта возвращаться в Россию даже после смерти?) А может, он наслаждался чувством морального превосходства: ведь то, что он так ненавидел в СССР, уходило на свалку истории. И ему очень хотелось, чтобы об этой «свалке» забыли. А марка с изображением Кима Филби — это «билет» в бессмертие, которого у «шпиона» Филби, по мнению Бродского, быть не должно.

Здравый смысл и чувство стиля в этом эссе изменяют поэту до такой степени, что он готов плясать на костях, причем в буквальном смысле этого слова. «Может, следует попытаться эксгумировать эти нечестивые останки (Кима Филби. — О. Г.) и вывезти их в Британию? <...> Или, может, почтовое управление Ее Величества должно выпустить антимарку с текстом типа: „Английский предатель Ким Филби (1912–1988)“ — по-английски, разумеется, а потом посмотреть, перепечатает ли ее какая-нибудь газета в России?» — не унимается Бродский.

Очевидно, что в данном случае в качестве противника СССР поэт рассматривает не только Британию: с Советским Союзом боролись консолидированно — всем Западом. И всем Западом, включая Бродского, оказались среди победителей. А Ким Филби, несмотря на весь свой ум и профессионализм, оказался среди побежденных. Вместе с Советским Союзом.

Но если уж обобщать, то делать это надо последовательно, тем более что слову *treachery* (предательство) Бродский посвящает целый раздел «Коллекционного экземпляра». «Замечательное английское слово, а? Скрипучее, как доска, перекинутая через пропасть. В смысле звукоподражания — покрепче этики. Это — акустика табу. Потому что границы племени определяются прежде всего его языком. Если слово тебя не останавливает, значит, не твое это племя».

Филби не остановило. «Когда я был девятнадцатилетним студентом, — вспоминает он, — я старался сформировать свои взгляды на жизнь. Внимательно осмотревшись, я пришел к простому выводу: богатым слишком долго чертовски хорошо живется, а бедным — чертовски плохо и пора все это менять. Английские бедняки в то время считались фактически людьми низшего сорта»¹⁶.

¹⁶ Филби К. Моя тайная война. Пер. с англ. М.: Воениздат, 1989. С. 205.

Является ли эта причина веской? Для меня — да. Но не будем выстраивать параллели между словами Филби и забывчивостью Бродского, которые здесь напрашиваются. Иначе отвлечемся от темы и зайдем слишком далеко в своих выводах.

Размышления о слове *treachery* в эссе сопровождаются подробным описанием психологических нюансов, которые должны возникать в сознании каждого носителя английского языка при его восприятии. Цель Бродского очевидна: заставить англоязычных читателей вернуться на путь истинный, задуматься о том, как недалековидно они поступают, помещая изображение Кима Филби на обложку своего «Книжного обозрения».

Хотя если подумать, то предательство англичанина ничем не отличается от предательства представителя любой другой национальности. Точно так же английское слово *treachery* по силе психологического воздействия мало чем отличается от русского *предательство*, включающего рычаний [p'] и скопления взрывных согласных. (Если говорить об акустике, то русское *предательство* даже «покрепче» будет.) Но дело здесь не только в акустике, главная проблема — в психологии.

Для тех, кто всю жизнь привык думать только о себе, любой поступок, за исключением нанесения вреда себе и своим близким, всегда находит оправдание, а потому предательством не считается. Например, никто в России не собирается каяться за людские потери 90-х годов, которые стали следствием патологического эгоизма и недалековидности «демократов», а также преступных действий Ельцина и его «реформаторов», преследующих свои корыстные цели. Наоборот: после достижения этих целей они весьма настойчиво призывают к покаянию других.

Вот и Бродский в эссе с удивительным упорством настаивает на том, что в основе работы Филби на СССР лежали низменные мотивы («шпион выбирает стать шпионом не более чем ящерица — свою пигментацию: просто ничего другого им не дано», или следует «атавистическому» «инстинкту» охотника, «преследующего добычу»). Так ли это?

«Работая на СССР, Филби исходил исключительно из идеологических соображений. Вот, что говорит об этом еще один испанский исследователь его биографии — Хуан Караско. — Он работал по идеологическим причинам — во имя идеалов социализма и коммунизма. Это объяснялось тем, что СССР 30-х годов для многих людей левых убеждений являлся олицетворением их идеалов»¹⁷.

Сегодня слова Хуана Караско звучат достаточно пафосно, но даже в этом случае разница между Кимом Филби и Олегом Пеньковским очевидна: один сделал свой выбор в пользу идеалов (пусть даже и призрачных), другой — в пользу «колбасы» и комфортной жизни.

Джон Ле Карре в разговоре с Валентиной Полухиной об эссе «Коллекционный экземпляр» заметил, что причина нападок поэта на Филби заключалась в том, что Бродский «не понял постколониальной анархии, которая царила в этом поколении»¹⁸. Да он и не мог понять, потому что ни в эпоху СССР, ни после его развала никому даже в голову не приходило говорить о России как о государстве, которое грабило остальные народы по примеру Великобритании.

В отличие от Запада Россия не выкачивала средства из территорий, на которые распространяла свое влияние, а вкладывала в них: развивала экономику, строила дороги, больницы, университеты, лечила и учила, создавала и поддерживала интеллигенцию там, где ее никогда не было. Ни унижения национального достоинства, ни высокомерия по отношению к тем, кто проживал на этих территориях, не наблюдалось. Наоборот — туда отдавали последнее.

¹⁷ Черепцкий В. Шпион в траншее // Радио Свобода. 12 марта 2017 года. Интернет-ресурс: <https://www.svoboda.org/a/28364672.html>

¹⁸ Полухина В. П. Бродский глазами современников. Книга вторая. 1996—2005. СПб.: Звезда, 2006. С. 13

В результате при советской власти население этих республик имело гораздо больше, чем могло себе позволить население России. Отсюда и апломб постперестроечных политиков окраинных государств, которым Россия даровала независимость в 1991 году. За годы советской власти они привыкли к подаркам и восприняли очередной как должное, требуя от России все новых и новых дотаций и уступок.

Таким образом, родившийся и выросший в Советском Союзе Бродский просто не в состоянии был понять постколониальный синдром представителей Запада. По мнению Ле Карре, «у него (Бродского. — О. Г.) вообще затруднения с Западом, а тут трудность высшего порядка»¹⁹.

Размышляя о Суэцком кризисе, укрепившем позиции Советского Союза в этом регионе, Бродский пишет: «После Суэцкого провала (осень 1956) Советский Союз принимает необычайно продуманный и весьма последовательный рывок в направлении восточного Средиземноморья и Северной Африки. Инициатива эта столь же внезапна, сколь и успешна. Как теперь, задним числом, очевидно, целью ее было установление контроля над Ближним Востоком, а если конкретнее, над его нефтеносными районами».

Если Ким Филби для Бродского — «шпион», то под «Суэцким провалом» он имеет в виду крушение планов Великобритании, Франции и Израиля по осуществлению военной агрессии против Египта. Что же планировали члены трехсторонней коалиции? «Во-первых, израильские войска должны были в кратчайший срок достигнуть Суэцкого канала, создав угрозу свободному судоходству по нему и тем самым дать повод для вторжения британских и французских сил. Во-вторых, захватив южную часть Синайского полуострова, острова Тиран и Синнафир, они должны были установить контроль над Акабским и Суэцким заливами. Осуществить эту операцию предполагалось за 7—8 суток. Англо-французские войска, в свою очередь, должны были захватить зону канала и Каир»²⁰.

Однако воплотить эти планы в жизнь не удалось, и в марте 1957 года израильские войска покинули Синай. В результате, пишет Бродский, «в 1950-х гг. этот район чуть было не достался Советскому Союзу. Причиной была созданная возможность». И эту возможность, считает поэт, обеспечил ему Ким Филби, который прекрасно знал не только Ближний Восток, но и Великобританию.

Благодаря этому Советы стремительно «делают рывок на Ближний Восток — в Египет, Сирию, Йемен, Ирак, Ливию, — воспользовавшись созданной возможностью. Они вываливают на арабских лидеров из самолетов и пароходных трюмов лавину своих военных излишков, советников и бог знает чего еще, загоняя их страны в долги. И советники советуют лидерам вздуть цены на нефть, чтобы долги эти выплатить. И лидеры так и поступают: вздувают эти цены — непомерно и безнаказанно, потому что за ними стоят новые неверные с боеголовками. И Запад празднует труса и кричит „ООН!“, но букву „н“ уже опускает», — негодует Бродский.

Повышение цен на нефть — это, конечно, для благополучного Запада настоящая «катастрофа». Чтобы предотвратить ее, он может пойти на любые действия, вплоть до полного уничтожения несговорчивых стран. Это подтвердили и события в Венгрии осенью 1956 года, в организации которых активное участие приняли западные спецслужбы, обеспечившие восставших оружием и специально обученными «добровольцами».

Но Бродский, подводя итог, делает акцент на другом: «И теперь все наши — верные и неверные — вместе ненавидят евреев». А разве не так воспринимали советских солдат в том же 1956 году в Венгрии — союзнице нацистской Германии? Ничего уди-

¹⁹ Там же.

²⁰ Хахалкина Е. В. Суэцкий кризис 1956 г. — поворотный момент британской внешней политики // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 404. С. 159.

вительного в этом нет. Вот только Израиль, в отличие от СССР, Египет от Гитлера не освобождал. А Красной армии освобождение Венгрии от фашизма стоило жизни 140 тысячам советских солдат.

Неприятие арабов в «Коллекционном экземпляре» доходит до того, что Бродский, возможно, сам того не подозревая, начинает рассуждать о них в духе британского колониализма. «Ах, мусульмане, мусульмане! Где бы они сейчас были, если бы не советская внешняя политика 1960-х и 1970-х годов, то есть если бы не покойный мистер Филби? <...> — восклицает поэт. — Их бы не взяли даже как фон для верблюдов с сигаретной пачки...»

Действительно, именно в 60-х годах западные компании, разрабатывающие богатейшие нефтяные месторождения на Ближнем Востоке и ничего не вкладывающие в развитие его экономики и социальной инфраструктуры, были поставлены перед необходимостью выплачивать правительству ближневосточных стран половину своей чистой прибыли. В марте 1970 года на VII конференции нефтедобывающих стран в Кувейте было подчеркнуто, что нефть должна быть основной частью государственного плана экономического развития, призванного «развивать и ограждать экономику и доходы» арабских стран. Над месторождениями нефти и природного газа был установлен национальный контроль, нефте- и газопроводы были национализированы, а перед западными монополистами были поставлены условия, неприятие которых грозило им прекращением поставок нефти²¹.

И тут, по мнению Бродского, без помощи мистера Филбина обошлось. Ведь сама по себе «задушевная и ленивая» Россия — такая «неуклюжая, в коричневых шерстяных чулках с широкими розовыми подвязками», к тому же вечно «сомневающаяся, чеховская, иррациональная», — не могла придумать и осуществить столь хитрый план. И что же получается? Сначала эта Россия вконец избаловала свои окраины, а затем покусилась на чужую собственность, пробудив у населения на Ближнем Востоке, с которого Запад традиционно получал хороший доход, обостренное чувство национального самосознания.

В книге «Моя тайная война» Ким Филби рассказывает о том времени: «С 1956 по 1963 год я был на Ближнем Востоке. Западная пресса опубликовала множество измышлений об этом периоде моей работы, но пока я оставляю их на совести авторов. Дело в том, что английской и американской спецслужбам удалось довольно точно воспроизвести картину моей деятельности лишь до 1955 года, а о дальнейшей моей работе им, по всем данным, ничего не известно. И помогать им в этом я не намерен. Придет время, когда можно будет написать другую книгу и рассказать в ней о других событиях. Во всяком случае, для советской разведки было небезынтересно знать о подрывной деятельности ЦРУ и СИС²² на Ближнем Востоке»²³.

Даже если бы Филби решил рассказать об этом, Бродский вряд ли захотел его выслушать. Двадцать лет, которые он прожил на Западе, сделали из него если не сто процентного американца, то человека, выступающего на его стороне и от его имени²⁴.

²¹ Ахмадиев Р. Я. Нефть и газ в экономике стран арабского мира // Ученые записки Казанского гос. университета. Серия «Гуманитарные науки». Т. 147. Кн. 3. 2005. С. 144–157.

²² СИС — Секретная разведывательная служба МИД Великобритании (комментарий мой. — О. Г.).

²³ Филби К. Моя тайная война. Пер. с англ. М.: Воениздат, 1989. С. 190.

²⁴ Справедливости ради отметим, что в то же время, в 1991–1992 годах, Бродский написал и одно из самых загадочных своих стихотворений «На независимость Украины», в котором он выступал исключительно на стороне России. Об историко-политической проблематике этого стихотворения см: Глазунова О. И. Иосиф Бродский: американский дневник. О стихотворениях, написанных в эмиграции. СПб.: Нестор-История, 2005. С. 314–319. О непростой ситуации, сложившейся вокруг его публикации на Западе, см.: Глазунова О. И. «Нобелевская лекция» Иосифа Бродского: монолог или скрытая полемика? // Нева. 2017. № 12. С. 146–147.

Хотя в юности поэту тоже были не чужды идеалистические устремления. «Каждая эпоха, каждое поколение, — пишет Бродский, обращаясь к западному читателю, — имеет право на собственную утопию, в том числе и эпоха Филби. Конечно, способность сохранять верность чепухе в возрасте, когда уже пора брать ссуду на покупку дома (не говоря уже об уходе на пенсию), озадачивает, однако это можно списать на темперамент или на заболевание органического характера».

Итак, в 1956 году Запад проиграл, но тем сладостнее стала для него победа в 1991-м — та победа, которую Советский Союз сам ему обеспечил. Нечаянная радость приносит гораздо больше удовольствия, чем долгожданная и заслуженная. И у Бродского были все основания разделить ее вместе с Западом. Ведь о том, что происходило в России в то время, он черпал информацию от своих друзей. А их вряд ли занимали разгул бандитизма, межэтнические конфликты, нищета и беспросветность существования, в которые погрузилось население России в 90-е годы. Им было не до этого: они тоже вместе с Западом праздновали его победу.

В свое время в вину Филби ставили гибель албанских эмигрантов, которых в конце 40-х годов ЦРУ и СИС забрасывали в Народную Социалистическую Республику Албанию с тем, чтобы поднять там вооруженный мятеж. Ким Филби, координировавший эту операцию, сообщил о ней в Москву. В результате агентов нашли и расстреляли.

Трагедия? Конечно. Но только теперь, когда СССР не стало, мы узнали, что на самом деле представляют из себя цветные революции. Узнали, кто и зачем их готовит, а главное — узнали, чем они заканчиваются, — гражданскими войнами, огромным количеством жертв, развалом экономики, а иногда и всей страны, повальной нищетой населения. Так что сожалений по поводу того, что произошло в то время в Албании, лично у меня нет.

Не было их и у Кима Филби. В 1988 году в интервью Филипу Найтли он признается: «Сожалений возникать не должно. Да, я сыграл определенную роль в срыве разработанного Западом плана по организации кровавой бойни на Балканах. Но те, кто задумал и спланировал эту операцию, так же, как и я, допускали возможность кровопролития в политических целях. Агенты, которых они направили в Албанию, были вооружены и преисполнены решимости осуществлять акты саботажа и убийства. Поэтому я не испытываю сожаления, что способствовал их уничтожению, — они знали, на что идут. Не забывайте, что ранее я также был замешан в ликвидации значительного числа гитлеровцев, внося таким образом свой скромный вклад в победу над фашизмом»²⁵.

Хотя в 1991 году ни мы, ни Бродский об оранжевых революциях еще не знали. В отличие от Кима Филби, который принимал непосредственное участие в разработке и планировании тайных операций западных спецслужб в мире и отлично представлял их последствия.

Когда Филби спрашивали, что он считает делом своей жизни, он отвечал одним словом «Прохоровка», иногда повторяя его: «Прохоровка, Прохоровка». Действительно, победа Красной армии в самом крупном танковом сражении Второй мировой войны под Прохоровкой стала возможной благодаря представленной Филби информации. Г. К. Жуков, тот самый, которому Бродский посвятил одно из лучших своих стихотворений, координировал действия советских войск. В своих воспоминаниях маршал назвал операцию на Курской дуге «величайшей битвой танкистов, артиллеристов, стрелков и летчиков, особенно ожесточенной на прохоровском направлении»²⁶.

И вот что удивительно: чем дальше читаешь эссе Бродского о Филби, тем больше понимаешь, что в их судьбах есть что-то общее. Приписываемые Филби представления

²⁵ Филби К. Моя тайная война. Пер. с англ. М.: Воениздат, 1989. С. 225.

²⁶ Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. В 2 т. Т. 2. 13-е изд., испр. и доп. М.: Олма-Пресс, 2003. С. 160.

о России «в коричневых шерстяных чулках с широкими розовыми подвязками» мало чем отличаются от идеалистических представлений об Америке самого поэта до эмиграции.

«Я помню рев, который издала тогда только что открывшаяся, бог знает откуда завезенная американская прачечная-автомат в Ленинграде, когда я бросил в машину свои первые джинсы. — писал Бродский в эссе «Трофейное». — В этом реве была радость узнавания — вся очередь это слышала. И так, с закрытыми глазами, давайте признаем: что-то было для нас узнаваемым в Западе, в цивилизации — может быть, даже в большей степени, чем у себя дома. Более того, как выяснилось, мы были готовы заплатить за это чувство узнавания, и заплатить довольно дорого — всей оставшейся жизнью. Что — не так мало».

И если Филби был «готов на многое, чтобы помочь России — своей бестолковой, но чувственной, задушевной России, России из „Доктора Живаго“ (фильма, не романа)», то на многое ради Америки был готов и Бродский.

Его поражали огромные пробелы в образовании американских студентов. «Когда я сюда, в Штаты, приехал, то сначала у меня нервы расходились сильно. Я думал: в конце концов — кто я такой, как это я буду говорить американцам об ихней же литературе? Ощущение было, что я узурпирую чье-то место. Потому что приехал-то я с представлением, будто здесь все все знают. <...> Выяснилось, что я знаю об американской литературе и, в частности, об американской поэзии ничуть не меньше, чем большинство американских профессоров», — вспоминал Бродский²⁷.

Работая в университете, он делал все, чтобы поднять уровень образования и обучения в США: заставлял неискушенных американских студентов заниматься абсолютно непривычным для них делом — учить наизусть стихотворные тексты, а потом записывать их по памяти; пытался «раскрыть им богатство их собственной поэтической традиции»²⁸; давал многочисленные интервью об искусстве и литературе; занимался чтением публичных лекций. На посту поэта-лауреата Бродский считал своим долгом знакомить американцев с их собственной культурой, настаивал на том, что «антология американской поэзии должна лежать в тумбочке каждого гостиничного номера рядом с Библией» в каждой американской гостинице.

Однако в отличие от Филби, которому Бродский приписывал иллюзии насчет России, у него самого в конце жизни в Америке их уже не было. В «Нескромном предложении» — лекции-эссе, прочитанной в Библиотеке Конгресса США в октябре 1991 года, — поэт предупреждает американскую аудиторию о надвигающейся опасности: «Очень мало лекарств от наследственных недугов (возможно, неразличимых в индивидуальности, но явных в толпе), и то, что я предлагаю здесь, тоже не панацея. Просто я надеюсь, что это предложение, будучи принятым, несколько замедлит распространение культурного упадка в следующем поколении».

В самом конце «Коллекционного экземпляра», когда читаешь, как, по мнению поэта, живет в России «старейшему натурализованному москвичу» Киму Филби,ловишь себя на мысли, что это далеко не фантазии — многие детали в этом сценарии «натурализованный ньюйоркец» Иосиф Бродский заимствовал из своего опыта и своей собственной жизни²⁹.

«Как там у этого как его? — Тютчева! Тютчев его зовут! Как это у него...

²⁷ Волков С. Диалоги с Иосифом Бродским. М.: Издательство Независимая газета, 2000. С. 158–159.

²⁸ Лонсбери Э. Бродский как американский поэт-лауреат // НЛО. № 56. 2002. Интернет-ресурс: <http://noblit.ru/node/1263>

²⁹ Здесь стоит отметить еще одну любопытную деталь: Иосиф Бродский в США прожил 25 лет. Столько же прожил в Москве и Ким Филби.

Нам не дано предугадать,
Как слово наше отзовется,
И нам сочувствие дается,
Как нам дается благодать.

— Dushen'ka! Dushen'ka! Что у нас на ужин? — Ах, дарлинг, я подумала: давай сегодня поужинаем по-английски. Вареное мясо».

Гастрономические и языковые пристрастия формируются в детстве и сохраняются на всю жизнь. И Ким Филби в данном случае не исключение. Например, главной достопримечательностью Манхэттена в Нью-Йорке стал ресторан «Русский самовар», открытый эмигрантом из России Романом Капланом. Бродский любил там бывать, заказывал пельмени, селедку с луком — самые простые блюда русской кухни.

Но едой эти посещения не ограничивались. Многочисленные свидетели рассказывают, что поэт очень «любил петь уже в самые поздние свои годы в Америке, в компании друзей и сторонников, подчас и в нью-йоркском ресторане „Русский самовар“, с сопровождением фортепиано и без оно, — и вовсе не вследствие веселого настроения», и «находил огромное удовольствие в своем более чем любительском пении русских романсов, народных и „советских“ массовых песен его юности. Среди них особо любима им была „Рябина“, где незамысловато сквозит тема разлуки и одиночества: „Как же мне, рябине, к дубу перебраться, — я б тогда не стала гнущаяся и качаться...“»³⁰

Исполнял Бродский «романсы, песни военных лет. Очень любил „Прощание славянки“ на стихи Галича. Роману он как-то сказал, что слышит этот марш гимном России»³¹. Особую атмосферу в «Русском самоваре» создавал пианист, выпускник Ленинградской консерватории Александр Избицер. О том времени он вспоминал: «Говорил Бродский обычно тихо, поэтому Роман зорко следил, чтобы в ресторане была тишина, чтобы слышно было, как летает муха. В один из вечеров в присутствии Иосифа я тихохонько заиграл „Прощание славянки“. В первый и в последний раз я увидел его взрывным, крайне возбужденным. Он подбежал к роялю: „Люди под этот марш шли на гибель, в лагеря, что же вы так тихо играете?! Откройте крышку!“ — и сам ее открыл, меня не дожидаясь: „Гремите! Бейте по клавишам!“»³²

А вот у Кима Филби в Москве возможности посещать английский ресторан не было, поэтому он довольствовался, как считает Бродский, приготовленным дома «вареным мясом» в английском стиле. Не было у Филби и возможности послушать английскую речь. Поэтому он ловил Би-би-си и «был одним из редких подписчиков „ЛТП“ в Москве». Опять фантазии? Если Филби мог в Москве выписывать «Литературное приложение» к лондонской газете «Times», то, наверное, у него была возможность слушать без помех и английскую радиостанцию. КГБ в состоянии был это ему обеспечить.

И все же, несмотря на отсутствие ресторанов с привычной едой, Ким Филби был вполне доволен жизнью в Москве. В интервью Филипу Найтли он говорит о том, чем для него стала Россия: «Нынешняя Англия для меня чужая страна... Мой дом здесь (в Москве. — О. Г.), и хотя здешняя жизнь имеет свои трудности, я не променяю этого дома ни на какой другой. Мне доставляет удовольствие резкая смена времен года и даже поиск дефицитных товаров»³³.

³⁰ Петрушанская Е. «Музыкальная история» Иосифа Бродского/ Мир Иосифа Бродского. Путеводитель. Сост. Я. А. Гордин. СПб.: Издательство журнала «Звезда», 2003. С. 122–123.

³¹ Смагаринская О. Александр Избицер: «Бродский пел, но не играл, а Барышников играл, но не пел. Вообразите, каков был бы дуэт!»// Этажи. Литературно-художественный журнал (03.12.2018). Интернет-ресурс: <https://etazhi-lit.ru/publishing/muzykalnaya-gostinaya/841-aleksandr-izbicer-brodskiy-pel-no-ne-igrал-a-baryshnikov-igrал-no-ne-pel-voobrazite-kakov-by-l-by-duet.html>

³² Там же.

³³ Филби К. Моя тайная война. Пер. с англ. М.: Воениздат, 1989. С. 226.

Интересно сопоставить слова Филби о России с высказываем Бродского об Америке. В 1995 году на вопрос, стала ли Америка для него домом, поэт ответил: «В общем, да, я чувствую себя в Америке чрезвычайно естественно. Не скажу, что как рыба в воде, но так не чувствует себя здесь никто»³⁴.

Вдова поэта Мария Соццани-Бродская вспоминает о последних годах его жизни: «Он не хотел возвращаться (в Россию. — О. Г.), поскольку его друзья и так к нему приезжали, чтобы встретиться. Родителей уже не было в живых, страна была другой, вот он и не хотел появляться как некая дива, когда у людей было много больших забот. Его жизнь шла в одном направлении, а возвращения всегда трудны. Если бы пришлось переезжать, мы поехали бы в Италию»³⁵.

Кима Филби похоронили в Москве. Не у Кремлевской стены, где, по мнению Бродского, его следовало похоронить, а на Кунцевском кладбище. Похоронили торжественно, с генеральскими почестями. На надгробном памятнике короткая надпись на русском языке «Ким Филби» и годы жизни.

Иосифа Бродского похоронили в Венеции, на протестантском участке кладбища острова Сан-Микеле, потому что на других участках (католическом и православном) хоронить людей без вероисповедания не разрешалось. И похоронили, надо сказать, вопреки воле поэта.

«Много слухов ходит вокруг смерти, а особенно похорон поэта. Несколько проясняет ситуацию его близкий друг и по совместительству секретарь И. Кутик: „За две недели до смерти он (Бродский. — О. Г.) купил себе место на кладбище. Смерти он боялся жутко, не хотел быть ни зарытым, ни сожженным, его устроило бы, если бы он оказался куда-нибудь замураванным. Так оно поначалу и получилось. Он купил место в маленькой часовенке на ужасном нью-йоркском кладбище, находящемся на границе с плохим Бродвеем. Это была его воля“»³⁶.

Поэт умер в январе 1996-го, но вечное упокоение смог обрести лишь спустя полтора года — летом 1997 года, потому что до этого времени родные и друзья не могли решить, где его хоронить. По словам вдовы поэта, «идею о похоронах в Венеции высказал один из друзей. Это город, который, не считая Санкт-Петербурга, Иосиф любил больше всего».

Через несколько лет на могиле Бродского был установлен скромный надгробный памятник. На нем имя поэта — по-русски и по-английски — и годы жизни. На другой стороне памятника — цитата из древнеримского поэта Проперция: *Letum non omnia finit* (Со смертью не все кончается).

Неизвестно, была ли эта фраза Проперция одобрена самим поэтом, но она тоже оказалась пророческой. И весьма символичной.

«Президент России Б. Н. Ельцин отправил на похороны Бродского огромный букет желтых роз. Михаил Барышников (говорят, что это был именно он) перенес все эти розы на могилу американского поэта Эзры Лумиса Паунда, умершего в Венеции в 1972 году. Ни одного цветка от российской власти на могиле русского поэта не осталось и нет до сих пор. Что, собственно, вполне отвечает его воле»³⁷.

³⁴ В мире изящной словесности. Интервью И. А. Бродского журналу «Америка» (май 1995 года) / Иосиф Бродский. Большая книга интервью. Сост. В. П. Плухина. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Захаров, 2000. С. 624.

³⁵ Римлянин. Беседа с вдового нобелевского лауреата Иосифа Бродского (Нью-Йорк) / Перевод с польского А. Памятных // Газета Выборча (Gazeta Wyborcza), Варшава, 9 мая 2000 г. Интернет-ресурс: <http://iosif-brodskiy.ru/interviu/rimlianin-beseda-s-vdovoi-nobelevskogo-laureata-iosifa-brodskogoniu-iork.html>

³⁶ Нечаев С. Ю. Русская Италия. М.: Вече, 2008. С. 308.

³⁷ Там же. С. 310–311.

РАСПАДЕТСЯ ЛИ СВЯЗЬ ВРЕМЕН?

1. Советская военная классика — Казакевич, Некрасов, Симонов, Бакланов, Бондарев, Быков, Воробьев, Курочкин, Богомолов, Астафьев — выходила в свет при жестких цензурных ограничениях. Делает ли это ее устаревшей?
2. Видите ли Вы в советской литературе о войне какое-нибудь сходство с литературой «потерянного поколения»?
3. Могут ли написать что-то значительное о войне писатели, ее не пережившие?
4. Что в военной теме становится наиболее волнующим — тема подвигов или тема страданий? Война — предмет гордости за предков или сострадания к ним?
5. Использование военной темы в политических целях возвышает или снижает образ войны?
6. Какие фильмы о войне Вы считаете самыми удачными и самыми неудачными? Почему?
7. Устанут ли когда-нибудь новые поколения праздновать День Победы? И что для этого должно произойти?

Марк Амусин, критик, литературовед (Израиль)

1. Пожалуй, нет. В произведениях перечисленных авторов раскрывалась в основном так называемая «лейтенантская правда» войны, и этот взгляд на военную реальность в упор был искренним и правдивым. А цензура, очевидно, заботилась о том, чтобы не было нежелательных «обобщений», критических суждений по адресу Сталина, командующих фронтами, генштаба, фактографию как-то пропускала. Поэтому военная классика по сути не устарела.
2. Нет, в целом не вижу. Исключение, может быть, составляют повести Константина Воробьева с их особой, бескомпромиссно горькой тональностью.
3. Скорее всего, нет. А главное — у произведений таких писателей заведомо не будет исходного «кредита доверия». Правда, тут я имею в виду произведения о Великой Отечественной. Роман Маканина (не участвовавшего в чеченской войне) «Асан», например, — особая статья.
4. Эти темы — не взаимоисключающие. И у Быкова, и у Казакевича, и у большинства других авторов подвиги и страдания переплетены неразрывно. То же самое — относительно гордости и сострадания. Нарушить это динамическое равновесие можно только из конъюнктурных соображений.
5. Безусловно, снижает, хотя без этого никогда не обходится.
6. Трудно, наверное, перечислить все удачные, по-настоящему сильные фильмы о войне советского периода, причем вполне разноплановые. От «Летят журавли» и «Баллады о солдате», через «Хронику пикирующего бомбардировщика» и «В бой идут одни старики» до таких изощренных опусов, как «Восхождение», «Двадцать дней без войны», «Торпедоносцы» — идет линия на трагигероическое изображение и осмысление той эпохи. Фильмы о войне постсоветского периода, как правило, менее достоверны, менее глубоки и отдают слишком большую дань эффектам, работающим «на касу». Это, однако, естественно.
7. Думаю, что устанут. Как там писал Кафка о завершении подвига Прометея: «Боги устали, устали орлы, устало закрылась рана». Это не только эффектный афористический жест, но и фиксация грустной истины. Все рано или поздно заносится песком эн-

тропии и равнодушия. Когда-нибудь победа в Великой Отечественной станет таким же «музейным» фактом, как пожар Москвы и разгром Наполеона. Но пока до этого далеко.

Денис Драгунский, писатель (Москва)

1. Историк Александр Некрич, многое сделавший для прояснения вопроса о «внезапном и вероломном» нападении Германии на СССР, сказал когда-то, что хорошей научной статье цензура не страшна. Как ее ни обстригай и ни приглаживай, смысл останется. Думаю, что это же относится и к художественной литературе. Хороший роман цензурой не испортишь — разве что попортишь нервы автору. Книги некоторых авторов (из перечисленных в списке) и в самом деле не то чтобы устарели в принципе, но потеряли прежнюю жгучесть. С моей точки зрения, это относится ко всем, кроме Быкова и Астафьева. Жаль, что не упомянуты Василий Гроссман и Морис Симашко, авторы очень сильные. Я понимаю, почему пропущены авторы, собиравшие премии и переиздания — Чаковский, например, Березко, Стаднюк, поздний Шолохов, писавшие точно в русле заданий партии. Мы их теперь не считаем классиками, а в свое-то время — о-го-го.

2. Нет, не вижу. Прежде всего потому, что классический антивоенный роман, вроде «На западном фронте без перемен» Ремарка в СССР был в принципе невозможен именно в силу идеологической цензуры. Еще менее возможен был такой текст потерянного поколения, как роман «Путешествие на край ночи» Луи-Фердинанда Селина. Да и то сказать — в 1945–1965 годы — двадцатилетие после войны — советским демобилизованным литературно одаренным солдатам сама жизнь не давала никакой возможности стать «потерянным поколением». Разные миры! Власть ни на секунду не теряла этих людей из виду, не переставала ими руководить. Кому-то платила неплохие гонорары, кого-то арестовывала и ссылала, на кого-то надевала тесную сбрую служащего. Что-то я не припомню, чтобы советские молодые писатели 1940–1960-х годов днями напролет сидели в маленьких кафе, жили в мансардах и писали книги для маленьких частных издательств. Другая, совсем другая жизнь, и состояние поколения тоже совсем другое.

3. Полагаю, что да. Лев Толстой будет для нас вечным примером и укором. Да и вот Литтл со своими «Благовоительницами». Будет талант — будет и значительная книга.

4. Это зависит от автора. Сейчас, как мне кажется, военная тема стала именно полем битвы между двумя концепциями памяти о войне: памяти о героях и памяти о жертвах. Это, кстати говоря, делает тему войны практически бесконечной, неисчерпаемой. Описанная в документальной книге «Одинокая война» история 375-й стрелковой дивизии, которая в течение года брала обезлюдевшую деревню Прасоловка в Калужской области, положив на это два своих личных состава (более 20 000 человек), да так, по сути, и не взяла; деревня оказалась в нашем тылу лишь в ходе общего контрнаступления фронта, — эта история ставит неразрешимый вопрос о соотношении жертвенности и героизма, об осмысленности потерь, об искренней и правдивой памяти.

5. Война — это гигантское политическое действие. Поэтому использовать тему войны без политической смысловой подоплеки — демократической, авторитарной, имперской, националистической и т. п. — в принципе невозможно.

6. Самые, на мой взгляд, неудачные фильмы о войне — это веселые и легкие картины типа «В шесть часов вечера после войны» или «Небесный тихоход». Самые лучшие, на мой взгляд, — это «Проверка на дорогах» Алексея Германа, «Сотников» Ларисы Шепитько. Остальные, включая грандиозные эпопеи Озерова, все же полезны для современного молодого зрителя. Напоминают ему, что война была и что это было нечто тектоническое, всеохватное, гигантское и грозное.

7. Наверное, да. Но в недалеком будущем. Например, день победы в Отечественной войне 1812 года Россия праздновала 103 года — до 1915-го. Это было 25 декабря, в Рождество и в день царского манифеста о победоносном изгнании французов. Обратим внимание — Отечественная война окончилась 25 декабря 1812 года, а далее начался Заграничный поход русской армии, завершившийся победоносным вступлением в Париж 31 марта 1814 года. Но через век с небольшим, в уважение Франции как союзницы по Антанте, праздник был отменен.

Я не думаю, что празднование Дня Победы будет отменено декретом. Но полагаю, что через какое-то время накал празднования снизится, и этот день постепенно войдет в общий список великих побед России, наряду с Куликовым полем, Стоянием на Угре, Полтавской битвой, Отечественной войной 1812 года, освобождением Болгарии в 1877-м... Но будет это совсем не скоро.

Светлана Друговейко-Должанская, филолог (Санкт-Петербург)

1. Отнюдь не делает. Ведь в литературе мы ценим не отражение действительности, а способ ее осмысления. Кроме того, вопрос этот касается не только государственной цензуры — но и самоцензуры, но и отражения некоторых идеологических запретов в сознании людей того поколения. Иначе говоря, любое художественное произведение — это еще и документ эпохи.

2. Признаться, не вижу. Но, быть может, моя оптика недостаточно точна. На мой взгляд, трагедия «потерянного поколения» (в терминологическом смысле этого определения) в неумении его представителей, сформировавшихся в экстремальных обстоятельствах, адаптироваться к обычному, рутинному существованию, смириться с обыденностью. В этом смысле «потерянным» можно считать любого человека, в молодости участвовавшего в войне (неважно какой — Великой Отечественной, афганской, чеченской), в более широком — любое поколение, складывавшееся в условиях, отличных от тех, в которые ему пришлось жить.

3. Несомненно. Так же как и самое значительное произведение об умирании человеческого тела и одновременном пробуждении души («Смерть Ивана Ильича» Льва Толстого) основано не на собственном физическом опыте его автора.

4. Настоящая литература всегда интересуется прежде всего человеком — его переживаниями, его проявлениями в тех или иных обстоятельствах. Андрей Болконский под Аустерлицем, с его размышлениями о «ничтожестве всего того, что... понятно, и величии чего-то непонятого, но важнейшего» — это и о подвиге, и о страданиях.

5. Использование любой вечной темы в сиюминутных целях (а политика всегда сиюминутна) превращает в «низкую истину» все, что «нас возвышает».

7. Мне кажется, что для многих представителей поколения нынешних тридцатилетних Великая Отечественная война — это война их дедушек и бабушек, то есть близких людей. Так, бабушка моей дочери, рожденная в 1939-м, всю блокаду пережила в Ленинграде вместе со своими родителями, которых моя дочь хотя и смутно, но все же помнит. То есть это все еще близкая история. А для меня самой, например, и Первая мировая, и Отечественная война 1812 года — это тоже все еще близкая история: благодаря конкретным людям, чьи имена я помню и чьи портреты висят в Эрмитажной Галерее 1812 года, благодаря Цветаевскому «Генералам двенадцатого года» и другим литературным текстам. На мой взгляд, не просто память об этих исторических событиях, но и ощущение их как близкой истории, к которой ты лично причастен, и означает «нераспавшуюся связь времен».

Владимир Елистратов, филолог (Москва)

1. Цензура всегда была, есть и будет. Идеологическая цензура советской эпохи, с одной стороны, была кошмаром, с другой — создавала то экзистенциальное напряжение, которое и делало литературу Литературой. Рыночная цензура на это не способна. И — к сожалению, и — к счастью.

А советская военная классика остается классикой. Другой вопрос, что ее все меньше читают и еще все меньше понимают. Когда я получил вопросник «Невы», я сделал свой опрос среди студентов (человек 200—300), кого они читали или о ком хотя бы слышали. Из перечисленных писателей. Можете мне не верить, но только несколько человек читали (якобы...) Астафьева, потому что он в школьной программе. Единицы слышали о Симонове. Остальное — тишина. Для них писатели, писавшие о войне, — это что-то вроде этрусков. И еще один очень важный и печальный момент: тот, кто не испытал того, что испытали эти писатели, при всем таланте Быкова, Курочкина, Воробьева и др., думаю, не поймут и не почувствуют даже 1 % из того, что заложено в этих текстах. Это грустно. Но вместе с тем мудро: так уж устроена человеческая история: нужно, конечно, крепко все помнить, но все-таки отчасти нужно и забывать. Иначе цивилизация сойдет с ума. Потому что война — это ад. Я хорошо помню моего покойного деда-ветерана, который кидал табуреткой в телевизор, когда там показывали пафосные фильмы про войну. Он не хотел видеть эти симуляторы ада, который он реально пережил.

2. Ремарк был на фронте полтора месяца. Старик Хэм тоже, мягко говоря, не прошел от Москвы до Берлина. Это все очень и очень уважаемые люди, но «потерянное поколение» — это бренд, сформулированный Г. Стайн и ставший, на мой взгляд, некой эстетико-интеллектуальной эмблемой, не более того. Слово «потерянный» у меня никак не ассоциируется с советской военной прозой. Да, трагедия, Великая Трагедия, огромное разочарование после возвращения к мирной жизни. Но все-таки герой рассказа А. Платонова «Возвращение» — возвращается к своим детям. Все-таки свет, а не мрак, как в «Прощай, оружие!». Вся военная русская проза как бы говорит: «Надо жить! Тяжело, но надо!»

3. Могут, если они пережили другую войну. Как, например, Л. Толстой о 1812 году. Но если человек не воевал, думаю, о войне он написать по-настоящему не сможет. Это как лечить больного, не имея медицинского образования. Или быть инструктором по чрезвычайным ситуациям, не побывав в ЧС.

4. Гордость и сострадание никак не исключают друг друга. Гордиться за тех, кто страдал. Да еще и страдал-то за тебя, такого сытого и обустроенного «хозяина мира». Дорогого стоит.

5. Ответ очевиден. Использование темы войны в любых других прагматических целях, кроме реального освещения темы войны, не то что снижает, а просто лишает эту тему хоть какого-то содержания. Сразу же налетают стаи политических (и не только — эстетических, экономических и прочих) стервятников и начинают делать то, что они делают. В случае с Великой Отечественной войной мы должны понять одно: это — наше прошлое, наша, если угодно, генетика, это наша кожа, кровь, кости. В нашей коже, крови и костях нет никакой политики и экономики. Это — мы. Тема Великой Отечественной — совершенно интимная тема для каждого. И современная, как сказал один философ, «порнографическая» культура с ее снятием запретов на обсуждение всего-всего совершенно неприемлема для Великой Отечественной. Это в сто раз интимнее, чем секс и проч.

6. Есть десятки блестящих фильмов о войне — от душераздирающих, как «А зори здесь тихие...», до концептуально-долгоиграющих, как «Семнадцать мгновений весны». Десятки, может быть, сотни. Насчет неудачных... Я бы вместе с В. Меньшовым порвал название того фильма, который он порвал. Ужасная гадость.

7. Надеюсь, нет, не устанут. Ничего не должно произойти. Просто все должно происходить так, как происходит.

Вера Калмыкова — филолог (Москва)

1. Между прочим, интересно было бы проследить цензурную историю произведений каждого из этих писателей — я ее совсем не знаю и даже не представляю себе, какая она. Поэтому дальнейшие размышления приблизительны. Чего требовала советская цензура? Изображения беспримерного подвига советского солдата в Великой Отечественной войне. Чего требует современный молодой читатель? Говорю о нем, потому что сейчас ведь на него ставка, люди моего возраста и старше, возможно, и не станут перечитывать Астафьева или Бондарева — эти книги уже давно в нас. Итак, современный молодой читатель ждет героя, совершающего беспримерный подвиг. Ему, современному читателю, очень не хватает романтического идеала и соответственного чтения. Но на мякине его не проведешь, он очень недоверчив. У Казакевича—Астафьева такие герои и есть. Но и психологические мотивы разработаны довольно точно. Без психоанализа, да. Только вопрос, так ли уж хороша психоаналитическая литература.

2. То есть, говоря по существу, вижу ли я сходство героев Бондарева и Ремарка или Некрасова и Хэмингуэя? (О стиле ведь бессмысленно говорить: и там, и сям реализм, но и романтический момент очень важен, другой вопрос о пропорции того и другого.) Конечно. Молодость. Отчаянная жажда жизни. Не менее отчаянное, категорическое требование счастья и любви. Острее чувство несправедливости, неправильности происходящего. Воевать никому не нравится. Другое дело — различия, но вопрос не о них.

3. Речь только о прозаиках?.. Потому что поэты, причем поющие, в первую очередь Владимир Высоцкий и Юрий Визбор, создали замечательные вещи. Это следующее за военным поколение «опоздавших на войну», всю жизнь скорбевших, что им не досталось сражений и подвигов, и художественно восполнявших недостаточность личного опыта.

4. Думаю, что военная тема — как раз такая, которая раскрывается через единство страдания героя, сострадания читателя и гордости за тех, кто совершил подвиги. Простой школьный пример — «Судьба человека»: страдаем мы Соколову? Испытываем гордость за него?.. Можно это разделить?

5. По-моему, вопрос надо ставить иначе: возвышает или снижает политику(-а) использование образа войны в тех или иных целях? Образ войны пострадать не может, как показывает практика, ни от чего. Если он у человека уже сложился, вошел в картину мира, он непоколебим. Как он складывается, почему, из чего, под каким или чьим влиянием — иное дело.

6. В советское время о войне было снято много очень хороших фильмов. «А зори здесь тихие...» С. Ростокского — первое, что пришло в голову. Но не только он. Сомнительное кино я, как правило, не смотрю, но несколько кадров «Сталинграда» Ф. Бондарчука внушили прямо-таки физиологическое отвращение: в дальнейшем этому режиссеру придется очень постараться, чтобы я ему поверила.

7. Могу судить только по своим младшим друзьям, двадцатилетним. Для кого-то празднование Дня Победы — вежливая формальность. Для кого-то — действительное переживание событий не как давних, а как вчерашних, совсем свежих, в этом есть не-

которая аналогия с переживанием христианских праздников. От чего зависит? От семьи, безусловно. От индивидуальной эмпатии, эмоционального настроения, уровня культуры, кстати говоря. Усталость всегда провоцируется потерей веры, доверия, мировоззренческим кризисом, утратой идентичности, чувства связи со старшими поколениями своей семьи... Словом, всем тем, чем вызвано бывает безверие.

Владимир Кантор, филолог (Москва)

1. Классика и есть классика. Она не устаревает, так ведется со времен поэмы о войне под названием «Илиада». Как говорил Мандельштам, Гомера три тысячи лет не печатали, а текст остался навсегда, на «Илиаду» ориентировался Лев Толстой в «Войне и мире». Цензура никогда не может уничтожить пафос состоявшегося произведения. Она может запретить его, но великий текст бессмертен. Это не громкие слова. Вспомним роман «Жизнь и судьба» Гроссмана, вышедший на свет из небытия.

2. Не очень. Хотя нет, вижу. Тема стойкости, она у всех прошедших войну писателей.

3. Невоевавшие, но захватившие ее детством, как Высоцкий, Визбор, Городницкий. Люди, у которых воевали родители, жили в атмосфере личных воспоминаний о войне близких людей. Лучшие, на мой взгляд, тексты об этой войне послевоенного времени невоевавшего человека — это песни Высоцкого.

4. Война — это прежде всего ужас. Ничто, глядящее на человека вместо Бога. И вечная слава тем, кто преодолел этот ужас.

5. Политика принижает все, чего она касается. Это как проклятие Мидаса. Но без нее не обойтись, когда говоришь о победе.

6. Я, наверно, старомоден, но «Летят журавли» и «Баллада о солдате» — для меня это бесспорная классика. Очень неплох «В августе сорок четвертого» с Мироновым и Галкиным. А ширпотреб тоже много. Выбирать из него худший даже неохота.

7. Ну как сказать? Победу над Наполеоном не празднуют ведь, а шли на Россию «дванадесать языков». Всех победили, освободили Европу. Образованные помнят, толпа, конечно, не помнит. Как говорил мудрый Соломон, «и это пройдет». Хоть это и грустно.

Борис Колоницкий, историк (Санкт-Петербург)

1. Цензура как раз придавала особое значение многим подцензурным текстам, истории — правдивые и вымышленные — об истории литературных произведений надеялись их разными смыслами. Борьба/игра с цензурой заставляла авторов ориентироваться на разных читателей, подкидывать им ключи интерпретаций, толкований. Наверняка часть названных текстов будет «забыта», но это вряд ли будет связано с их подцензурным происхождением.

2. Сходство мне представляется все же очень отдаленным. В литературе «потерянного поколения» война бессмысленна, в советской литературе война оправдана, здесь есть место для героизма. «Потерянное поколение» противопоставляется отцам, в советской литературе — иные линии конфликтов.

3. Могут ли об армии писать люди, никогда не служившие? Могут ли мужчины писать о женщинах? Юноши о стариках? Это вопрос таланта и умения сопереживать. Память о войне может быть сохранена только в том случае, если с ней будут работать новые авторы, которые найдут новые слова, новые образы, новые смыслы, если они смогут актуализировать память о войне для новых поколений читателей и зрителей. И судьба советской классики зависит от новых прочтений и новых интерпретаций, новых актуализаций.

4. Такая постановка вопроса — весьма, кстати, распространенная — представляется мне неверной и очень... «советской». Можно ли противопоставить подвиг страданиям, а гордость состраданию? Можно ли анализировать тексты, образы, ритуалы с помощью оппозиций такого рода?

5. Самые разные примеры частого и постоянного политического использования прошлого, это приводило к разным последствиям, порой к непредвиденным и даже нежелательным для организаторов мемориальных акций. Иногда к забвению приводит неиспользование прошлого, а порой чрезмерное его переиспользование убивает память.

6. В юности многие фильмы о войне оказали на меня большое влияние. Но сейчас я не знаю, какой фильм о войне — новый или старый — я мог бы рекомендовать молодым людям. Везде мне чувствуется фальшь.

7. О какой временной перспективе идет речь? Десятки лет? Сотни лет? Тысячелетия? Наверняка человечество ждет новые катастрофы, нам не дано предвидеть их масштаб, но они могут затмить былые трагедии и былые победы.

Если же речь идет о поколениях моих детей и внуков, то это во многом зависит от того, насколько память о Великой войне будет для них актуализирована. Каждое поколение вспоминает историческое событие по-своему — до тех пор, пока оно его вспоминает.

Елена Краснухина, философ (Санкт-Петербург)

1. Любая литература принадлежит своему времени и о нем свидетельствует. Не правда, что Шекспир вечен. Сейчас он доступнее и понятнее иностранцам, потому что они воспринимают его в переводе, чем самим англичанам. Уже всерьез стоит вопрос о переводе Шекспира на английский — со староанглийского на современный. Цензура может служить оттачиванию литературного мастерства в ироническом жанре эзоповского иносказания, но там, где требуются не языковые игры, а правда, честность, достоверность, жестокость и смелость в описании, там цензура наносит литературе ущерб. Советская военная классика навсегда останется отчасти памятью о войне, отчасти памятью о цензуре. Спасибо писателям-фронтовикам за то, что творили на грани возможного для их времени.

2. «Какого-нибудь» сходства недостаточно, даже если его найти, для того, чтобы говорить о значительном историческом и литературном феномене, причем имеющем мировой резонанс. «Потерянное поколение» у нас есть. Это поколение 1923 года рождения, в котором из ушедших на фронт мужчин к маю 1945-го в живых остались три человека из ста. Литературная суть «потерянного поколения», конечно, заключается не в гибели на войне, а в том, чтобы полно выразить в литературе шоковый опыт как фронтовой, так и опыт обратного возвращения к мирной жизни, в проживании, осмыслении и фиксации в искусстве физической и моральной искаленности войной, разочарования в идеологическом пафосе. Советская военная литература творилась в жестком идеологическом каркасе, экспрессию трагического мироощущения она могла позволить себе крайне дозированно. В литературе что-то удалось, гораздо беднее в плане трагической правды о войне изобразительное искусство, тяготеющее к плакатности с ее мобилизационным духом. Однако если у испанцев есть Гойя и его серия гравюр «Бедствия войны», далекая от ее прославления, то в России есть гравюры и скульптуры Вадима Сидура, скульптуры, преодолевающие материальность этого вида искусства, скульптуры, в которых нет ничего от тела, а только сама душа, ее крик, боль, отчаяние и скорбь.

3. Произведения о войне авторов послевоенных поколений появляются и будут еще создаваться. Порой неожиданные и спорные, как, например, фильм «Дылда». Во-первых, если они основаны на ранее недоступных документах и новых исторических исследованиях, то могут оказаться в чем-то не менее правдивы, чем свидетельства участников войны, каждому из которых открывалась не вся картина происходящего. Во-вторых, заинтересованный взгляд «со стороны» или из будущего открывает возможность ранее не осуществленных интерпретаций и оценок исторического события. О всяком времени стоит судить не только по его самооценке. Большое видится на расстоянии, как писал Сергей Есенин.

4. Существует несколько форм исторической памяти: триумфальная, идеологически мифологизированная, скорбная, конституированная травмой или моральным сознанием исторической вины. В отечественном общественном сознании они представлены не в равной степени.

Принято говорить, что историю пишут победители. Однако важно подчеркнуть и иное обстоятельство — историю пишут выжившие в ее катаклизмах. Мертвые — это немые свидетели. Для выживших в Великой Отечественной войне и их потомков память о войне структурируется событиями и датами ее завершения, она сконцентрирована на праздничном Дне Победы. Однако большинство участников и свидетелей исторического события войны, воевавших и погибших на фронте, заблокированных в Ленинграде и умерших от голода, не были свидетелями прорыва и снятия блокады, они так и не узнали о победе СССР над Третьим рейхом. Они не имели опыта победы, их опыт участия в войне был иным, но память о нем была недолгой, как и сама их жизнь. Мы имеем ситуацию, при которой огромное число участников и свидетелей трагического исторического события уже не могут его помнить, а последующие поколения знают и помнят событие войны в ретроспективном ракурсе ее завершения и победного итога, не принимая при этом в ней никакого участия. Участники не могут помнить, помнящие не могли участвовать.

Отсюда и проистекает вопрос о том, какой характер — радостный или скорбный — должны иметь памятные даты, должны ли послевоенные поколения сосредоточиться на опыте праздника выживших или на скорбной памяти как поминании мучительно погибших. Памяти о войне без боли быть не может, не должно. Помнить войну — значит не забывать о павших, ощущать вокруг себя пустоту, отсутствие миллионов людей, их неродившихся детей и внуков. Пронзительно озвучил это чувство Владимир Высоцкий: «Наши мертвые нас не оставят в беде, / Наши павшие — как часовые».

В этих строках вся сила инверсии — не мы храним память о них, а они нас хранят. Их нет с нами, но мы никогда не сможем жить без них. Как сказал Эрнест Ренан в размышлениях о том, «Что такое нация?»: «Общие страдания соединяют больше, чем общие радости. В деле национальных воспоминаний траур имеет большее значение, чем триумф».

Есть герои, а есть жертвы войны. Жертва жертве рознь. Два вида жертвы различаются соответственно добровольностью и пассивной принудительностью, осмысленностью в контексте святости жертвы и в контексте преступного на нее посягательства. Сакральность жертвы подразумевает героизм, наличие свободной воли и высокой цели, а виктимность жертвы есть результат насилия и преступления, она требует скорби и справедливого суда. Люди скорбно чтят мемориалы Аушвица и Бухенвальда не потому, что они были местами концентрации героев. А вот голодную смерть в Ленинграде принято считать героической, хотя правильнее было бы говорить об узниках и мучениках блокады. Не всегда стоит именовать мучеников героями и подменять скорбную память о виктимности жертв триумфальной памятью их сакральности. Не всегда оправданная сакрализация жертв неправомерно приписывает им наличие смысла и блокирует сострадание.

5. Конечно, возвышает. Но разве война достойна возвышения и прославления? Мы должны четче, чем у нас принято, различать память о войне и память о победе. Радость победы не означает радость войны, хотя военные победы без войн невозможны. Историческая память простирается в диапазоне от «1939—1945. Никогда больше» до «1941—1945. Можем повторить».

6. «Проверка на дорогах» (1971). Режиссер Алексей Герман. По повести Юрия Германа «Операция „С Новым годом“».

«Восхождение» (1976). Режиссер Лариса Шепитько. По повести Василя Быкова «Сотников».

Эти фильмы удачны, потому что в их основе лежит хороший литературный источник, вопреки общему правилу, согласно которому по хорошей книге трудно снять хороший фильм, а хороший фильм порой не имеет законченного сценария и додумывается по ходу съемок. Фильмы эти хороши, так как созданы талантливыми людьми, их успех не определяется конъюнктурностью или юбилейностью темы.

«Подводная лодка» — «Das Boot» (1981). Режиссер Вольфганг Петерсен. По роману Лотара Гюнтера Буххайма.

Классика мирового кино о Второй мировой войне. Рассматривать Великую Отечественную войну совершенно вне контекста Второй мировой войны полагаю аберрацией исторической памяти.

Плохое кино не вижу смысла ни смотреть, ни обсуждать.

7. Мы не празднуем общенародно и в каждой семье победу над Наполеоном в Отечественной войне 1812 года или над Мамаем в Куликовской битве. Когда-нибудь и Великая Отечественная война 1941—1945 годов уйдет в далекое прошлое, но это произойдет еще не скоро. В настоящий момент мы перешагнули важный рубеж — мы осваиваем новые способы хранить память о войне уже практически без самих ее участников и свидетелей силами их послевоенных потомков. При этом меняется характер памятования и ознаменования военных дат. Официальная государственная организация памятных дат дополняется спонтанной инициативой снизу в форме шествия «Бессмертного полка». Идеологически-политические смыслы отчасти уступают место личному семейному человеческому эмоциональному отношению к ритуалам памяти. Праздничная радость салютов и парадов оставляет место еще и траурным нотам и жестам поминовения. В петербургском календаре до сих пор значимы даты не только прорыва и снятия блокады, но и ее начала. Это место в нашей памяти еще болит и будет болеть еще долго.

Елена Крюкова, писатель (Нижний Новгород)

1. Сквозь слова все равно пробьется истина. Правда. Искреннее чувство, большое переживание. Искусство — это чувство. Эзопов язык, быть может, это и есть метафорический язык. Поэт изначально владеет им. Поэтому ему не страшен ни оскал государственного строя, ни государственная расхлябанная вседозволенность, никакие другие выверты общественной жизни. Художник вне диктата времени. Он — над временем. Однако его материал, то, с чем он напрямую работает, — время.

Тут, как говорится, надо договориться о терминах. Что значит «устаревший», «недавний», «новый», «новейший», «забытый», «воскрешенный»? Все мы однажды умираем, и нас забудут. Тех, кто оказался слабее всех, забудут быстро. Те, кто работал сильно, так, что издали видно, продержатся дольше в памяти людской, в памяти культуры. И только те, кто оказался заряженным Господом Богом почти как Бог и умел свободно говорить на Его языке, будут жить долго, очень долго и не устареют. Может быть, здесь применимы слова «никогда» и «всегда» (никогда не устареют, всегда бу-

дут жить). Гению никакая цензура не страшна. Вернее, ее существование в те времена, когда жил и творил художник, самую стихией его художества не берется в расчет.

И еще. Время делает витки. На каком-то витке интерес к творчеству того или иного автора ослабевает. На каком-то — вспыхивает! И опять ярко горит, пылает забытый факел. При свете этого огня мы можем яснее, безусловнее различить эпоху, ее приметы, ее горести и радости.

Я не раз слышала: «Астафьев устарел! Быкова никто не читает! Симонова знают только по одному стихотворению!» Да, есть такая вездесущая, вечная болезнь — ход времени. По-ахматовски: бег времени. «Но как нам быть с тем ужасом, который / Был бегом времени когда-то наречен?» Время бесстрастно пробегает отрезок своей загадочной для живых и мертвых, ничем не измеримой дистанции — и за его спиной, на забытых трибунах остаются его страстные зрители, его болельщики и страдальцы. И этот холодный стайер не оборачивается назад. А Астафьев — как был, как и есть Астафьев, что вчера, что сегодня, и останется Астафьевым. Никуда он не денется из истории русской литературы XX века. И Быков не денется. И пока человек на земле жив, люди, пусть единицы, не миллионы, будут шептать, повторять: «Жди меня, и я вернусь. Только очень жди...»

2. Отклики, отзвуки, ассоциации, аллюзии, переключки... Все это связывает времена, отраженные в искусстве, — явления, произведения, стили, тематику. И есть еще переключка чувств. Она идет на уровне дыхания, интонации, словесной музыки, не только эмоции или событийности. Литераторы «потерянного поколения» попали во время аккуратно между двумя чудовищными войнами. И те, кто выжил в Первой мировой, после исторической передышки запросто могли отправиться на Вторую. Так же, как и наши солдаты: юношами бились на фронтах Первой мировой, потом досыта хлебнули Гражданской, а потом и Вторая подоспела.

Наши писатели отваживались на трагические дерзости и страшные безумства, избражая революцию и Гражданскую войну. «Железный поток» Серафимовича и «Россию, кровью умытую» Артема Веселого мало кто переплюнул. В шолоховской грандиозной эпопее «Тихий Дон» — тоже ужасы гражданской бойни. После «Тихого Дона» открываешь «Огонь» Анри Барбюса — и видишь ту же попытку изобразить этот ужас, безумие это оголтелое, царство смерти. Но кто сильнее, просто по-писательски? Скажете: да они разные! Да, разные. Всяк поет своим голосом. Просто потом началась Вторая мировая — для нас Великая Отечественная, — и советские писатели вынуждены были создавать не только трагические, но духоподъемные вещи. Это во время войны. Доходило до откровенной жестокости: «...сколько раз увидишь его, / Столько раз его и убей!» Константин Симонов понимал: так НАДО. Это стихотворение было сродни плакату. Такою явилась и знаменитая песня «Священная война». А потом, после, когда бои отгремели?

Бондарев и Астафьев смогли возвысить голоса и спеть свои страшные песни о войне в 70—80-е годы. «Горячий снег», «Берег» Юрия Бондарева, «Прокляты и убиты» — последний роман Виктора Петровича Астафьева. Сколько они вызвали нареканий! Сколько — откровенного сопротивления и даже открытых оскорблений! Тем не менее писатели сказали, что хотели. Не могли не сказать.

Патриотизм хорош. Знамя хорошо высоко и смело поднимать. В особенности в сражении. Но на другом конце коромысла — правда черной безвременной, мученической смерти и живой крови. Она звучит так: «Писано было, что все, кто сеет на земле смуту, войны и братоубийство, будут Богом прокляты и убиты». Старообрядческая стихира... Сибиряк Астафьев, рядовой 7-й артиллерийской, орденов Ленина, Суворова, Богдана Хмельницкого, Красного Знамени дивизии прорыва, входившей в состав 7-го артиллерийского корпуса основной ударной силы 1-го Украинского фронта, хорошо, твердо, наизусть, быть может, сызмальства помнил эти святые слова.

3. Могут. Художнику необязательно воевать, чтобы написать войну, выпивать яд, чтобы достоверно написать «Ромео и Джульетту», подготовиться резать своего сына, чтобы, как Рембрандт, изобразить жертвоприношение Авраама, брать с красноармейцами и революционными матросами Зимний дворец, чтобы достоверно написать взятие Зимнего. Художник проживает и переживает все, что сочтет нужным сделать как мастер, и все, что неожиданно-негаданно преподносит ему как подарок, Бог. Ну да, вроде бы хорошо писать по живым впечатлениям! Не ошибешься! Но. Лев Толстой не был на Бородинском поле. Хотя, да, был в военном Крыму. Однако неведомое, не пережитое им Бородино вышло из-под его пера таким истинным, убедительным и потрясающим, что за подобной правдой не угнаться дотошным очевидцам. Не забудем: «Война и мир», «Тихий Дон» — исторические романы. Да ведь и «Илиада» — исторический эпос.

4. И гордость, и сострадание. Война — немыслимое, жестокое, да, но обязательное условие существования мира. «Хочешь мира — готовься к войне», мы заучили эту поговорку чуть ли не со школьных лет. А на войне, что, как на войне?.. Хочешь выпрыгнуть из войны — кричи о мире?.. У Захара Прилепина есть роман «Патологии» — его первый роман. Там — опять ужасы войны. Пронзительно! И страшно. Насильственная, тяжкая смерть без прикрас. Эта прилепинская вещь — оглушительный крик против войны, какая бы она ни была — чужая, своя, нападение, защита. И это взгляд нынешнего человека: там иная оптика, не толстовская. Иной ракурс. Этот, современный, человек прекрасно видит, что от войны не убежать; не спрятать при ее появлении голову в песок, как пресловутый страус. Значит, надо ее принимать, изучать ее, понимать ее, знать ее. Идти на нее. Сражаться не только на ней, но и с ней. Разгадывать ее причины. Видеть — провидеть — ее следствия.

Что было бы с Советским Союзом, с Россией и республиками, если бы победил Гитлер? Какою страной мы были бы сейчас? Как планомерно уничтожался бы славянский народ и другие народы? Какой вид приняла бы искалеченная нация? Как бы мы выпрастывались из-под нового ига? Ну да, мы привычные. И воевать — умеем. Это нам идет только в плюс. Восстали бы? Новая кровавая революция?

Но уж точно мы бы не переняли тогда европейскую уютность и европейский услужливый сервис. Россия для этого слишком дикая и вольная. «Широко наше Дикое Поле, / Глубока наша скифская степь» (М. А. Волошин). Нас надо было бы фашистам сделать новыми рабами. И делали бы; и сделали; да вот надолго ли?

А помните эти слова Пастернака из финала «Доктора Живаго»? — «...война явилась очистительной бурей, струей свежего воздуха, веянием избавления... Ее реальные ужасы, реальная опасность и угроза реальной смерти были благом по сравнению с бесчеловечным владычеством выдумки...» О какой выдумке и ее бесчеловечии тут идет речь? О той тюремной и расстрельной стране, абсолютно реальной, невзирая на полную ее фантазмагоричность, что навывдумывал — и себе и всем жестко сконструировал — по лекалу своей чудовищной фантазии — Сталин? А страна была не только расстрельной и тюремной. Она была еще и страной борьбы, устремления, сражений за будущее, полетов, мечтаний. Да, Сергея Королева, главного конструктора, пытали в лагерях на Колыме. А Валерий Чкалов взмывал в полярные небеса на своем знаменитом АНТ-25. А Лидия Русланова пела на фронтах Великой Отечественной. А потом ее бросили, как дрова в печь, в лагерь. В Сибирь. В Озерлаг. И там, в лагере, швыряли в карцер — за острый язык, за попытку отчаянно сопротивляться унижению и боли. И она отмо- раживала в ледяном карцере себе легкие, кашляла, проклинала жизнь, теряла голос. Великая певица.

И это была ее, Руслановой, личная, отдельно взятая война.

Наша страна, как хлеб Причастия — вином, пропитана кровью людей и их трагедиями. И таких трагедий миллионы. В России нет семьи, где бы не воевали. И очень

мало семей, где не было бы узников. Миллионы людей повторили крестный путь Христа. Все мы тогда прошли своею *Via Dolorosa*.

У меня есть роман «Беллона» — о детях войны. Невозможно представить себе страдания ребенка на войне, во время войны. Я однажды решила заглянуть в эту бездну — в глаза военного дитя.

И где же тут гордость? Она с нами. А где страдание? Оно тоже с нами. Навсегда. Из них сплетена соленая, ветхая сеть нашей памяти.

5. В политических целях военная тематика может быть использована только лишь в журналистике. В очеркстике. В обзорах. В интервью. В документалистике. Как может политическая цель проникнуть в художественное произведение и завладеть им всецело? Даже откровенный социальный заказ, подобный «Окнам РОСТА» Маяковского или всем на свете пафосным, на котурнах, советским текстам про Октябрьскую революцию, и то не работает на торжество политики, ибо все равно, несмотря на старания автора потрафить власти, остается явлением искусства. С оговоркой: если его выполняет художник. Художество прорвется через все официозные препоны. Политика преходяща, искусство вечно. *Ars longa, vita (aut civilitas) brevis*. Искусство вечно, жизнь (или политика) коротка.

6. Я редко смотрю кино... Что осталось в памяти? «Летят журавли». Не могу без слез глядеть на Самойлову. Вся атмосфера фильма отчего-то ассоциируется у меня со стихами позднего Пастернака. «Судьба человека». «Отец солдата». «Они сражались за Родину». «А зори здесь тихие...» — старый. «Живые и мертвые». «Список Шиндлера». Из фильмов про войны прежних лет — «Война и мир», наша. Из фильмов про войны новые — «Девятая рота».

А вот посмотрела «Сталинград» того же Федора Бондарчука — оценила антураж, но сердце когтем боли он мне не процарапал.

7. Давайте спросим себя: будут ли грядущие поколения праздновать День Победы, если не раздастся репризного приказа сверху? «Бессмертный полк» возник в Сибири, и — снизу. Полк идет по стране каждый май, и идут люди и несут портреты своих павших, памятных, любимых, незабвенных. Высоко поднимают над живыми своими головами. А когда-то, через долгие века, и их, павших, забудут. Просто пока все это, война, бои, Победа со слезами на глазах, еще очень близко, рядом, еще сильно болит. Пока что власть держит в руке дирижерскую палочку праздника. И пока еще живы ветераны войны; и они помнят; и помнят войну — пусть по рассказам, по семейным альбомам со старыми фотографиями — ну не помнят, так воображают ее, догадываются о ней их дети, внуки и правнуки. Что будет, когда сместятся геологические пласты времен? Память не вечна. Великая Отечественная война останется в преданиях, сказаниях, легендах, песнях. Как остались битва при Калке и Ледовое побоище, битва на Куликовом поле и Бородино. Она останется на страницах истории — реальных или виртуальных, это все равно. Но наступит время, когда из прежде крепких моллюсков древнейшего моря образуются сода, как на башкирских шиханах. Все перемелется. Праздника не будет. Но останутся люди. И их хромосомы останутся. И гены останутся. Наша память течет в нашей крови. Это не только информация про войну, что отгремела когда-то в незапамятные времена. Это боль пережитого твоими предками. Мы слеплены из этой боли. И из этой радости. Хоть не осознаем ее и подчас отвергаем ее. Нам с ней жить и умирать. Нам от нее никуда не уйти.

Михаил Кураев, писатель (Санкт-Петербург)

1. Цензура, как мне кажется, не определяет жизнеспособность сочинения. Самый жесткий цензор — время. Даже сохранившиеся немногие фрагменты и стихи — Архилоха, Анакреонта, Сафо — говорят нам о великолепных поэтах.

Если устареют какие-то сочинения из «советской военной классики», то, полагаю, не от цензурной потравы.

2. Скорее «нет», чем «да». «Советскую литературу о войне» писали, как-никак, победители. Но при этом можно мотивы литературы по классификации «потерянного поколения» услышать и у Б. Окуджавы «Будь здоров, школяр!», Б. Балтера «До свидания, мальчики», в «лейтенантской прозе». А ближе всего, на мой взгляд, к «потерянному поколению» — «Прокляты и убиты» В. Астафьева, только едва ли это — советская литература.

3. Историческая проза — весомый пласт в отечественной литературе.

Кстати. О наводнении в «омраченном Петрограде» гениально написал поэт А. С. Пушкин, наводнения не видевший. И во времена Бориса Годунова не жил...

Личный опыт — вещь существенная, но талант в литературе первичен. Это прописи.

4. Победоносная война не может не быть предметом гордости, но кем же надо быть, чтобы не помнить, какой ценой эта победа нам досталась.

5. Это смотря в руках каких политиков. Мы же видим — кто возвышает, а кто наоборот.

6. К чести советских мастеров кино, честных, талантливых, удачных фильмов о войне немало. Начиная с «Солдат» и «Звезды» А. Иванова. Даже «Небесный тихоход» С. Тимошенко или «Подвиг разведчика» Б. Барнета в своем жанре, как говорил классик: «нужные и своевременные» картины, и талантливо исполненные, так же как «Женя, Женечка и „катюша“» В. Мотыля. И «Зеленые цепочки» Г. Аронова вполне удачная картина для своей аудитории.

И удачных много: А. Алов и В. Наумов («Мир входящему»), Г. Чухрай («Баллада о солдате»), В. Трегубович («На войне как на войне»), А. Герман («Проверка на дорогах», «Двадцать дней без войны»), С. Росточкин («У твоего порога»), С. Бондарчук («Судьба человека»)... Всех не припомнить.

Неудачные о войне? Да «Сталинградская битва», «Падение Берлина», «Освобождение» и т. д. — это не «о войне», это о мудрости, благородстве, самоотверженности руководителей и большого начальства и готовности советского народа «за ценой не постоять».

7. Для этого должны победить победителей и их наследников те, кто уже «устал» и скрежещет зубами при виде «Бессмертного полка».

Вадим Пугач, педагог (Санкт-Петербург)

1. Как всегда, дело в качестве литературы, а не в содержании. С трудом представляю, что «В окопах Сталинграда», «Сотников» или «Веселый солдат» могут устареть с какой-либо точки зрения.

2. Да, определенно. Это чувствуется почти везде у Бондарева, у Кондратьева в «Сашке», у Астафьева в «Проклятых и убитых».

3. Разве что какой-нибудь Лев Толстой появится. А так — не думаю. У новых писателей новые войны.

4. Для меня однозначно — сострадания. Вся эта история с раздуваемой гордостью мне совсем не нравится.

5. Опошляет.

6. Вообще я не знаток кинематографа. Еще менее — фильмов о войне. Лучшие советские фильмы о войне, по-моему, — это фильмы о войне Гражданской. Отечественной повезло меньше, слишком много в это привносили политики. Хотя «Иваново детство» или «Проверку на дорогах» можно отметить, наверно.

7. Как известно, все когда-нибудь начинается и заканчивается. Насколько я помню, государственным праздником День Победы стал в середине шестидесятых. Современ-

ники войны уходят. Трудно сказать, сколько может продержаться живая традиция, когда празднуют не по инерции.

Вячеслав Рыбаков, писатель (Санкт-Петербург)

1. Искренность не стареет. Сострадание не стареет. Уважение не стареет. Восхищение не стареет. А если средства их выражения несут на себе отпечаток той эпохи, когда эти чувства были высказаны — мы вдобавок узнаем еще кое-что немаловажное и о той эпохе, а не только о войне, и о людях, которые воевали уже не на поле брани, а на поле послевоенной культуры. Скажем, вот один из самых чистых и благородных фильмов о блокаде — «Балтийское небо». Любителям смакования зверств НКВД, уверенным, что коль уж им рассказал кто-то о неких пирах у Жданова, то они знают о блокаде всю правду, этот фильм, конечно, кажется лакировочным и полным лжи. Ведь врать можно только для того, чтобы изобразить жизнь хуже, чем она есть, а вот чтобы лучше — это совок и пропаганда. Но, на мой взгляд, «Балтийское небо» куда более правдив, чем, скажем, пресловутый совсем еще свежий «Праздник», про который уже мало кто помнит. И вдобавок он так много говорит нам об эпохе, когда его делали. Впрочем, фильм о блокадном обжорстве тоже много говорит нам об эпохе, когда его делали. И вот «Блокадное небо», странным образом, до сих пор не устарел. А «Праздник» устарел еще до того, как был смонтирован.

2. Нет. Положа руку на сердце, я назвал бы его «поколением, использованным не по назначению», и в военной литературе это хоть и не сказано прямо, но ощутимо. Те люди росли и воспитывались для того, чтобы строить, открывать, расширять горизонты. Покорять стратосферу, побеждать чуму в монгольских степях, спасать какого-нибудь очередного Нобиле... А вместо этого им пришлось целым поколением лечь на амбразуру вражеского дота. Понимая это, я с трудом сдерживаю слезы, и не только по просто погибшим, но и в целом — по утраченным возможностям, по резко сузившейся грандиозной перспективе. Но, с другой стороны, только они и могли заткнуть эту проклятую амбразуру. Только они.

3. Теоретически говоря, наверное, могут. Кажется, притчей во языцех уже стало, что никогда не бывший на войне Владимир Высоцкий писал о ней такие песни, что бывалые фронтовики говорили: правдивее этого я ничего не слышал, лучше этого о войне никто не написал. Тут ведь дело не в фактах, а в передаче ощущений. Если ты переживаешь по какому-то — в сущности, не очень важно какому, важно, что твоему личному — поводу то же самое, что переживали те, у кого «друг не вернулся из боя», те, у кого «в прошлом бою мессер сбит — я сделал с ним, что хотел», те, у кого «сыновья уходят в бой», те, чья «грубая наша работа дает вам возможность беспозлино видеть восход» — ты имеешь все шансы сказать о войне правду, и чем сильнее ты это переживаешь — тем выше шансы, что твое высказывание окажется значительным.

4. Непонятное противопоставление. Чем гордиться, если не преодолением страданий? И ради чего преодолевать страдания, если не ради подвига? Гордиться может только тем, кому сострадаешь. А сострадать — только тем, кем гордишься.

5. Смотря каковы эти политические цели. Смотря ради какой политики этот образ используется. Но подробный разбор различий политики может нас слишком далеко завести.

6. Отчасти я на этот вопрос уже ответил. Добавление в этот список новых названий по смыслу ничего не добавит.

7. С маху тянет, конечно, с интеллигентным скепсисом, с деланным сочувствием вздохнуть и сказать, что нет, мол, ничего вечного. Это же многие сейчас говорят. Мол, вот вымрут наконец ветераны — тут-то мы и... Но мне уже приходилось писать («Нева»,

2009, № 4), что в атеистических или, во всяком случае, секулярных обществах история начинает играть объединяющую и вдохновляющую, задающую критерии Добра и Зла роль религии. А что-то я не замечаю, будто кто-то из религиозных людей вконец устал праздновать Песах или Пасху.

Ольга Славникова, писатель (Москва)

1. Я так не думаю. Война была огромна, и тема войны огромна. Какие-то аспекты происшедшего тогда (репрессии, заградотряды), безусловно, цензурировались. Но эти «слепые пятна» не мешали видеть многое другое — трагическое и значительное. Вообще, в поединке таланта и цензуры всегда побеждает талант.

2. Очень отдаленное. Первая мировая сильно отличалась от Великой Отечественной. Не столько вооружениями, сколько целеполаганием. Фашизм был абсолютным злом. И хотя на стороне нацистской Германии с Советским Союзом воевала половина Европы, там никто, даже теперь, во времена радикального переписывания истории, не признает за Гитлером правоты. А советские люди, в отличие от поколения Ремарка и Олдингтона, возвращались с войны с ощущением значительности совершенного. Они были именно правы, они сломали хребет зверю. Потому в советской военной классике нет этих щемящих нот растерянности, бессмысленности всего после бойни.

3. Да, могут. Для сегодняшнего автора это будет исторический жанр, где отсутствие непосредственных личных впечатлений компенсируется более широким, чем у очевидцев, углом зрения. Пример — прекрасный роман Сергея Самсонова «Соколиный рубеж», где прототипом главного героя, летчика-аса Григория Зворыгина, послужил трижды Герой Советского Союза Александр Покрышкин.

4. Подвиг всегда дается ценой страдания. Поэтому тема на самом деле одна.

5. Любое использование упрощает. Любая политическая пропаганда примитивна и другой быть не может. Не только в России — везде так. Конечно, превращение великой трагедии в карнавал, с детками в гимнастерках и плясками под гармошку, не есть хороший вкус. Но это и массовое обезболивающее. В первые годы после войны снимались главным образом комедии, вроде «Кубанских казаков», и показанные там красивые реалии были очень далеки от голодной действительности. И это тоже была политическая пропаганда. Образ Великой Отечественной, который сегодня транслирует политический класс, содержит инъекцию обезболивающего для народа, который живет все хуже. По большому счету, Великая Отечественная заслуживает иного отношения, иного образного ряда. Но политика — дело циничное.

7. Видимо, должна произойти еще большая трагедия, еще более страшная война или катастрофа.

Евгений Степанов, поэт, издатель (Москва)

1. Думаю, что нет. Конечно, сейчас о войне нам всем стало известно больше. Но сила художественного слова перечисленных выдающихся писателей настолько велика, что нет сомнений — их книги останутся и не устареют. На мой взгляд, самая страшная книга о войне — это «Прокляты и убиты» Виктора Астафьева. Тут нет никакой поэтизации, романтики войны, голая и беспощадная правда. Но и книга, например, Вениамина Каверина «Два капитана», где действие происходит не только на войне, для меня не менее значимая и знаковая. Потому что эта книга более метафоричная, она не столько о войне как таковой, скорее о войне добра и зла в человеке, о метафизической борьбе добра и зла. И метафора меня убеждает не менее сильно, чем окопная правда.

2. Конечно. И Ремарк, и Хемингуэй, и советские писатели показали, насколько война бесчеловечна, противоестественна. И каковы ее последствия для людей.

3. Уверен в этом. На мой взгляд, лучшие песни о войне написал Владимир Высоцкий, который, как известно, не воевал. Я думаю, что еще появится много хороших стихов о Великой Отечественной войне, стихов уровня «Жди меня» Константина Симонова, «Валенок» Иона Дегена, «Перед атакой» Семена Гудзенко... Это вечная тема.

4. Я думаю, и то и другое. Сейчас в нашем издательстве по заказу Совета ветеранов МИД РФ выходит замечательная книга А. И. Петренко и Н. Г. Фомина «Сотрудники Народного комиссариата иностранных дел на фронтах Великой Отечественной войны. (Хроника. Факты. Люди)». Это уникальное издание, где много новых сведений о подвигах и страданиях советских людей. Я был редактором этой книги. И когда читал ее, не мог не прослезиться: сколько же людей мы потеряли! Какими же страданиями оплачена наша свобода и жизнь на родной земле.

5. Я думаю, что никакие политики не могут обесценить нашу Победу в Великой Отечественной войне. Это подвиг народа. И этим подвигом невозможно не восхищаться.

6. Таких фильмов очень много. «А зори здесь тихие», «Парень из нашего города», «Два капитана» (и старый, и новый), «Офицеры», «В бой идут одни старики», «Проверка на дорогах», «Двадцать дней без войны», «Добровольцы», «Летят журавли», «Отец солдата», «Освобождение», «Горячий снег», «Два бойца», «Живые и мертвые», «Семнадцать мгновений весны», «Повесть о настоящем человеке», «Вечный зов», мне нравятся и современные сериалы «Штрафбат», «Апостол». Эти фильмы вошли в мою плоть и кровь. Цитаты из этих кинолент вспоминаю очень часто. Никогда не забуду, как Лопатин (актер Юрий Никулин) в фильме «Двадцать дней без войны» говорит: «Они думали, победа будет за ними. А будет за нами». И ничего не надо больше говорить. Все сказано. Потому что наше дело правое.

7. Нет, это невозможно.

Константин Фрумкин, культуролог (Москва)

1. Цензурные ограничения — вне зависимости от темы и таланта писателя — делают литературу не устаревшей, а, если так можно выразиться, «подозрительной», то есть знание о цензурных ограничениях, характерных для эпохи создания текста, должны побуждать и грамотного читателя, и тем более исследователя к бдительности, к попытке понять — что осталось за кулисами текста, какая сторона реальности в этих текстах последовательно замалчивалась, какие образы, сюжеты и линии создавались в соответствии с пропагандистскими штампами идеологемами и стандартными требованиями к литературе тех времен. Литература, созданная в эпоху жестких цензурных ограничений, точно не может быть единственным источником сведений о той эпохе, но без нее культуру и атмосферу того времени тоже понять нельзя.

2. Советские писатели отказывались видеть свою «потерянность», даже когда они рассматривали свою жизнь в трагических тонах, они видели себя, свои поколения едва ли не единственными или, во всяком случае, главными обитателями мира.

3. Могут, но это будет скорее притча.

4. Тема морального выбора в экстремальных ситуациях.

5. Использование любой темы в политических целях может способствовать ее забалтыванию и тому, что она «приедается» надоедает, рутинизируется.

6. Из советских — «А зори здесь тихие...», «Они сражались за Родину», из зарубежных — «Дюнкерк», и во всех этих фильмах показан крупным планом человек, вброшенный в чрезвычайные обстоятельства войны.

7. Любое памятное событие по мере роста дистанции времени перестает остро переживаться, но праздник, ставший традицией, может жить бесконечно долго — собы-

тия из жизни Христа отмечают уже почти два тысячелетия, День взятия Бастилии — больше 140 лет и т. д. При этом его смысл может измениться — например, он станет из радостного мрачным как день памяти жертв или будет «отвязан» от одной конкретной войны и «привязан» к войнам вообще.

Мария Черняк, филолог (Санкт-Петербург)

1. Конечно, нет. Практически все было в 90-е и нулевые годы переиздано и до сих пор издается в многочисленных сериях. Иной вопрос о качестве издания и текстологической достоверности текста. Но это уже другая тема.

2. Вопрос сложный и неоднозначный. Ведь советская литература о войне была очень неоднородна, были разные этапы ее развития. Но если говорить о «лейтенантской» прозе, то сходство с литературой «потерянного поколения» очевидно, об этом говорили и В. Быков, и Б. Васильев, и Д. Гранин. Это было связано не только с общим ощущением войны как страшной болезни человечества, но и с тем, что романы «Смерть героя» Р. Олдингтона, «На Западном фронте без перемен» Э.-М. Ремарка и «Прощай, оружие!» Э. Хемингуэя получили свое «новое» прочтение в СССР в начале «оттепели», именно тогда, когда начинает стремительно создаваться «лейтенантская проза». Например, опубликованная в «Юности» в 1969 году повесть Б. Васильева «А зори здесь тихие», безусловно, вступает в диалог с романом Ремарка, а щемящее «многоточие» в стихотворении А. Твардовского 1968 года «Я знаю, никакой моей вины...» созвучно прозе «потерянного поколения», не состоявшемуся из-за войны, на которой рассыпались их идеалы и ценности.

3. Когда-то отвечая своим критикам, писатель-фронтовик Ю. Бондарев заметил: «Окопная правда для меня в первую очередь — это очень высокая достоверность». Действительно, для авторов «фронтового поколения» война была главным фактором становления их сознательной личности, фактором, наложившим на эту личность особый отпечаток. Однако мне кажется, что нет прямой зависимости качества текста о войне от непосредственного участия в ней автора. Достаточно вспомнить дискуссии о романах С. Алексиевич «У войны не женское лицо», В. Маканина «Асан» и др. Вспомним, что «Севастопольские рассказы» Л. Н. Толстого предшествовали «Войне и миру». Возможно, каждый виток развития военной темы имеет определенную логику: от объективации реального жизненного опыта в формате, приближенному к репортажным запискам или очеркам, к аналитизму, ведущему, в свою очередь, к большей форме.

4. Можно ответить просто: у каждого автора свое видение темы войны. Но если говорить обобщенно, то можно вспомнить, что еще Л. Н. Толстой в «Севастопольских рассказах», вскрывая противоречия жизни и смерти, благородства и пошлости, парадного блеска и кровавой изнанки войны, задал тенденцию к ее изображению «в настоящем ее выражении — крови, страданиях, в смерти». Авторы «лейтенантской прозы» наряду с мотивами героического, пафосом освободительной войны ввели в литературу проблемы и темы, ранее табуированные, например нравственный конфликт «двух берегов». В их прозе произошла легитимизация дискомфорта антропологического и социального опыта, их осмысление с неофициальной точки зрения. Смена акцента с массового героизма на раскрытие психологической «правды» о судьбе «простого» солдата, сосредоточение дискурса в зоне нравственности отличает «лейтенантскую прозу». Поэтому, наверное, война — это предмет и гордости, и страдания, и предупреждения.

5. Военная тема — всегда конструкт повышенной степени идеологичности. И использование/присвоение этой темы, безусловно, снижает образ войны.

6. Удачных фильмов о войне очень много. Но назову два главных для меня. Это «Летят журавли» М. Калатозова и «А зори здесь тихие...» С. Ростоцкого. Неудачных, к со-

жалению, очень много. Прежде всего, они отталкивают своей тотальной фальшью во всем — в сюжете, в актерах, в костюмах, гриме. Яркий пример — это «Утомленные солнцем-2. Предстояние» Н. Михалкова.

7. Надеюсь, устанут праздновать в предложенном ныне формате, но не устанут благодарно помнить об этом святом для всех дне.

Виктория Шохина, литератор (Москва)

1. Нет, конечно! Что было настоящим, то настоящим и осталось. Цензура вообще не может влиять на качество литературы, она может лишь на выходе покалечить или запретить. Более того, у некоторых хороших писателей цензурный гнет даже активизировал творческий потенциал... Сейчас цензуры нет, однако книги о той войне — например, «Соколиный рубеж» Сергея Самсонова (р. 1980) — уступают созданным при цензуре. Но я все равно против цензуры!

2. Сходство только в самом факте переживания военного опыта как такового. Но это разные эпохи и разные войны. Корректнее сравнивать произведения Э. Хемингуэя, Ф.-С. Фицджеральда, Р. Олдингтона, Э.-М. Ремарка с произведениями М. Зощенко, В. Катаева, А. Толстого, прошедших ту же войну, — результат получается очень интересный!

А скажем, книги Бакланова, Бондарева и других наших писателей корректнее сравнивать с книгами воевавших тогда же американцев, таких, как К. Воннегут, Дж. Хеллер, Н. Мейлер. А еще лучше — с книгами немцев — Г. Грасса, Г. Бёлля, З. Ленца... И когда мы сравним, то увидим, что принципиального сходства нет. Потому что наши защищали свою землю и победили, американцы воевали за правое дело и тоже победили, пусть и на чужих землях, ну а немцы проиграли.

3. Все зависит от силы воображения! Хотя... Л. Толстой в «Войне и мире» писал о двух войнах, в которых не участвовал, но у него был военный опыт, полученный на Кавказе и в Крымской войне. В общем, так: теоретически вроде бы можно, но назвать хоть одно такое произведение я не могу.

4. Тема подвига и тема страдания тесно переплетены. Потому и волнуют. Так же, как гордость за предков и сострадание к ним. Но последнее зависит от того, за что и за кого воевали предки. Вряд ли потомки тех, кто воевал в рядах гитлеровской армии, испытывают за них гордость... А сострадание — да, могут испытывать.

5. Скорее, снижает. Впрочем, это относится ко всему, что используется в политических — то есть сугубо прагматических! — целях. Но это неизбежно.

6. Привожу в том порядке, в котором вспомнились: «В августе 44-го», «Женя, Женечка и „катюша“». «Мы из будущего», «А зори здесь тихие...». Эти очень разные фильмы удачны потому, что хорошо, талантливо сделаны.

Особая категория — фильмы военных лет: «Два бойца», «Жди меня», «Дни и ночи», в них трогательное обаяние ретро.

Самые неудачные — те, где много спецэффектов, где все время стреляют и бомбят и завывает сирена. Названий не помню, сливаются в одно.

7. Чтобы новые поколения перестали — не устали, а перестали — праздновать День Победы, надо, чтобы Россию кто-нибудь завоевал, например американцы. А этого никогда не будет. Поэтому День Победы будут праздновать всегда!

Игорь Шумейко, писатель (Москва)

1. Чем более цензура «цеплялась» к фактикам, цифрам, тем тверже (и успешнее) названные писатели, «великая когорта» отстаивали высшую «правду духа». Участни-

кам войны, победителям фашизма, «юнкеров», «тигров»... сусловские ножницы были смешным «противником»! Формулирую с некоторой запальчивостью, в их жизни цензура, возможно, была важным «привходящим фактором», но не на страницах. Более того, кроме «ножниц», вырезания — цензура лезла и с «карандашом», вписыванием «нужного». Что было еще хуже. Вспомнил одного автора, тоже участника ВОВ, правда писавшего в жанре нон-фикшн, — Г. К. Жуков. Цензор с «карандашом» потребовал вписания сцены «военного совета с полковником Брежневым», и... осталась лишь маленькая смешная деталь, анекдот на полях текста. А к названной «великой когорте» добавил бы Твардовского.

2. Возможно.

3. Лев Толстой и «Наполеоновские войны 1805–1812 гг.».

4. Настоящие подвиги, это — Война! Конечно, мы зазубрили со школы «В жизни всегда есть место подвигу», но все ж... Сравнивая с Войной, подвиги на «статской службе» всегда будут напоминать гениальную самоироничную фразу Бургомистра (Игорь Кваша) в «Мюнхгаузене»: «Я каждый день хожу на службу, не скажу, что это подвиг, но...»

Потому и Война — предмет гордости.

5. В одной своей книжке несколько страниц я посвятил опровержению наивной фразе Клаузевица «Война есть продолжение политики...». Прочитировал целый пул историков, ученых, тотально развенчивающих Клаузевица: Мартин ван Кревельд (Martin van Creveld), Брюс Кэттон, Джон Киган, Рассел Уигли (Russell Weigley). Их главный постулат: «Война генерирует собственную политику! Клаузевиц описывает войну, которую хотел бы видеть немецкий доктринер».

По многим причинам наивная пошлость Клаузевица в XX веке стала еще и опаснейшей. Но вышеупомянутый пул историков заглушен. В СССР Клаузевиц царил в цитатах, пересказах Ленина. Гитлер вообще до последних минут... Клаузевиц — последняя персона, упомянутая в завещании Гитлера.

Ближе к нашей теме, из упомянутого пула, оппонент «политичности войны» Джон Киган (John Keegan): «Для многих обществ война обеспечивает больше религиозные, культурные функции, нежели чисто политические». Это написано задолго до того, как юбилей Победы стали вызывать ворчание, скепсис «в определенных кругах».

В этих ответах не могу привести всю цепь силлогизмов, ведущую от Клаузевица к Гитлеру и... «необходимости сдачи Ленинграда» (даже не злоба диктовала ту «стратегическую мысль», а именно пошло-наивный взгляд на Войну). Но нельзя не привести цитату, представляющую (для многих неожиданно) Клаузевица — героя «Войны и мира»!

Ночь перед Бородино

Пьер Безухов подошел к князю Андрею Болконскому и только хотел начать разговор, как по дороге недалеко от сарая застучали копыта трех лошадей, и, взглянув по этому направлению, князь Андрей узнал Вольцогена с Клаузевицем, сопровождаемых казаком. Они близко проехали, продолжая разговаривать, и Пьер с Андреем невольно услышали следующие фразы:

— Война (Дер криг) должна быть перенесена в пространство (им Раум). Это зрение я не могу достаточно восхвалить, — говорил один...

— О да (О, йа...)

— О, йа...

— Да им Раум, — повторил, злобно фыркая носом, князь Андрей, когда те проехали.

Не считая собрания опровергателей сего интеллектуального гуру для Гитлера, Ленина, Муссолини в нон-фикшн книге, упомяну мой скромный личный вклад, высмеи-

вание его и в «художественном» (пользуясь классификацией Л. Толстого). В одном романе мой персонаж глубокомысленно итожит: «Изнасилование — есть продолжение политики ухаживания другими средствами».

7. Должна произойти... новая мировая война. Она и будет отчасти вызвана той «усталостью».

Юлия Щербинина, филолог (Москва)

1. Однозначно нет. Пушкинские произведения тоже выходили в свет с жесткими цензурными ограничениями — ну и что? На мой взгляд, здесь интереснее другой момент. В публичных дискуссиях часто забывается такое важное понятие, как внутренняя самоцензура говорящего/пишущего.

Одно время по работе мне довелось изучать мемуарную журналистику — записки фронтовых корреспондентов и дневники военных фотографов периода ВОВ. Так вот, почти каждый отмечал, что среди публиковавшихся материалов мало, как сказали бы сейчас, «шок-контента». Но не столько из-за официальных запретов, сколько именно из-за внутреннего самоограничения журналиста, считавшего неэтичным публично демонстрировать излишний натурализм. Часто упоминаются и категорические протесты непосредственных участников событий: солдаты запрещали фотографировать их ранения, матери противились съемкам растерзанных детей и пр.

Так что советская военная классика во всех ее жанрах — художественная проза, мемуарная литература, кинематограф — скорее особый взгляд, а не архаичный формат.

3. Однозначно да. Конечно, дистанцирование отнюдь не всегда гарант объективности, но убедительных примеров немало. Причем в самых разных жанрах — от стихов Владимира Высоцкого до нон-фикшн Светланы Алексиевич «У войны не женское лицо». В современной прозе — Великая Отечественная война в повести Эдуарда Веркина «Облачный полк», афганская война в романе Алексея Иванова «Ненастье».

4. Такая постановка вопроса представляется не вполне корректной. Война — какая бы то ни было! — это факт истории, предмет исследования, моральный урок. Обобщенно-образно — «зарубка на память». Конкретная проблематика определяется не временем, а ракурсом взгляда.

5. Использование войны в политических целях характеризует эти самые цели, но не образ войны. В данном случае Образ Войны — архетип, а всякий архетип — константа, понятие устойчивое и незыблемое.

6. В отличие от современных, советские фильмы в большинстве гораздо более аутентичны, невзирая на пресловутую цензуру. «Семнадцать мгновений весны», «Небесный тихоход», «Хроника пикирующего бомбардировщика», «А зори здесь тихие...» и еще множество лент. Среди немногочисленных позитивных исключений в нынешнем кинематографе — «Звезда» Николая Лебедева по одноименной повести Эммануила Казакевича.

7. Для меня это слишком абстрактный вопрос. Как сказал Шекспир, «мы знаем, кто мы есть, но не знаем, кем мы можем быть». В любом случае счастлива, что не доживу до этого времени.

*Материалы Круглого стола подготовили
А. МЕЛИХОВ и Н. ГРАНЦЕВА*

ИСКУССТВО ЧТЕНИЯ

Марианна ДУДАРЕВА

АПОФАТИЧЕСКИЙ ПУТЬ ВАЛЕРИЯ ДУДАРЕВА (о стихах последних лет)

Русский поэт Валерий Дударев, который уже ушел от нас в зоны времени, кажется, необъяснимого не любил. Как-то возник в редакции журнала «Юность» вопрос о возобновлении рубрики, посвященной прочтению классической литературы. Я предложила назвать ее «Необъяснимое в русской литературе». Но главный редактор Валерий Дударев возразил, мол, «кому это необъяснимое надо... давай „Ключи чтения“ назовем». Так оно и повелось... Однако мне все-таки удалось напечатать пару заметок, посвященных *неведомым* пушкинским дорожкам из «Руслана и Людмилы» и загадочной *перебранке* между Печориным и девушкой-контрабандисткой из «Тамани» Лермонтова. После редактор как-то смягчился, и, как оказалось, у него и самого в творчестве есть ряд весьма таинственных апофатических стихотворений. Сначала они, казалось, как бы были разбросаны в лаборатории поэта, мерцая, как звезды в ночи. Вот, например, это:

И ливня заклинанье,
И ветра гнев
В могучем завыванье
Слепых дерев.

Марианна Дударева — литературовед, фольклорист, кандидат филологических наук. Окончила Ивановский государственный университет, филологическое отделение (выпускница кафедры русской словесности и культурологии, ученица фольклориста В. А. Смирнова) и аспирантуру филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова. В настоящее время является преподавателем кафедры русского языка ФРЯ и ОД РУДН. Лауреат премии им. Владимира Лакшина (2017). Автор более 100 научных статей о русской литературе и фольклоре и монографий «„В один голос“: фольклорная традиция в поэтике С. А. Есенина и В. В. Маяковского» (2016), «Mortality in Russian literature» (2017), «Ни то ни се. Неправильное литературоведение» (2017), «Поиски „иного царства“ в русской литературе XIX — начала XX века: фольклорная эстетика» (2018).

Ни ясные поляны,
 Ни нас, ни вас
 Не видят великаны —
 Нет глаз.

Сверкнет в топорном раже
 Смертельный миг.
 Они не видят даже
 Кто — их.

Что тут вроде бы неясного? Но ведь отчего-то *жутко* становится при чтении этих строк, которые никак нельзя полностью понять; осознать глубину онтологического смысла без картины Босха «Слышащий лес и зрячее поле». Именно эта картина предвещает главный сборник стихов поэта «Ветла». Деревья, может, и не видят, кто их рубит, но слышат... Они чувствуют, отсюда и могучее завыванье слепых деревьев, которые вобрали в себя всю первозданную ярость стихии — *ливня заклинанье и ветра гнев*. В этом и кроется апофатизм, необъяснимое в стихотворении. Русская поэзия пошла по *апофатическому пути* развития, в образах неясного, неведомого, неизреченного сокрыто больше, чем мог бы открыть язык. В русской лингвокультуре эти категории выражены через отрицание, в том числе и глагольное, которое, возможно, не так сильно, как в немецком языке, но все-таки выполняет свою функцию. Обычно с апофатикой связан феномен смерти, притягательного и самого невыразимого явления, по мысли Кристиана Харта, автора «Эстетики смерти». Но здесь же для русского человека возникает вопрос и возрождения, перерождения через смерть, явления *света во тьме*, вечернего и невечернего. У Дударева найдем в стихах такую мифологему светотьмы в стихотворении «Предназначение»:

Есть высшая доля — однажды,
 Всю жизнь отложив на потом,
 Пойти одиноким, миражным —
 Проселочным диким путем.

Но в той навалившейся
 доле,
 Когда опускается мгла,
 Есть счастье: добраться
 до поля,
 Увидеть, как дремлет ветла,

Печальную кликнуть старуху
 В глухом, незнакомом селе,
 Свою разделить с ней краюху
 На этой вечерней земле,
 А там, уж совсем по старинке,
 Как будто столетия назад,
 Испить из предложенной
 крынки
 Под долгий, внимательный
 взгляд,

А после скупого прощанья
 Услышать «Исусе спаси!»,
 Сдержать вековые рыдания —
 И дальше пойти по Руси.

Во-первых, поразительно ощущение пространства — обязательно пройти проселочным диким путем, то есть тем, что на отшибе, за городом, за пределами *данного*... И во мгле, когда еще не темно, но уже и не светло, разглядеть ветлу, подглядеть за ней. Стоит ли говорить о том, что образ ветлы знаковый для поэтики Валерия Дударева. Но он обладает семантической напряженностью в целом, семантически заряжен в текстах классиков: «Лесном царе» В. А. Жуковского, «Жизни Арсеньева» И. А. Бунина, стихах С. А. Есенина. Именно с ветлой, сестрой ивы и ракиты, связана *иномирная эстетика* детских колыбельных про серого волчка. И вот в дударевской мгле встречается притаившаяся ветла, которая превращается в ось мира в незнакомом селе, поскольку эта незнакомость и безымянность указывают на инаковость, иномирность. И старуха, конечно, не случайна. Она не только вечная странница, но и посланница, дарительница, с которой предстоит лирическому герою испытать из предложенной кринки.

Во-вторых, примечательно ощущение времени — земля вечерняя, апофатическое зарождение внутреннего света в герое, который должен сдерживать обещание дальше следовать по Руси в поисках ответов, вероятно, на проклятые вопросы. Этот русский проселочный путь непременно равнинный, а русская равнина обладает особым апофатизмом. Культурный герой должен прожить и пережить такое путешествие (вспомним «Колокольчики мои...» А. К. Толстого или «Степь» А. П. Чехова). Стихи последних лет, написанные за год до смерти, сквозь апофатичны. Особенно выделяется из мини-цикла «Сосна», повергающая читателя своей концовкой в *онтологический* тупик и требующая предельной внутренней напряженности.

Цветок

Где звезды падают поныне,
 Где камень вечен и жесток,
 Не то в глуши, не то в пустыне
 Рос цветок.
 В нем сила истины звучала,
 Подвластна Богу одному.
 И Божья мать отвечала
 Великолепием ему.
 И божий сын в завете твердом
 Еще до всякого креста
 Ему рассказывал с восторгом
 Про арамейские места.
 И рядом не было ни пчелки,
 Ни человеческой руки,
 Лишь плакал ветер, словно четки,
 Перебирая лепестки.

Сосна

Осталась жизнь, осталась тайна
 Непостижимая одна.

Своей минуты увяданья
Ждала сосна.
Ее смола янтарно, сочно
Одoleвала тьму и мглу.
И всем понятно — вот же солнце
К земле стекает по стволу.
Чужие люди подходили
К ней новогоднею гурьбой,
Но тайны этой не открыли
И мы с тобой.
Когда с обрыва мчатся сани,
Когда лыжни обнажены —
Тогда вот кажется в тумане,
Что нет — и не было сосны.

Посвящено Андрею Шацкову

Я простой православный —
Родовой, рядовой.
Непутевый, не главный —
Я хребет становой!
Как великую тайну,
«Отче наш» повторю,
Хоть давно не пытаюсь
Доползти к алтарю,
Где крепка и парадна
Вся церковная рать
Может в раз беспощадно
И хвалить, и карать.
Я затих у крылечка
В дальнем храме в углу,
Где дешевая свечка
Распечатала мглу.
Я молюсь, как скотина,
В эту самую мглу,
А старушки мне в спину
Посылают хулу,
А дьячок пьяный позже
Хмыкнет: «Ну, и артист!»
А еще я раб божий,
А еще — атеист.
Я и ровный, и равный,
Я и зэк, и конвой.
Я — простой православный.
Родовой, рядовой.
Я за Русь, за Победу
Под вороний ли грай
Божьей волей поеду
То ли в ад, то ли в рай.

Я ропщу. Я — доволен.
Я — изгой. Я — народ.
И гудит с колоколен:
«Коммунисты, вперед!»

Качание деревьев в августе

Он увидел — увидел, себе на беду,
Качание олив в Гефсиманском саду,
Какого не знали ни жрец, ни мудрец,
Какое увидел лишь Он да Отец.

Родные, не бойтесь, откройте все двери,
Ведь реквием вечен не год и не век.
Пуускай на земле остаются Сальери
И черный хохочет опять человек.

Важней впереди очертанье Голгофы,
Важней кипарисы — туги и прямы.
Пуускай на земле оболгут «Меренгофы»
Качанье деревьев вдоль света и тьмы.

Молитвой наполнятся звуки простые
Сверчка и цикады в назначенный час.
Лишь в августе ночи, как мед, золотые
Одарены отсветом греческих ваз.

Земная механика крутит вселенной,
Холодные звезды в ладонях согрев,
Пока еще есть на земле этой тленной
Пространство и время качанья дерев.

* * *

Здесь улицы нету Овидия.
Домишки, окошки, чай.
Какая глухая провинция!
Какая простая печаль!

Но только вот здесь между грозами
В вечернем затишье поймешь
Со всеми узорами, взорами,
Что небо с земли не сотрешь.

Засветит цветок с подоконника,
И крест на могиле пустой —
Иконы здесь будут — иконами,
Звезда — Вифлеемской звездой.

Константин ФРОЛОВ

«ОНТОЛОГИЯ ДЕТСТВА» В. ПЕЛЕВИНА, ПРОЧИТАННАЯ ЧЕРЕЗ ПЛАТОНА

Всякий текст начинается с заглавия. «Онтология детства» в этом смысле являет собой сочетание слов, достойное отдельного осмысления. Поверхностному взгляду оно могло бы представиться претенциозным, будто автор с ходу и грубо обозначает весь пафос собственного творения в броском заголовке — этакий фальстарт — и тем самым изначально стремится подавить читателя: сейчас будет нечто серьезное. Ведь и онтология как слово о подлинно существе, и детство как вмещалище самых чистых и искренних эмоций обладают ценностной окраской, максимально приближенной к статусу священного.

При этом не следовало бы оставлять без внимания и контраст между этими понятиями: академический, монументальный термин здесь берет под управление категорию наивную. Однако, взяв ее в качестве аргумента, главный термин все же заметно превосходит свой аргумент по мощи коннотаций: «онтология детства» — категория отнюдь не детская. Так карликовая планета — не планета, а фальшивые деньги — это и не деньги вовсе.

Онтология детства — это категория, рожденная в духовной зрелости. Это не ирония над тем обстоятельством, что убогим взрослым, живущим в силу собственного невежества в вынужденной аскезе, свойственно даже самые тонкие смыслы облекать в мрачные и суровые формулировки, а из них, в свою очередь, путем рекомбинации производить многостраничные тома. Это скорее попытка вырваться за границы языка при помощи самого языка. И раз уж ты решился действовать *так*, говорить при помощи слов, а не как-либо еще, то уж нелепо было бы этих слов теперь опасаться. Теперь они — твои инструменты и подчиняются твоему замыслу. А потому они не в силах — даже при всей своей грузности, грубости — помешать тебе выразить то, что ты хочешь. Отсюда эта смелость в заглавии.

Константин Геннадьевич Фролов родился в 1988 году в Ленинграде. Окончил Институт философии СПбГУ (2015), там же защитил кандидатскую диссертацию по специальности «История философии» (2017). В настоящее время — доцент кафедры философии СПбГЭТУ ЛЭТИ. Автор более десятка статей в ведущих журналах РАН, таких, как «Вопросы философии», «Философский журнал», «Vox» и др.

Онтология — учение о подлинном. Как следствие, выявление подлинного — основная задача автора данного текста. Неудивительно, что решать ее можно лишь посредством демонстрации мифа — мифа о ребенке, рожденном и воспитанном в неволе, в тюрьме. Аллюзия на платоновский миф о пещере здесь довольно прозрачна. Интереснее другое — те сюжетные деформации, те оговорки и проговаривания, в которых дает о себе знать детский опыт самого автора. Например, о праздничном реве ползущих на парад танков, движение которых по звуку отличаешь от самоходок, или воспоминания об игре в футбол во дворе. Эти намеренно оставленные следы связи мифа с реальностью понуждают нас сместить фокус внимания на действительно важное. Если все, что мы имеем, лишь феноменология, если «видеть — на самом деле значит накладывать свою душу на стандартный отпечаток на сетчатке стандартного человеческого глаза», то увидеть больше, чем положено по стандарту, можно, лишь имея нестандартную душу. В этом остранении опыта восприятия повседневности, очевидно, заключена одна из интенций автора.

При этом путь к этому остранению опыта открыт для нас в любой момент. Так в детстве «весь мир еще удивителен, все в нем странно». Потом, со взрослением, такая оптика уходит. Однако, уходя, она оставляет нам ключ — сами воспоминания. Да, в повседневной жизни взрослого человека окружает не так много странного, но ведь всегда при себе можно держать воспоминания. И тогда самым странным из всего наличествующего будет как раз то, что одни и те же вещи, которые когда-то были странными, теперь это качество необратимо утратили. Подобное странно само по себе. Странно потому, что вещи остались на своих местах. Перемены случились в субъекте. Перемены неконтролируемые, непреднамеренные, однако неотвратимые.

Увидеть неотвратимость собственного падения, собственного *отпадения* от восприятия подлинного (которое невозможно воспринимать иначе чем в качестве странного) — увидеть и осознать эту неотвратимость — значит увидеть нечто странное само по себе и, как следствие, всегда иметь шанс выйти на связь с подлинным, пусть и косвенную.

Знание как припоминание, как обреченное стремление восстановить в себе хотя бы отблески того опыта, который был тебе уже когда-то дарован, но от которого ты отпал и которого потому наверняка в этой жизни больше не будет, — это вторая очевидная тема, роднящая миф Пелевина с доктриной платонизма.

Отсюда критика письменности, данная нам Пелевиным в двух ипостасях. Во-первых, общая критика того, что пишут (и читают) взрослые люди: «Надо совсем повзрослеть, чтобы понять, насколько неинтересно и убого все то, что ты успел столько раз перечитать» [1:156]. «Совсем повзрослеть» тут может быть прочитано двояко. С одной стороны, «совсем повзрослеть» — значит совсем утратить способность усматривать красоту в чем угодно, независимо от того, в качестве чего оно воплощено в материи, поскольку красота всегда в смотрящем; красота — это идея, и все сущее несет на себе ее отпечаток. С другой стороны, «совсем повзрослеть» может быть прочитано как «достичь подлинной зрелости», когда некоторые из иллюзий прошлого, обманчивые впечатления и влечения (влечение к справедливости, обретающее форму мстительности и животной агрессии, или же плотское влечение), перестают иметь власть над субъектом. Феноменологическое сходство между этими явлениями — *утратой* способности видеть подлинную природу вещей при переходе из детства во взрослую жизнь и *обретением* способности видеть подлинную природу вещей при переходе из оптики повседневности к оптике зрелого ностальгического остранения — одна из важнейших философских проблем, затронутых автором в данном рассказе. И обретение, и утрата здесь достигаются одним и тем же путем — путем взросления. Обрести можно лишь утратив. В случае же с переоценкой ценности прочитанного в детстве это и вовсе один и тот же про-

цесс. Так, лишь утратив всякую восторженность по отношению к справедливому парню Артему или товарищам таким-то, можно осмыслить природу и значение того восторга.

Однако что это дает? Если сам восторг навсегда утрачен, то какой смысл теперь его препарировать в собственной памяти? Что ж, смысл здесь сводится к тому, что если утрата не компенсируется обретением, то, значит, она была напрасна. Рефлексия есть действие, нацеленное на искупление вины за эту утрату. Той вины, в которой ты вроде бы не повинен, поскольку это не ты решал, когда тебе взрослеть и начинать «вставать вместе со всеми», и все же ту вину ощущаешь в себе, несешь ее как бремя, будто внутренний голос говорит тебе, что взрослеть можно было как-то иначе.

И вот эта вина — вина за то, что взросление не привело к освобождению маленького узника, — требует хотя бы на время откупиться болью воспоминаний. Если тебе больно, значит, ты еще не совсем потерял. Эта боль дает надежду. Затем она же становится тем опытом, который нуждается в собственном осмыслении. И вот уже мысль пошла на новый круг, и там, на этом новом кругу, мысль силится понять, идет ли здесь речь о каком-либо восхождении, или же хождение по кругу — это всего лишь хождение по кругу.

В этом смысле весьма показательно ясно заявленное отношение рассказчика к детству как таковому: «В детстве счастлив потому, что думаешь так, вспоминая его. Вообще, счастье — это воспоминание» [1:156]. Потому было бы недостаточно оказаться там же и вновь стать тем же, прежним. Тем самым обнаруживается, что опыт воспоминания, опыт вторичной (третичной, etc.) реконструкции не менее, но даже более важен, чем его исходный материал. В той же мере, вопреки иллюзии желанности, было бы недостаточно всю жизнь оставаться ребенком. Ведь среди прочего это предполагало бы бесконечное перечитывание с равным восторгом одних и тех же шести скверных книг без всяких шансов на то, чтобы постичь убогую ограниченность даруемого ими содержания. Подобное, несмотря на весь тот восторг, в конечном итоге не принесло бы ни счастья, ни понимания (потому что счастье, в отличие от грусти или того же восторга, не переживается и не испытывается; оно *мыслится* и, соответственно, дается лишь через понимание — вполне платонистский по своему духу тезис). Хоть жизнь в детской оптике и подобна жизни в раю — ежесекундно соприкасаешься с подлинным (с красотой), пусть и не отдаешь себе в этом отчета, — но чтобы понять, что это было, абсолютно необходимо оказаться из этого рая изгнанным.

Другое дело, что трагичность этому положению придает его необратимость, причем эта необратимость необходимой отнюдь не выглядит. Да, рано или поздно повзрослеть, вырасти в интеллектуальном и духовном плане из коротких штанишек детства все равно надо, однако остается все же неясно, почему двери в этот нераспознанный рай закрываются столь плотно, что не остается ничего другого, кроме как бережно хранить скопленные воспоминания, вызывая их в памяти не слишком часто, чтобы они не затерлись и не трансформировались в нечто иное. Кажется ничем не оправданной та жестокость жизни, которая не позволяет никаким способом вымолить хоть ненадолго вернуться *туда*. Жестокость эта вполне родственна той, с которой жизнь способна навсегда отнимать у нас самых близких.

Второй тип критики письменности Пелевиным уже совершенно платонистский по своему духу: «Когда начинаешь читать, еще не текст направляет твои мысли, а сами мысли — текст» [1:155]. Понять, в какой степени, приобретая навык беглого чтения, мы вместе с тем утрачиваем нечто более ценное, можно лишь в контексте следующих слов: «Только потом понимаешь, что переговариваться с Богом нельзя, потому что ты сам и есть его голос, постепенно становящийся все глуше и тише» [1:159].

Текст передает информацию, факты. Он заточен на выполнение этой функции. Однако осведомленность о фактах — это далеко не все, что нам требуется в жизни. Под-

линая ценность состоит не в знании как таковом, но в способности любое знание правильно оценить. Сам текст, само знание не в силах ни выполнить эту функцию, ни научить ей. Оценивание случается только в свете живого опыта. Потому никакое многократное перечитывание одних и тех же текстов не поможет распознать их ценность. Для этого необходимо выйти вовне. Но как только мы сделаем этот шаг, ценность прочитанного едва ли удержится на первоначальном уровне. Почему так? Какой ход мысли мог бы привести нас к столь радикальному выводу о том, что ни один текст в мире не заслуживает того, чтобы слушать его больше, чем голос собственной души?

За ответом обратимся к диалогу Платона «Менон», где читаем: «А раз душа бессмертна, часто рождается и видела все и здесь, и в Аиде, то нет ничего такого, чего бы она не познала; поэтому ничего удивительного нет в том, что и насчет добродетели, и насчет всего прочего она способна вспомнить то, что прежде ей было известно. И раз все в природе друг другу родственно, а душа все познала, ничто не мешает тому, кто вспомнил что-нибудь одно, — люди называют это познанием — самому найти и все остальное, если только он будет мужествен и неутомим в поисках: ведь искать и познавать — это как раз и значит припоминать» [2:81d].

Известно, что теория познания Платона насквозь проникнута мистицизмом. Мистицизм же нас обыкновенно отталкивает. Почему? Отчасти неприятие вызывает заявленный уровень пафоса. Есть темы, на которые лучше вообще не говорить, чем говорить о них неподобающим образом. При этом слова для подобающего образа подобрать нелегко, потому любые чужие попытки, как правило, видятся нам неудачными (если, конечно, нас волнуют сами вопросы; в противном случае сказанное воспринимается как обыкновенное пустословие).

Однако помимо проблемы подбора слов остается еще и проблема содержания. Если оно невыразимо, если слова Платона, как и слова Пелевина, — это заведомо «не то», к чему же тогда пытаться? Вопрос о мотивации автора, пишущего что-либо подобное, всякий раз оказывается достоин самого пристального внимания. Для кого и с какой целью Пелевин написал свой рассказ? Для кого писал Платон? Для кого, наконец, пишу я?

Лучший из возможных ответов на подобный вопрос обнаруживается в платоновском диалоге «Федр». В его заключительной части Сократ приводит выдуманный им же самим миф о египетском боге Тевте, изобретателе письменности. Тевт решил донести это умение до людей, для чего обратился к египетскому царю Тамусу с предложением принять эти письма в дар. Царь ответил: «Искуснейший Тевт, один способен породить предметы искусства, а другой — судить, какая в них доля вреда или выгоды для тех, кто будет ими пользоваться. Вот и сейчас ты, отец писмен, из любви к ним придал им прямо противоположное значение. <...> Припоминать станут извне, доверяясь письму, по посторонним знакам, а не изнутри, сами собою. Ты даешь ученикам мнимую, а не истинную мудрость» [3:275a]. Приведя в качестве мнимого свидетельства эти выдуманные слова (в действительности выдуманные даже не Сократом, а автором диалога Платоном), Сократ и сам развивает те же идеи: «Тот, кто рассчитывает запечатлеть в письменах свое искусство и кто в свою очередь черпает его из писмен, потому что оно будто бы надежно и прочно сохраняется там на будущее — оба преисполнены простодушия. <...> Думаешь, будто они [письмена] говорят как разумные существа, но если кто спросит о чем-нибудь из того, что они говорят, желая это усвоить, они всегда отвечают одно и то же» [3:275d]. Равно как и те шесть книг из тюремной библиотеки!

Потому Сократ хотя и заботился о будущих поколениях афинян и положил много сил на общение с юношеством, но за свою жизнь не написал ни строчки. Эти сюжеты известны под общим названием критики письменности у Платона. Однако почему

же сам Платон не внял максиме своего учителя? Ответ раскрывается в «Федре» далее: «Ведь когда он [философ] пишет, он накапливает запас воспоминаний *для себя самого* на то время, когда наступит старость — возраст забвения» [3:276d].

Да, в основе всякой письменности лежит страх забыть и утратить однажды помысленное. Стремление овладеть технологией воспроизводства того опыта, который в естественном виде хранится в нашей памяти неведомым для нас образом — вот что есть письменность. Недоверие к себе, подкрепляемое множеством разочарований и аналитикой собственных падений, побуждает нас создавать эти мгновенные снимки души с тем, чтобы впоследствии, что бы ни случилось, сохранить для себя возможность, рассматривая их, извлекать из них воспоминания о том лучшем, что в нас когда-то было.

Этому мотиву недоверия к себе противостоит мотив веры в себя, в свою высокую природу — веры, почти невозможной. Так мифический царь Тамус устами Сократа говорит о том, что подлинная мудрость рождается в душе «изнутри, сама собою». Аналогичным образом и у Пелевина «перестукиваться с Богом нельзя, потому что ты сам и есть его голос». Правда, голос, «постепенно становящийся все глуше и тише».

Почему? Что глушит этот внутренний голос?

Схема взросления обозначена Пелевиным предельно ясно: это движение от состояния, описываемого, как «начиналось все с самого солнечного и счастливого места на земле», к противоположному: «И вот из зыбкого тумана забывающегося детства выплывает — как при наведении фокуса — понимание того, что ты родился и вырос в тюрьме, в самом грязном и вонючем углу мира. И когда ты окончательно понимаешь это, на тебя начинают в полной мере распространяться законы твоей тюрьмы» [1:160].

Твоей тюрьмы. Тюрьма — это мысль, произведенная на свет в акте ее осознания. До этого акта никакой тюрьмы не было. Тюрьма появилась тогда, когда ты впервые о ней подумал. Точнее, все, что тебя окружает, в этот момент *стало* тюрьмой.

Однако в тот момент, когда ты живо вспоминаешь то время, когда все вокруг тюрьмой еще не было, когда ты видишь себя, бегущего по коридору или играющего в футбол, в это мгновение твое окружение вновь ненадолго перестает быть тюрьмой. Ты *вспоминаешь*, что никакой тюрьмы, в сущности, нет, есть лишь твоя неспособность мыслить иначе. Ведь солнечный свет светит все так же и все так же несет в себе идею красоты, сообщая ее всему вокруг.

Тот момент, когда ты впервые увидел всю грязь окружающего тебя мира, — он же и есть тот момент, когда ты разучился видеть его красоту. И вновь, как и в случае с прочитанными шестью книгами, обретение — в данном случае обретение фокуса видения — по времени совпадает с утратой, будучи, в сущности, одним и тем же явлением.

И когда осознание всего этого при поддержке живого воображения позволяет хоть на миг перестать видеть в окружающем мире лишь вонь и тюрьму, рождается потребность в память об этом опыте создать *свои* письмена, *свой* миф. И трудно осмыслить всю сложность тех семантических механизмов, которые позволяют хоть в какой-то степени облечь в материальные знаки энергию этого мифа — энергию, способную при случае пробить брешь в прочных стенах чей-то тюремной повседневности.

Нам остается лишь рассмотреть обозначенный выше вопрос: можно (и нужно) ли проходить путь взросления как-то иначе? Опцию вечного детства и вечной наивности мы здесь в расчет не берем — это не выход. Но можно ли достичь зрелости, так и не усмотрев в собственном окружении тюрьму, то есть как бы в обход этого травматичного опыта? Или же даже увидев ее, все же не впасть от увиденного в отчаяние? Конечно, можно. Нередко для этого оказывается достаточно идти по такому пути не в одиночку. Ведь сущность тюрьмы сводится не только к ограниченности и регламентации доступного опыта, но и к отсутствию выбора, с кем, среди кого тебе доведется эту жизнь проживать. И в этот момент миф Пелевина должен быть осознан в качестве *ложного*

мифа. «Ложный» при этом вовсе не означает «вредный» или «опасный». Катарсис здесь как раз и наступает в результате осознания этой лжи. В чем же она состоит?

Ложь проступает тогда, когда во многом справедливая критика письменности, исходящая из того, что в мире нет такого текста, доверять которому следовало бы более, чем голосу собственной души, доводится до чуждого Платону предела и оборачивается тезисом о том, что ни один человек в мире не достоин заботы и внимания больше, чем ты сам. Отсюда всего лишь шаг до мысли о том, что ни одного человека в мире не стоит любить и ценить больше, чем себя. И когда этот шаг сделан, совершить побег из такой тюрьмы оказывается уже невозможно. Красота не в силах спасти того, кто противопоставляет красоту мира и уродство людей, не мысля себе возможности усмотреть красоту в отдельном человеке, а усмотрев, полюбить его и тем самым окончательно разрушить *свою* тюрьму.

Литература

1. Пелевин В. О. Онтология детства // Пелевин В. О. Соч. в 2 т. Т. 1. М.: Терра, 1996. С. 152–161.
2. Платон. Менон // Платон. Собр. соч. в 4 т. Т. 1. М.: Мысль, 1990. С. 575–612.
3. Платон. Федр // Платон. Собр. соч. в 4 т. Т. 2. М.: Мысль, 1993. С. 135–191.

РЕЦЕНЗИИ

АНДРЕЙ БИТОВ В РАМЕ «ПОРТРЕТА ПОЗДНЕЙ ИМПЕРИИ»

Портрет поздней империи: Андрей Битов. Авт.-сост. Евгений Чигрин.

**Предисловие Валерия Попова. — М.: АСТ, 2020. —
(Большая биография).**

«Портрет поздней империи» — так называется новая книга. Называется, возможно, потому, что в словосочетании «поздняя империя» слышится что-то печальное, закатное и грандиозное. Передо мною сборник, посвященный памяти, судьбе и наследию Андрея Битова, писателю, чье имя в среде знающих русскую литературу множество лет неизменно было созвучно понятию «Мастер». Битов был видной, звучной личностью, и если теперь сказать — «То было в эпоху Битова», — это не звучит диссонансом. Большая часть жизни писателя прошла в годы советской власти. Он печатался, а советским писателем никогда не был. Совершенно самостоятельный, мыслящий интеллектуал, потрясающий собеседник, он был, как и многие его друзья, во «внутренней эмиграции», то есть жил своей внутренней жизнью, увлекался книгами, женщинами, при этом оставаясь в конечном счете исключительно верным себе. Молодость его пришлось в пору «оттепели». И это способствовало тому, чтобы Битов смог утвердиться, стать исключительно самостоятельным, обрести свой неповторимый взгляд на мир. А потом и принять авторское участие в неподцензурном, изданном за рубежом скандальном альманахе «Метрополь».

До многочисленных его европейских и американских путешествий, которые относятся большей частью к зрелым годам, были путешествия внутри страны, по респуб-

лика. Очерк за очерком у А. Битова рождалась «Книга путешествий по Империи», подготовленная в 1991 году, но долго не выходящая. Возможно, ее название тоже повлияло на то, что книга, посвященная его памяти, была названа ее составителем, широко и заслуженно известным поэтом Евгением Чигриным «Портрет поздней империи»... А начиналась «Книга путешествий...» с некогда вышедшего отдельным изданием большого очерка-повести «Уроки Армении», и этот очерк-углубление в исторические судьбы Армении стал по выходе настоящим событием. Не только потому, что в нем сразу проявился масштаб своеобразия, звучность прозаического камертона, которым владел автор, но поражала его беспредельная внутренняя свобода, *уверенное в себе умное своеволие выразить себя пером...*

Я помню Андрея Битова довольно молодым. Впервые встретил его в известном в Москве кинотеатре-музее «Иллюзион», где можно было смотреть старые и даже старинные зарубежные и советские фильмы. Но на сей раз это был не киносеанс. Это был многолюдный сбор московской творческой богемы, посвященный... пуговице. Известный у нас лишь Битову и его друзьям-интеллектуалам французский писатель-экспериментатор, сюрреалист Раймон Кено написал всевозможные тексты-вариации, посвященные пуговице. И Битов с друзьями эту книгу малым тиражом издали и в «Иллюзионе» устроили грандиозную презентацию, на которой считанные экземпляры были разыграны особым способом — напекли пирожки и экземпляр темно-синей, длинной, «в рост», книжки доставался тому, у кого в пирожке окажется пуговица. Выигравшему выдавалось еще изданное тем же форматом «приложение» со стихами современных русских поэтов, также посвященными пуговице. Пуговица в тот вечер обрела благодаря царившему в тот час в зале-фойе Андрею Битову некую интеллектуальную самоценность... Поэт Виктор Куллэ в «Портрете поздней империи» провидчиво пишет: «Битова по умолчанию принимали за „мудреца“, но ему мудрость как таковая была скучна, что ли. Живое и непосредственное удовольствие Андрей Георгиевич получал не от безукоризненно выверенной цепочки умозаключений — а от собственной способности глянуть на нечто до неприличия общепринятое с небывалой доселе точки зрения. Со стороны это выглядело как истинное чудо». И далее у Куллэ о том, что у Битова в его текстах было «чутью лукавое приглашение к игре по новым увлекательным правилам». И там же еще точнее: «Битов попросту распространяет требование сотворчества на взаимоотношения человека со всем Божьим миром. Представляющим как некий текст (ну, или холст), порожденный Творцом». Ради такого понимания уже стоило издавать книгу памяти Писателя. А ведь подобных «прозрений» в жизнь, творчество и личность Битова в книге-сборнике покоряющее много!..

Прав и Евгений Костин, который в той же книге пишет: «Битов соединил в своих текстах многообразную фактическую основу, почти документалистику, опираясь на собственный жизненный и психологический опыт, и это было характерной чертой всего его творчества, включая и классический „Пушкинский дом“...» Да, фактичность, то есть глубокая, прочувственная жизненность, помноженная на свободу, были свойственны битовской прозе. И еще мнение от Георгия Кубатьяна, представляющего в книге Армению: «Что бы ни выходило из-под его пера, будто бы само собой оборачивалось прозой, и притом изысканной прозой, читая которую, смакуешь ее точность, остроту рисунка, синкопические перепады ритма». Это уже и о музыке битовского письма...

Большое видится на расстоянии. Литературно большое тоже. Потому на личность Битова год спустя после его смерти в этой книге откликнулись многие, известные, знаменитые, именитые или просто к нему, поверх известности, близкие, дружественные, как художник Борис Мессерер или известный фотограф Юрий Рост, чьи фотографии совершенно уникально «аккомпанируют» в книге писательским и поэтическим текстам... И встает со страниц дружившая с Битовым надмирная и утонченная Белла Ах-

мадулина, посвящавшая ему стихи. Зоя Богуславская там же пишет об этом: «Он дружил с Беллой Ахмадулиной, с которой вообще трудно было подружиться. Она не очень жаловала собратьев по перу, но для А. Г. Битова и А. А. Вознесенского делала исключение». И далее: «У Битова был особый жанр: смесь прозы, эссеистики и аналитики. Но все это разнотравье определяло одно: безупречный язык, умение сказать по-своему и заставить помнить это людей, хотя бы тех, кто будет о нем писать». Но не нужно полагать, что сборник «Портрет поздней империи» — это своего рода ристалище превосходных оценок. У той же Зои Богуславской, бездну лет знавшей писателя, читаем: «Про него могу сказать, что это был человек очень одинокий, сильно изменившийся в определенном возрасте. Смелый, озорной, а иногда и хулиганистый — мог эпатировать. Петербуржец, это вылезало из всех пор. И статья петербургская и снобизм. Да, он был о себе довольно высокого мнения, чего не скрывал».

А вот многие литературные герои Битова, еще со времен его известного рассказа «Пенелопа», не были о себе высокого мнения. Они находились в непрестанном диалоге с собственными чувствами, ощущениями, со своей неуверенностью и опрометчивыми поступками. Вот и выглянул призраком из-за плеча А. Битова Ф. М. Достоевский. А как же, все-таки Петербург. Хотя стилистически современники Битова хотели бы видеть в нем отдаленное литературное «родство» с В. Набоковым, но и тут «фоном» все тот же Петербург... Битов жил на два города, у него были пристанища и в Питере, и в Москве. В Питере — по любви к родному городу, в Москве — по близости к «большой» литературе. «Питерский Битов отличался не только от датского — и от московского, где мы пересекались достаточно часто. Он был дома. Недаром главная книга, известность которой и неразрывная ассоциативность которой с именем автора его раздражала, несет в названии архетип и концепт Дома. Домашний Битов утрачивал загадочность и непостижимость, но приобретал полноту человеческого», — об этом пишет Марина Кудимова в очерке своем «Ветренная погода...», включенном в книгу и рассказывающем об их с Битовым и писателями путешествии в Данию, и в заключение цитирует важнейшую мысль Битова, которую она почерпнула в его «Пушкинском доме»: «Мы привыкли думать, что судьба превратна и мы никогда не имеем того, чего хотим. На самом деле мы получаем с в о е — и в этом самое страшное...»

Если бы десять художников стали писать портрет Андрея Битова и писатель им позировал, получилось бы десять совершенно стилистически разных холстов, так и в книге «Портрет поздней империи» каждый воплощенный в словесность портрет неповторимо своеобразен, каждый создан со своей точки зрения. Похожих среди них нет. И то, что в книге наряду с текстами-воспоминаниями присутствуют и стихотворные прижизненные и посмертные посвящения ему Б. Ахмадулиной, А. Кушнера, Г. Горбовского, О. Чухонцева, О. Хлебникова, В. Алейникова, Н. Королевой, Г. Шульпякова, только дополняет книгу, и мы вспоминаем и о том, что Андрей Битов был не только прозаиком, но и поэтом в начале своего пути.

Конечно, Евгений Чигрин взвалил на себя огромный, трудно обозримый труд составления этой Книги Мысли и Памяти. Порой было непросто договориться с авторами, преодолеть разногласия, погасить претензии — при таком труде все это неизбежно. Но сборник вышел, был сразу замечен и отмечен. В «Литературной России», например, Виталий Александров, откликаясь, писал: «Думаю, что и в этой книге, как и в своих писаниях, Андрей Георгиевич Битов настигнул себя. „Кончится ли эпоха Битова?“ — спрашивает сам себя Валерий Попов. И энергично отвечает: „Ни за что и никогда!“ Дайто Бог...» Откликов уже много, а будет еще больше, ибо эта книга еще раз отправляет имя Андрея Битова в Вечность, еще раз утверждая его особую, неповторимую роль в Истории русской литературы.

Станислав АЙДИНЯН

НЕВА 5'2020

БУДНИ ПРОДАВЦА КНИГ

Шон Байтелл. Дневник книготорговца. — М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2019. — 384 с.

Такого профиля книг в настоящей книготорговле среди книжных развалов немного. Одна из них называется «Воспоминания книготорговца» Дж. Оруэлла 1936 года — своеобразный отчет о работе с признанием, что, «несмотря на доброту моего хозяина и счастливые дни, которые я провел там», не хотелось бы становиться профессиональным книготорговцем. А мы скажем сильнее: несмотря на уже восьмидесятичетырехлетний рубеж (1936—2020), Шон Байтелл постоянно обращается к этой книге, образующей континуум эпиграфов к каждому месяцу. Но по порядку. Недавно вышедшая книга Шона Байтелла «Дневник книготорговца» — это искренний рассказ о буднях и случаях в книготорговле, почерпнутый в букинистическом магазине шотландского города Уигтауна. Уигтаун славится как центр книготорговли, а букинистический магазин *Bookshop* считается самым крупным в этом городе. Надо учесть также знаменитые книжные фестивали, организуемые в Уигтауне ежегодно. Итак, книга написана как дневник книгопродаж. Да-да, это именно дневник с февраля 2014-го по февраль 2015-го. Причем каждый месяц сопровождается, повторим это, обязательным эпиграфом из книги Дж. Оруэлла, после чего даются некоторые соображения, относящиеся ко всему «месяцу» (где-то на страницу). А каждая заметка («день») обрамлена сведениями: вначале: сколько онлайн-заказов и сколько книг найдено, а в конце: какова выручка и сколько покупателей было в тот самый день. Например: «Суббота 27 сентября. *Онлайн-заказов: 3. Найдено книг: 2. <...> Выручка на кассе: 989,30 фунта стерлингов. 95 покупателей*» (с. 257—258). Это самый яркий день продаж, сказался книжный фестиваль. Но обычно информация более чем скромная: «Вторник 14 октября. *Онлайн-заказов: 2. Найдено книг: 2. <...> Выручка на кассе: 72,30 фунта стерлинга. 11 покупателей*» (с. 279).

Такова в общих чертах структура повествования. Но в эту четкую структуру вплетены совершенно парадоксальные моменты, что делает чтение интересным и увлекательным, хотя людям, в свое время торговавшим книгами, уже самих цифр бывает достаточно, чтобы удовлетворить вполне ожидаемое любопытство. Конечно, со времен Джорджа Оруэлла прошли годы. За это время книжный мир подчинился интернет-сервису, появились крупнейшие издательства типа *Amazon* (это имя часто встречается в книге!), диктующие цены и облегчающие покупателям «добычу» книг, то есть налицо существенные изменения, но, несмотря на все это и вопреки всему этому, букинистический магазин продолжает жить, располагая своим уникальным кредо.

Будни, будни... У магазина начинает течь крыша; поступил звонок, что предлагается коллекция книг; надо согласовать с почтой отправку бандеролей; пропал кот Капитан, и надо его искать; обещали приехать родители; интервью телеканалу (*К счастью, я его пропустил*); рыбалка в дивном месте; дождь и сумрак; посетители, посетители, посетители (*Они не купили ни одной книги и постоянно называли меня «сэр»*). И вместе с этим у читателя возникает стойкое убеждение (хотя автор этого нигде не подчеркивает) в авторской осведомленности. Стоит только пересчитать упомянутые наименования книг, которыми торгует *Bookshop!* А надо знать и цену книги, и ее значимость для сегодняшнего дня! Приведем всего лишь отдельный фрагмент. *После тринадцати часов за рулем и перетаскивания коробок спина у меня совсем не гнется. Сегодня я буду спать как Чичиков, удачно купивший мертвые души у Плюшкина: «...сильно, крепко... чудным образом, как спят одни только счастливицы, которые не ведают ни геморроя, ни блох, ни слишком сильных умственных способностей»* (с. 220). Но повествователь, Шон Байтелл отнюдь не выглядит «синим чулком», погруженным в стихию книг. Вот вели-

колепное описание сада, расположенного за магазином: *Когда я сюда переехал, в саду росли в основном растения для альпийских горок и карликовые хвойные деревья. За годы, что я здесь живу, я многое пересадил, и сейчас, весной, сад — настоящий праздник цвета и запаха. Здесь растут и гардении, и душистый клематис, и глициния, и калина, и лавр, и разные виды живого напочвенного покрова, деревьев и кустарников. Благодаря горшкам и подкормке для вересковых у меня растут даже азалии и рододендроны. Сад — мое любимое место, и в это время года, когда дни долгие и теплые, сидеть в саду до позднего вечера — особенное удовольствие (с. 152).*

Книга оптимистична, но этот оптимизм таится внутри ежедневного повествования, повторим, о парадоксальных вещах. Конечно, это люди, проходящие в магазин. Здесь масса оттенков в типично английской манере. Вот дедушка, ищущий книгу о... Вот две женщины, желающие купить... но подешевле, чем в Amazon'ке; вот особа, желающая не столько купить книгу, сколько пообщаться... И над всем этим владелец магазина, которому приходится выезжать частенько к хранителям библиотек, желающим расстаться со своим «тяжелым грузом». Среди героев повествования обращают на себя внимание работающие в магазине помощницы. О, здесь юмор достигает максимума. Чего стоит одна Ники и ее истории о том, как она ту или иную книгу ставит на полку! Прочитируем?

Перед тем, как Норри ушел, у них с Ники завязался разгоряченный спор, из которого я услышал только конец. Как я понял, они говорили об эволюции. Это любимая тема Ники, и часто бывает, что я натыкаюсь на «Происхождение видов» в разделе художественной литературы, поставленные туда ее рукой. В ответ я ставлю Библию (которая у нее относится к разделу истории) в раздел «Романы» (с. 15).

Наводя порядок на полках в отделе с книгами по садоводству, обнаружил в отделе с книгами по рыбной ловле Одиссею. Мне придется допросить Ники, чтобы узнать, как она туда попала, однако я уверен, что ответ прозвучит примерно так: «Ну, они же какое-то время плыли на корабле. И как ты думаешь, что они там ели? Рыбу!» (с. 219).

Разумеется, книжный разлад характеризует многих людей: Если во времена Оруэлла названия и авторов путали продавцы, то сегодня это делают в основном покупатели. Меня не раз спрашивали, есть ли у нас «1984» Олдоса Хаксли, а бывает, что даже спрашивают «Историю Тома Джонсона» Хелен Филдинг. Ники недавно напомнила мне, что в прошлом месяце приписывали «Памяти Каталонии» и Эрнесту Хемингуэю, и Грэму Грину (с. 299).

Чувство юмора не изменяет автору, вот маленькая деталь: *Вешая плакат с рекламой «Клуба случайных книг», заметил, что степлер не работает. Попробовал испытать его на своей руке, и тут он решил заработать (с. 309).*

Мы много цитируем, однако не уверены, что хорошо представили рецензируемую книгу. Возьмем всего один день: 9 августа. Первый абзац: *Сегодня работала Ники. Прекрасный солнечный день. Я уезжаю на несколько дней на рыбалку, и мы обсуждали дела, которые необходимо сделать в мое отсутствие. Я далеко не уверен, что Ники запомнила все, что я ей сказал, и предполагаю, что в мое отсутствие она будет делать только то, что ей заблагорассудится.* В этот же день второй, последний, абзац в книге кончается так: *Я спросил ее, давно ли она в последний раз видела Энди. Она ответила с безмятежностью человека, который считает, что смерть — это не конец, а начало: «Он умер на прошлой неделе» (с. 210).*

Да, это английский юмор, но и с шотландским оттенком. Вернемся к более серьезным вещам. Мы узнаем, что торговать книгами по-крупному сейчас практически невозможно, что лучшую рекламу книге делают люди, рассказывающие о прочитанном своим друзьям, что непонятно почему так востребована история железнодорожного транспорта. Есть книги-инкунабулы, выпущенные до 1 января 1501 года тира-

жом 100—300 экземпляров, но сейчас наиболее востребованные книги сразу выпускаются такими мощными тиражами, что переплачивать за «первое издание» читатель не собирается.

И снова, снова масса незапланированных дел по ремонту, утеплению, наведению порядка после визита некоторых (многих!) покупателей. И конечно же, каждый день почти бывают поездки к родственникам (умершего), где всегда есть надежда увидеть в коллекции книг нечто захватывающее. Приплюсуем общение по телефону. *Позвонил мистер Дикон и попросил заказать «Плененную королеву» Элисон Уэйр. Я на всякий случай переспросил, нужен ли ему еще один экземпляр, ведь он недавно уже заказывал эту книгу. Он немного помолчал, а потом ответил: «Ах да, она лежит у меня на столе. Я имел в виду „Генриха“ (Henry) Дэвида Старки» (с. 223). А чуть ниже: Память у меня как решето. В очередной раз записал себе, что надо подать заявку на грант Джеймса Паттерсона. Это еще один пункт в постоянно растущем списке дел под названием «Дам себе по голове, если этого не сделаю» (с. 223).*

И опять Ники: 3 февраля. Среди сегодняшних заказов — книга «Деревья Великобритании: справочник для всех» (*British Tree: A Guide for Everyman*). Согласно шифру, введенно-му Ники, книга находится в разделе шотландской поэзии (с. 377). 4 февраля. Мы не смогли найти книгу о средневековом готическом искусстве, которую Ники зарегистрировала в отделе с книгами об Индии (с. 378).

Чем кончается книга? В конце в эпилоге рассказывается, что произошло с каждым участником повествования: не забыты и кот Капитан, и умершая Джесси, а также Лори, Кэйти, Фло, а в самом конце стоит знаковое: *Магазин по-прежнему работает* (с. 381).

Вера ХАРЧЕНКО

АПОКАЛИПСИС БЛИЗОК

Игорь Панин. Я не хочу это видеть: Сборник стихов. — Тверь; М.:

Альфа-Пресс, 2020. — 104 с.; ил. — Серия «Срез». Книга двадцать третья. Книжные серии товарищества поэтов «Сибирский тракт».

Во времена древних и мудрых людей всякое упоминание смерти служило чем-то вроде заклинания, способного отпугнуть ее. Детям перед сном рассказывали страшные сказки с трагическим финалом, пугая так, что очутись современный ребенок в том далеком и непонятном мире, услышь он хотя бы одну убаюкивающую историю тех лет, то непременно бы окосел на оба глаза и начал заикаться. Девушке, выходящей замуж, предрекали мученическую смерть от рук неистово ревнивого мужа, воины, уходящие в поход, пели песни о скорой гибели, и даже ритуал подготовки к охоте сопровождался дошедшим до наших дней фразеологизмом «Ни пуха ни пера», ибо считалось, что прямое славословие способствует сглазу.

И в глазах твоих встанет мрак
и в доме твоём будет тлен,
как напустят с родимых стен
на тебя четырех собак;
не узнаешь, который год,
не поймешь за спиной возни,
или жалок ты, или горд,
упади — усни.

Книга «*Я не хочу это видеть*» представляется мне сборником заклинаний против болезней, душевных метаний и смерти. Разнообразием прощаний с жизнью могут позавидовать полицейские сводки о тяжких преступлениях или же годовые отчеты (преувеличения для должного эмоционального эффекта!) столичных патологоанатомов. Автор будто заговаривает саму смерть, пытаясь обмануть ее, стать неинтересным, дабы та прошла стороной, ничуть не задев его своим одеянием.

Почти в каждом стихотворении встречаем авторские признания о готовности к первой и последней встрече с костлявой старушкой. А если где-то впрямую старушка не упоминается, то пишется исключительно о том, что произойдет после того, как встреча с ней состоится.

С учетом вышесказанного можно вывести основную тему панинской книги: противостояние смерти. Звучит немного отталкивающе и патетично, но более мягкой фразы, которая в должной мере раскрывала бы книгу, вряд ли подберешь. Во-первых, потому что автор действительно пишет так, будто героически прыгает перед глазами смерти, ударяя себя кулаком в грудь, дескать, попробуй, достань меня. Во-вторых, несмотря на житейскую усталость и показательную отрешенность, он все еще дерзок — на грани подростковых амбиций — и способен отвесить упреждающий удар, если заметит, что старушка замахивается на него косой.

До сих пор не верю в то, что я умру.

Парадоксальность книги уже в самом названии «*Не хочу это видеть*», которое отсылает нынешнее поколение интернет-зависимых любителей поэзии к легендарному мему: «*Make me unsee it!*» В переводе на русский он звучит как неологизм: «*Дайте мне это развидеть!*», то есть сделайте так, чтобы я не чувствовал то, что чувствую, увидев то, что увидел. Парадоксальность заключается в том, что как бы автор ни хотел отвернуться или закрыть глаза, он упрямо стоит и смотрит на происходящее, с дотошностью архивариуса фиксируя признаки никчемного существования, попадающие в его поле зрения.

Ныне смотрю устало — сузился круг мой.
Видно, недоставало гадости крупной.

Сумерки входят в ночь, но шпарит зарница.
Сонно киваю — точно что-то случится.

Интересно отметить, что фраза, послужившая книге названием, взята из стихотворения «*Патетическое*», в котором рассказывается об ужасах, творящихся в современном мире. Опять же мы сталкиваемся с очередным парадоксом уже даже не самой книги, а психофизики автора. Ведь если не озаглавливать стихотворение словом, роднящимся с насмешкой и самоиронией, то мы бы лишились целого смыслового пласта.

Смотрите, что получается: автор мучается тем, что окружающий мир несовершенен, но посредством заголовка как бы посмеивается над своими переживаниями. Тут либо он стесняется в полный голос выражать чувства, либо считает их несущественными, скорее смешными, чем стоящими внимания. Возможен и третий вариант: в действительности все очень хорошо, только в силу своего характера автор склонен лишний раз поворчать, дабы ничего не сглазить. Так счастливые люди частенько замалчивают радости, боясь навлечь на себя гнев завистников.

Давненько не было бед...

Можно было бы настаивать на третьем варианте, если бы он благодаря своей всеобъемлемости не затмевал трагедийное начало поэтики Игоря Панина. Все-таки ощущение неминуемой смерти для автора важнее иронии и самоиронии, которые по большому счету — лишь краски, добавляющие цветовую гамму к серости жизни.

Дома сидеть тоскливо, а если выходишь, то еще тоскливее — *до жути*. Может, только поэтому автор берет и выходит, спускается, *как мертвец на слепом парашюте* («Не выходишь из дома — пугает тоска...»). И в этом нет полемики с лирическим героем Бродского, который настаивает на том, что лучше все-таки оставаться дома («Не выходи из комнаты...»). У Панина, скорее, уверенная констатация факта — он просто выходит. Его герой не вступает в дискуссию, не провоцирует спор и выяснения отношений с классиком, напротив, избегает их, потому что считает свои действия единственно возможными. Трудно оставаться живым, постоянно пребывая в зоне умеренного комфорта.

Я обладаю привилегией
свихнуться в гордом одиночестве.

Явления природы наделяются силой и властью языческих богов. Каждому из них отводится своя зона влияния. Явно, что автору требуется возвращение к язычеству, чтобы утолить непреодолимое желание сохранить связь поколений. Во главу угла ставится беспокойство за судьбу ребенка. Оно страшит от навязчивого экзистенциального кризиса, и благодаря ему автор выходит на прямое высказывание: «Не жаль, что мы умрем, жаль, что умрут наши дети». В контексте книги это высказывание звучит как слегка завуалированное осуждение христианства, где Бог способен пожертвовать своим сыном ради того, чтобы люди начали верить в него.

Не страшно, что когда-нибудь уйдем,
весь ужас в том, что смертны наши дети.

Если в первой части, куда вошли новые тексты, автор позиционировал себя человеком, который пытается запугать смерть, то и дело нарываясь на нее, то во второй — «Исправленному — верить» — он вступает в острый конфликт с социумом, несколько не меняя манеру своего поведения. Игорь Панин противостоит обществу так же ретиво, как противостоял смерти в предыдущей части. Поменяй главы книги местами, сначала поставь столкновение с обществом, а потом — со смертью, то эффект был бы другим. Можно было бы подумать, что именно неприятие людей довело его до осознания неминуемости смерти. Но в данном случае суть переворачивается, вернее, выворачивается наизнанку. Смерть как таковая расслаивается, дробится на тысячи тысяч языческих божков, которым поклоняются иные — противоборствующие — племена. Она рядится в *записные гомеры, дурачье* и прочую мерзость, а потому по-прежнему остается единственным, хоть и многоликим объектом авторской агрессии.

От внутренней зажатости возникает некая «вынужденность письма», та самая, которая по своему содержанию граничит с репликой: не хочу писать, но не писать не могу, будто автор сочиняет стихи из-под палки, пересиливает себя, имитируя побег от природной лени. За счет этого возникает «барская вальяжность» строк, они будто переваливаются с ноги на ногу, заставляя читателя умерить пыл и предаться обломовской неторопливости.

Междустрочье прочитано между делом,
изо рта не текло, хоть мозги буравило;

толковать бы взялся, чтоб рука не зудела,
только лень нарушать негласные правила.

Долго ли, коротко ли — все одно,
если повествование идет по плану.
Без меня уж решили, кто тут г...но,
кому — по этапу, кому — в нирвану.

В третьей части книги размещены две поэмы: хорошо известная читателям «Австралия» и совершенно новая «Медведь».

«Австралия» писалась еще в середине нулевых годов и фактически предсказывала гибель европейской цивилизации от «нашествия саранчи» — восьмой казни египетской, под которой подразумевалось чрезмерное увеличение потока беженцев и мигрантов.

В прошлых публикациях под заголовком указывался жанр произведения: «поэма-утопия». В новой редакции автор отказывается от этого уточнения, считая свои предсказания уже почти сбывшимися. А ведь действительно, каких-то лет десять-пятнадцать назад панинская «Австралия» воспринималась как детская страшилка, написанная человеком светлым, сеющим ненужную панику. Сегодня мы видим, какие события то и дело не сходят с первых страниц новостных порталов, описывая нынешнее положение дел во Франции, Германии, Англии, да и в России тоже.

Поэма бессюжетна. Это, по сути, реплика от лица народа, который с давних времен безмолвствовал, но теперь, доведенный до отчаяния, готов изойтись криком. Реплика подкреплена историческими фактами, рассказывающими о причинах гибели некогда могущественных цивилизаций. В последней части поэмы прославляется «Австралия» как единственный континент, способный приютить жителей Европы.

Здравствуй, Австралия, цветущая страна.
Славься, последний форпост свободы.
По морям, островам, по трущобам сна
собирай народы.

Вырисовывается жанр книги: предапокалипсис. Неминуемость смерти (почти по Блоку — сумрак неминуемый) достигает своего апогея. В первой части раскрывалась проблема личности, во второй — общества, а в третьей уже — цивилизации.

Завершает книгу поэма с открытым финалом «Медведь». Сюжет: когда-то давным-давно шатун задрал деток вдовца. Обезумевший мужик, вооружившись рогатиной и ножом, поселяется в лесу с целью вырезать всех медведей округи. Шатун уже давно помер, а мужик все мстит и мстит, *лишь надеждой жив, что в неведом год изведет под корень медвежий народ.*

Медведи собираются на сход и решают отправить своего сородича — *матерого самца Рваное Ухо* — на битву с мужиком, дабы хоть как-то урезонить его безумство. О результате этой битвы, впрочем, как и о самой битве (состоялась ли она?), автор ничего не пишет, оставляя возможность читателю сделать свой собственный вывод. Медведи не убегают в «Австралию». Остаются в лесу, у себя на родине. Поэма придерживается тематики предыдущей, только предрекается не уничтожение цивилизации, а гибель целых родов, что, в общем-то, почти одно и то же.

Дмитрий АРТИС

Архимандрит Августин (НИКИТИН)

РОССИЯ И ЗАПАД

Об отношении Православной церкви к инославным вероисповеданиям

Часть 2

ПРАВОСЛАВНО-КАТОЛИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ. СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Домонгольская эпоха

Приняв христианство от Византии, Киевская Русь не стремилась отгородиться от Европы и продолжала поддерживать отношения с Западом. В год Крещения Руси (988 г.) к князю Владимиру прибыли посланцы от папы римского Иоанна XV (985—996) и привезли мощи из Рима. И хотя в эту пору уже были некоторые различия в вероучении и обрядах Западной и Восточной церквей, это не препятствовало сохранению христианского единства. Установив тесные отношения с Константинопольской церковью, Киевская Русь тем не менее опасалась впасть в политическую зависимость от Византии. Это создавало благоприятную почву для дальнейших контактов с Западом.

Еще в 959 году, уже приняв крещение в Царьграде (ок. 957 г.), великая княгиня Ольга просила германского императора Оттона I Великого прислать ей священников: она была тогда в неладах с византийским императором. Оттон отозвался на просьбу княгини и послал в Киев епископа Адалберта. Такие визиты были и в дальнейшем: прибытие папских послов к великокняжескому двору отмечается в русских летописях под 991 и 1000 годами. В 1007 году в Киеве был радушно принят будущий «апостол Пруссии» святой Бруно (ок. 970—1009), в то время успешно распространявший христианство среди печенегов.

Отзвуком былого влияния Римско-католической церкви на Руси служат, в частности, жития святых, переведенные с латинского языка и имевшие хождение в русской житейной литературе — св. Бенедикта Нурсийского, Анастасии Римлянки, св. Витта и др.

Православно-католические отношения своими истоками восходят к эпохе Крещения Киевской Руси. Особый интерес в этом отношении представляют международные династические связи киевских князей, поскольку такого рода брачные союзы заклю-

---

Архимандрит Августин (в миру — Дмитрий Евгениевич Никитин) родился в 1946 году в Ленинграде. Окончил физический факультет Ленинградского государственного университета. В 1973 году принял монашеский постриг с именем Августин. Пострижен в монашество митрополитом Никодимом в Благовещенской церкви его резиденции в Серебряном Бору в Москве. В 1974 году рукоположен во иеродиакона и иеромонаха. Окончил Санкт-Петербургскую духовную академию, преподаватель, доцент Санкт-Петербургской духовной академии.

чались с ведома и по благословию высшей церковной иерархии обеих стран. Так, в 1048 году французский король Генрих I (1031—1060) решил породниться с князем Ярославом Мудрым (1015—1054) и с этой целью направил в Киев посольство во главе с Савояром, епископом города Мо. Древнерусские письменные источники сообщают, что у Ярослава была дочь Анна, которая родилась в 1032 году; именно под этим годом в «Повести временных лет» сообщается, что у киевского князя «родилась дочь»¹.

Венчание Анны и Генриха I состоялось в 1049 году в традиционном месте коронации французских королей — в Реймсе. В рукописном собрании Парижской национальной библиотеки хранится документ, относящийся к этому времени, в котором сообщается о бракосочетании Анны с Генрихом I. Сведения об этом содержатся и в рукописи XV века — в так называемых списках «святого дня» из хроники французского короля Генриха I, в которой сообщается о его женитьбе на Анне². (Эти рукописные документы демонстрировались в 1960 году в Париже на выставке «Тысяча лет франко-русских отношений».)

В 1053 году у Анны родился первенец — будущий король Франции Филипп I. Будучи королевой Франции, Анна оставалась верной дочерью Православной церкви. Раскол 1054 года между Римом и Константинополем еще в течение нескольких десятилетий не затрагивал повседневных отношений между христианами, принадлежавшими к восточной и западной традициям. В 1059 году папа Николай II написал королеве Анне письмо, с похвалой отзываясь о ее набожности и благотворительности³.

В 1060 году Генрих I умер, и семилетний Филипп I вступил на французский престол, а Анна была объявлена регентшей. С этого времени на протяжении ряда лет в документах, исходивших из королевской канцелярии, Анна подписывалась совместно со своим сыном — королем Филиппом I. Такова, например, дарственная грамота аббатству Сен-Дени от 1060 года с двумя подписями — короля Филиппа I и его матери: *Agnae Reginae*⁴. К 1061 году относится другой документ с подписью Анны Ярославны — грамота, пожалованная Филиппом I аббатству Сен-Крепен⁵.

В Парижской национальной библиотеке хранится грамота Филиппа I Суассонскому аббатству от 1063 года с двумя подписями, из которых одна (в виде креста) принадлежит ему самому, а другая — его матери Анне. Ее подпись состоит из двух слов славянскими буквами: «Ана Рънна»⁶. Последний документ, подписанный Анной совместно с сыном, королем Филиппом I, датируется 1075 годом. Это грамота, пожалованная монастырю в Пантелевуа.

В 1060 году, после смерти Генриха I, Анна жила в замке Санлис, который был ее личной резиденцией. Близ замка на ее средства были построены церковь и женский монастырь в честь св. Винцента. На портале церкви было помещено скульптурное изображение Анны во весь рост с маленьким храмом в руках, который она подносила Господу. Подпись под изображением гласила, что Анна «возвратилась в землю предков». Это неясное выражение дает основание предполагать, что Анна к концу жизни возвратилась в Киев, где жила, по тогдашним обычаям, в монастыре до конца своих лет. Если это так, то ее отъезд из Франции состоялся не ранее 1075 года. Но вполне возможно, что она оставалась в Санлисе, и 1075 год является датой ее кончины. Но как бы то ни было,

¹ На фреске, сохранившейся в Киевском Софийском соборе, Анна изображена вместе с матерью и сестрами. См.: Кулинич Д. Д. Анна Ярославна, королева Франции // Вопросы истории, 1967, № 2. С. 217. См. также: Безобразов П. В. О сношениях России с Францией. М., 1892. С. 1.

² Белов Г. А. Тысяча лет франко-русских отношений // Исторический архив, 1960, № 5. С. 174.

³ Тимирязев В. А. Французская королева Анна Ярославна // Исторический вестник, январь, 1894. С. 205.

⁴ Там же. С. 209.

⁵ Белов Г. А. Указ. соч. С. 174. (Эта грамота хранится в Национальной библиотеке в Париже.)

⁶ Тимирязев В. А. Указ. соч. С. 209.

память об Анне Ярославне сохранялась во Франции на протяжении многих столетий. Монастырь, основанный ею в Санлисе, существовал до 1789 года, и монахини, принадлежавшие к августинскому ордену и подвизавшиеся в этой обители, ежегодно в день смерти королевы Анны служили заупокойную обедню в память об основательнице обители⁷.

Разрыв Рима с Константинополем (1054 г.) не создал непреодолимой пропасти между Востоком и Западом. Русские православные христиане издревле ощущали неестественность церковного разрыва между Римской и Константинопольской церквями. Еще митрополит Киевский Иоанн II после раскола 1054 года писал римскому папе Клименту III: «Не вем бо, кий бес, лукав же и завистлив и истине враг и благочестия супостат, яже... братскую вашу и нашу любовь пременив, отверже всякого христианского совокупления...»⁸

В повседневных отношениях русских христиан с западными по-прежнему проявлялись добрые чувства. В 1091 году киевский митрополит отправил в Рим посла и с благоговением принял в дар присланные оттуда мощи святых. В 1106 году в Новгород с Запада прибыл Антоний Римлянин. Он основал на берегу Волхова монастырь. Принадлежность Антония Римлянина Западу не помешала причислить его на Руси к лику святых. Веротерпимость бытовала не только в Киевской Руси, но и на Афоне. На Святой горе в монастыре Амальфи жили насельники западного обряда. Подпись игуменов этой обители встречается в афонских грамотах в течение нескольких десятилетий после 1054 года.

Запад и Киевская Русь в домонгольскую эпоху

На Руси веротерпимость бытовала и в последующее время. Стоявший на оживленном торговом пути «из варяг в греки», **Новгород** издавна был крупным центром православного-католического общения. Немецкие и скандинавские купцы подолгу жили в Новгороде, и в XII веке здесь уже были построены католические храмы Св. Олафа и Св. ап. Петра. В Ладоге — городе, стоящем, как и Новгород, на берегу реки Волхов, также была римо-католическая церковь Св. Николая.

В Новгороде православные жители даже иногда крестили своих детей в католических храмах, за что на них все же налагалась шестинедельная епитимья, «занеже двоверци суть». Об этом упоминалось в первой половине XII века в известном «Вопрошании Кирика»⁹. С другой стороны, там также бывали случаи и обращения католиков в православие, поскольку уже к этому времени относятся подробные правила насчет того, как присоединять «латинян» к Православной церкви¹⁰. К этому времени относятся и первые попытки богословского диалога Киевской Руси с Римом.

В середине 1160-х годов папа Александр III (1159—1181) послал на Русь епископа, чтобы выявить разности католического и православного вероучения. Но тогдашний киевский митрополит Иоанн IV (1164—1166) не стал вести с папским посланцем «прений о вере». В своем послании папе он советовал тому обратиться по вероучительным вопросам к патриарху Константинопольскому, в чью юрисдикцию входила тогда Киевская Русь. «И подобает твоему священству, — писал он папе Александру, — к пат-

⁷ Тимирязев В. А. Указ. соч. С. 206.

⁸ Цит. по кн.: Русская Православная Церковь. М., 1980. С. 170.

⁹ Памятники российской словесности XII века. С. 209—211. Цит. по: Толстой Д. А. Римский католицизм в России. Т. 1. СПб., 1876. С. 5.

¹⁰ Вопросы черноризца Кирика, предложенные новгородскому епископу Нифонту и другим духовным особам с их ответами // Калайдович К. Памятники российской словесности XII века. М., 1821. С. 175, 202.

риарху Константинограда, и *твоему брату по духу*, послати и всякое тщание показати, да разрушатся соблазны и во едино нам единение быти и възглаголане духовно».

Раскол между Римом и Константинополем мог бы стать лишь одним из эпизодов в истории отношений двух поместных церквей, которые и в прежние века по разным причинам нередко прерывали отношения. Но это разделение Церквей стало необратимым и переросло в реальный раскол между Востоком и Западом в начале XIII столетия. Это произошло во время IV крестового похода (1204 г.), когда крестоносцы-католики в силу целого ряда причин напали на столицу Византии — Константинополь. Усугубившийся раскол побудил русских христиан строже подходить к тем церковным традициям, которые могли быть привнесены в жизнь Русской православной церкви с Запада.

Это наглядно проявилось в 1248 году, когда папа Иннокентий IV (1243—1254) прислал двух кардиналов к великому князю Александру Невскому. В послании, которое привезли с собой папские легаты, Иннокентий предлагал русскому князю перейти в юрисдикцию Римско-католической церкви. «Мы не знаем истинное учение Церкви, — ответил Александр папе, — а вашего не приемлем»¹¹.

Можно предположить, что беседа между великим князем и папскими послами отнюдь не сводилась к этой фразе. В рукописном Житии великого князя Александра Невского, которое хранилось в библиотеке Санкт-Петербургской духовной академии, имелась отдельная глава под названием «Исповедание веры святого Александра Невского». Здесь кратко перечислялись различия в вероучении и традициях Римско-католической и Православной церквей. Основным считалось то, что «латиняне» совершают литургию на пресном хлебе (опресноках); они также обвинялись в «непоклонении святым образам»¹² (что было уже несправедливо, поскольку родина иконоборческой ереси — Византия).

Вряд ли это «Исповедание» принадлежит самому князю Александру Невскому. Но в историческом отношении оно представляет интерес, так как отражает то отношение к Церкви Запада, которое сложилось на Руси в XIII веке. В домонгольскую эпоху на Руси распространялись и другие полемические сочинения «о вере латинской». Но в своей основе они были сходны между собой: авторы обращали внимание на внешние обрядовые отличия, не затрагивая глубоко вероучительные вопросы.

Жители новгородских земель остались верны православию, но тем не менее следы былого влияния католичества сохранились в живописи некоторых новгородских храмов. Так, например, в древнем новгородском храме Спаса-Нередицы имелась фресковая роспись, где изображен, в частности, святой Западной церкви — Бенедикт Нурсийский (ум. в 547 г.), основатель католического ордена бенедиктинцев, а рядом с ним — почитавшийся на Западе св. Алексей, человек Божий. Фресковые изображения св. Бенедикта нечасто встречаются даже на Западе, они характерны только для бенедиктинских обителей¹³.

Соседство фресок святых Алексея и Бенедикта в новгородском храме говорит о многом. Основным центром почитания св. Алексея на Западе был римский монастырь св. Бонифатия на Авентинском холме, где совместно с бенедиктинцами жили и греки, покинувшие Византию во время иконоборческих гонений. Отсюда, с Авентинского холма, бенедиктинские миссионеры и несли далее традицию почитания св. Алексея, имевшую в романскую эпоху ограниченное распространение.

¹¹ Толстой Д. А. Указ. соч. С. 6.

¹² Там же. С. 8—9.

¹³ Dubler E. Das Bild des hl. Benedikt bis zum Ausgang des Mittelaltars. St. Ottilien, 1953; Aurenhammer H. Lexikon der christlichen Ikonographie, 4 Lfg. Wien, 1962. S. 321.

О многом говорит и эпиграфика Спасо-Нередицкого храма. Так, около фигуры св. Бенедикта имеется надпись «БЕНЪДИКОС»¹⁴. Как известно, начальное «Б» является латинизмом, не свойственным для русской среды¹⁵; в русских святцах св. Бенедикт упоминается как преподобный Венедикт. Другим подтверждением того факта, что замысел фресковой композиции, а возможно, и ее исполнение принадлежали члену ордена бенедиктинцев, является надпись, помещенная около фигуры св. Алексея, чело- века Божия. И действительно, надпись «АЛЪКОСА» не свидетельствует о хорошем знании русского языка нередицким фрескистом, тем более что в XII веке имя Алексей уже бытовало в Новгороде (Олекса, Олькса).

Быть может, известную роль в появлении бенедиктинцев в Новгороде сыграли миссионеры, действовавшие в соседней Эстонии, в частности, община бенедиктинца Фюль- ко, эстонца по происхождению, прошедшего новициат в Труа и Реймсе и около 1165 го- да возвратившегося на родину в сане епископа¹⁶.

Скудость исторических данных не дает возможности выяснить подробности о роли бенедиктинской миссии в Новгороде. Между тем заслуживает внимания содержание русских месяцесловов: если в Остромировом Евангелии св. Бенедикт вообще не упо- минается, то во Мстиславовом Евангелии, богослужебной книге княжеской резиденции Новгорода, он фигурирует не только на день 14 марта, когда это принято в Восточной церкви, но и 21 марта, в день, когда его чествуют в Западной церкви. Ничего подоб- ного в других русских рукописях не встречается. И если учесть, что, по мнению ака- демика А. И. Соболевского, Мстиславово Евангелие писалось в Киеве, то выявляется второй путь западного влияния на Новгород.

Католики появились в **Киеве** довольно рано. Бенедиктинцы пришли в Киев вместе с купцами, завязавшими торговые связи между Регенсбургом и древним городом на Днепре в начале XII века. Бенедиктинцы, жившие на Руси, занимались духовным окорм- лением обитателей западных купеческих колоний. В середине XII века в Киеве был учрежден бенедиктинский монастырь, заселенный выходцами из шотландского аб- батства Вены и подчиненный ему административно¹⁷. В Никоновской летописи под 1174 годом записано, что великий князь киевский Ярослав Изяславич обложил всех жителей Киева данью, и в том числе «латыню, живущую в Киеве».

Католическая община в Киеве не была единственной; к числу наиболее древних католических храмов Киева, о которых сохранились письменные свидетельства, от- носится доминиканский храм во имя Пресвятой Девы Марии, существовавший между 1222 и 1242 годами в окрестностях Софийской улицы. Несмотря на то, что в 1233 го- ду доминиканцы вынуждены были покинуть Киев, храм Пресвятой Девы Марии про- должал свое существование. Это следует из содержания охранной грамоты (подорож- ной), выданной аббатом бенедиктинского кляштора в Вене 4 января 1242 года двум монахам, бежавшим из кляштора Пресвятой Девы Марии на Руси (*de clauastro S. Mariae in Ruscia*) после того, как Русью овладели татаро-монгольские войска¹⁸. Скорее всего, этот храм был деревянным; он простоял в Киеве около 20 лет. Вероятно, он был сожжен татаро-монголами при взятии Киева. Католики жили и в других землях Киевской Руси.

¹⁴ Мясоедов В. К., Сычев Н. П. Фрески Спаса-Нередицы. Л., 1925. С. 24; Орлов А. С. Библиография рус- ских надписей XI—XV вв. М.; Л. 1952. С. 79.

¹⁵ Соболевский А. И. Жития святых в древнем переводе на церковно-славянский с латинского языка. СПб., 1904. С. 39.

¹⁶ См.: Труммал В. К. Русско-эстонские отношения от IX до начала XIII в. Тарту, 1955 (машинопись канд. диссертации).

¹⁷ Schmitz Ph. Histoire de l'ordre de S. Benoit. Т. 3. Maredsous, 1948. P. 143. Этот монастырь существовал вплоть до начала татаро-монгольского нашествия в 1241 году.

¹⁸ Erben. Regesta diplomatica nec non epistolaria Bohemiae et Moraviae. Т. 1. Praga, 1855. P. 502.

Татаро-монгольское иго надолго замедлило развитие церковной жизни в киевских землях, что сказалось и на местных католических общинах.

Совместное проживание в Киеве православных христиан и католиков было благотворным для развития и повышения богословского уровня верующих, принадлежавших к обоим вероисповеданиям. Православные и католические богословы, участвовавшие в диспутах, могли более наглядно выявлять особенности своих вероисповедных систем. Эта практика складывалась, по-видимому, уже в XII—XIII веках; в рукописном сборнике под названием «Просветитель литовский» (XIV в.) об этом говорится следующее: «Ныне слышим в Руси Киевской от мудрых и ведущих челоуцех составляют ответы на всякия ереси от божественных писаний и от того всяк знает и ведает, и учится, что с ними говорити, и ответ дати иноверцом от божественных писаний о своей православной вере; понеже у них в земли много людей и всяких вер и тому у них учатся от младенчества»¹⁹.

В домонгольскую эпоху существовали тесные связи между Киевом и Новгородом, и оба древних духовных центра православия подвергались определенному влиянию Западной церкви. Это влияние, проявлявшееся в различных аспектах духовной жизни Древней Руси, творчески воспринималось и перерабатывалось русскими православными христианами, что способствовало лучшему взаимопониманию и сближению между Востоком и Западом — процессу, успешно развивавшемуся в ту далекую эпоху и прерванному после татаро-монгольского нашествия.

Русская православная и Римско-католическая церкви в XIV—XV веках

Очередная попытка богословского диалога была связана с усилением русско-шведского соперничества. В 1348 году шведский король Магнус Эриксон отправился на Русь с очередным походом, причем, как и в прежние времена, одной из его целей было распространение католичества в русских землях. Он предложил новгородцам богословские прения, с тем чтобы то исповедание, которое окажется истинным, было принято обеими сторонами. Магнус настаивал на том, чтобы новгородцы прислали своих «княжих людей» участвовать в диспуте с католическими богословами. Но архиепископ Новгородский Василий после совета с посадником, тысяцким и всеми новгородцами ответил Магнусу: «Ежели хочешь уведать, которая вера лучше — наша или ваша, пошли в Царьград к патриарху, потому что мы приняли православную веру от грек, а с тобою о вере не спорим; а ежели есть какая обида между нами, то о том пошлем к тебе на съезд»²⁰.

Получив отказ, Магнус собрал значительное войско и летом 1348 года пришел к истокам Невы. Здесь он осадил Орешек и взял его, а шведские миссионеры стали обращать православных жителей округи в католичество. Но вскоре новгородцы справились со шведами и вытеснили их из Орешка²¹.

Примечательно, что военно-политическое соперничество не приводило к конфессиональной вражде, и в церковном обиходе русские христиане охотно пользовались товарами, доставлявшиеся западными купцами. Так, использование заморского сукна для церковных потребностей было настолько широко распространено, что даже пришлось вводить некоторые ограничения: «А одеяние потребно имати у игумена обычное, а не немецких сукон»²², — сказано в одной из грамот Снетогорского монастыря (XVI в.).

¹⁹ Толстой Д. А. Римский католицизм в России. Т. 1. СПб., 1876. С. 14.

²⁰ Беляев И. История Новгорода Великого. М., 1864. С. 125.

²¹ Ордин К. Покорение Финляндии. Т. 1. СПб., 1889. С. 33.

²² Бережков И. О. О торговле Руси с Ганзой до конца XV века. СПб., 1879. С. 160.

В XIV—XV веках в Новгород поступало вино, которое предназначалось для церковных потребностей. На пути в русские города заморское вино перегружалось на немецкие корабли, после чего доставлялось в Новгород, который, в свою очередь, был основным транзитным портом, откуда заморское вино развозилось по многим епархиям. «Вина, особенно красные, необходимые для совершения литургии, составляли важную статью немецкого привоза; этим вином из Новгорода и Пскова снабжалась вся северо-восточная Русь, как из Киева — западная»²³, — писал в XIX веке отечественный исследователь М. Бережков. Из Новгорода в Западную Европу также вывозились различные товары, в том числе и воск. Свечи из воска требовались в больших количествах для богослужений как в православных, так и в католических храмах. «Так как культ Католической Церкви потреблял громадные количества воска, то торговля этой статьей пользовалась в тогдашнее время большим значением и поэтому неудивительно, что в немногих указаниях на немецко-русские товары мы замечаем этот предмет преобладающим»²⁴, — писал другой русский историк в конце XIX века.

Заготовкой воска для нужд Римско-католической церкви занимались не только новгородцы. Так, в договоре Новгорода с ганзейскими городами, заключенном в 1342 году, в качестве поставщиков воска называются «низовцы», то есть жители Средней Волги, Оки, Муромской и Рязанской земель и карелы²⁵. В начале XIV века во Фландрию русский воск обычно доставлялся накануне Пасхи; купцы закупали его там для дальнейшей продажи в Англию²⁶.

Новгород и Псков, как города, находившиеся в постоянных отношениях с ганзейскими городами и притом близкие к Литве, Ливонии и Швеции, имели более тесные связи с католическим Западом, чем другие города Северо-Восточной Руси. Для того чтобы помочь жителям Новгорода и Пскова защищать верность православию, в эти города иногда приезжали епископы из других епархий. Так например, в 1382 году Константинопольским патриархом Нилом в Новгород и Псков был прислан суздальский епископ Дионисий, который с разрешения местного епископа поучал народ, дабы «Бог укрепил их от соблазнов последняя лета, не смущены от ересей»²⁷.

В XV столетии в Новгороде по-прежнему имелся католический храм, но уже более просторный, чем ранее. В 1416 году с разрешения новгородских посадников иностранные гости построили на своем дворе на Славинской улице церковь, или, как говорит летописец, «божницу велию зело (очень большую. — *Авт.*)». Они даже наняли местных православных художников, чтобы написать на внешней южной стороне церкви образы Спасителя и св. апостолов Петра и Павла в православном византийском стиле²⁸.

Католическое влияние в русских землях шло из Рима. Сохранились две грамоты от 1418 года, которыми папа Мартин V назначил короля польского Владислава Ягеллона и великого князя литовского своими генеральными викариями в русских областях, обязав их употребить все силы для соединения Восточной церкви с Римско-католической, и обратить особое внимание на Новгород и Псков²⁹.

К началу XV века Русская православная церковь по-прежнему не имела самостоятельного управления, находясь в зависимости от Константинопольского патриархата. В те годы Византия клонилась к упадку, и, стремясь получить военную помощь от Западной Европы, император Иоанн VIII Палеолог настоял на том, чтобы Константи-

²³ Там же. С. 162.

²⁴ Никитский А. И. История экономического быта Великого Новгорода. М., 1893. С. 165.

²⁵ Хорошкевич А. Л. Торговля Великого Новгорода в XIV—XV вв. М., 1963. С. 127.

²⁶ Там же. С. 122.

²⁷ Цит. по: Толстой Д. А. Римский католицизм в России. Т. 1. СПб., 1876. С. 15.

²⁸ Там же. С. 15.

²⁹ Там же. С. 16.

нопольская церковь заключила унию с Римом. Флорентийская уния 1439 года определила новую эпоху истории отношений Русской православной церкви с Римско-католической. Постановления унии были отвергнуты в Московской Руси, в конечном счете это привело к обретению самостоятельности Русской православной церковью. В 1448 году она стала автокефальной.

Во второй половине XV века была предпринята очередная попытка к возобновлению православно-католического диалога. К этому времени Москва стала «третьим Римом», после того, как в 1453 году под натиском турок пал «второй Рим» — Константинополь. Последний византийский император Константин XI Палеолог погиб во время осады, но его племянница София (Зоя) переехала из завоеванной Византии в Рим, где была воспитана «в духе решений Флорентийского собора».

Тогдашний папа Павел II способствовал женитьбе московского великого князя Ивана III (1462—1505) на племяннице византийского императора. По случаю этого брака (1472 г.) вновь пробудились надежды Рима на возобновление унии 1439 года. Перешедшая в Риме в католичество, Софья (Зоя) могла открыть пути влияния католичества при дворе московского князя. В Россию был послан состоявший при Софье папский легат Антонио Бонумбре. Одной из его задач было расположить великого князя и духовенство к союзу с Римско-католической церковью. В связи с этим в Москве был проведен богословский диспут, но «состязание в вере» папского легата с русским духовенством окончилось безрезультатно. Что же касается царевны Софьи, то по прибытии в Москву она сразу зарекомендовала себя безупречно православной.

И хотя достижение вероисповедного единства не состоялось, с тех пор между Римом и Москвой установились дипломатические отношения. Гостями папы бывали члены посольства Толбузина (1475 г.), братьев Ралевых (1488 г.), Д. Ралева и М. Карачарова (1500 г.), Юрия Траханиота и др.

Россия и католический Запад в XVI столетии

Попытки привлечь русских христиан к унии предпринимались Римом и в начале XVI века. В 1518 году папа Лев X отправил в Москву доминиканского монаха Николая Шомберга с поручением убедить великого князя Василия III (1505—1533) принять Флорентийскую унию 1439 года и в союзе с рядом европейских государств выступить против турок. Льву X был дан ответ через магистра немецкого ордена Альбрехта. Великий князь поручил своему послу Замьцкому так ответить на папское предложение: «Государь наш хочет быть с папою в дружбе и согласии; но так как он, с Божиею волею, держал всегда крепко полученный от прародителей своих закон греческий, так и ныне, с Божиею волею, намерен закон свой держать крепко»³⁰.

Окончились неудачей подобные посольства, отправленные из Рима в Москву в 1519, 1521 и 1525 годах³¹.

В 1517 году в немецких землях началась Реформация, которая за короткое время охватила ряд стран Европы. Для того чтобы противодействовать идеям Мартина Лютера, в 1545 году был созван Тридентский собор, заседавший с большими перерывами до 1563 года. При созыве очередной сессии собора в 1550 году папа Юлий III отправил в Москву посольство с целью убедить царя Ивана IV Грозного содействовать соединению Церквей.

В 1561 году, при папе Пие IV, в Москву направился папский посланец Канобио. Как и прежде, он вез русскому царю приглашение для духовенства принять участие в ра-

³⁰ Там же. С. 18.

³¹ Там же. С. 19.

боте Тридентского собора. Но поскольку в это время шла война России с Польшей, Сигизмунд Август отказался пропустить Канобия в московские земли. В том же году папа пытался (неудачно, по той же причине) отправить в Москву другого посланца — Джиральди. Джиральди поручалось убедить царя отправить в Рим посольство и послать молодых людей в римские коллегиумы. О противодействии Польши разбились попытки установить отношения между Москвой и Римом в 1570, 1576, 1580 годах.

Диалог с Антонием Поссевино (1580—1582). Однако вскоре обстоятельства снова сложились благоприятно для Рима. Доведенный до крайности в войне со Стефаном Баторием, Иван Грозный отправил в Рим Истому Шевригина просить папу о посредничестве для заключения перемирия (1580 г.). Русского посла принимали в Риме с особым гостеприимством. В соборе Св. апостола Петра он посетил новопостроенный придел для мощей св. Иоанна Златоуста и св. Григория Богослова. В Риме он побывал в коллегиуме, где греки постигали западное богословие, как бы свидетельствуя о единении обеих Церквей³².

Прибытие русского посольства в Рим было для папы полной неожиданностью. Григорий XIII даже велел справиться в архивах, когда московские послы приезжали в Рим в последний раз. Оказалось, что в 1525 году к папе Клименту VII приезжал посол от великого князя Московского Ивана Васильевича. После этого в течение 50 с лишним лет посольств из Москвы не было³³.

В 1581 году, когда Истома Шевригин отправился обратно в Россию, вместе с ним с ответным визитом был направлен член «Общества Иисуса» Антоний Поссевин (Поссевино) (1534—1611)³⁴. Миновав литовские земли, Антоний прибыл в Старицу, где тогда находился Иван Грозный. Папский посланец был встречен с большим почетом: царь видел в нем единственного посредника в примирении со Стефаном Баторием.

Ожидая, что Поссевин еще по пути в Старицу будет заводить религиозные споры с русскими приставами, чтобы склонить их к католичеству, царь дал им такой наказ: «Если посол станет задирать и говорить о вере, греческой или римской, то приставу отвечать: грамоте не учивался, да не говорить ничего про веру»³⁵.

Во время аудиенции Поссевин вручил Ивану Грозному грамоту папы, в которой Григорий XIII убеждал русского царя войти в церковное общение с Римом. К грамоте был приложен текст Флорентийской унии 1439 года. Со своей стороны Антоний Поссевин предлагал царю принять решения Тридентского собора как полное выражение догматов обеих церквей — Римско-католической и Православной.

Быть может, повод к этому дал сам Иван IV. В письме к Стефану Баторию, доказывая свои права на Ливонию, царь писал: «Твои вельможи оспаривают у меня всю Ливонию на том основании, что она входит в состав Римской Церкви, а не Греческой, как Московское государство, а потому не могут счастливо управлять ею два государя (то есть разных исповеданий. — *Авт.*). Но Греческая и Римская Церковь не враждебны друг другу. В 6947 (1439) году греческий император Иоанн Мануилович и Цареградский патриарх Иосиф вместе с папой римским Евгением признали в Риме, что греческое и римское вероучение одно и то же»³⁶.

Более того, Иван IV предвидел, что папский посол будет настаивать на переговорах о вере, и поэтому еще в Старице царь предложил Поссевину письменно изложить основ-

³² Там же. С. 32.

³³ Дахнович С. Иезуит Антоний Поссевин // Труды Киевской Духовной Академии, 1865, № 1. С. 129.

³⁴ Подробнее о деятельности Антония Поссевино см. в: Дахнович С. Указ. соч., 1865, январь. С. 101—138, февраль. С. 229—276, март. С. 373—418.

³⁵ Указ. соч., февраль. С. 238.

³⁶ Там же. С. 236.

ные отличия католического и православного вероучения. Это было сделано для того, чтобы дать возможность русским богословам, с которыми пришлось бы спорить Поссевину, обсудить эти различия и дать обоснованные ответы. С этой же целью царь пригласил в Москву из других городов нескольких епископов, которые вместе с митрополитом Московским должны были обдумать общий план защиты православной веры³⁷.

1 сентября 1581 года Поссевин подал Ивану IV записку, в которой повторял свои предложения о соединении Церквей, подчеркивая, что уния предполагает сохранение восточного обряда для Православной церкви. 10 сентября Поссевину был дан уклончивый ответ; ему предлагалось сначала уладить русско-польский вопрос. Но все же царь обещал Поссевину дать ответ на его трактат о вере и написать папе о делах веры, — но только после того, как Поссевин возвратится из Польши после заключения перемирия.

Антоний Поссевин отправился к Стефану Баторию, причем в Москве в качестве заложников остались два его спутника — члены «Общества Иисуса». Поссевин составил для них особую инструкцию — как вести себя в Москве, о чем говорить с русскими христианами. Поссевин надеялся, что иезуиты смогут начать с москвичами «прения о вере», и поэтому в инструкции были представлены почти все отличия западных и восточных вероучений и обрядов. Это было, по существу, краткое догматико-полемическое сочинение³⁸.

Но Поссевин не учел специфики режима Ивана Грозного: в Москве иезуитов держали под стражей; было приказано не выпускать их из дома, где они были размещены, и не допускать никаких разговоров между ними и русскими³⁹. Антоний Поссевин предпринял активные усилия для улаживания военно-политических проблем, в результате чего 15 января 1582 года между Россией и Польшей было подписано перемирие сроком на 10 лет.

14 февраля 1582 года Антоний Поссевин приехал в Москву, намереваясь продолжить богословский диалог. Не желая входить в подчинение папе, Иван IV всячески уклонялся от ранее взятых на себя обещаний. Поссевину было сказано, что царь считает нежелательным вести собеседование о вере без представителей ученого духовенства⁴⁰. Но Поссевин проявлял настойчивость и пояснил, что переговоры имеют одну цель: показать сходство догматического учения обеих Церквей. А если при этом выявятся какие-либо противоречия, то необходимо их упразднить подобно тому, как это было сделано на Флорентийском соборе 1439 года. Ивану Грозному ничего не оставалось, как принять Поссевина, столь много сделавшего для заключения перемирия.

21 февраля такая встреча состоялась. Поссевин в сопровождении трех иезуитов пришел в тронный зал, где сидел царь. Началась беседа, которая продолжалась несколько часов⁴¹. В ответ на предложение Антония о заключении унии царь заявил, что не может обсуждать этот вопрос, не получив полномочий от митрополита и церковного собора. «Нам без благословения отца нашего и богомольца Дионисия митрополита и всего священного собора о вере говорить не пригоже»⁴² — таков был царский ответ. При этом царь добавил, что не желал бы продолжать прения о вере, чтобы не нарушить дружественные отношения, которые сложились у него с папой Григорием XIII⁴³. Поссевин пытался привести довод о том, что Флорентийская уния 1439 года признала несуществен-

³⁷ Там же, март. С. 374.

³⁸ Там же, февраль. С. 254–255, 258–261; март. С. 402–403.

³⁹ Там же, февраль. С. 262.

⁴⁰ Там же, март. С. 376–377.

⁴¹ Там же. С. 377–380.

⁴² Там же. С. 381.

⁴³ Подробнее о диалоге см.: Голстой Д. А. Указ. соч. С. 44–56.

ными различия между Восточной и Западной церквями. И если ранее сам Иван Грозный ссылался на это в своем послании к Стефану Баторию, то после заключения перемирия с Польшей он изменил свою позицию. «Ты говоришь, что вера греческая с римской — одна вера. Но на греков нам не указывай: они для нас не Евангелие. Мы веру держим истинную, христианскую, а не греческую»⁴⁴, — заявил Иван Грозный папскому дипломату.

На этом богословская часть аудиенции была завершена. Поссевин, поблагодарив царя за беседу, сказал еще несколько слов о вероучении, но со стороны Ивана IV комментариев не последовало. При отъезде Антония в Рим папского посланника провожали с таким же почетом, как и встречали. В качестве ответного шага был разрешен свободный приезд в Россию папским посланцам и венецианским купцам с их священниками, но без права проповеди и строительства церквей. Была отклонена и просьба Поссевина посылать русскую молодежь в римскую коллегию святого Афанасия на учебу.

Брестская уния (1596 г.). После захвата Византийской империи турками в 1453 году православный патриархат в Константинополе начал терять влияние в Восточной Европе. В результате Римско-католическая церковь активизировала процесс создания новой, подчиненной Риму Церкви восточного обряда (известна как Греко-католическая, или униатская, церковь) на территории преимущественно православных восточных и южных частей Речи Посполитой (объединенного государства Польши и Литвы). В 1596 году в Бресте (ныне на территории Белоруссии) рядом епископов Киевской митрополии была подписана Брестская церковная уния. Она заключалась в том, что православные Речи Посполитой переходили в подчинение папе римскому с сохранением своей литургической традиции. Значительная часть православных отказалась поддерживать унию, что привело к кровопролитным конфликтам на территории Речи Посполитой. Этот конфликт стал одной из причин, приведших к воссоединению Украины с Россией в 1653 году.

---

⁴⁴ Дахнович С. Указ. соч., март. С. 381.

Contents

Prose and Poetry

- Vladimir Shemshuchenko.** Poems • 3
Andrey Novikov. Gingerbread Governor. *Novel* • 6
Mikhail Sinelnikov. Poems • 98
Dmitry Voronin. To Berlin! *Short story* • 101
Yevgeny Witchenko. Poems • 109
Alexey Panograph. Three Bottles. *Short story* • 113
Izyaslav Kotlyarov. Poems • 119
Theodor Galperin. The Trajectory of Fate. *Short story* • 122
Dmitry Lensky. Poems • 132
Salavat Kadyrov. Poems • 134

Universe of Childhood

- Dmitry Birman.** Stories from Childhood • 136

Memory of Victory

- Irina Siletskaya.** Remember the Names of Your Children. *Short story* • 152
Lyudmila Tabakova. When Leaving, Leave the Light On... *Short story* • 158

Journalistic Writings

- Vladimir Vasilik.** Caution! Vlasovism • 162
Sergey Domoroschenov. Leningraders Starring in Arkhangelsk • 176

Criticism and Essays

- Tatyana Akulova-Konetskaya.** The Winner's Name is Valentina Chudakova • 183
Olga Glazunova. Scouts and Traitors: About Joseph Brodsky's Essay „Collector's Item“ • 189

Round Table

- Will the bond of time break up?** *Participants:* M. Amusin, D. Dragunsky, S. Drugov-eiko-Dolzanskaya, V. Elistratov, V. Kalmykova, V. Kantor, B. Kolonitsky, E. Krasnukhina, E. Kryukova, M. Kuraev, V. Pugach, V. Rybakov, O. Slavnikova, E. Stepanov, K. Frumkin, M. Chernyak, V. Shokhina, I. Shumeyko, Yu. Shcherbinina. *Materials of the Round Table were prepared by A. Melikhov and N. Grantseva* • 205

Petersburg Bookman

- Art of Reading.** *Marianna Dudareva.* Apophatic Path of Valery Dudarev (About Verses of Recent Years). **Territory of Memory.** *Konstantin Frolov.* „Ontology of Childhood“ by V. Pelevin, Read through Plato. **Reviews.** *Stanislav Aydiyanyan.* Andrey Bitov in the Frame of „Portrait of the Late Empire“. *Vera Kharchenko.* Weekdays of Bookseller. *Dmitry Artis.* Apocalypse is Near • 225

Pilgrim

- Archimandrite Augustine (Nikitin).** Russia and the West. *On the Attitude of the Orthodox Church Towards Non-Orthodox Religions. Part 2* • 244

Издатель: Общество с ограниченной ответственностью «Журнал „Нева“»
Адрес редакции: Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, 18
Почтовый адрес: 191186, Санкт-Петербург, а/я 9
Телефон: (812) 314-50-52
E-mail: nevaredaction@mail.ru; nevaredaction@yandex.ru

Сайт «Невы» в «Журнальном зале»: <http://magazines.russ.ru/neva>
Ресурс в сети Интернет: <http://nevajournal.ru>

Подписку на журнал «Нева» на территории РФ осуществляет агентство «Роспечать» по каталогу ОАО «Роспечать», подписной индекс 73276.

Свежие номера журнала, а также отдельные номера за последние годы можно приобрести:

в Санкт-Петербурге — в редакции журнала «Нева» (наб. р. Мойки, 18, тел. 312-49-23); **льготную подписку** можно осуществить непосредственно в редакции журнала (наб. р. Мойки, 18, тел. 312-49-23).

За рубежом подписку на журнал осуществляет АО «Международная книга» (117049, Москва, Большая Якиманка, 39, телефакс: (495) 230-21-17, 238-46-34).

Оптовая и мелкооптовая продажа: Санкт-Петербург, ООО «Журнал „Нева“», e-mail: officeneva@mail.ru

Почтовую рассылку отдельных номеров журнала и книг издательства журнала «Нева» на территории РФ осуществляет редакция. Заказ можно оформить на сайте издательства: <http://nevajournal.ru/book.html>

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-34950 от 15 января 2009 г.
выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций.
Учредитель: ЗАО «Журнал „Нева“»

Подписано в печать 27.04.2020. Гарнитура «Октава».
Формат 70×108 ¹/₁₆. Объем 16 печ. л. Печать офсетная.
Тираж 1500 экз. Заказ № 778
Издательство «Журнал „Нева“»

Отпечатано по технологии СТР
в Первой Академической типографии «Наука»
199034, Санкт-Петербург, 9-я линия В. О., 12/28